

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

А.И. Бастрыкин,

Председатель Следственного комитета Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор, генерал юстиции Российской Федерации

А.В. Федоров,

заместитель Председателя
Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской Федерации

А.А. Бессонов,

ректор Московской академии
Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева, доктор
юридических наук, доцент

О.Ю. Антонов,

проректор (по учебной
и научной работе) Московской
академии Следственного
комитета имени
А.Я. Сухарева, доктор
юридических наук, доцент

Ю.М. Антонян,

главный научный сотрудник
Всероссийского научно-
исследовательского института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки Российской
Федерации, Почётный
работник высшего
профессионального
образования Российской
Федерации

Л.В. Голоскоков,

ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского
отдела Московской академии
Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева, доктор
юридических наук, доцент

И.В. Groшев,

заместитель директора
по научной работе НИИ
образования и науки, доктор
психологических наук, доктор
экономических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки РФ

Р.А. Каламкарян,

ведущий научный сотрудник
сектора международно-
правовых исследований
Института государства
и права РАН, профессор
кафедры международного
права Российского
университета дружбы народов
(РУДН), доктор юридических
наук, профессор, лауреат премии
имени Ф.Ф. Мартенса (2007)

В.Н. Карагодин,

заведующий кафедрой
криминалистики
Екатеринбургского филиала
Московской академии
Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева, доктор
юридических наук, профес-
сор, Заслуженный юрист
Российской Федерации,
Почетный сотрудник
Следственного комитета
Российской Федерации

А.Н. Кузбагаров,

заведующий кафедрой
гражданского права
Северо-Западного филиала
Российского государственно-
го университета правосудия,
доктор юридических наук,
профессор

Р.А. Курбанов,

директор НИИ «Институт
правовых исследований
и региональной интеграции»
РЭУ им. Г.В. Плеханова,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской
Федерации

Е.Л. Логинов,

профессор департамента
мировой экономики
и международных финансов
Финансового университета
при Правительстве
Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор РАН

И.М. Мацкевич,

ректор Университета
прокуратуры Российской
Федерации, доктор
юридических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки Российской
Федерации, Почётный
работник прокуратуры
Российской Федерации

Г.Б. Мирзоев,

ректор Российской академии
адвокатуры и нотариата,
президент Гильдии
российских адвокатов,
президент Международной
ассоциации русскоязычных
адвокатов, доктор юридических
наук, профессор,
Заслуженный юрист
Российской Федерации

В.С. Осипов,
заведующий кафедрой
мировой экономики
и управления
внешнеэкономической
деятельностью МГУ
имени М.В. Ломоносова,
доктор экономических наук,
профессор

И.М. Рассолов,
Московский городской
педагогический университет,
профессор кафедры
информационного права
и цифровых технологий
Московского государственно-
го юридического университета
им. О.Е. Кутафина, доктор
юридических наук, доцент

А.Л. Санташов,
профессор 25 кафедры
Военного университета имени
князя Александра Невского
Министерства обороны
Российской Федерации,
профессор кафедры
уголовного права и
криминологии Северо-
Западного института
(филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), доктор юридических
наук, доцент

А.Ж. Саркисян,
декан факультета
повышения квалификации
Московской академии
Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева, кандидат
юридических наук, доцент

С.Г. Симагина,
заведующий кафедрой
прикладной информатики
Поволжского
государственного
университета телекоммуникаций
и информатики, доктор
экономических наук,
профессор

А.Б. Скаков,
профессор кафедры
уголовного права,
уголовно-процессуального
права и криминалистики
Казахского национального
университета им. аль-Фараби,
профессор кафедры
криминологии Академии
ФСИН России, доктор
юридических наук,
профессор, Почетный
работник образования
Казахстана

А.Е. Суглобов,
Российский университет
кооперации, доктор
экономических наук,
профессор

В.Н. Ткачев,
начальник Службно-
правового управления
Договорно-правового
департамента МВД России,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской
Федерации

Ю.А. Цыпкин,
профессор кафедры
маркетинга Государственного
университета
по землеустройству,
доктор экономических наук,
профессор

В.Б. Шабанов,
заведующий кафедрой
криминалистики
юридического факультета
Белорусского
государственного
университета, доктор
юридических наук,
профессор

В.А. Шестак,
профессор 25 кафедры
Военного университета
имени князя Александра
Невского Министерства
обороны Российской
Федерации, доктор
юридических наук, доцент

Н.Д. Эриашвили,
профессор кафедры
гражданского и трудового
права, гражданского
процесса Московского
университета МВД РФ
им. В.Я. Кикотя, главный
редактор издательства
«ЮНИТИ-ДАНА», доктор
экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства Российской
Федерации в области науки
и техники

EDITORIAL BOARD

CHAIRMAN

A.I. Bastrykin,

Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor, General
of Justice of the Russian Federation

MEMBERS OF THE BOARD

A.V. Fedorov,

Deputy Chairman
of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
Candidate of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian
Federation

A.A. Bessonov,

Rector of the Sukharev Moscow
academy of the Investigative
Committee, Doctor of Law,
Associate Professor

O.Yu. Antonov,

Vice-Rector (for academic
and scientific work)
of the Sukharev Moscow
academy of the Investigative
Committee, Doctor of Law,
Associate Professor

Yu. M. Antonyan,

Chief Researcher of the
All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation, Doctor of Law,
Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher
Professional Education
of the Russian Federation

L.V. Goloskokov,

Leading Researcher
of the Research Department
of the Sukharev Moscow
academy of the Investigative
Committee, Doctor of Law,
Associate Professor

I.V. Groshev,

Deputy Director for Scientific
Work of the Research Institute
of Education and Science,
Doctor of Psychology,
Doctor of Economics,
Professor, Honored
Scientist of the Russian
Federation

R.A. Kalamkarian,

Leading Researcher
of the International Legal
Research Sector
of the Institute of State
and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Professor of the Department
of International Law
of the Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN),
Doctor of Law, Professor,
laureate of the F.F. Martens
Prize (2007)

V.N. Karagodin,

Head of the Criminalistics
Department of the
Ekaterinburg Branch of the
Sukharev Moscow academy
of the Investigative
Committee, Doctor of Law,
Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation,
Honorary Employee
of the Investigative
Committee of the Russian
Federation

A.N. Kuzbagarov,

Head of the Department
of Civil Law of the North-
Western Branch of the Russian
State University of Justice,
Doctor of Law, Professor

R.A. Kurbanov,

Director of the Research
Institute "Institute of Legal
Studies and Regional
Integration" of Plekhanov
Russian University of
Economics, Doctor of Law,
Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

E.L. Loginov,

Professor of the Department
of World Economy
and International Finance
of the Financial University
under the Government
of the Russian Federation,
Doctor of Economics,
Professor of the Russian
Academy of Sciences

I.M. Matskevich,

Rector of the University
of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist
of the Russian Federation,
Honorary Employee
of the Prosecutor's
Office of the Russian
Federation

G.B. Mirzoev,

Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notary, President of the Guild of Russian Lawyers, President of the International Association of Russian-speaking Lawyers, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

V.S. Osipov,

Head of the Department of Global Economy and Foreign Economic Activity Management of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor

I.M. Rassolov,

Moscow City Pedagogical University, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of the O.E. Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Associate Professor

A.L. Santashov,

Professor of the 25th department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor

A.Zh. Sarkisyan,

Dean of the Faculty of Advanced Training of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor

S.G. Simagina,

Head of the Department of Applied Informatics of the Volga State University of Telecommunications and Informatics, Doctor of Economics, Professor

A.B. Skakov,

Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Al-Farabi Kazakh National University, Professor of the Department of Criminology of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of Kazakhstan

A.E. Suglov,

Russian University of Cooperation, Doctor of Economics, Professor

V.N. Tkachev,

Head of the Service and Legal Department of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Yu.A. Tsypkin,

Professor of the Marketing Department of the State University of Land Management, Doctor of Economics, Professor

V.B. Shabanov,

Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor

V.A. Shestak,

Professor of the 25th department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor

N.D. Eriashvili,

Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Editor-in-Chief of the publishing house "UNITY-DANA", Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

УЧРЕДИТЕЛЬ

**Федеральное государственное
казенное образовательное
учреждение высшего
образования «Московская
академия Следственного
комитета Российской
Федерации имени А.Я. Сухарева»**

*Ректор Московской
академии Следственного
комитета Российской
Федерации имени
А.Я. Сухарева, доктор
юридических наук, доцент,
генерал-майор юстиции
А.А. Бессонов*

РЕДАКЦИЯ

*Главный редактор
Объединенной редакции
Н.Д. Эриашвили,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
исторических наук,
профессор
E-mail: professor60@mail.ru*

**Научный редактор,
ответственный за издание**

А.Ж. Саркисян,
*декан факультета
повышения квалификации
Московской академии
Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева,
кандидат юридических наук,
доцент*

**В подготовке номера
участвовали:**

*Редакторы
О.В. Берберова,
И.Д. Нестерова*

*Художник
А.П. Яковлев*

*Верстка номера
М.А. Бакаян*

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Свидетельство
о регистрации
ПИ № ФС77-69345*

Адрес редакции:
125080, Москва, ул. Врубеля, д. 12
Тел.: 8-499-740-60-14,
8-499-740-60-15,
E-mail: 7700153@gmail.com

ВЕСТНИК МОСКОВСКОЙ АКАДЕМИИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ № 4/2024

А.В. ФЕДОРОВ. Уголовная ответственность
юридических лиц как новый вид криминализации 11

Юридические науки

**Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве**

Д.М. АПКАЕВ. Целевое предназначение правовых
привилегий 24

Л.В. ГОЛОСКОКОВ. Государственная граница
как объект национальной безопасности:
исторический и философско-правовой анализ 34

С.А. ПРАВКИН, Е.А. СУНЦОВА. Исторические
аспекты создания института административного
контроля (надзора): от приказной системы
Московского государства до системы
государственного контроля императорской
России 42

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Е.Г. БЫКОВА. О сложностях правовой оценки
медицинских ошибок при наличии решения
консилиума врачей 49

И.А. ВЛАДИМИРОВ, А.В. ТОКОЛОВ. Проблемы
разграничения уголовной и административной
ответственности за экологические
правонарушения в сельском хозяйстве 56

А.Л. ИВАНОВ, П.Т. САВИН. Актуальные
проблемы науки уголовного права
и правоприменительной практики стран СНГ 64

Н.Т. ИДРИСОВ. Квалификация преступлений
как процесс установления тождества
взаимной информации 72

Оригинал-макет
подготовлен издательством
«ЮНИТИ-ДАНА»

■ Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. За сведения, содержащиеся в рекламных объявлениях, редакция ответственности не несет.

■ Редакция не вступает в переписку с авторами писем, рукописи не рецензируются и не возвращаются.

■ При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации» ссылка на журнал обязательна.

■ В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письма, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8. Печ. л. 22,75
Печать офсетная

Подписано в печать: 29.11.2024

Отпечатано типографии ООО «Буки Веди»,
г. Москва, вн. тер. г. Муниципальный
округ Зюзино, пр-т Балаклавский, д. 28Б,
стр. 1, Тел.: +7(495)926-63-96
www.bukivedi.com

Заказ №

Цена договорная. Тираж 3000 экз.
Первый завод — 1000 экз.

В.А. ПЕРОВ, А.Ю. КАРЛОВ. Киберпреступления:
понятие, проблемы противодействия и пути
их решения 80

А.Ж. САРКИСЯН. Личность киберпреступника 85

Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

В.Н. КАРАГОДИН. Возможности повышения
качества дополнительного профессионального
образования в дистанционном формате 93

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность

К.В. БАРМИН, Е.Н. ХОЛОПОВА.
Криминалистическая классификация
биологического оружия 99

Р.Г. ИСКАЛИЕВ. К актуальным вопросам
оперативно-разыскного обеспечения
по преступлениям экономической
направленности 105

Н.П. КАТОРГИНА. Возможности использования
современных цифровых технологий
при фиксации места происшествия
в труднодоступной местности 114

В.Ф. КРЮЧКОВА, Т.В. ОСИПОВА. Проблемы
соблюдения процессуальных сроков
при расследовании преступлений в сфере
экономики 122

Экономические науки

А.Ф. ДЯТЛОВА, Л.В. ШМАНЕВА. Роль
налоговых инструментов в формировании
стабильной экономики России 128

А.В. МИНАКОВ, Н.Д. ЭРИАШВИЛИ.
Региональные аспекты развития электронных
государственных услуг 137

Исследования молодых ученых

И.В. БАРСЭЛ. Об использовании специальных знаний при расследовании легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем	146
Е.О. ЕРЕМЕЕВА. Взаимосвязь версионной работы и профилактической деятельности следователя в ходе расследования уголовных дел по фактам неизвестного исчезновения несовершеннолетних	153
И.Л. ЖАРКЕВИЧ. Экспертно-криминалистическая деятельность в Российской Федерации и в Республике Беларусь: сравнительный анализ	162
И.С. ПОЛЯКОВ. Понятие, классификация электронных следов и их криминалистическое значение	169
С.Р. ШЕВЦОВ. Понятие и правовая природа следственных ходатайств в уголовном судопроизводстве	177

FOUNDER

**Sukharev Moscow academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation**

*Rector of the Sukharev Moscow
academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, doctor of juridical
sciences, associate professor,
Major General of justice*
A.A. Bessonov

EDITORIAL STAFF

*Editor-in-Chief of the Joined
Editorship*
N.D. Eriashvili,
*the winner of an award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of science and
equipment, doctor of economy,
candidate of law and history,
professor*
E-mail: professor60@mail.ru

**Scientific editor,
responsible for publishing**

A.Zh. Sarkisyan,
*Dean of the Faculty
of Advanced Training
of the Sukharev Moscow
academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, candidate of law,
associate professor*

The issue was prepared by:
Editors

**O.V. Berberova,
I.D. Nesterova**

Painter

A.P. Yakovlev

Imposition

M.A. Bakayan

*The journal is registered
by the Federal Service
for supervision in the sphere
of telecom, information
technologies and mass
communications.*

**The certificate of registration PI
№ FS 77-69345**

Editorial staff address:
125080, Moscow, st. Vrubelya, d. 12
Tel.: 8 (499) 740-60-14,
8 (499) 740-60-15

E-mail: ask_rf@mail.ru

BULLETIN OF THE MOSCOW ACADEMY OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

CONTENT № 4/2024

A.V. FEDOROV. Criminal liability of legal entities
as a new type of criminalization 11

Legal sciences

Theory and history of law and the State; the history of the teachings of law and the State

D.M. APKAEV. Purpose of legal privileges 24

L.V. GOLOSKOKOV. State border as an object
of national security: historical and philosophical-
legal analysis 34

S.A. PRAVKIN, E.A. SUNTSOVA. Historical
aspects of the creation of the institution
of administrative control (supervision):
from the system of governmental bodies
in the Moscow State to the system of state
control in Imperial Russia 42

Criminal law and criminology; penal enforcement law

E.G. BYKOVA. On the difficulties of legal
assessment of medical errors in the presence
of a decision of a council of doctors 49

I.A. VLADIMIROV, A.V. TOKOLOV. Problems
of delineation of criminal and administrative
responsibility for environmental violations
in agriculture 56

A.L. IVANOV, P.T. SAVIN. Current issues
of criminal law science and law enforcement
practice in the CIS countries 64

The original-model is created
by publishing house
UNITY-DANA

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.
- Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.
- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation» the reference to the journal is obligatory.
- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8

Print. sh. 22,75 Offset printing

It is sent for the press 29.11.2024

Printed by the printing house
of LLC "Buki Vedi", Moscow, vet.,
Municipal district of Zyuzino,
Balaklavsky ave., 28B, building 1,
Tel.: +7(495)926-63-96
www.bukivedi.com

Order No.

Contractual price

The circulation is 3000 copies

The first plant — 1000 copies

N.T. IDRISOV. The qualification of crimes
as a process of establishing the identity
of mutual information 72

V.A. PEROV, A.Yu. KARLOV. Cybercrime:
the concept, problems of counteraction
and ways to solve them 80

A.Zh. SARKISYAN. The identity
of the cybercriminal 85

Judicial activities, prosecutorial activities, human rights and law enforcement activities

V.N. KARAGODIN. Possibilities of improving
the quality of continuing professional education
in distance format 93

Criminalistics; forensic activities; operational investigative activities

K.V. BARMIN, E.N. KHOLOPOVA. Criminalistic
classification of biological weapons 99

R.G. ISKALIEV. On topical issues of operational
investigative support for economic crimes 105

N.P. KATORGINA. Possibilities of using modern
digital technologies when recording the scene
of an incident in hard-to-reach areas 114

V.F. KRYUCHKOVA, T.V. OSIPOVA. Problems
of compliance with procedural deadlines
in the investigation of crimes
in the economic sphere 122

Economic sciences

A.F. DYATLOVA, L.V. SHMANEVA. The role
of tax instruments in the formation of a stable
Russian economy 128

A.V. MINAKOV, N.D. ERIASHVILI. Regional
aspects of development of electronic
state services 137

Research by young scientists

I.V. BARSEL. On the use of special knowledge in the investigation of the legalization (laundering) of funds or other property obtained by criminal means	146
E.O. EREMEEVA. The relationship between version work and preventive activities of the investigator during the investigation of criminal cases regarding the disappearance of minors	153
I.L. ZHARKEVICH. Forensic expertise in the Russian Federation and in the Republic of Belarus: comparative analysis	153
I.S. POLYAKOV. Concept, classification of electronic traces and their forensic significance	169
S.R. SHEVTSOV. The concept and legal nature of investigative petitions in criminal proceedings	177

Уголовная ответственность юридических лиц как новый вид криминализации

Александр Вячеславович Федоров
Следственный комитет Российской Федерации,
Москва, Россия, 1956af@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению новой криминализации за рубежом, связанной с законодательной фиксацией помимо традиционного вида уголовной ответственности физических лиц еще одного, нового вида ответственности — уголовной ответственности юридических лиц. Отмечается, что имеют место два разных вида криминализации: традиционный — криминализация деяний физических лиц — и новый вид криминализации, особенностью которого, отличающей его от традиционного вида, является иной субъект уголовной ответственности — юридическое лицо. В статье раскрывается суть этого вида криминализации, заключающаяся в определении законом, какие юридические лица признаются субъектами уголовной ответственности, в случае совершения каких преступлений может иметь место уголовная ответственность юридических лиц, какими должны быть основания (условия) для признания юридического лица субъектом уголовной ответственности. Рассматривается содержание декриминализации как парной категории, соответствующей новому виду криминализации.

Ключевые слова: уголовная ответственность юридических лиц, криминализация, новая криминализация, декриминализация.

Для цитирования: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как новый вид криминализации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 11—23. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.001.

Criminal liability of legal entities as a new type of criminalization

Aleksandr V. Fedorov
Investigative Committee of the Russian Federation,
Moscow, Russia, 1956af@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of new criminalization abroad, associated with legislative fixation in addition to the traditional type of criminal liability of individuals of another, new type of liability — criminal liability of legal entities. It is noted that there are two different types of criminalization: traditional — criminalization of acts of individuals, and a new type of criminalization, the feature of which, distinguishing it from the traditional type, is a different subject of criminal liability — a legal entity. The article reveals the essence of this type of criminalization, which consists in determining by law which legal entities are recognized as subjects of criminal liability, what crimes may result in criminal liability of legal entities, what should be the grounds (conditions) for recognizing a legal entity as a subject of criminal liability. The content of decriminalization as a paired category corresponding to the new type of criminalization is considered.

Keywords: criminal liability of legal entities, criminalization, new criminalization, decriminalization.

For citation: Fedorov, A.V. (2024) Criminal liability of legal entities as a new type of criminalization. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 11–23. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.001.

Настоящая статья продолжает ранее начатое в публикациях Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева рассмотрение уголовной ответственности юридических лиц в контексте современной уголовной политики¹.

© Федоров А.В., 2024

Эта проблематика стала предметом обсуждения на ряде международных научно-практи-

¹ См., напр.: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц и криминализация их деяний в контексте современной уголовной политики // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2018. № 2 (20). С. 9—20.

ческих конференций². В ходе состоявшейся дискуссии обозначился ряд вопросов, требующих, как представляется, отдельного рассмотрения.

Криминализация³ традиционно признается одним из методов (способов) реализации уголовно-правовой политики, рассматривается в российских юридических исследованиях в связке с деяниями, признаваемыми преступлениями. Так, классическим стало данное А.И. Коробеевым определение криминализации как процесса выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых⁴.

Имеющиеся многочисленные трактовки понятия «криминализация» в той или иной мере соответствуют этому определению. Например, по мнению Э.Ф. Побегайло, криминализация есть выявление опасных для личности, общества или государства деяний и признание их преступными путем установления в уголовном законе запрета на их совершение⁵. А.В. Наумов отмечает, что криминализация — это законодательное признание определенных деяний преступными и установление за их совершение уголовной ответственности⁶. Н.А. Лопашенко ука-

зывает, что криминализация представляет собой отнесение того или иного общественно опасного деяния в разряд преступных деяний с установлением за него уголовной ответственности⁷.

Указанный подход к пониманию криминализации в целом не вызывает сомнений при традиционном восприятии уголовной ответственности как ответственности физических лиц. Однако мир меняется, и сегодня за рубежом в том или ином виде более чем в 90 государствах наряду с уголовной ответственностью физических лиц имеет место и уголовная ответственность лиц юридических.

О понятии «уголовная ответственность юридических лиц»

В российских исследованиях зарубежного законодательства эта ответственность именуется по-разному — уголовная ответственность юридических лиц, корпоративная уголовная ответственность, уголовная ответственность организаций, уголовная ответственность коллективных образований, коллективная уголовная ответственность. В настоящей статье для обозначения данного вида ответственности используется наименование «уголовная ответственность юридических лиц».

В государствах, установивших такую ответственность, сформировались две основные концепции понимания уголовной ответственности применительно к юридическим лицам⁸.

² В том числе в докладах автора «Новая криминализация: уголовная ответственность юридических лиц» на международной научно-практической конференции — II Научные чтения, посвященные памяти профессора М.Н. Гернета, на тему «Уголовная политика и национальные приоритеты» в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, 23 октября 2024 г.) и «Идеологемы и реалии современного права: уголовная ответственность юридических лиц» на международном юридическом форуме «Идеологемы и реалии современного государства и права», посвященном памяти и научному наследию профессора В.Е. Чиркина (доклад на пленарном заседании 24 октября 2024 г. в Министерстве юстиции Российской Федерации).

³ Понятие «криминализация» в юридической науке используется в криминологическом и уголовно-правовом значениях. Данная статья посвящена рассмотрению криминализации в её уголовно-правовом понимании.

⁴ Российское уголовное право. Курс лекций / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1: Преступление. Владивосток, 1999. С. 82.

⁵ Побегайло Э.Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2007. № 9. С. 13.

⁶ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 124.

⁷ Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник: в 3 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1: Общая часть. М., 2014. С. 50.

⁸ Данный и другие представленные в статье выводы сделаны автором на основании изучения законодательств об уголовной ответственности юридических лиц следующих государств (в алфавитном порядке): Австрии, Австрии, Азербайджана, Албании, Армении, Бельгии, Боснии и Герцеговины, Великобритании, Венгрии, Вьетнама, Грузии, Дании, Израиля, Индии, Исландии, Испании, Ирландии, Канады, Киргизии, Китая, Косово, Латвии, Литвы, Лихтенштейна, Люксембурга, Мальты, Молдавии, Монголии, Новой Зеландии, Нидерландов, Норвегии, Объединенных Арабских Эмиратов, Округа Врчко, Пакистана, Перу, Польши, Республики Сербской, Румынии, Северной Македонии, Сербии, Словакии, Словении, Сингапура, США, Турции, Украины, Федерации Боснии и Герцеговины, Финляндии, Франции, Хорватии, Черногории, Чехии, Чили, Швейцарии, Швеции и Эстонии, — результаты которого представлены более чем в 200 публикациях. Список этих публикаций см.: Публикации Федорова Александра Вячеславовича об уголовной ответственности юридических лиц (по состоянию на 1 ноября 2023 года): библиографический указатель / сост. С.Б. Гусынина; под ред. В.А. Елистратовой. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2024.

В одних государствах под уголовной ответственностью юридических лиц понимается их привлечение к ответственности как субъектов уголовных правонарушений (не во всех государствах уголовными правонарушениями являются исключительно преступления, как это имеет место в современном российском уголовном праве, в ряде государств к уголовным правонарушениям также относятся уголовные проступки и иные уголовные нарушения⁹), за совершение которых к юридическим лицам применяются уголовные наказания и (или) иные меры уголовно-правового характера.

В других государствах юридические лица не признаются субъектами уголовных правонарушений, а являются лишь субъектами уголовной ответственности, заключающейся в применении к юридическим лицам иных мер уголовно-правового характера (мер уголовно-правового воздействия, мер безопасности и т. д.) при совершении уголовных правонарушений физическими лицами.

Таким образом, если в первом случае юридическое лицо рассматривается в качестве субъекта уголовного правонарушения, за совершение которого установлена уголовная ответственность, то во втором случае оно таковым не является, а признается только субъектом уголовной ответственности, под которой понимается применение к юридическому лицу уголовно-правовых санкций.

Как в первом, так и во втором случае привлечение юридического лица к ответственности осуществляется в уголовно-процессуальном порядке.

Соответственно, имеющая место за рубежом уголовная ответственность юридических лиц (независимо от того, в каком качестве они выступают — субъекта уголовного правонарушения или только субъекта уголовной ответственности) представляет собой применение к юридическому лицу в уголовно-процессуальном порядке предусмотренных уголовным законом санкций — наказаний и (или) иных мер уголовно-правового характера в установленных уголовным законом случаях.

⁹ Например, во Франции преступные деяния классифицируются в соответствии с их тяжестью на преступления, проступки и нарушения. Об этом см.: Уголовная и административная ответственность юридических лиц в России и во Франции: монография / под ред. А.В. Федорова; [Т.Я. Хабриева, А.В. Федоров, М. Беар-Туше и др.]. М., 2018. С. 27 и др.

Уголовная ответственность юридических лиц как суть и результат новой криминализации

Применительно к уголовной ответственности юридических лиц следует говорить о новой криминализации, новой не в её признанном понимании как установлении уголовной ответственности за те деяния, которые ранее уголовным законом не наказывались¹⁰, а в ином смысле, как в законодательной фиксации (в установлении законом) уголовной ответственности юридических лиц.

Такая фиксация получила широкое распространение в мире во второй половине XX века и признается новым направлением развития уголовного законодательства¹¹, хотя и ранее в ряде стран имела место уголовная ответственность различных коллективных образований. Однако включение в национальные законодательства норм об уголовной ответственности юридических лиц стало общемировой тенденцией лишь на рубеже тысячелетий — в современный период.

Например, в государствах континентальной Европы начало этого процесса связано с Нидерландами, где впервые уголовная ответственность юридических лиц в её современном понимании была введена в 1950 г. Так, согласно ст. 15 Закона «Об экономических преступлениях»¹² (*Wet op de economische delicten*) от 22 июня 1950 г.¹³ — нормативного акта об ответственности за преступления в сфере экономики, допускались уголовное преследование и наказание юридических лиц (предприятий), «если ими или с их стороны» было совершено преступление экономического характера. Выступавшие при этом от имени предприятия лица должны были состоять в служебных отношениях с ним и действовать в рамках этих отношений, даже если их должно-

¹⁰ См.: Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург, 2020. С. 18.

¹¹ Об уголовной ответственности юридических лиц как новом направлении развития уголовного законодательства см.: Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. М., 2019. С. 240—307, 393—417.

¹² Иногда название этого акта переводится как «Кодекс экономических деликтов», «Уголовно-экономический закон».

¹³ URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0002063/2019-07-21> (дата обращения: 21.10.2024).

ствам внутри предприятия решающего значения не придавалось. Иными словами, действия каждого работника — от простого рабочего до члена руководства — могли повлечь уголовную ответственность предприятия (корпорации)¹⁴.

Включение соответствующей нормы в Закон «Об экономических преступлениях» стало возможным в силу того, что в теории права уголовная ответственность начала рассматриваться как система социального регулирования экономических отношений, субъектом которых являются юридические лица. По мнению известных нидерландских ученых, по отношению к уголовной ответственности юридических лиц имеет место чисто функциональный и прагматичный подход к таким целям уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости, частная и общая превенция. Если обязанность соблюдать закон лежит на юридических лицах, то «становится трудно не признать их уголовную ответственность, когда норма нарушена»¹⁵.

В 1954 г. Верховный суд Нидерландов работал два критерия, при наличии которых возможно привлечение юридических лиц к уголовной ответственности за действия их сотрудников: во-первых, корпорация должна быть в состоянии определить, должен ли сотрудник поступать таким образом; во-вторых, действия сотрудника должны входить в категорию действий, обычно приемлемых для корпорации, и, следовательно, соответствующие действия можно рассматривать как обыкновенную деловую практику компании¹⁶.

С учетом положительного опыта применения уголовной корпоративной ответственности она была в дальнейшем распространена на все (а не только экономические) преступления. С 1976 г.

¹⁴ Об этом см.: Власов И.С. Законодательная и судебная практика привлечения к уголовной ответственности юридических лиц (на примере США, Нидерландов, Швеции, Дании, Испании) // Преступления в предпринимательской и банковской сферах за рубежом: сборник научных трудов / отв. ред. Л.Л. Ананиан, И.С. Власов. М., 2004. С. 54—55.

¹⁵ Hazewinkel-Suringa D., Rammelink J. Inleiding tot de studie van het Nederlandse strafrecht. 13 edition. Arnhem: Gouda Quint, 1994. S. 136 (на голландском языке). [Хазевинкель-Суринга Д., Реммелинк Я. Введение в изучение голландского уголовного права. 13-е изд. Арнем: Издательство Гауда Квинт, 1994. С. 136.] Цитируется по публикации: Иванцов П.П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2000. С. 49.

¹⁶ Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб, 1998. С. 21.

уголовная ответственность юридических лиц регулируется Уголовным кодексом Нидерландов¹⁷. Нидерланды стали первой страной континентальной Европы, включившей в национальный Уголовный кодекс нормы об уголовной ответственности юридических лиц. Нормативной основой уголовной ответственности юридических лиц является ч. 1 ст. 51 УК Нидерландов, которой признается существование двух категорий «уголовных преступников»: физических и юридических лиц.

Доктринальные обоснования новой криминализации — уголовной ответственности юридических лиц

Вводя уголовную ответственность юридических лиц, нидерландский законодатель руководствовался в первую очередь, как отметил Герд Эйдам (Gerd Eidam), соображениями целесообразности: с учетом того факта, что в совершении хозяйственных преступлений обычно принимает участие в том или ином качестве большое количество людей, а доказать их личную вину в содеянном чрезвычайно трудно, само предприятие должно в конечном итоге стать адресатом уголовно-правовых последствий такого преступления¹⁸.

По мнению профессора Тилбургского университета (г. Тилбург, Нидерланды) Марка Хрунхаузен (Marc Groenhuijsen), наиболее важными являются следующие аргументы, обосновывающие установление уголовной ответственности юридических лиц.

Во-первых, гармония в рамках правовой системы. Юридические лица уже давно признаются субъектами права в гражданском и административном праве. Учитывая возросшее значение юридических лиц в жизни общества, желательно и уголовное право гармонизировать в этой плоскости с другими секторами права.

Во-вторых, ст. 51 УК Нидерландов служит тому, чтобы устранить проблемы в применении

¹⁷ Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. 2-е изд. СПб, 2001. Актуальную редакцию УК Нидерландов см. на официальном сайте Overheid.nl: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001854/2019-04-01>.

¹⁸ Eidam G. Straftäter Unternehmen [Правонарушители компании]. München: Verlag Beck, 1997. S. 42. Цитируется по публикации: Власов И.С. Законодательная и судебная практика привлечения к уголовной ответственности юридических лиц (на примере США, Нидерландов, Швеции, Дании, Испании) // Преступления в предпринимательской и банковской сферах за рубежом: сборник научных трудов / отв. ред. Л.Л. Ананиан, И.С. Власов. М., 2004. С. 54.

уголовно-правовой ответственности. При совершении преступления в предпринимательской сфере часто невозможно указать конкретное лицо, которое совершило деликт с учетом всех его составных элементов. Кроме того, привлечение к ответственности наемных работников зачастую почти не влияет на деятельность (в том числе противоправную) предприятия.

В-третьих, часто личная вина наемного работника, совершившего деяние, относительно мала. Наказание юридического лица делает в таком случае возможным наложение санкций, которые соразмерны ущербу, нанесенному обществу соответствующим деликтом¹⁹.

Введение уголовной ответственности юридических лиц обуславливалось в том числе созданием условий для развития здоровой конкуренции в экономике. Как отмечала известная нидерландская судья Р.А. Торринга, оценивая введение уголовной ответственности юридических лиц, «конкуренты корпорации не будут защищены уголовным преследованием и наказанием физического лица, совершившего преступление в пределах сферы юридического лица. Само юридическое лицо должно быть наказано и, таким образом, утратить незаконно полученное преимущество»²⁰.

По мнению Брюнхильде Аккерманн (Brunhilde Ackermann), лишь при назначении наказания юридическим лицам суровость репрессии смогут почувствовать теневые дельцы от бизнеса, обычно стоящие за кулисами таких преступлений²¹.

¹⁹ Хрунхаузен М. Некоторые основы и главные принципы Нидерландского уголовного кодекса // Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. СПб, 2000. С. XIV.

²⁰ Torringa R.A. De rechtspersoon als dader: Straftbaar leidinggeven aan rechtspersonen. 2 edition. Arnhem: Gouda Quint, 1988. S. 24. [Торринга Р.А. Юридическое лицо как преступник: уголовное воздействие на юридических лиц. 2-е изд. Арнем: Издательство Гауда Квинт, 1988. С. 24.] Цитируется по публикации: Иванов П.П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2000. С. 49.

²¹ Ackermann B. Die Strafbarkeit juristischer Personen im deutschen Recht und in ausländischen Rechtsordnungen [Уголовная ответственность юридических лиц в немецком праве и в зарубежных правовых системах]. Frankfurt am Main, Bern, Nancy, New York, 1984. S. 171 (на немецком языке). Цитируется по публикации: Власов И.С. Законодательная и судебная практика привлечения к уголовной ответственности юридических лиц (на примере США, Нидерландов, Швеции, Дании, Испании) // Преступления в предпринимательской и банковской сферах за рубежом: сборник научных трудов / отв. ред. Л.Л. Ананиан, И.С. Власов. М., 2004. С. 54.

Из законодательных решений и исследований ученых разных стран однозначно следует, что помимо традиционного вида уголовной ответственности физических лиц появился еще один, новый вид — уголовная ответственность юридических лиц.

Соответственно, уголовно-правовую криминализацию следует рассматривать применительно и к физическим, и к юридическим лицам. При этом имеют место два разных вида криминализации. Первый, как уже отмечалось, традиционный — криминализация деяний физических лиц; второй — новый вид криминализации, особенностью которого, отличающей его от первого вида, является иной субъект уголовной ответственности — юридическое лицо.

Суть этого вида криминализации заключается в законодательном определении:

- какие юридические лица могут быть субъектами уголовной ответственности;
- в случае совершения каких именно преступлений может иметь место уголовная ответственность юридических лиц;
- какими должны быть основания (условия) для признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности.

Данный вид криминализации осуществляется путем включения норм об уголовной ответственности юридических лиц: 1) в национальные уголовные кодексы; 2) в национальные уголовные кодексы и иные законы; 3) только в иные законы. Выбор одного из трех вышеуказанных вариантов является прерогативой государства, включающего нормы об уголовной ответственности юридических лиц в свое национальное законодательство.

Законодательное определение юридических лиц — субъектов уголовной ответственности

В Российской Федерации, когда речь идет об уголовной ответственности юридических лиц, часто буквально понимается, что субъектом уголовной ответственности в этом случае является лишь юридическое лицо. Такое понимание не соответствует действительности. Понятие «уголовная ответственность юридических лиц» используется теперь обычно в широком его понимании, охватывающем все современные случаи законодательного закрепления уголовной ответственности коллективных образований, как являющихся юридическими лицами, так и не являющихся таковыми.

Например, УК Китая предусмотрена уголовная ответственность как организаций, имеющих

статус юридических лиц, так и организаций без образования юридического лица, но которые в соответствии с законом подлежат государственной регистрации. В Нидерландах субъектами уголовной ответственности, установленной для юридических лиц, могут быть как юридические лица, так и другие коллективные образования, законодательно приравненные к юридическим лицам.

Таким образом, в отдельных странах субъектами уголовной ответственности признаются коллективные образования (организации, объединения), как имеющие статус юридического лица, так и не имеющие такового, но обладающие правосубъектностью, то есть способностью иметь и осуществлять юридические права и обязанности (непосредственно или через своих представителей), а именно — выступать субъектом правоотношений, включая правоотношения юридической ответственности.

Тем не менее исторически так сложилось, что общеупотребительным стало наименование «уголовная ответственность юридических лиц», используемое, как уже было отмечено, в широком его понимании, охватывающем все случаи уголовной ответственности коллективных (корпоративных) образований.

В зарубежных законодательствах применительно к институту уголовной ответственности юридических лиц рассматриваются различно именуемые виды коллективных (корпоративных) образований. При этом в зависимости от национальных особенностей различаются и законодательные определения (понятия) юридического лица, выделяемые типы (виды) юридических лиц²².

Кроме того, не все юридические лица (и иные коллективные образования, обладающие правосубъектностью) признаются национальными законодательствами субъектами уголовной ответственности.

В уголовных законодательствах большинства государств оговариваются ограничения (изъятия) по виду субъектов, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности, то есть имеет место установление субъектных пределов криминализации деяний юридических лиц.

Как правило, изъятия касаются публичных юридических лиц (государственных и муниципальных органов). Так, согласно УК Франции

подлежат ответственности юридические лица за исключением государства, а по УК Молдовы к уголовной ответственности может быть привлечено любое юридическое лицо за исключением органов публичной власти. Действие УК Люксембурга не распространяется на государство и муниципальные образования, а по УК Финляндии уголовная ответственность юридического лица не применяется к преступлениям, совершенным в сфере применения публичной, т. е. государственной и муниципальной, власти.

Иногда оговариваются специальные обстоятельства (условия) корпоративной уголовной ответственности для отдельных видов публичных юридических лиц. Например, по УК Франции органы местного самоуправления подлежат уголовной ответственности только за преступные деяния, совершенные при неисполнении делегированных полномочий по общественной службе. В Албании органы местного самоуправления несут уголовную ответственность только за действия, совершенные в процессе их деятельности, которые могут производиться публичными службами.

Ограничивается в ряде стран и круг субъектов уголовной ответственности — юридических лиц частного права. Например, если в Эстонии к уголовной ответственности могут быть привлечены любые деликтоспособные юридические лица частного права (частноправовые юридические лица, учрежденные в частных интересах и на основании закона о соответствующем виде юридического лица), то в Швеции субъектами уголовной ответственности могут быть лишь хозяйствующие субъекты, т. е. юридические лица, ведущие экономическую (хозяйственную) деятельность, имеющую характер промысла.

Кроме того, в ряде стран оговариваются специальные условия возможности привлечения к уголовной ответственности иностранных юридических лиц. В частности, согласно уголовному законодательству Северной Македонии иностранные организации могут нести ответственность, если они совершили преступление на территории Северной Македонии, независимо от того, располагаются ли их руководящие органы на территории страны или нет.

Таким образом, в каждой стране имеются свои субъектные пределы криминализации уголовных деяний юридических лиц, закрепленные национальными законодательствами.

²² О такого рода различиях см., напр.: Юридические лица в гражданском праве зарубежных стран: монография / отв. ред. Н.Г. Семилютина; [О.В. Гаврилюк, Н.И. Гайдаенко Шер, Д.О. Грачев и др.]. М., 2015.

Законодательное определение уголовных правонарушений, в случае совершения которых может иметь место уголовная ответственность юридических лиц

Юридические лица в соответствии с законодательствами стран, в которых предусмотрена их уголовная ответственность, привлекаются к такой ответственности при совершении тех же уголовных правонарушений, что и лица физические. Отсутствуют какие-то специальные уголовные правонарушения, за которые могут быть привлечены к уголовной ответственности исключительно юридические лица.

В то же время в большинстве стран юридические лица могут привлекаться к уголовной ответственности в случае совершения не всех, а лишь некоторых уголовных правонарушений.

Например, юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности только за отдельные, специально обозначенные в законах уголовные правонарушения в таких государствах, как Китай, Польша, Испания и Швеция.

За любые уголовные правонарушения может наступать ответственность юридических лиц в Румынии, США, Хорватии, Черногории и еще ряде стран. При этом в части из них изначально ответственность юридических лиц была установлена лишь за отдельные уголовные правонарушения, а затем распространена на все уголовные правонарушения. Например, согласно УК Франции 1992 г. первоначально юридические лица подлежали уголовной ответственности только за отдельные уголовные правонарушения в случаях, специально предусмотренных законом или регламентом. Законом от 9 марта 2004 г. внесены изменения в УК Франции, согласно которым юридические лица могут привлекаться к уголовной ответственности за любые уголовно наказуемые деяния без каких-либо ограничений.

В национальных законах тех государств, где юридические лица могут привлекаться к уголовной ответственности не за все, а только за отдельные уголовные правонарушения, имеет место так называемая избирательная криминализация, когда первоначально законодательно определяются уголовные правонарушения, за которые предусматривается уголовная ответственность физических лиц, а затем в рамках имеющегося перечня уголовных правонарушений устанавливается, за какие из них возможна уголовная ответственность юридических лиц.

Возникает вопрос, почему в ряде стран имеет место «избирательная» криминализация деяний юридических лиц, что является основанием для выделения из числа деяний, признаваемых уголовными правонарушениями, отдельных деяний, за которые устанавливается уголовная ответственность юридических лиц? Ответ на этот вопрос индивидуален для каждой страны.

На наш взгляд, можно лишь констатировать, что основания избирательной криминализации деяний юридических лиц, во-первых, носят социальный характер и связаны с ростом числа и масштабов отдельных видов уголовных правонарушений, совершаемых физическими лицами от имени юридических лиц или за их счет либо для их пользы, когда юридическое лицо является бенефициаром, получающим денежные или иные выгоды от совершаемых уголовных правонарушений, и, во-вторых, являются следствием выполнения государствами обязательств по международным договорам, предусматривающим установление уголовной ответственности юридических лиц за отдельные виды уголовных правонарушений.

Анализ развития уголовной политики за рубежом позволяет сделать вывод о наличии тенденции к расширению числа уголовных правонарушений, в связи с совершением которых предусматривается уголовная ответственность юридических лиц.

Законодательное определение оснований (условий) для признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности

За рубежом получили законодательное закрепление разные модели уголовной ответственности юридических лиц²³, различающиеся по основаниям (условиям) признания юридического лица субъектом уголовной ответственности.

Имеют место две основные модели признания юридического лица субъектом уголовной ответственности:

1) когда уголовное преступление совершено в интересах юридического лица физическим лицом, действующим в своем личном качестве или в составе органа юридического лица и занимавшим руководящую должность в юридическом лице, в процессе:

²³ О моделях уголовной ответственности юридических лиц см.: Федоров А.В. Скандинавские модели уголовной ответственности юридических лиц: общее и особенное в национальных законодательствах // Российский следователь. 2024. № 9. С. 55—62. doi: 10.18572/1812-3783-2024-9-55-62.

- выполнения представительских функций от имени юридического лица (в том числе по доверенности);
- осуществления права на принятие решений от имени юридического лица;
- осуществления контрольных функций в рамках юридического лица;

2) когда вследствие отсутствия руководства или контроля со стороны вышеупомянутого физического лица появляется возможность совершения уголовных правонарушений в интересах соответствующего юридического лица физическим лицом.

При этом в зарубежном законодательстве по-разному формулируются характеристики деяний физических лиц, позволяющие констатировать совершение уголовно наказуемого деяния юридическим лицом²⁴.

Декриминализация и уголовная ответственность юридических лиц

Криминализация и декриминализация — парные категории. В тех государствах, где законом предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц, может иметь место и последующая декриминализация путем изменений законодательства. Декриминализация может быть двух видов — полная и частичная.

Полная декриминализация представляет собой исключение из законодательства всех норм об уголовной ответственности юридических лиц, упразднение института уголовной ответственности юридических лиц как такового²⁵.

Частичная декриминализация может заключаться в таких законодательных решениях, как:

- исключение каких-то юридических лиц из числа тех, для которых ранее предусматривалась возможность их привлечения к уголовной ответственности;

- исключение отдельных уголовных правонарушений из ранее установленного перечня правонарушений, при совершении которых могла иметь место уголовная ответственность юридических лиц;

- исключение из числа установленных законом отдельных оснований (условий), позволяющих признать юридическое лицо субъектом уголовной ответственности.

Государство (законодатель) является монополистом в вопросах криминализации и декриминализации. При этом в идеале должна иметь место объективная обусловленность законодательного закрепления уголовной ответственности юридических лиц в конкретном государстве, а также декриминализации в части, касающейся уголовной ответственности юридических лиц.

К сожалению, в российских правовых исследованиях вопросы о криминализации и декриминализации применительно к уголовной ответственности юридических лиц еще не получили должного рассмотрения, хотя в этом имеется потребность, ибо такие методы реализации уголовной политики, как криминализация и декриминализация, не только обеспечивают охрану социальных и экономических ценностей, но и выступают методом регулирования социальных и экономических отношений.

Необходимость новой криминализации — уголовной ответственности юридических лиц как устранения пробела в российском уголовном праве

Пробелом в праве признается полное или частичное отсутствие нормативных установлений, необходимость которых обусловлена развитием общественных отношений²⁶.

М.А. Кауфманом обосновано, что в Российской Федерации уголовное право выражается в уголовном законодательстве, которое является единственной формой существования уголовного права. Поэтому пробел в уголовном праве всегда тождественен пробелу в уголовном законодательстве. Соответственно, пробел в уголовном праве — это полное или частичное (неполнота) отсутствие в уголовном законе нормативных установлений в отношении фактических обстоятельств, нуждающихся в уголовно-правовом регулировании²⁷.

²⁴ Подробно об этом см.: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц и криминализация их деяний в контексте современной уголовной политики // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 2 (20). С. 9—20.

²⁵ Например, полная декриминализация имела место в Киргизии. Нормы об уголовной ответственности юридических лиц были включены в Уголовный кодекс Киргизии 1997 г., вступивший в силу с 1 января 2019 г., при его принятии. В новый Уголовный кодекс Киргизии 2021 г., вступивший в силу с 1 декабря 2021 г., нормы об уголовной ответственности юридических лиц не вошли. Подробно об этом см.: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах Азии: монография. М., 2023. С. 152—179.

²⁶ Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. С. 37.

²⁷ Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и способы их устранения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 12—13.

Отсутствие нормативного установления уголовной ответственности юридических лиц следует признать пробелом в российском уголовном праве (уголовном законодательстве), устранение которого возможно лишь путем принятия закона, предусматривающего уголовную ответственность юридических лиц.

Необходимость принятия такого закона обсуждается с 1991 года. Первым из российских ученых сформулировал позитивную позицию по отношению к уголовной ответственности юридических лиц А.В. Наумов, изложив её в своей статье, опубликованной в 1991 г. в журнале «Советское государство и право»²⁸. В дальнейшем он раскрыл свою позицию в опубликованной в журнале «Советская юстиция» статье «Предприятие на скамье подсудимых?»²⁹, обозначив такие вопросы, как: 1) исторические вехи признания ответственности юридических лиц уголовным правом; 2) круг субъектов уголовной ответственности; 3) преступления, за которые предусматривается уголовная ответственность юридических лиц; 4) характер уголовно-правовых санкций, применяемых к юридическим лицам; 5) признание международными организациями уголовной ответственности юридических лиц; 6) соотношение уголовной и административной ответственности юридических лиц; 7) преимущества уголовной ответственности юридических лиц по сравнению с их административной ответственностью; 8) сосуществование принципа уголовной ответственности юридических лиц с принципом личной виновной ответственности; 9) объективная обусловленность уголовной ответственности юридических лиц.

За прошедшие годы был подготовлен ряд законопроектов, устанавливающих уголовную ответственность юридических лиц. Как отмечено А.В. Наумовым, «законопроекты об установлении уголовной ответственности юридических лиц как никогда своевременны. Вопрос о реформе российского уголовного законодательства (УК РФ) не только созрел, но и перезрел»³⁰. По его мнению, указанная «проблема уже давно стучится в двери российского уголовного законодательства сугубо практически — в рамках

правотворческого процесса»³¹, и «данных, ставящих это под сомнение (по крайней мере в теории уголовного права), не существует»³².

Отсутствие уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации является пробелом в позитивном праве, который становится явным, если задать вопрос, почему к гражданской и административной ответственности могут привлекаться физические и юридические лица, а к уголовной — только физические. И это при том, что между административными правонарушениями и уголовными преступлениями фактически отсутствуют существенные различия.

Таким образом, имеет место явный пробел в праве — «полное отсутствие регулирования, которое... должно быть»³³. Указанный пробел очевиден с позиции учения о правосубъектности как о способности лица, будь то физическое или юридическое лицо, иметь и осуществлять юридические права и обязанности (непосредственно или через своих представителей), то есть выступать субъектом правоотношений, включая правоотношения юридической ответственности.

Признание на уровне доктрины пробела в позитивном праве, выражающегося в отсутствии уголовной ответственности юридических лиц, является первым шагом на пути установления такой ответственности путем устранения имеющегося пробела в уголовном праве.

При устранении этого пробела, как отмечено Ю.И. Бытко, «уголовная ответственность юридических лиц должна быть ориентирована на реализацию принципа социальной справедливости»³⁴.

В.Д. Филимонов отмечал, что правовая норма воплощает меру социальной справедливости, «мера социальной справедливости, воплощенная в норме уголовного права, определяется её направленностью, во-первых, на предупреждение нарушений социальной справедливо-

³¹ Наумов А.В. Уголовная ответственность юридических лиц // Lex russica. 2015. Т. 104, № 7. С. 58.

³² Наумов А.В. Вектор современных направлений отечественной доктрины уголовного права (как законодательства, так и его применения) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16, № 3. С. 51.

³³ Лазарев В.В. Проблема пробелов в праве в свете постклассической философии // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: материалы VI Международной научной конференции теоретиков права (Москва, 20—21 февраля 2021 г.) / отв. ред. Н.Н. Черногор. М., 2021. С. 70.

³⁴ Бытко Ю.И. Справедливость и уголовная политика: монография. М., 2017. С. 178.

²⁸ Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 28.

²⁹ Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция. 1992. № 17/18. С. 3.

³⁰ Наумов А.В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты) // Право и государство. 2017. № 1-2 (74-75). С. 117.

сти, заключенной в охраняемых уголовным правом общественных отношениях, и, во-вторых, на восстановление той социальной справедливости, которая была нарушена совершением преступления»³⁵.

Уголовная ответственность юридических лиц как новая криминализация и уголовно-правовое регулирование

Правовое регулирование в общем виде обычно понимается как установление и реализация определенного общественного порядка³⁶. Одним из его отраслевых видов является уголовно-правовое регулирование.

При этом необходимо учитывать, что в российской уголовно-правовой науке нет единого (общепризнанного) понятия уголовно-правового регулирования. Большинство ученых считают, что уголовно-правовое регулирование включает правотворчество (законотворческий процесс) и правоприменение. Так, по мнению Ю.С. Жарикова, «уголовно-правовое регулирование можно представить как создание в форме уголовного закона системы норм, определяющей принципы и основания уголовной ответственности, критерии противоправности деяний, находящихся за рамками правовых дозволений, и наказуемости лиц за их совершение, устанавливающей правовые запреты и обеспечивающей справедливое наказание за их нарушение, а также упорядочивающей общественные отношения, хотя по внешним признакам и являющиеся противоправными, но по своему характеру не подпадающими под уголовную ответственность в силу своей социальной полезности»³⁷.

Рассматривая механизм уголовно-правового регулирования, Н.М. Кропачев отмечает: «Уголовно-правовая норма — первое звено в механизме собственно уголовно-правового регулирования. Вместе с тем появлению норм уголовного права исторически и логически предшествует возникновение потребностей в урегулировании поведения людей в том или ином направлении. Когда потребности институируются или, по крайней мере, выявляются, они оформляются как норма права и в случае осознания и официального признания государственно-организо-

ванным обществом становятся уголовным законом. Объективным критерием отбора потребностей при трансформации их в социальные нормы и нормы закона является их объективное значение для сохранения целостности общества, его гомеостазиса. С этой точки зрения первым звеном в механизме уголовно-правового регулирования является не право, а появление объективной потребности (и ее последующего осознания) в упорядочении общественных отношений посредством урегулирования поведения людей»³⁸.

Такое упорядочение осуществляется посредством криминализации, ибо, как справедливо указывается в имеющихся исследованиях, «результатом криминализации является совокупность норм уголовного права, содержащих перечень преступлений и предусмотренных за них наказаний, а также оснований и условий привлечения виновных к уголовной ответственности»³⁹.

Уголовно-правовое регулирование, как и уголовно-правовую криминализацию (и, соответственно, декриминализацию), следует рассматривать применительно и к физическим, и юридическим лицам. Таким образом, новая криминализация — уголовная ответственность юридических лиц — является первым звеном в механизме уголовно-правового регулирования, образно говоря, фундаментом для рассмотрения таких элементов уголовно-правового регулирования ответственности юридических лиц, как уголовно-правовая правосубъектность юридических лиц, уголовно-правовая дееспособность юридических лиц, система уголовных санкций, применяемых к юридическим лицам, и ряда других.

Список литературы

1. Бытко Ю.И. Справедливость и уголовная политика: монография. Москва: Юрлитинформ, 2017. 211 с.
2. Власов И.С. Законодательная и судебная практика привлечения к уголовной ответственности юридических лиц (на примере США, Нидерландов, Швеции, Дании, Испании) // Преступления в предпринимательской и банковской сферах за рубежом: сборник научных трудов / отв. ред. Л.Л. Ананиан, И.С. Власов. Москва: ИНИОН РАН: ИЗиСП, 2004. С. 52—59.

³⁵ Филимонов В.Д. Генезис уголовно-правового регулирования: монография. М., 2015. С. 14—15.

³⁶ См.: Лившиц Р.З. Теория права: учебник. М., 1994. С. 92.

³⁷ Жариков Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021. С. 35.

³⁸ Кропачев Н.М. Механизм уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада. СПб, 2000. С. 16.

³⁹ Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / отв. ред. В.П. Кашепов. М., 2018. С. 81.

3. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998. 40 с.
4. Жариков Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: КНОРУС, 2021. 234 с.
5. Иванцов П.П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2000. 194 с.
6. Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и способы их устранения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2009. 51 с.
7. Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: Лаборатория SAPIENTIA, 2020. 256 с.
8. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / отв. ред. В.П. Кашепов; [В.П. Кашепов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.]. Москва: Юридическая фирма Контракт, 2018. 280 с.
9. Кропачев Н.М. Механизм уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада. Санкт-Петербург, 2000. 59 с.
10. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. Москва: Юридическая литература, 1974. 184 с.
11. Лазарев В.В. Проблема пробелов в праве в свете постклассической философии // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: материалы VI Международной научной конференции теоретиков права (Москва, 20—21 февраля 2021 г.) / отв. ред. Н.Н. Черногор. Москва: Юриспруденция, 2021. С. 57—77.
12. Лившиц Р.З. Теория права: учебник. Москва: Издательство БЕК, 1994. 224 с.
13. Наумов А.В. Вектор современных направлений отечественной доктрины уголовного права (как законодательства, так и его применения) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16, № 3. С. 34—55. doi: 10.17323/2072-8166.2023.3.34.55.
14. Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция. 1992. № 17/18. С. 3.
15. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Издательство БЕК, 1996. 560 с.
16. Наумов А.В. Уголовная ответственность юридических лиц // Lex russica. 2015. Т. 104, № 7. С. 57—63.
17. Наумов А.В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты) // Право и государство. 2017. № 1-2 (74-75). С. 106—118.
18. Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 28—35.
19. Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. Москва: Юридическая фирма Контракт, 2019. 424 с.
20. Побегайло Э.Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2007. № 9. С. 6—15.
21. Публикации Федорова Александра Вячеславовича об уголовной ответственности юридических лиц (по состоянию на 1 ноября 2023 года): библиографический указатель / сост. С.Б. Гусынина; под ред. В.А. Елистратовой. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2024. 44 с.
22. Российское уголовное право. Курс лекций / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1: Преступление. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1999. 604 с.
23. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник: в 3 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1: Общая часть. Москва: Юрлитинформ, 2014. 720 с.
24. Уголовная и административная ответственность юридических лиц в России и во Франции: монография / под ред. А.В. Федорова; [Т.Я. Хабриева, А.В. Федоров, М. Беар-Туше и др.]. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. 200 с.
25. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. СПб: Юридический центр Пресс, 2000. XVIII, 253 с.
26. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2001. 510 с.
27. Федоров А.В. Скандинавские модели уголовной ответственности юридических лиц: общее и особенное в национальных законодательствах // Российский следователь. 2024. № 9. С. 55—62. doi: 10.18572/1812-3783-2024-9-55-62.

28. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах Азии: монография. Москва: Юрист, 2023. 320 с. doi: 10.18572/978-5-94103-512-0-2023-1-320.

29. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц и криминализация их деяний в контексте современной уголовной политики // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 2 (20). С. 9—20.

30. Филимонов В.Д. Генезис уголовно-правового регулирования: монография. Москва: Норма, 2015. 128 с.

31. Юридические лица в гражданском праве зарубежных стран: монография / отв. ред. Н.Г. Семилютина; [О.В. Гаврилюк, Н.И. Гайдаенко Шер, Д.О. Грачев и др.]. Москва: ИНФРА-М, 2015. 432 с.

References

1. Bytko, Yu.I. (2017) *Spravedlivost' i ugolovnaya politika* [Justice and criminal policy]. Monograph. Moscow, Yurлитinform, 211 p. (In Russ.).

2. Vlasov, I.S. (2004) *Zakonodatel'naya i sudbnaya praktika privlecheniya k ugolovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits* (na primere SShA, Niderlandov, Shvetsii, Danii, Ispanii) [Legislative and judicial practice of bringing legal entities to criminal responsibility (using the example of the USA, the Netherlands, Sweden, Denmark, Spain)]. In: Ananian, L.L. & Vlasov, I.S. (eds.) *Prestupleniya v predprinimatel'skoy i bankovskoy sferakh za rubezhom. Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, INION RAN, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, pp. 52—59. (In Russ.).

3. Volzhenkin, B.V. (1998) *Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits* [Criminal liability of legal entities]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy yuridicheskii institut General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii, 40 p. (In Russ.).

4. Zharikov, Yu.S. (2021) *Ugolovno-pravovoe regulirovanie i mekhanizm ego realizatsii* [Criminal law regulation and the mechanism of its implementation]. Monograph. Second edition. Moscow, KNORUS, 234 p. (In Russ.).

5. Ivantsov, P.P. (2000) *Problema otvetstvennosti yuridicheskikh lits v rossiyskom ugolovnom prave* [The problem of liability of legal entities in Russian criminal law]. Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 194 p. (In Russ.).

6. Kaufman, M.A. (2009) *Probely v ugolovnom prave i sposoby ikh ustraneniya* [Gaps in criminal law and ways to eliminate them]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Moscow, 51 p. (In Russ.).

7. Kozachenko, I.Ya. & Sergeev, D.N. (2020) *Novaya kriminalizatsiya: filosofsko-yuridicheskiy putevoditel' po miru prestupnogo i neprestupnogo* [New criminalization: a philosophical and legal guide to the criminal and non-criminal world]. Ekaterinburg, SAPIENTIA, 256 p. (In Russ.).

8. Kashepov, V.P. (ed.) (2018) *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya kak formy preobrazovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva* [Criminalization and decriminalization as forms of transformation of criminal legislation]. Monograph. Moscow, Law firm Contract, 280 p. (In Russ.).

9. Kropachev, N.M. (2000) *Mekhanizm ugolovno-pravovogo regulirovaniya* [The mechanism of criminal law regulation]. Doctor's degree dissertation. Saint Petersburg, 59 p. (In Russ.).

10. Lazarev, V.V. (1974) *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in the law and ways to eliminate them]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 184 p. (In Russ.).

11. Lazarev, V.V. (2021) *Problema probelov v prave v svete postklassicheskoy filosofii* [The problem of "gaps in law" in the light of postclassical philosophy]. In: Chernogor, N.N. (ed.) *Probely v pozitivnom prave: doktrina i praktika. Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii teoretikov prava, Moscow, February 20—21, 2021*. Moscow, Yurisprudentsiya, pp. 57—77. (In Russ.).

12. Livshits, R.Z. (1994) *Teoriya prava* [Theory of law]. Textbook. Moscow, BEK Publishing House, 224 p. (In Russ.).

13. Naumov, A.V. (2023) *Vektor sovremennykh napravleniy otechestvennoy doktriny ugolovnogo prava (kak zakonodatel'stva, tak i ego primeneniya)* [Vector of modern trends of the domestic criminal law doctrine (legislation and its application)]. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 3, pp. 34—55. (In Russ.). doi: 10.17323/2072-8166.2023.3.34.55.

14. Naumov, A.V. (1992) *Predpriyatie na skam'e podsudimyykh?* [An enterprise in the dock?] *Sovetskaya yustitsiya*, no. 17/18, p. 3. (In Russ.).

15. Naumov, A.V. (1996) *Rossiyskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian criminal law. General part]. Lecture course. Moscow, BEK Publishing House, 560 p. (In Russ.).

16. Naumov, A.V. (2015) *Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits* [Criminal liability of legal entities]. *Lex Russica*, vol. 104, no. 7, pp. 57—63. (In Russ.).

17. Naumov, A.V. (2017) *Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits (doktrinal'nye i pravotvorcheskije aspekty)* [Criminal liability of legal entities (doctrinal and law-making aspects)]. *Pravo i gosudarstvo* [Law and State], no. 1-2 (74-75), pp. 106—118. (In Russ.).

18. Naumov, A.V. (1991) Ugolovnyy zakon v usloviyakh perekhoda k rynochnoy ekonomike [Criminal law in the conditions of transition to a market economy]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 2, pp. 28—35. (In Russ.).
19. Golovanova, N.A. & Kubantsev, S.P. (eds.) (2019) Novye napravleniya razvitiya ugolovnog zakonodatel'stva v zarubezhnykh gosudarstvakh: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [New directions of the development of criminal legislation in foreign countries: comparative law research]. Monograph. Moscow, Law firm Contract, 424 p. (In Russ.).
20. Pobegaylo, E.F. (2007) Ugolovnaya politika sovremennoy Rossii: avtorskaya kontseptsiya [Criminal policy of the contemporary Russia: author's conception]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. Kanta*, no. 9, pp. 6—15. (In Russ.).
21. Gusynina, S.B. (2024) Publikatsii Fedorova Aleksandra Vyacheslavovicha ob ugolovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits (po sostoyaniyu na 1 noyabrya 2023 goda) [Publications by Alexander V. Fedorov on the criminal liability of legal entities (as of 1 November 2023)]. Bibliographic index. Saratov, Saratov State Law Academy, 44 p. (In Russ.).
22. Korobeev, A.I. (ed.) (1999) Rossiyskoe ugolovnoe pravo. Kurs lektsiy [Russian criminal law: a course of lectures]. Vol. 1. Prestuplenie [Crime]. Vladivostok, Far Eastern National University, 604 p. (In Russ.).
23. Lopashenko, N.A. (ed.) (2014) Rossiyskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chast' [Russian criminal law. General part and Special part]. Textbook. Second edition. Vol. 1. Obshchaya chast' [General part]. Moscow, Yurlitinform, 720 p. (In Russ.).
24. Fedorov, A.V. (ed.) (2018) Ugolovnaya i administrativnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v Rossii i vo Frantsii [Criminal and administrative liability of legal persons in Russia and France]. Monograph. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 200 p. (In Russ.).
25. Volzhenkin, B.V. (ed.) (2000) Ugolovnyy kodeks Gollandii [The Dutch Criminal Code]. Saint Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, XVIII, 253 p. (In Russ.).
26. Volzhenkin, B.V. (ed.) (2001) Ugolovnyy kodeks Gollandii [The Dutch Criminal Code]. Second edition. Saint Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 510 p. (In Russ.).
27. Fedorov, A.V. (2024) Skandinavskie modeli ugolovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits: obshchee i osobennoe v natsional'nykh zakonodatel'stvakh [Scandinavian patterns of criminal liability of legal entities: the general and the special in national laws]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 9, pp. 55—62. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2024-9-55-62.
28. Fedorov, A.V. (2023) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v postsotsialisticheskikh gosudarstvakh Azii [Criminal liability of legal entities in post-socialist Asian States]. Monograph. Moscow, Yurist, 320 p. (In Russ.). doi: 10.18572/978-5-94103-512-0-2023-1-320.
29. Fedorov, A.V. (2018) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits i kriminalizatsiya ikh deyanii v kontekste sovremennoy ugolovnoy politiki [Criminal liability of legal entities and criminalization of their acts in the context of modern criminal policy]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 2 (20), pp. 9—20. (In Russ.).
30. Filimonov, V.D. (2015) Genezis ugolovno-pravovogo regulirovaniya [The genesis of criminal law regulation]. Monograph. Moscow, Norma, 128 p. (In Russ.).
31. Semilyutina, N.G. (ed.) (2015) Yuridicheskie litsa v grazhdanskom prave zarubezhnykh stran [Legal entities in civil law of foreign states]. Monograph. Moscow, INFRA-M, 432 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Федоров — заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A.V. Fedorov — Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 24—33.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 24–33.

УДК 340.114
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.002

NIION: 2015-0065-04/24-253
MOSURED: 77/27-010-2024-04-452

Научная специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Целевое предназначение правовых привилегий

Дамир Маратович Апкаев

Владимирский юридический институт Федеральной службы
исполнения наказаний, Владимир, Россия, damirrrhan@mail.ru

Аннотация. Привилегия предстает как правовое явление и, следовательно, в контексте такого понимания трансформирует цели права. В процессе рассуждения о целевом предназначении привилегий стоит провести аналогию с классификацией целей в праве на основные, общие и частные, так как данный алгоритм целей в праве естественно проецируется на привилегии в праве. Основная цель предопределяет общие цели, которые детерминируются общими для всех правовых систем универсальными принципами права. Общие цели предопределяют в свою очередь частные цели привилегий.

Ключевые слова: привилегии, правовое регулирование, баланс, равноправие, законность, исключения, преимущества.

Для цитирования: Апкаев Д.М. Целевое предназначение правовых привилегий // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 24—33. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.002.

Purpose of legal privileges

Damir M. Apkaev

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service,
Vladimir, Russia, damirrrhan@mail.ru

Abstract. Privilege appears as a legal phenomenon and, therefore, in the context of such an understanding, transforms the goals of law. In the process of reasoning about the purpose of privileges, it is worth drawing an analogy with the classification of goals in law into basic, general and specific, since this algorithm of goals in law is naturally projected onto privileges in law. The basic goal predetermines the general goals, which are determined by universal principles of law common to all legal systems. General goals, in turn, determine the specific goals of privileges.

Keywords: privileges, legal regulation, balance, equality, legality, exceptions, advantages.

For citation: Apkaev, D.M. (2024) Purpose of legal privileges. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 24—33. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.002.

Введение. Структуру привилегии необходимо рассмотреть с точки зрения системного подхода, а самый главный узел любой системы — это цель. Без цели система не может функционировать. Таким образом, существенным этапом в исследовании привилегии является понимание ее целевого предназначения.

Такая важная категория, как цель¹, представляет собой конечный результат, которого необходимо достичь в процессе осуществления действий или выполнения задач. Е.А. Мызникова под целью понимает предполагаемую и

гарантированную государством модель какого-либо социального состояния или процесса, к достижению которой при помощи правовых средств стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности. Цель может быть как конкретной и измеримой, так и более абстрактной и общей. Цели привилегий носят более абстрактный характер, так как зачастую направлены на улучшение качества жизни людей в обществе. Установленные перед привилегией цели определяют направление действий и позволяют оценить эффективность результата².

¹ См.: Мызникова Е.А. Цели в праве: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.

© Апкаев Д.М., 2024

² Суменков С.Ю. Юридические исключения и их цели: теоретический и практический аспекты // Проблемы теории права: личность, общество, государство: сборник научных статей. Вып. 2. Красноярск, 2011. С. 80.

Как отмечает И.С. Морозова, юридические исключения, к которым автор относит и привилегии, как средство дифференциации создают не просто дополнительные возможности для реализации интересов, а предоставляют простор, который и позволяет учитывать модернизацию последних, изменение их структуры, субъектного состава, другие факторы, определяющие качество правового регулирования³.

С точки зрения М.В. Молодцова, привилегии — это те средства, которые позволяют обеспечить объективную реализацию провозглашенных прав наряду с их комплексной охраной, которая может быть необходима на протяжении всего периода данной реализации⁴.

Новые задачи, проблемы и вызовы требуют постоянного анализа и адаптации целей и средств для эффективного функционирования правовой системы. Круговорот целей и средств представляет собой непрерывный цикл взаимосвязи и взаимодействия между целями, которые преследует право, и средствами, которые оно использует для их достижения. Гибкость и адаптивность данных элементов позволяют справиться с вызовами и изменениями в обществе, обеспечивая эффективное функционирование права.

По нашему мнению, средства и цели представляют собой взаимосвязанные феномены, которые в контексте привилегии стоит рассматривать как отдельные категории. Цель представляет собой желаемое состояние «в качестве устойчивого ориентира правотворчества, правоусуществления и развития права. <...> Иными словами, она создает для субъектов взаимные права и обязанности, порождает между ними правоотношения»⁵. Получается, что цель представляет из себя гарантированное государством правовое состояние, к которому стремятся субъекты правовой деятельности. Для достижения данного «идеального» состояния важными являются средства, которые выступают как инструмент или способ, предусмотренный правовым регулированием, позволяющий реализовать права и интересы граждан или государства, а также решить конфликты или споры, возникающие в правовых отношениях.

А.В. Малько, исследуя правовые цели, приходит к выводу, что они являются правовыми явлениями, которые направлены на достижение субъектами права результата, а результат, в свою очередь, — это удовлетворение интересов. При этом средства выступают как баланс, так как связывают цель с результатом⁶.

Привилегия способствует созданию условий для равенства и справедливости, что может придать большую важность основам правовой системы и способствовать её развитию. С.Ю. Суменков указывает, что привилегии ставят перед собой специфические, но весьма важные цели — сочетания абстрактности и конкретности правовых предписаний в процессе социальной регуляции, что влечет оперативность, гибкость последней; фиксации специальных положений в правовом статусе субъектов и наиболее полного удовлетворения их законных интересов⁷.

В процессе рассуждения о целевом предназначении привилегий стоит провести аналогию с классификацией целей в праве на основные, общие и частные⁸, так как данный алгоритм целей в праве естественно проецируется на привилегии в праве. Таким образом, основная цель привилегий — баланс, гармонизация общественных и правовых отношений, частных и публичных интересов.

Основная цель предопределяет общие цели, которые детерминируются общими для всех правовых систем универсальными принципами права, к которым следует отнести гуманизм, справедливость, законность и т. д. По мнению А.В. Малько, К.В. Шундикова, содержание общих целей — содействие наиболее оптимальному, справедливому и цивилизованному развитию социальных отношений, обеспечению всесторонней защиты прав и законных интересов⁹. Общие цели предопределяют в свою очередь частные цели привилегий. В качестве таковых выступают социальная цель привилегий и предоставление преимущества.

³ Морозова И.С. Юридические исключения как объект научного исследования // Юридическая мысль. 2006. № 6 (37). С. 27.

⁴ Молодцов М.В. Гарантии и компенсации рабочим и служащим. М., 1973. С. 3.

⁵ Шулятьев И.А. Понятие и значение целей в праве Евразийского экономического союза // Вопросы экономики и права. 2015. № 88. С. 26—27.

⁶ Малько А.В. Правовая политика современной России: цели и средства // Государство и право. 2001. № 7. С. 20.

⁷ Суменков С.Ю. Целевое предназначение исключений в праве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 5 (69). С. 33.

⁸ Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 57.

⁹ Там же. С. 199.

Основная часть

1. Основные и общие цели привилегий

Говоря о целевом предназначении привилегии, в первую очередь необходимо исходить из того, что она осуществляется в сфере действия права, которое выражается в правовом воздействии и правовом регулировании. Современные ученые не зря проявляют огромный интерес к проблемам развития и реализации привилегий в праве. Последние два десятка лет в законодательство вносится огромное количество поправок, которые зачастую нарушают установленный системный характер подвергнувшегося изменению нормативно-правового акта или приводят к коллизиям. К тому же возрастает количество государственно-властных требований к участникам правоотношений не только публичных, но и частных. Такая ситуация может привести к тому, что в законодательстве будет нарушен баланс интересов, исчезнет равновесие между стимулами и ограничениями в праве, оно приобретет характер преимущественно ограничительного. В данной ситуации привилегия представляет собой необходимый эффективный регулятор поведения. Подобные обстоятельства порождают необходимость рассмотрения целей, которые, по нашему мнению, лучшим образом раскрывают сущность привилегий как института права.

Баланс интересов направлен к достижению эквифорцепции между различными правами и обязанностями в правовой системе и состоит в сохранении и защите различных интересов, причем ни один интерес не должен быть доминирующим или ущемляющим другие.

По данному поводу С.А. Белоусов указывал, что сбалансированность частных и публичных интересов исключает необоснованное превалирование одних над другими и является важной концепцией, способствующей созданию справедливой правовой системы. При этом обеспечение баланса может быть сложной задачей, требующей оценки и учета различных факторов, основанных на принципах справедливости, равенства и защиты прав и свобод¹⁰.

В качестве примера можно привести главу 76 ГК РФ, которая устанавливает порядок регистрации, правила использования товарного знака, а также привилегии, которые получает правообладатель, а именно возможность получать

доход от передачи прав по лицензии или франшизе, особый правовой статус по отношению к третьим лицам и т. д. Однако, чтобы предотвратить путаницу или обман потребителей, устанавливаются ограничения по использованию общих слов или терминов, которые не могут быть зарегистрированы в качестве товарного знака. Это позволяет соблюдать интересы держателей товарных знаков и в то же время не препятствовать конкуренции и свободе предпринимательства.

Гармонизация как цель привилегии способствует упрощению правовых процедур, устранению двойного нормативного регулирования общественных отношений и снижению транзакционных издержек. Кроме того, гармонизация детерминирует повышение правовой уверенности, обеспечение защиты прав и интересов всех сторон, а также достижение большей согласованности между субъектами общественных отношений.

С.В. Бахин выражает интересную мысль о том, что гармонизация права представляет собой деятельность по выработке правовых норм, единообразно регулирующих определенные виды общественных отношений. Он считает, что благодаря гармонизации законодательства происходит процесс выравнивания или согласования правовых норм между разными юрисдикциями, устраняются противоречия в общественных отношениях, облегчается правовая интеграция¹¹.

Процесс гармонизации законодательства включает в себя сравнение различных правовых систем, выявление различий и противоречий, разработку общих принципов и стандартов, а также принятие мер для приведения законов в соответствие с согласованными нормами. Гармонизация привилегий заключается в установлении и согласовании нормативных актов, которые определяют привилегии и особые права определенных категорий лиц или групп в обществе. Этот процесс направлен на снижение неравенства и дискриминации, обеспечение равных возможностей и защиту прав всех граждан.

Привилегии, предоставленные странам — участникам торговых соглашений, могут способствовать сближению и унификации стандартов и правил в отношении торговли. Договор о зоне свободной торговли позволяет странам устанавливать общие правила торговли, что способствует

¹⁰ См.: Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.

¹¹ См.: Бахин С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2003.

ет упрощению процесса ведения бизнеса и повышению прозрачности на международном рынке, а также урегулированию споров и конфликтов между участниками торговых отношений. Договор способствует гармонизации налогового законодательства сторон, чтобы упростить торговлю и инвестиции внутри содружества, а также предотвратить налоговый демпинг.

Наиболее адаптированным к реалиям современного законодательства и способным выступить в качестве теоретико-методологического ориентира видится взгляд на законный интерес как возможность, которая дана в равной степени каждому правоспособному лицу для реализации законных способов удовлетворения потребностей.

Привилегия направлена на установление равновесия между различными правами и интересами, чтобы не допускать доминирования и нарушений прав одних за счет других. Это достигается через разработку и применение законов, которые учитывают многообразие интересов и потребностей общества и устанавливают четкие правила для их защиты.

Законные интересы обеспечивают защиту прав граждан, организаций или иных субъектов права в рамках законодательства. Таким образом, целью привилегий является создание правовых норм и механизмов, которые регулируют взаимоотношения между людьми и обеспечивают справедливость, равенство, безопасность и свободу каждого субъекта.

Соблюдение законности. Законность является основой всего государственно-правового регулирования. Именно законность обеспечивает «легальность» действий органов государственной власти, главная задача которых заключается в обеспечении защиты прав, свобод и законных интересов субъектов.

Соблюдение законности — один из основных принципов российского законодательства. Он закреплен в статье 15 Конституции РФ и является обязательным для всех государственных органов, должностных лиц и граждан.

Нарушение законности может привести к негативным последствиям, таким как нарушение прав и свобод граждан, несправедливые решения и действия. В соответствии с Федеральным законом от 26.04.2013 № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» «не допускается дискриминация лиц, подвергнутых административному аресту, либо предоставление им льгот и привилегий по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения,

места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также по иным обстоятельствам».

Таким образом, дифракция права способствует установлению равноправия граждан перед законом, обеспечению баланса в обществе. Это означает, что никто не должен быть выше закона, независимо от его положения, власти или богатства. Законность как цель привилегии предусматривает, что права и обязанности граждан должны быть определены законом, а его исполнение должно осуществляться независимо и справедливо. Таким образом, целью привилегии является создание правового государства, где закон является основой управления и обеспечивает защиту прав и интересов граждан.

Равенство всех перед законом необходимо рассматривать не только как формальное уравнивание, но и как защиту от дискриминации. Обозначенная цель означает, что правила применения привилегий абсолютно одинаковы для всех субъектов, вне зависимости от их пола, религии, государственного положения и иных личностных характеристик, и способствуют достижению эгалитаризма¹². Равенство подразумевает, что привилегия направлена на предотвращение дискриминации, привилегирования или наказания, основанных на неравенстве перед законом. Неслучайно равенство — это один из многих аспектов, характеризующих справедливость как самостоятельное явление в правовой действительности.

Н.С. Бондарь, исследуя равенство всех перед законом, охарактеризовал его как средство воплощения социальной справедливости. Имея общесоциальную направленность, равенство обладает гарантирующим значением для других групп прав, детализированных в текущем законодательстве¹³.

Ю.В. Капанова указывала, что за всеми гражданами признаются равные права и обязанности, все признаются равными перед законом, привилегии перестают быть правом одного класса, они признаются общегражданскими правами. Отношения между государством и лицом не опосредуются более определенной социальной принадлежностью, гражданство стано-

¹² См.: Глухов А.П. Проблема обоснования эгалитаризма в постиндустриальном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2002.

¹³ Бондарь Н.С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. Ростов-на-Дону, 1996. С. 179—182.

вится тем звеном, которое объединяет гражданина и государство¹⁴.

К основным критериям, на которые обращают внимание при рассмотрении вопроса о соблюдении принципа равноправия, относятся пол, раса и религия.

С.Г. Василевич, рассматривая равноправие, предложил следующее содержание целевого предназначения привилегии: это правовой императив, сутью которого является «создание условий для всестороннего развития личности, реализации ею всего комплекса прав и свобод, надлежащего выполнения конституционных обязанностей, оказание социально-экономической помощи гражданам, которые по объективным причинам (возраст, инвалидность, многодетность и т. п.) не в состоянии на равных условиях конкурировать на рынке труда с трудоспособными лицами»¹⁵.

С формальной точки зрения нарушением равноправия выступает предоставление на нормативном уровне преимуществ в связи с принадлежностью к той или иной социальной группе. В то же время Российская Федерация является социальным государством (ст. 7 Конституции РФ), а значит, может и должна предоставлять привилегии, меры поддержки и преимущества лицам, нуждающимся в особой заботе со стороны государства. Иными словами, привилегия направлена на то, чтобы сделать людей равными независимо от несущественных в современном обществе критериев: пола, расы, национальности, языка, имущественного и должностного положения и т. д.

Гуманизм как цель привилегии включает уважение к достоинству и правам каждого человека, стремление к справедливости и высокие моральные ценности.

Данная цель направлена на создание и поддержание устойчивого и благополучного общества, в котором каждый человек имеет равные возможности для развития, самореализации и счастья. Гуманистическая позиция подразумевает, что все люди должны иметь доступ к образованию, здравоохранению, культурным и материальным благам, их права должны быть признаны и защищены. Привилегии в гуманистическом смысле подразумевают создание ус-

ловий и возможностей для развития потенциала каждого человека без каких-либо препятствий или дискриминации.

Специфика гуманизма наказания в отношении виновных определяется отсутствием в уголовном законе цели причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства (ч. 2 ст. 7 УК РФ). Однако этим не исчерпывается проявление гуманизма в уголовном праве. На наш взгляд, несмотря на то что нет его непосредственного законодательного закрепления в Уголовном кодексе, гуманизм также проявляется в учете смягчающих обстоятельств несовершеннолетия виновного, беременности и наличия малолетних детей у виновного (п. «б», «в» и «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Не менее существенно для гуманизма, в частности, назначение более мягкого наказания.

В УК РФ выделяются привилегированные составы убийства (например, ст. 106 УК РФ), деяния по которым хоть и посягают на наиболее значимый общественный институт (жизнь другого человека), но в силу своих специфических особенностей наказываются не так сурово, как обычные убийства или убийства квалифицированные.

В уголовно-процессуальном законодательстве проявление гуманизма через институт привилегий осуществляется путем благоприятствования защите, под которой понимается общее требование к судопроизводству, призванное компенсировать фактическое неравенство сторон, в том числе с помощью специальных институтов и правил, наделяющих сторону защиты, как более слабую, дополнительными гарантиями сверх механического уравнивания полномочий.

Существование института ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела обуславливается необходимостью обеспечения реализации права на защиту обвиняемым и его защитником. Уголовно-процессуальное законодательство и система уголовно-процессуального права позволяют обвиняемому и его защитнику осуществлять контрольную и надзорную функции, что в общем предоставляет гарантии указанным лицам по защите в первую очередь конституционных прав, которые закреплены в нормах международного права, а также иных прав и интересов, предусмотренных нормами российского уголовно-процессуального законодательства.

Ознакомление с материалами уголовного дела является инструментом обеспечения сохранности правовой защищенности лиц, исключения возможности необоснованного обвинения,

¹⁴ Капранова Ю.В. Конституционные основы равноправия граждан Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2001. С. 51.

¹⁵ Василевич С.Г. Понятие и сущность социального государства // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 100.

инструментом устранения и недопущения необоснованных, незаконных действий должностных лиц, что в совокупности составляет сущность данного института, а также обеспечивает реализацию принципа разумности сроков предварительного расследования в соответствии со ст. 6.1 УПК РФ.

Функционирование правового государства во многом зависит от того, насколько эффективно осуществляется охрана прав и свобод человека и гражданина. Охрана прав и свобод человека и гражданина, обеспечение правопорядка — основные цели привилегий, способствующие развитию общества согласно гуманистической природе права.

Справедливость. Государство должно установить пределы предоставления привилегий в целях поддержания равноправия. В этой связи границы привилегии выступают неким катализатором «правового хаоса»¹⁶, который субъекты могут устроить, нарушив при определенных условиях закрепленные в законодательстве права и свободы.

Необходимо учитывать, что в процессе закрепления привилегий в национальной правовой системе ключевое значение имеет определение оптимальных форм и способов трансформации норм права, позволяющих обеспечить разумное сочетание национальных и общественных интересов. В проекции к сказанному важным является изучение пределов привилегий. Сами по себе пределы — сложное общетеоретическое понятие, требующее, конечно, отдельного исследования.

Вопрос предела привилегий является сложным и неоднозначным. Привилегия как нормативный феномен, существующий объективно, функционирует и развивается, повинаясь собственным закономерностям, содержит максимальные преимущества, обоснованность которых должна быть предметом исследования. Здесь хотелось бы солидаризоваться с тем, что «подразумеваемые привилегией преимущества имеют максимальные, наивысшие пределы и объёмы. В максимализации привилегий как раз и заключается возможность данного юридического средства наиболее полно удовлетворять потребности и интересы субъектов, наделять их более широкими возможностями и правами...»¹⁷.

¹⁶ См.: Чинчикова Г.Б. Пробелы в праве и законе: проблемы правового «хаоса» и качество нормативно-правовых актов // Бизнес в законе. 2007. № 4. С. 64.

¹⁷ Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ: монография / под ред. А.В. Малько. Саратов, 2012. С. 71.

Разумность и обоснованность привилегий могут определяться множеством факторов самого различного спектра, однако надо исходить из презумпции правомерности закона (нормативного акта), в котором зафиксирована привилегия. Законодательство должно не просто закрепить привилегии, а обязано установить их объем, процедуру их реализации, а также разрешить вопросы, связанные с подведомственностью, — данный фактор является важнейшим гарантом соблюдения законности. При этом необходимо соблюдать системный баланс законодательства, в противном случае наступают деструктивные последствия не только для самого законодательства, но и для функционирования всей правовой системы.

2. Специальные цели привилегий

Социальная цель привилегий определяется их регулирующей ролью. По данному поводу Е.В. Гулин указывает, что привилегии направлены на обеспечение достойного уровня жизни человека и социальной защищенности. Они охватывают сферу производства, обмена, распределения и потребления товаров и услуг¹⁸.

По мнению В.И. Афанасьевой, привилегия присваивается с целью защиты интересов в политике и экономике¹⁹. Афанасьева также указывала, что привилегии способствуют достижению своеобразного компромисса между узкогосударственными интересами и интересами общества, с одной стороны, и отдельных его субъектов — с другой²⁰.

Уголовно-исполнительная политика направлена на защиту прав и законных интересов осужденных к лишению свободы женщин. Беременным женщинам и женщинам, имеющим детей, оказывается специализированная медицинская помощь, предоставляется дополнительное питание, выплачиваются денежные пособия, предоставляется право на расходование денежных средств без ограничения, имеется запрет на наложение определенного вида взысканий, привлечение к общественно полезному труду

¹⁸ Гулин Е.В. Права человека: учебное пособие. М., 2013. С. 47.

¹⁹ См.: Афанасьева В.И. Привилегия как исключительное право в процессе становления и развития мануфактурного производства России // Государство и право. 2005. № 8. С. 68.

²⁰ Афанасьева В.И. Типы, цели, функции и область применения привилегий в дореволюционной России // Право и государство: теория и практика. 2006. № 5. С. 122.

происходит с учетом желания самой осужденной. Кроме того, в соответствии с положениями ст. 97 УИК РФ для осужденных женщин, имеющих детей до четырнадцатилетнего возраста, предусмотрены дополнительные свидания с правом проживания за пределами исправительного учреждения. Женщины, имеющие ребенка-инвалида, имеют право выезда из учреждения для свидания с таким ребенком. Законом также установлено право проживания осужденной с семьей за пределами исправительного учреждения. Также осужденные женского пола, имеющие детей до 4 лет, получают привилегию, выраженную в возможности совместного проживания с ребенком на территории исправительного учреждения отдельно от других осужденных.

Таким образом, социальная цель привилегий состоит в том, чтобы обеспечивать всеобщий доступ к основным услугам и ресурсам, создавать равные возможности для развития личности и улучшения качества жизни, а также содействовать интеграции всех членов общества в его различных сферах.

Цель привилегий *предоставить преимущества* направлена на предоставление дополнительных возможностей и преимуществ перед другими людьми или группами. Это может означать доступ к более высоким ресурсам, лучшему положению или большей власти в обществе. Например, человек, покупающий копию компьютерной программы, на которую распространяется авторское право, может использовать программное обеспечение для личного использования.

А.Г. Репьев дает следующее определение преимуществу: «это юридическое средство, заключающееся в правомерной возможности субъекта удовлетворить свои интересы наиболее полно и всесторонне и выражающееся как в предоставлении особых дополнительных прав, так и в неподверженности определенным нормам, обязанностям, запретам и ограничениям»²¹.

А.А. Дергунов указывает, что преимущество выражается в нормативно закрепленном предоставляемом государством благе, направленном на согласованность общих и индивидуальных интересов, которое можно получить посредством изъятий и дополнений²². Важно отметить, что преимущество как цель привилегии может быть несправедливым и неравным, поскольку это означает, что некоторые люди получают дополнительные prerogatives. Такие неравные усло-

вия могут приводить к социальным неравенствам и дискриминации, поэтому важно учитывать такие факторы, как справедливость и целесообразность.

Привилегия — это преимущество или привилегия, предоставляемые человеку только из-за его положения в обществе и дающие ему дополнительные возможности, которых не имеют другие люди. А.С. Емельянов отмечал важность привилегий для интеграции советской науки в мировую научную среду, хотя подчеркивал последующую формализацию процесса предоставления привилегий на основе должностного положения ученых²³.

Согласимся с утверждением С.Ю. Суменкова о том, что привилегии, устанавливая те или иные преимущества представителям власти, обеспечивают тем самым нормальную управленческую деятельность, направленную в конечном итоге на благо всего общества и государства²⁴.

Привилегии устанавливаются для выполнения функциональных обязанностей и достижения наилучшего результата. В соответствии с Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» на сотрудников МВД возложен большой объем полномочий для пресечения административных правонарушений и преступлений, среди которых можно выделить применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, что способствует предотвращению преступной активности и нормальному функционированию правового государства.

Таким образом, привилегия в качестве своей цели ставит предоставление исключительно права, позволяющего субъекту получить особые преимущества в процессе осуществления какого-либо вида деятельности, или освобождение от юридической обязанности.

Заключение. Целевое предназначение привилегий относится к установленным правам и возможностям, которые предоставляются субъекту общественных отношений для выполнения определенных задач и функций. Это может включать различные уровни доступа к социальным

²¹ Репьев А.Г. Преимущества в праве: общетеоретический аспект. Барнаул, 2018. С. 113.

²² Дергунов А.А. Обеспечение блага как цель преимущественного права // Четвёртые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н.А. Пьянова: материалы конференций (октябрь — ноябрь 2022 г.). Иркутск, 2023. С. 24.

²³ Емельянов А.С. К вопросу о правовых привилегиях советских ученых (1923—1933 гг.) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 48—50.

²⁴ Суменков С.Ю. Привилегия как правовое преимущество // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2019. № 3 (51). С. 94.

благам, возможность управления процессами, протекающими в обществе, наделение дополнительными правами и т. д. В целом предназначение привилегий определяет доступ к необходимым правам и благам, направленным на обеспечение нормального функционирования общественных отношений.

Таким образом, можно выделить следующие цели привилегий:

- Баланс интересов направлен на достижение равновесия между различными интересами, правами и обязанностями в правовой системе и состоит в сохранении и защите различных интересов, причем ни один интерес не должен быть доминирующим или ущемляющим другие.
- Гармонизация как цель привилегии способствует упрощению правовых процедур, устранению двойного нормативного регулирования общественных отношений и снижению трансакционных издержек. Кроме того, гармонизация способствует повышению правовой уверенности, обеспечению защиты прав и интересов всех сторон, а также достижению большей согласованности между субъектами общественных отношений.
- Соблюдение законности означает, что никто не должен быть выше закона, независимо от положения, власти или богатства. Законность как цель привилегии предусматривает, что права и обязанности граждан должны быть определены законом, а его исполнение должно осуществляться независимо и справедливо.
- Равенство всех перед законом означает, что правила применения привилегий абсолютно одинаковы для всех субъектов, вне зависимости от их пола, религии, государственного положения и иных личностных характеристик.
- Гуманизм как цель привилегии включает уважение к достоинству и правам каждого человека, стремление к справедливости и высокие моральные ценности.
- Справедливость как цель привилегии означает достижение равенства возможностей и результатов для всех людей, независимо от их социального статуса, положения или принадлежности к определенной группе.
- Социальная цель привилегии заключается в том, чтобы достичь социальной справедливости и равенства возможностей, а также обеспечить защиту и поддержку

наиболее уязвимым и нуждающимся группам населения.

- Цель привилегий предоставить преимущества направлена на предоставление исключительного права, позволяющего субъекту получить особые преимущества в процессе осуществления какого-либо вида деятельности или освобождение от юридической обязанности.

Список литературы

1. Афанасьева В.И. Привилегия как исключительное право в процессе становления и развития мануфактурного производства России // Государство и право. 2005. № 8. С. 68—76.
2. Афанасьева В.И. Типы, цели, функции и область применения привилегий в дореволюционной России // Право и государство: теория и практика. 2006. № 5. С. 112—124.
3. Бахин С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права): дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2003. 360 с.
4. Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 501 с.
5. Бондарь Н.С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1996. 240 с.
6. Василевич С.Г. Понятие и сущность социального государства // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 95—100.
7. Глухов А.П. Проблема обоснования эгалитаризма в постиндустриальном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2002. 126 с.
8. Гулин Е.В. Права человека: учебное пособие. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. 174 с.
9. Дергунов А.А. Обеспечение блага как цель преимущественного права // Четвёртые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н.А. Пянова: материалы конференций (октябрь — ноябрь 2022 г.) / [отв. ред. и сост. М.Ю. Спирин; науч. ред. С.А. Комаров, И.А. Кузьмин]. Иркутск: Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2023. С. 21—30. doi: 10.47905/9785604872161_21.
10. Емельянов А.С. К вопросу о правовых привилегиях советских ученых (1923—1933 гг.) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 48—50. doi: 10.47643/1815-1337_2022_12_48.
11. Капранова Ю.В. Конституционные основы равноправия граждан Российской Феде-

рации; дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 189 с.

12. Малько А.В. Правовая политика современной России: цели и средства // Государство и право. 2001. № 7. С. 15—22.

13. Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 296 с.

14. Молодцов М.В. Гарантии и компенсации рабочим и служащим: учебное пособие. М.: Юрид. лит., 1973. 67 с.

15. Морозова И.С. Юридические исключения как объект научного исследования // Юридическая мысль. 2006. № 6 (37). С. 19—30.

16. Мызникова Е.А. Цели в праве: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 27 с.

17. Репьев А.Г. Преимущества в праве: общетеоретический аспект: монография. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. 244 с.

18. Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ: монография / под ред. А.В. Малько. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2012. 345 с.

19. Суменков С.Ю. Привилегия как правовое преимущество // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2019. № 3 (51). С. 88—96. doi: 10.21685/2072-3016-2019-3-9.

20. Суменков С.Ю. Целевое предназначение исключений в праве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 5 (69). С. 30—33.

21. Суменков С.Ю. Юридические исключения и их цели: теоретический и практический аспекты // Проблемы теории права: личность, общество, государство: сборник научных статей. Вып. 2. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2011. С. 79—85.

22. Чинчикова Г.Б. Пробелы в праве и законе: проблемы правового «хаоса» и качество нормативно-правовых актов // Бизнес в законе. 2007. № 4. С. 63—65.

23. Шулятьев И.А. Понятие и значение целей в праве Евразийского экономического союза // Вопросы экономики и права. 2015. № 88. С. 26—28.

tion and development of manufacture production in Russia]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, no. 8, pp. 68—76. (In Russ.).

2. Afanas'eva, V.I. (2006) *Tipy, tseli, funktsii i oblast' primeneniya privilegiy v dorevolutsionnoy Rossii* [Types, aims, functions and sphere of using privileges in pre-revolutionary Russia]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, no. 5, pp. 112—124. (In Russ.).

3. Bakhin, S.V. (2003) *Sotrudnichestvo gosudarstv po sblizheniyu natsional'nykh pravovykh sistem (unifikatsiya i garmonizatsiya prava)* [Cooperation of states to bring national legal systems closer together (unification and harmonization of law)]. Doctor's degree dissertation. Saint Petersburg, 360 p. (In Russ.).

4. Belousov, S.A. (2015) *Zakonodatel'nyy disbalans (doktrina, teoriya, praktika)* [Legislative imbalance (doctrine, theory, practice)]. Doctor's degree dissertation. Saratov, 501 p. (In Russ.).

5. Bondar', N.S. (1996) *Prava cheloveka i Konstitutsiya Rossii: trudnyy put' k svobode* [Human rights and the Russian Constitution: a difficult path to freedom]. Rostov-na-Donu, Rostov State University, 240 p. (In Russ.).

6. Vasilevich, S.G. (2017) *Ponyatie i sushchnost' sotsial'nogo gosudarstva* [The concept and essence of a social state]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, no. 3, pp. 95—100. (In Russ.).

7. Glukhov, A.P. (2002) *Problema obosnovaniya egalitarizma v postindustrial'nom obshchestve* [The problem of substantiating egalitarianism in post-industrial society]. Ph. D. thesis. Tomsk, 126 p. (In Russ.).

8. Gulin, E.V. (2013) *Prava cheloveka* [Human rights]. Textbook. Moscow, RIOR, INFRA-M, 174 p. (In Russ.).

9. Dergunov, A.A. (2023) *Obespechenie blaga kak tsel' preimushchestvennogo prava* [Securing the good as the purpose of the preemptive right]. In: *Chetvertye mezhdunarodnye teoretiko-pravovye chteniya imeni professora N.A. P'yanova. Conference materials, October – November 2022*. Irkutsk, Interregional Association of State and Law Theorists, pp. 21—30. (In Russ.). doi: 10.47905/9785604872161_21.

10. Emel'yanov, A.S. (2022) *K voprosu o pravovykh privilegiyakh sovetskikh uchenykh (1923–1933 gg.)* [On the issue of legal privileges of Soviet scientists (1923–1933)]. *Law and State: Theory and Practice*, no. 12 (216), pp. 48—50. (In Russ.). doi: 10.47643/1815-1337_2022_12_48.

11. Kapranova, Yu.V. (2001) *Konstitutsionnye osnovy ravnopraviya grazhdan Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional foundations of equal rights

References

1. Afanas'eva, V.I. (2005) *Privilegiya kak iskluchitel'noe pravo v protsesse stanovleniya i razvitiya manufakturnogo proizvodstva Rossii* [Privilege as an exclusive right in the process of forma-

of citizens of the Russian Federation]. Ph. D. thesis. Rostov-na-Donu, 189 p. (In Russ.).

12. Mal'ko, A.V. (2001) Pravovaya politika sovremennoy Rossii: tseli i sredstva [Legal policy of modern Russia: goals and means]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, no. 7, pp. 15–22. (In Russ.).

13. Mal'ko, A.V. & Shundikov, K.V. (2003) Tseli i sredstva v prave i pravovoy politike [Goals and facilities in law and legal policy]. Saratov, Saratov State Academy of Law, 296 p. (In Russ.).

14. Molodtsov, M.V. (1973) Garantii i kompensatsii rabochim i sluzhashchim [Guarantees and compensation for workers and employees]. Text-book. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 67 p. (In Russ.).

15. Morozova, I.S. (2006) Yuridicheskie isklyucheniya kak ob"ekt nauchnogo issledovaniya [Legal exceptions as an object of scientific research]. *Yuridicheskaya mysl'*, no. 6 (37), pp. 19–30. (In Russ.).

16. Myznikova, E.A. (2011) Tseli v prave: teoretiko-pravovoy analiz [Goals in law: theoretical and legal analysis]. Abstract of Ph. D. thesis. Krasnodar, 27 p. (In Russ.).

17. Rep'ev, A.G. (2018) Preimushchestva v prave: obshcheteoreticheskiy aspekt [Advantages in law: a general theoretical aspect]. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 244 p. (In Russ.).

18. Sumenkov, S.Yu. (2012) Isklyucheniya v prave: teoreticheskie osnovy, yuridicheskaya otsenka, sistemnyy analiz [Exceptions in law: theoretical foundations, legal assessment, and system

analysis]. Saratov, Saratov State Law Academy, 345 p. (In Russ.).

19. Sumenkov, S.Yu. (2019) Privilegiya kak pravovoe preimushchestvo [Privilege as a legal advantage]. *University proceedings. Volga region*, no. 3 (51), pp. 88–96. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2019-3-9.

20. Sumenkov, S.Yu. (2009) Tselevoye prednaznacheniye isklyucheniya v prave [Target destination of exceptions within law]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava*, no. 5 (69), pp. 30–33. (In Russ.).

21. Sumenkov, S.Yu. (2011) Yuridicheskie isklyucheniya i ikh tseli: teoreticheskiy i prakticheskiy aspekty [Legal exceptions and their goals: theoretical and practical aspects]. In: *Problemy teorii prava: lichnost', obshchestvo, gosudarstvo. Collection of scientific articles, iss. 2*. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Agrarian University, pp. 79–85. (In Russ.).

22. Chinchikova, G.B. (2007) Probely v prave i zakone: problemy pravovogo "khaosa" i kachestvo normativno-pravovykh aktov [Gaps in law and legislation: problems of legal "chaos" and the quality of normative legal acts]. *Biznes v zakone*, no. 4, pp. 63–65. (In Russ.).

23. Shulyat'ev, I.A. (2015) Ponyatie i znachenie tseley v prave Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [The concept and importance of objectives in the law of the Eurasian Economic Union]. *Voprosy ekonomiki i prava*, no. 88, pp. 26–28. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.М. Апкаев — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний.

Information about the author

D.M. Apkaev – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 34—41.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 34–41.

УДК 340 + 343
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.003

NIION: 2015-0065-04/24-254
MOSURED: 77/27-010-2024-04-453

Научная специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Государственная граница как объект национальной безопасности: исторический и философско-правовой анализ¹

Леонид Викторович Голоскоков

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия,
l.v.goloskokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4113-1571>

Аннотация. В статье показаны исторические аспекты формирования понятия границы и необходимость защиты государственных границ не только в их физическом понимании, но и в понимании ментальном, когда они представляют собой пространства, через которые проникают враждебные нам идеология, культура и мораль. Рассмотрены возможности преодоления узости чисто юридического мышления и использования философии как науки более высокого уровня для нахождения ответов на актуальные вопросы защиты и охраны границ.

Ключевые слова: государство, право, законодательство, государственная граница, история, философия, время, пространство, территория, война.

Для цитирования: Голоскоков Л.В. Государственная граница как объект национальной безопасности: исторический и философско-правовой анализ // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 34—41. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.003.

State border as an object of national security: historical and philosophical-legal analysis

Leonid V. Goloskokov

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow,
Russia, l.v.goloskokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4113-1571>

Abstract. The article shows the historical aspects of the formation of the concept of border and the need to protect state borders not only in their physical sense, but also in their mental sense, when they represent spaces through which hostile ideology, culture and morality penetrate. The possibilities of overcoming the narrowness of purely legal thinking and using philosophy as a higher-level science to find answers to current issues of border protection and security are considered.

Keywords: state, law, legislation, state border, history, philosophy, time, space, territory, war.

For citation: Goloskokov, L.V. (2024) State border as an object of national security: historical and philosophical-legal analysis. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 34–41. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.003.

Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» определяет в ст. 1 государственную границу Российской Федерации так: «Государственная граница Российской Федерации (далее — Государственная граница) есть линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федера-

ции»². Далее, ст. 5 закона определяет, что «прохождение Государственной границы устанавливается и изменяется международными договорами Российской Федерации, федеральными законами».

Однако история появления у государства границ, их определение, закрепление, изменение, охрана, защита, — далеко не такая про-

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

² Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17, ст. 594.

стоя и прямолинейная, как определяет закон. Развитие понятия границы начинается в далёкой истории, но мы рассмотрим, как красочно его описал в XX в. немецкий географ, социолог и военный деятель Карл Хаусхофер.

Н.А. Балаклеец, В.Т. Фаритов цитируют Карла Хаусхофера: «Границы могут быть установлены Богом, природой и человеком»³ — и продолжают: «Первый тип границ относится к области религиозного предания и является предметом теологии и метафизической онтологии. Уже в Ветхом Завете мы можем найти понимание события установления границ в качестве божественного творения: „Меня ли вы не боитесь, говорит Господь, предо Мною ли не трепещете? Я положил песок границей морю, вечным пределом, которого не перейдет; и хотя волны его устремляются, но превозмочь не могут; хотя они бушуют, но переступить его не могут. А у народа сего сердце буйное и мятежное; они отступили и пошли“ (Иеремия 5:22—23). Бог устанавливает границы сущего, Он же устанавливает границы моральных норм и законов. Тем самым границы приобретают сакральный характер. Однако кризис метафизической парадигмы привёл сначала к секуляризации, а затем и к нигилистическому ниспровержению священных границ»⁴.

Чтобы границы не ниспровергались, их нужно охранять и защищать, и по этому поводу В.В. Шумов пишет, что «природа пограничной безопасности двоякая: являясь ценностью, она в то же время выступает и как общественное благо. Ценность пограничной безопасности переживается сердцем, в качестве блага безопасность признаётся разумом. Пограничная безопасность как общественное благо в противоположность частным благам неконкурентна (потребление блага одним человеком не сокращает количество блага, доступное другим) и носит неисключительный характер (невозможно никого исключить из пользования этим благом)»⁵. Это ценностные и сложные для понимания и тем более для отражения в тексте закона понятия.

Современное законодательство оперирует понятиями, используя их в упрощённом, пря-

мом и обычно довольно узком смысле, и это правильно, поскольку неопределённость или широта понятий и терминов не позволяет создать действенный закон. Однако реальность всегда сложнее юридических конструкций, которые отражают лишь малую часть окружающего нас мира — только её тонкий срез юридических правоотношений. Когда опора на один лишь закон в регулировании любых правоотношений или социальных процессов даёт сбой, необходимо уходить уровнем выше и искать ответы во множестве тех плоскостей (сфер, пространств), которые право не видит, не знает и не использует. А это мир ценностей, идей, менталитета, культуры.

Покажем часть таких уровней в области культуры, которая современным законодательством, слава Богу, урегулирована в незначительной степени, но, с другой стороны, это приводит и к своим проблемам. О них пишет заместитель министра культуры РФ А.Е. Бусыгин: «Возникают проблемы и с такими направлениями, как русское народное искусство. У нас есть профессиональные коллективы: ансамбль „Березка“, Хор Пятницкого, Оркестр народных инструментов имени Н.П. Осипова, Ансамбль имени И. Моисеева. Им очень трудно конкурировать с теми, кто привозит в Россию поп-звезд мирового уровня и готов вносить огромную арендную плату за помещение. Мы теряем массовую аудиторию. Телевидение совершенно не пропагандирует это направление народного искусства, и поэтому какие-то управленческие решения необходимы в этой сфере»⁶.

Значит, границы в этой сфере совершенно прозрачны и никем не охраняются, и здесь начинается процесс вытеснения западной поп-культурой нашего национального культурного пласта и замена нашей культуры иностранной. Это фон, на котором происходит совершенно незаметное вызревание у нашей молодёжи поклонения перед всем западным в сфере культуры и искусства, падение морали, что исправить во взрослом состоянии крайне сложно, а чаще — невозможно. Право не может приказывать любить наше искусство, а само искусство может обратиться на себя внимание молодёжи, если его не забивать чужой культурой и искусством, которым не поставлены никакие границы. Как такие границы поставить, юристы не знают.

³ Балаклеец Н.А., Фаритов В.Т. Феномен границы в контексте европейской постметафизической философии: К. Хаусхофер и Ф. Ницше // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 61.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Шумов В.В. Пограничная безопасность как ценность и общественное благо // XII Всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ-2014 (Москва, 16—19 июня 2014 г.). М., 2014. С. 6272.

⁶ Бусыгин А.Е. Культурная политика: границы государственного влияния // Культура и образование. 2011. № 2 (9). С. 19.

Данный вид границ является ментальным, и ментальная сфера оказалась абсолютно не защищённой и легко преодолимой враждебным влиянием. Поэтому правильно пишет генерал-майор юстиции в запасе В.Е. Чеканов, что «даже самые совершенные законы никогда не будут работать в обществе с низким уровнем морали, состоящем из безнравственных людей»⁷. Вот такая связь между культурой и правом — взаимная, обратная, безусловная и сильная.

Где про это написано хоть в каком-то законе? Нигде. А знать и понимать такие связи необходимо как при принятии новых законов, которые будут действовать долго, так и при принятии быстрых решений, которые нужны в экстренных ситуациях управления государством. Для принятия таких решений нужно держать в голове управленца огромное количество разных знаний, что означает, что управленец (законодатель, любое лицо, осуществляющее государственное управление) должен иметь высокий уровень культуры, образования и морали. Поскольку управление в сфере права обычно осуществляется коллегиально, то такими качествами должны обладать все лица, принимающие законы или решения. Как показывает практика, такого высокого качества интеллектуальной управляющей элиты просто нет. Это факт, который и приводит к результатам управления, которые мы порой видим в реальности: примитивные, запоздалые и ошибочные решения во всех сферах, включая сферу охраны и защиты государственной границы.

Для продуктивного мышления и управления нужно понимание того, что отсутствует непосредственно в законодательстве, и использовать это отсутствующее в практике. Но для этого нужно знать, что же отсутствует и как его применить. Именно в таком плане Н.А. Балаклеец и В.Т. Фаритов описывают вовсе не правовые, но философские размышления К. Хаусхофера: «Граница одновременно разграничивает и соединяет. Признание собственных границ требует признания и границ другого, на основании чего становится возможным полноценное взаимодействие с другим именно как с другим. Трансгрессия, в свою очередь, ведёт к устранению границ между мной и другим, в результате чего о коммуникации уже не может быть и речи: нет, собственно говоря, того, с кем можно было бы коммуницировать. Непризнание границ нередко связано с агрессивной установкой на асси-

миляцию или устранение другого. Подлинная коммуникация (будь то дружба или любовь) возможна только при условии сохранения другого в качестве другого, а себя — в качестве себя, т. е. требуется осознанное полагание границ, а не их преодоление или нарушение»⁸.

Вся эта «философия» сложна для понимания, то ли дело — относительно простые и ясные определения, термины и статьи закона. Кто из юристов (законодателей) помнит, знает, способен и готов применять в конкретной ситуационной ситуации философское понимание, которое более широко, чем правовое, и при этом нигде в коротких и ясных тезисах в письменной форме не зафиксировано? Как философское понимание соотносится с предписаниями закона? Допускает ли закон мгновенное принятие правильного решения с использованием философских категорий, философских подходов? Ответы на все эти вопросы отрицательные.

Значит, все решения будут приниматься на основе закона. Если закон адекватен ситуации и исполнители будут действовать правильно, то хорошо. Но закон обычно является хоть в какой-то степени устаревшим, а исполнители приносят в процесс управления свои ошибочные действия. Правильное, адекватное, своевременное решение, опирающееся на понимание процессов во всех сферах действительности, а не только в одной правовой плоскости, практически невозможно, поскольку оно прежде всего будет противоречить устаревшим или неадекватным нормам права.

Нематериальные, идеологические, ментальные компоненты, присутствующие в поле нашего исследования — государственной границы, — воздействуют на стойкость границы физической (обустроенной материальными средствами защиты) не менее, а иногда более сильно, чем такие факторы, как техническое обеспечение границы, финансовое обеспечение, внедрение новых технологий пограничной охраны и т. п. Так, В.В. Шумов об этом пишет следующее: «Примерно с середины — конца 1970-х годов финансовые и материальные затраты на охрану границы стали давать всё меньший дополнительный эффект (в силу экспоненциального вида пограничной производственной функции). Попытка повторения внедрения прорывных организационно-технических технологий (система дистанционного радиолокационного наблюдения) оказалась unsuccessful. В обществе начали складываться представления, что зат-

⁷ Чеканов В.Е. Статус государственной границы Российской Федерации // ПЛАТОН. 2013. № 4. С. 32.

⁸ Балаклеец Н.А., Фаритов В.Т. Указ. соч. С. 64.

раты государства на охрану границы излишни, связь пограничных войск с общественными организациями становилась всё более формальной. С конца 1980-х годов в общество и научную среду стали внедряться идеи открытости границ, глобализации и т. д. Шло дальнейшее понижение представлений о потенциальном ущербе от одного нарушителя границы. В результате ценность пограничной безопасности снижалась. 5-й этап (с 1991 г. по н. в.). После краха СССР уровень пограничной безопасности резко упал. Границы стали „прозрачными“, и через них хлынул поток контрабанды, наркотиков, нелегальных мигрантов и террористов»⁹.

Теперь, после роста именно этих преступных потоков, нам нужно очень много следователей, чтобы расследовать массу уголовных дел по всем этим давно известным видам преступлений, но поток которых по сравнению с 1991 годом увеличился многократно. Теперь мы вынуждены делать избыточно много методической работы по составлению практических пособий по расследованию всех этих преступлений. Теперь, оглядываясь назад, можно прийти к выводу о том, что с 1991 года следовало бы заняться профилактикой, чтобы не допустить роста трансграничного потока преступности и вала дел для оперативников и следователей.

Поэтому прав В.В. Шумов: «...нельзя рассматривать безопасность государства, общества без учёта границ. Это будет в лучшем случае структурный анализ, но никак не системный. Внешняя среда — важнейшая категория системного анализа. Взаимодействие с внешней средой происходит посредством границ. Границы порождают новые качества; разделяя государства и народы, они в то же время объединяют их. Имея модели социального влияния, описывающие поведение агента в условиях внешних воздействий, можно ставить и решать задачи социального управления и социального противоборства в различных областях деятельности, включая безопасность и борьбу с преступностью»¹⁰.

Однако граница имеет не только проблемное поле, определяемое наличием физических границ, но и поля более высокого уровня.

Вопрос не только о границах на картах, но границах в более широком смысле слова, как идея о мистической территории, не связанной с государственными границами, была озвучена 4 марта 2024 года, когда, выступая на Всемирном молодежном форуме в Сириусе с лекцией о

границах государства, Д. Медведев озвучил следующую мысль: наш президент сказал, что «границы России нигде не заканчиваются... Эти [стратегические] границы не сводятся к физическим размерам стран, их воздушного пространства и территориальным водам, они не связаны напрямую с государственным суверенитетом. Стратегические границы того или иного государства прямо зависят от того, насколько далеко простирается его политическая мощь, насколько сильной и суверенной является та или иная страна и её власть, конечно. Чем мощнее государство... тем дальше распространяются её стратегические фронтиры за пределами её государственных границ и тем масштабнее стратегическое пространство, на которое такая страна оказывает экономическое, политическое, социально-культурное влияние. Это и есть зона национальных интересов государства»¹¹.

Посмотрим, откуда появилась эта мысль, и так ли она нова и необычна. На самом деле эти идеи давно известны в европейской политической, правовой и философской культуре. Так, четыре века назад Бенедикт (Барух) Спиноза (1632—1677) писал, что «право каждого простирается так далеко, как далеко простирается определённая ему мощь»¹². Здесь речь идёт не только о личности, но и о государстве, которое мыслит свои границы и за пределами границ территориальных, изображённых на карте, если чувствует за собой силу, возможность и необходимость их расширить. И как известно из истории, как только такая способность созревает, государство предпринимает действия по расширению своих физических границ. Но только до тех пор, пока соседнее государство не ощутит в себе силы, способность и необходимость сделать то же самое, вернуть себе утраченные границы и расширить их так, как позволит уже его мощь.

Границы пульсируют, как и вся вселенная, что открыли только в 2012 году физики Р. Пенроуз и В. Гурзadyн, заявив об открытии пульсирующей вселенной¹³, и это лишний раз доказывает прогностическую роль науки, даже если она в какой-то период истории вся находилась в лоне церкви и говорила о пульсирующем пространстве.

¹¹ Границы России нигде не заканчиваются — Медведев. URL: <https://rube.ru/video/420dfe898e899735e9ce98a330175f9/?r=wd> (дата обращения: 21.08.2024).

¹² Спиноза Б. Богословско-политический трактат (пер. с лат. М. Лопаткина) // Избранные произведения: в 2 т. / Б. Спиноза. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1957. С. 203.

¹³ Тихомиров В. Шире мир // Огонёк. 2012. № 28. С. 36—38.

⁹ Шумов В.В. Указ. соч. С. 6275.

¹⁰ Там же. С. 6280.

А в лоне церкви наука пребывала в том числе и в России, о чём пишет в своём исследовании 2007 года В.А. Рогов, который показывает непостижимую сложность взаимодействия пространства, времени и права, открытую пятьсот лет назад: «Средневековые представления о многомерности бытия были связаны с регулятивной функцией права. В существующей правовой литературе это соотношение с правом мыслится в линейных представлениях, как деятельность в границах государства, которые определяют законность поведения подданных. Но в период Московской Руси государственная территория понималась не линейно. Она объёмна, устремлена „ввысь“, соприкасаясь с сакральной сферой мира. Она представляла собой объём в куполе под покровом Пресвятой Богородицы. Пространство внутри государственных границ и пространство действия национального права не совсем совпадали в границах. Границы государства определяли пределы действия власти монарха. Действие норм могло быть шире, основываясь на их религиозном понимании и мистической трактовке. Важнейшая задача спасения России от грехов осуществлялась путём „разрыва“ с государственными границами и „перемещения“ в мистическое пространство. „Сколько будет в России православия, столько будет и самой России“ — так представлялись пределы мистической территории, не связанной с государственными границами. Эта формула была выражена преп. Филофеем (1465—1543 гг.). Здесь проявлялась идея наличия пульсирующего, расширяющегося пространства»¹⁴.

Итак, 500 лет назад — Филофей, 400 лет назад — Спиноза, а теперь — современная интерпретация Д.И. Медведева этих же идей в его лекции.

Показанные аспекты понимания границ сильно расходятся с правовым определением, принятым в *Постановлении № 47-13 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ*, согласно которому «государственная граница — 1) условная замкнутая поверхность или совокупность таких поверхностей, определяющих пространственные пределы территории государства (суши, вод, недр, воздушного пространства); 2) линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие

пределы территории государства (суши, вод, недр, воздушного пространства)»¹⁵.

Как показала недавняя история, это правовое определение границы в рамках его философского и мистического понимания неоднократно оспаривалось многими государствами, подписавшими упомянутое нами *Постановление № 47-13 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «О Глоссарии терминов и понятий, используемых государствами — участниками СНГ в пограничной сфере»*.

Отсюда видно, что сугубо практические и формально-правовые вопросы делимитации, демаркации и редемаркации прохождения государственной границы, закреплённые в международных документах, элементарно оспариваются и нарушаются в рамках их понимания философского или мистического толка, которое иногда оказывается сильнее формально-правового понимания и полностью опрокидывает договоры и нормы права.

Поэтому политикам, законодателю, юристам, военным, пограничникам нужно изучать исторические и философские подходы, чтобы не быть в плену иллюзий нерушимости правовых норм, которые договаривающиеся стороны определили, в частности, так: «Установление государственной границы — документальное описание прохождения государственной границы, а также делимитации, демаркации и редемаркации прохождения государственной границы»¹⁶. Сами же договаривающиеся стороны нарушают свои формальные установления под действием неформальных, неправовых, часто даже иррациональных причин, которые оказываются сильнее писаных норм договоров.

Поэтому доктор философских наук, профессор Военного университета МО РФ В.А. Бондаренко пишет: «Проблема управления качеством охраны государственной границы в специальной литературе в прямой постановке не формулировалась. Эта проблема не исследовалась и в философском аспекте. В такой познавательной

¹⁴ Рогов В.А. Право — пространство — время в богословии и средневековой Руси (о средневековых верованиях и идеях в перспективе): монография. М., 2007. С. 23.

¹⁵ Постановление № 47-13 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «О Глоссарии терминов и понятий, используемых государствами — участниками СНГ в пограничной сфере» (принято в г. Санкт-Петербурге 13.04.2018). Договаривающиеся стороны: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина. Сверено по сайту Исполнительного комитета СНГ <http://cis.minsk.by> по состоянию на 16.07.2018.

¹⁶ Там же.

ситуации именно на философии лежит ответственность за постановку вопроса об уточнении философских оснований и методологических подходов к её исследованию. В истории науки имеется много свидетельств продуктивности первенства философских подходов в постановке и первичном осмыслении неисследованных или малоизученных научных проблем, при этом второй шаг — конкретно-научная их разработка — существенно облегчался. Качество охраны можно определить через свойство (основное свойство, система свойств) деятельности охраняющих подразделений, охранников. С позиций онтологии свойство не является вещью, но изучается и подвергается управленческому воздействию как вещь и изучается как вещь, поскольку в нем (свойстве) выделяются свойства (т. е. свойства свойств). Следовательно, для изучения проблемы управления качеством охраны государственной границы необходимо ориентироваться на онтологию («вещь, свойство, отношение», в рамках которой вырабатываются важные требования к познанию вещей, свойств отношений и их взаимосвязей), а также на логику предикатов»¹⁷.

И далее философ обращает внимание на важность математического аспекта: «Для исследования моментов, состояний и процессов используется не только логика предикатов, но такие разделы современной математики, как теории математической статистики, сетей, графов и др. Они позволяют адекватно реализовывать требования не только онтологии свойств, но и онтологии процессов. Чаще всего процессы описываются с помощью математического аппарата сетей — специального вида графов, где сам граф выражает процесс, а его дуги (или ребра) отображают подпроцессы, узлы — моменты. Такой математический аппарат позволяет моделировать процессы управления качеством и адекватно осуществлять их компьютерную оценку»¹⁸.

Несомненно, что математические методы важны, и надо полагать, что их уже используют в системах управления качеством охраны государственной границы. Однако все ли проблемы в сфере охраны государственной границы они способны решить?

Как оказалось, важнейшие задачи по охране государственной границы пока не были ре-

шены никакими методами: ни техническими, ни организационными, ни финансовыми, ни математическими, ни иными во всей их совокупности. Наркотики, чуждая идеология, чуждая культура проникают сквозь границы так, как будто границ нет совсем, и их разрушающее действие в сумме по своим последствиям может превосходить разрушение от военного проникновения войск врага через государственную границу. Старые юридические представления о границах и их защите оказались в этой части совершенно неадекватны современной ситуации. Способность права как инструмента регулирования и защиты государственной границы оказалась нулевой.

Об этом в абзаце 85 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации сказано: «Всё более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности. Абсолютизируется свобода личности, осуществляется активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма, насаждается культ насилия, потребления и наслаждения, легализуется употребление наркотиков, формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни. Проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений становятся предметом геополитических игр и спекуляций, порождающих вражду и ненависть»¹⁹.

Всё описанное в Стратегии разрушительное влияние осуществляется именно трансграничным способом, и имеющиеся технические и правовые способы препятствовать этому пока не могут. Поэтому поиск решений показанных проблем нужно искать на более высоком уровне, чем право, а это уровень философии.

Посмотрим, почему универсальный и древний инструмент регулирования и управления — право — оказался несостоятельным. Потому что право представляет собой упрощённую картину мира, зафиксированную на одной плоскости, в том числе и в прямом смысле слова — на плоских листах бумаги или плоском экране компьютера. Нормы права всегда создавались как реакция на события, явления, процессы. Они действуют сегодня, но на основе вчерашних представлений, а жизнь течёт не останавлива-

¹⁷ Бондаренко В.А. Философские и методологические аспекты системы управления качеством охраны государственной границы // *Пространство и Время*. 2012. № 1 (7). С. 200.

¹⁸ Там же. С. 201.

¹⁹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

ясь, и правовые нормы не успевают регулировать всё время уходящую в будущее реальность. Значит, право регулирует не реальность, а вчерашний день и в его очень приблизительном понимании, то есть нечто уже не существующее или частично не существующее.

Кроме того, одна плоскость права не может вместить в себя отражение объёмного и динамичного мира, поскольку оно делает это путём текстуального описания. Внутри текста нет объёма, цвета, движения, интенций, духа, идеи, интуиции, внезапного порыва души и присущей человеку известной степени иррациональности, а всё это в совокупности является предпосылкой реальных управленческих действий помимо правовых предписаний и часто — вопреки им. Правовой текст частично учитывает прошлое, совершенно не знает будущего, но берётся его регулировать. Нужны какие-то другие способы создания регулирующих инструментов, и они должны предусматривать опережающее мышление и опережающие способы действия, а не вечно отстающие, какими обычно оперирует право.

Право — важная, но лишь одна из множества плоскостей, отражающих многомерную реальность. Право можно представить и так — оно является лишь одной из проекций многомерного мира на одну из плоскостей, и тогда оно выглядит как тень сложного объекта (нашего социального мира) на плоскости. Спросим уверенных в своём инструменте юристов: может ли расположенная на плоскости чёрная и статичная тень от объёмного объекта (право) быть инструментом регулирования самого объекта, который динамичен и неизмеримо сложнее своей тени?

Разумеется, нет, и так происходит лишь потому, что более совершенного инструмента регулирования у юристов пока нет. Философия всё же позволяет проникать вглубь вещей немного дальше, видеть больше. Как мы показали, такое понимание имеет место и проявляется там, где лица, управляющие государственными процессами, проявляют волю, выходят за рамки стереотипов и застывших формальностей права, используют методы и инструменты других наук и искусств, руководствуясь при этом высшими ценностями и интересами своего государства и общества.

Поэтому нужно овладевать и иными способами мышления и действия, которые не являются юридическими. Например, стоящие на первом месте в деле охраны государственной

границы военное дело и разведка далеко не всегда основывают свои действия с опорой на право, ибо, действуя только так, они обрекут свою деятельность на провал, так как в рамках границ их юрисдикции внутри государства право и законодательство заканчиваются в этих же границах, а дальше идут территории и пространства других стран, где действуют другие законы и иное понимание мира, часто враждебное и опасное для нашего государства и общества.

Пограничная деятельность по охране и защите государственной границы во многом тоже сродни искусству, поэтому, зная, понимая и соблюдая законы, договоры, конвенции и отдавая дань праву, нужно ещё включать историческое и философское мышление, чтобы не допустить критических ошибок в управлении, в защите и охране государственной границы и не допустить развала своей страны по причине нарушения государственной границы любыми известными старыми и новыми способами.

Список литературы

1. Балаклеец Н.А., Фаритов В.Т. Феномен границы в контексте европейской постметафизической философии: К. Хаусхофер и Ф. Ницше // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 61—67. doi: 10.17223/15617793/459/7.
2. Бондаренко В.А. Философские и методологические аспекты системы управления качеством охраны государственной границы // Пространство и Время. 2012. № 1 (7). С. 199—206.
3. Бусыгин А.Е. Культурная политика: границы государственного влияния // Культура и образование. 2011. № 2 (9). С. 17—19.
4. Рогов В.А. Право — пространство — время в богословии и средневековой Руси (о средневековых вероятностях и идеях в перспективе): монография. М.: МГИУ, 2007. 179 с.
5. Чеканов В.Е. Статус государственной границы Российской Федерации // ПЛАТОН. 2013. № 4. С. 30—32.
6. Шумов В.В. Пограничная безопасность как ценность и общественное благо // XII Всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ-2014 (Москва, 16—19 июня 2014 г.). М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2014. С. 6271—6281.

References

1. Balakleets, N.A. & Faritov, V.T. (2020) Fenomen granitsy v kontekste evropeyskoy postmetafizicheskoy filosofii: K. Khaushkofer i F. Nitshe

[The phenomenon of the border in the context of European post-metaphysical philosophy: Karl Haushofer and Friedrich Nietzsche]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, no. 459, pp. 61–67. (In Russ.). doi: 10.17223/15617793/459/7.

2. Bondarenko, V.A. (2012) Filosofskie i metodologicheskie aspekty sistemy upravleniya kachestvom okhrany gosudarstvennoy granitsy [Philosophical and methodological aspects of state border protection quality management system]. *Space and Time*, no. 1 (7), pp. 199–206. (In Russ.).

3. Busygin, A.E. (2011) Kul'turnaya politika: granitsy gosudarstvennogo vliyaniya [Cultural policy: the boundaries of state influence]. *Kul'tura i obrazovanie*, no. 2 (9), pp. 17–19. (In Russ.).

4. Rogov, V.A. (2007) Pravo – prostranstvo – vremya v bogoslovii i srednevekovoy Rusi (o sred-

nevekovykh veroyatnostyakh i ideyakh v perspektive) [Law – space – time in theology and Medieval Russia (on medieval probabilities and ideas in perspective)]. Monograph. Moscow, Moscow State Industrial University, 179 p. (In Russ.).

5. Chekanov, V.E. (2013) Status gosudarstvennoy granitsy Rossiyskoy Federatsii [The status of national boundary of the Russian Federation]. *PLATON*, no. 4, pp. 30–32. (In Russ.).

6. Shumov, V.V. (2014) Pogranichnaya bezopasnost' kak tsennost' i obshchestvennoe blago [Border security as a value and public good]. In: *XII Vserossiyskoe soveshchanie po problemam upravleniya VSPU-2014, Moscow, June 16–19, 2014*. Moscow, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences, pp. 6271–6281. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.В. Голоскоков — ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

L.V. Goloskokov – Leading Researcher of the Research Department of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel and Organization of Research Work of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Law, Associate Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Муниципальное право России. 13-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф УМО по юридическому образованию вузов РФ. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки / Под ред. Б.С. Эбзеева, Г.А. Гаджиева, А.М. Осавелюка, Н.М. Чепурновой, Л.Т. Чихладзе. 559 с.

ISBN: 978-5-238-03848-3

Изложены основные теории местного самоуправления, рассмотрена история возникновения и развития самоуправления в России. Показаны современные подходы к пониманию местного самоуправления, главные направления государственной политики России в этой области. Представлены предмет, метод, система и источники муниципального права. С учетом комплексного характера определено особое место муниципального права в системе российского права. Рассмотрены формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и его участия в нем. Описаны структура органов местного самоуправления и различные модели ее организации.

Для студентов (курсантов), аспирантов (адъюнктов) и преподавателей высших юридических образовательных учреждений, органов и должностных лиц местного самоуправления. Может быть использован в учебном процессе по дистанционным образовательным технологиям.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 42—48.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 42–48.

УДК 35.07(091)
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.004

NIION: 2015-0065-04/24-255
MOSURED: 77/27-010-2024-04-454

Научная специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Исторические аспекты создания института административного контроля (надзора): от приказной системы Московского государства до системы государственного контроля императорской России

Сергей Алексеевич Правкин¹, Елена Анатольевна Сунцова²

¹Российский университет транспорта, Москва, Россия, Pravkin@bk.ru

²Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия, suntsovanelly@mail.ru

Аннотация. Анализ проблем исторических аспектов возникновения системы органов контроля (надзора) показывает изменяющуюся систему полномочий, раскрывает определенную линию, направленную на совершенствование власти в целях создания современного эффективного государства с развитым современным аппаратом управления и контроля, который применяет технологические подходы, обеспечивающие комплексную защиту прав и свобод физических и юридических лиц. Изучение исторического опыта нас в определенной мере защищает от ошибок.

Современная система контроля (надзора) основана на системе управления рисками в системе административного управления. Рискориентированный подход в современной российской контрольно-надзорной деятельности и исторический опыт применения института контроля (надзора) в сочетании методов и средств раскрывают содержание и формы этой деятельности в сравнительно-правовом аспекте. Контрольная (надзорная) функция важна для каждого государства в любом периоде, но проявляется она со своими особенностями, своей правовой природой и содержанием, системой органов обеспечения контроля (надзора), правовых средств и механизмов обеспечения контрольно-надзорной деятельности.

Ключевые слова: контроль (надзор), контрольно-надзорная деятельность, государственные начала, система учреждений, предварительный контроль, фактический контроль.

Вклад авторов: Правкин С.А. — сбор материалов, написание текста; Сунцова Е.А. — обработка и анализ полученных данных, написание текста.

Для цитирования: Правкин С.А., Сунцова Е.А. Исторические аспекты создания института административного контроля (надзора): от приказной системы Московского государства до системы государственного контроля императорской России // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 42—48. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.004.

Historical aspects of the creation of the institution of administrative control (supervision): from the system of governmental bodies in the Moscow State to the system of state control in Imperial Russia

Sergey A. Pravkin¹, Elena A. Suntsova²

¹Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, Pravkin@bk.ru

²Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia, suntsovanelly@mail.ru

Abstract. Analysis of the problem of historical aspects of the emergence of a system of control (supervision) bodies shows a changing system of powers, reveals a certain line aimed at improving power in order to create a modern effective state with a developed modern apparatus of management and control, which applies technological approaches that ensure comprehensive protection of rights and freedoms individuals and legal entities. The study of historical experience protects us from mistakes to a certain extent.

The modern control (supervision) system is based on a risk management system in the administrative management system. The risk-oriented approach in modern Russian control and supervisory activities and the historical experience of using the institution of control (supervision) in a combination of methods and means reveal the content and forms of this activity in a comparative legal aspect. The control (supervisory) function is important for every state in any period, but

it manifests itself with its own characteristics, its legal nature and content, a system of control (supervision) bodies, legal means and mechanisms for ensuring control and supervisory activities.

Keywords: control (supervision), control and supervisory activities, government principles, system of institutions, preliminary control, actual control.

Contribution of the authors: Pravkin S.A. — collection of materials, text writing; Suntsova E.A. — data analysis, text writing.

For citation: Pravkin, S.A. & Suntsova, E.A. (2024) Historical aspects of the creation of the institution of administrative control (supervision): from the system of governmental bodies in the Moscow State to the system of state control in Imperial Russia. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 42—48. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.004.

Контрольно-надзорная деятельность в любом государстве является системой мероприятий контрольно-надзорного производства, в ходе которого публичными органами контроля (надзора) происходит оценка соблюдения обязательных требований, принятия предписаний об устранении нарушений и привлечения к юридической ответственности. Контроль (надзор) осуществляется на современном этапе в соответствии с материальными законами по видам деятельности, обязательными требованиями по видам деятельности и специальными положениями о контроле (надзоре) на основе риск-ориентированного подхода.

В исследовании исторических аспектов контрольно-надзорной деятельности необходимо установление момента возникновения института контроля и надзора в России, этапов его развития.

Прежде появления института контроля оформились основные учреждения и функции государства, государственный аппарат. А.Н. Цамутали отмечал, что в вопросе образования государства и его органов С.М. Соловьев идет дальше К.Д. Кавелина, так как признает не только родовое начало, но и новое, княжеское, правительственное, которое не являлось государственным, но было родственным ему. В этом и состояла, по его мнению, законченность концепции государства Соловьева по сравнению с концепцией Кавелина¹. Кавелин, в целом принимая схему Соловьева о механизме передачи власти в Древней Руси, отмечал, что «в концепции Соловьева переход от родовых начал (родовая собственность, основанная на личных отношениях князей) к государственным не нашел достаточного обоснования, откуда взялись государственные начала, он не объясняет»². В этом

положении В.О. Ключевский раскрывает, или «разворачивает», формулу Б.Н. Чичерина о перерастании частного права в закон, показывая на исторических материалах содержание и этапы этого процесса. Смену договорных отношений государственными С.М. Соловьев рассматривает на основе анализа княжеских договоров и завещаний, отмечая, что «наконец в завещании Ивана IV удельный князь становится совершенно подданным великого князя, старшего брата, который носит уже титул царя»³.

Смена договорных отношений между князьями системой государственного права привела к образованию отдельных сословий, или «чинов», находящихся на службе у государства, и к созданию органов государственного контроля. Но русские люди, по мнению С.М. Соловьева, узнали о настоящем назначении государства и его органов впервые лишь в слаженно действующем государственном механизме Петра I. Назначение государства им видится в слаженном механизме государственной деятельности. Соловьев формулирует модель государства как большого сословно-представительного учреждения.

В некоторых сферах отраслевого управления формально сохранялось значение приказов, выполняющих функции управления и контроля. Проблематика государственного контроля (надзора) была поднята на высший уровень в петровский период. Появляются различные виды надзора, создается и совершенствуется целостная система управления.

Основная роль власти состояла в исключении произвола, установлении надлежащего контроля (надзора), разделении судебной и административной деятельности. Сенат времен Петра I выступает как высший контрольно-надзорный и судебно-административный орган России. Сенат осуществлял надзор во всех сферах, т. е. тотальный надзор. Но функции надзора он совмещал с функциями управления (коллегии,

¹ Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Ленинград, 1977. С. 99.

² Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 15.

³ Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 16. Работы разных лет. М., 1995. С. 32.

губернаторы), обладая как контрольно-надзорными, так и юрисдикционными полномочиями, разрешая споры между органами управления. Сенат был создан 22 февраля 1711 г. При Сенате действовал специальный надзорный орган — фискалитет, который возглавлялся генерал-фискалом, учреждалась должность его помощника — обер-фискала, который осуществлял надзор через систему фискалов на местах. Фискалы надзирали за законностью, следили, чтобы не расхищался бюджет, привлекали виновных к ответственности. Но фискалы как контрольно-надзорные органы злоупотребляли своей властью, что потребовало принятия в 1714 г. специального указа об ответственности фискалов. Помимо Сената функции контроля (надзора) наряду с управлением осуществляли коллегии, созданные вместо приказов как первых по факту органов в системе контроля (надзора).

Сенат постоянно осуществлял ревизии в системе органов управления и судебной системе, он был высшей апелляционной инстанцией для коллегий. Сенат был после императора высшим контрольно-надзорным органом. При коллегиях также были созданы должности прокуроров. Функциями Сената помимо надзора за законностью являлись вопросы распределения государственных доходов, финансовый и налоговый контроль.

Так как фискалитет Петра I не удовлетворял, а главное, не предупреждал нарушений, то следующим шагом в генезисе системы надзора было создание прокуратуры. Прокуратура была создана в 1722 г., возглавлялась она генерал-прокурором и осуществляла прокурорский надзор. В прокурорской системе создается следственная канцелярия. Но постепенно надзор отделяется от следствия, и следственная канцелярия переходит под контроль Вышнего суда. По политическим делам следствие осуществляла Тайная розыскных дел канцелярия. Генерал-прокурор контролировал деятельность генерал-фискала. Интересно, что в полномочия генерал-прокурора входил надзор за деятельностью Сената, генерал-прокурор обладал правом принесения протеста на его решения. Ревизии на местах осуществляли сенаторские комиссии. В этот период создаются также «майорские» следственные канцелярии, являвшиеся вневедомственными следственными органами⁴.

⁴ Макаренко М.А., Павлов Д.В. Правовые модели процессуального руководства, контроля и надзора за следственной деятельностью: история и современность // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 2. С. 97.

Для осуществления функций организации монетного дела, контроля доходов (системы налогов) действовала Камер-коллегия, Штатс-контр-коллегия контролировала расходы, Ревизион-коллегия с 1719 г. осуществляла контроль в системе финансов, привлекала к ответственности виновных в злоупотреблениях лиц, но ведомство приносило мало пользы, в основном из-за казнокрадства в системе контроля финансов. Финансовый контроль осуществляла Ближняя канцелярия наряду с Ревизион-коллегией и Ревизион-контрой Сената. В 1726 г. после смерти Петра I главную роль в государстве стал играть Верховный тайный совет, полномочия Сената были существенно сокращены. Несмотря на то, что в 1730 году Сенат вновь именуется Правительствующим, полномочия его сильно не изменились. Только после вступления на престол Елизаветы в 1741 г. Сенат снова возглавил систему органов управления и надзора.

Во второй половине XVIII в. к контрольно-надзорным органам относились Счетный приказ и Тайный приказ. Екатерина II была противницей усиления Сената и разделила его на департаменты, он утрачивает надзорные функции, оставаясь исключительно судебным органом. В период просвещенного абсолютизма большое значение для формирования государственного устройства имела губернская реформа Екатерины II. Была сделана ставка на жесткий унитаризм, унификация органов местного управления привела к уничтожению некоторых автономий. В то же время развитие городского законодательства привело к широкому развитию городского самоуправления, городское общество приобретало права юридического лица, горожане всех сословий избирали городского голову и гласных в городскую думу. Помимо общей городской думы избирался исполнительный орган (шестигласная дума), в которой были представлены основные сословия по одному гласному. Но важно было то, что в связи с губернской реформой была проведена судебная реформа (носившая сословный характер), отделившая функции административных и контрольных органов от судебных. Хотя непоследовательность этой реформы заключалась также в том, что губернаторы имели право приостанавливать исполнение приговоров по некоторым делам. В XVIII—XIX вв. вместе с системой абсолютизма зарождаются «такие виды пенитенциарного наблюдения, как государственный надзор и общественный конт-

роль»⁵. Именно с петровского периода наиболее четко прослеживается тенденция разделения судебных, административных и контрольных функций органов власти.

Александр I продолжил линию развития российской государственности. Учреждается министерская система управления, Сенат как орган управления стал не нужен. Министерства, являясь органами управления, совмещали свои функции с контрольно-надзорной деятельностью. Большое внимание уделялось административным и законодательным преобразованиям под руководством М.М. Сперанского. Его планы о создании двухпалатного парламента (Государственная дума и Государственный совет) не были реализованы, но они получили развитие в период буржуазного конституционализма в начале XX века. Вместо коллегиальной системы управления вводилась министерская система управления по отраслям, возглавляемая комитетом министров. При Александре I Сенат еще обладал правом контроля за деятельностью министерств, но этот контроль был формальным — реально роль Сената как высшего контрольно-надзорного органа падает. Высшей надзорной инстанцией был император. Важным этапом совершенствования финансового контроля в этот период стало создание в 1802 г. Министерства финансов, которое осуществляло функции составления сметы на очередной год и представления ее императору. Роспись для исполнения отправлялась казначею. Надлежащего финансового контроля, конечно, не было, так как не было отчетности по подлинным книгам счетов. Характерно, что Государственный совет был уже создан в 1810 году, и главной его функцией была законодательная деятельность, Сенат (состоящий из департаментов) стал тогда высшим судебным органом. С 1812 г. важным органом в государстве была Собственная его императорского величества канцелярия, осуществлявшая надзорную деятельность. Государственная инспекция счетов Сената осуществляла контроль расходов и доходов, как ранее это делала Ревизион-коллегия.

С 1811 г. при Александре I создается Главное управление ревизии государственных счетов. Государственный финансовый контроль распространялся не на все ведомства. Инфор-

мации как о самом бюджете, так и о расходовании бюджетных средств получить было нельзя, эта информация была секретной или очень ограниченного пользования.

В правление Николая I центральным государственным учреждением управления и контроля становится Собственная его императорского величества канцелярия, состоящая из шести отделений, которые по структуре и функциям являлись настоящими государственными учреждениями.

Период правления Александра II характеризовался тем, что судебная реформа привела к созданию двух самостоятельных судебных систем — мировых судов и коронного суда. Сенат выполнял функции высшей кассационной инстанции. При коронных судах (окружных судах и судебных палатах) состояли аппараты прокуратуры, следствия, присяжных поверенных и судебных исполнителей. В то же время сохранялись особые суды для высших чиновников, духовный суд, военный суд, крестьянский волостной суд, т. е. судебная реформа не была завершена и не могла быть завершена в отрыве от других преобразований, например, в социально-экономической сфере. Без уравниения сословий не мог быть создан бессословный суд. В период реформ Правительствующий сенат выполнял функции надзора и суда как высший орган в системе судебно-надзорных органов. С 1882 г. создается документальный контроль. Государственный контроль осуществляет многочисленные ревизии, не обладая юрисдикционными полномочиями.

Но в правление Александра III права верховной власти состояли в ограничении либерально-демократических преобразований, и это был период контрреформ. Мировые суды были упразднены, административно-контрольные органы взяли под контроль судопроизводство. Местное самоуправление превратилось в местное управление, члены которого объявлялись состоящими на государственной службе. При Александре III в составе Сената был создан высший дисциплинарный суд, который мог не только налагать взыскания на судей, но и отправлять их в отставку.

История института контроля часто связывается с 1811 годом, когда было создано Главное управление ревизии государственных счетов⁶, с 1836 года оно стало именоваться Государственным контролем. Этот период можно связывать

⁵ Бондаренко И.А. История развития государственного надзора и общественного контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений Российской империи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 71.

⁶ Владимирова О.В. Государственный финансовый контроль России в XVII—XIX вв. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2003. С. 28.

с юридическим оформлением государственного контроля. Все, что касалось государственных денежных потоков, попадало в «поле деятельности» Государственного контроля. Органы, отвечающие за распоряжение денежными средствами, периодически отчитывались за их расходование перед Государственным контролем, что должно было уберечь казну от бесконтрольных и нецелевых расходов⁷. Нормативного регулирования в сфере контроля в этот период было недостаточно, поэтому ревизионную деятельность на местном уровне осуществляли казенные палаты и их отделения. При этом собственных органов на местах у Государственного контроля не было. «В первой половине 19-го века в России все министерства и ведомства вполне свободно распоряжались казенными средствами. Министров и крупных чиновников такое положение дел вполне устраивало, тем более что со стороны государства контроль над расходованием денежных средств был весьма неэффективен»⁸.

В середине и второй половине XIX в., особенно в ходе Великих реформ Александра II, функции контрольного органа корректировались. В процессе проведения реформ в финансовой сфере полномочия Государственного контроля увеличились: началось осуществление контроля по подлинным финансовым документам, осуществлялся предварительный контроль в отношении целесообразности исполнения финансовых смет, фактический контроль по результатам исполнения финансовых документов.

Надзор долгое время осуществлялся в рамках полицейского надзора. Но с 1862 года контроль стал включать в себя и надзор. Таким образом, Государственный контроль осуществлял уже контрольно-надзорные функции, связанные с приходом, расходом, хранением капиталов в системе органов управления. При Александре II деятельность Министерства финансов усиливается, важными являются реформы в области финансового контроля. Вводится единый счет Государственного казначейства, что означало, что все доходы концентрируются в нем, а также в нем учитываются расходы.

«Образование государственного контроля», принятое 30 декабря 1836 г., со временем устарело, его требовалось совершенствовать или за-

менить. В 1889 г. при Александре III предлагается проект «Учреждения государственного контроля», с 1892 г. он вступает в силу. Государственный контроль теперь принимает участие в разработке и утверждении бюджета, контролеры за финансовые правонарушения взыскивают штрафы, осуществляя наряду с контролем юрисдикционные функции, а также функции надзора за банковской деятельностью. Создаются специальные органы финансового надзора за кредитной деятельностью, особенно в сфере строительства железных дорог.

Полицейский надзор — его функции, полномочия, система органов были определены в 1881 г. Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

В конце XIX в. Государственный совет оставался высшим надзорным органом, в котором было создано Особое присутствие для рассмотрения жалоб на действия Сената. В дополнение к контрреформам Александра III издаются акты Министерства внутренних дел: два положения о полицейском надзоре — негласном и гласном. В литературе упоминаются горный, фабричный, строительный, санитарно-эпидемиологический надзоры и надзор за торговой деятельностью. В Российской империи значимое место занимал «политический надзор», который осуществляли Сенат, Министерство внутренних дел, губернаторы. В 1880 г. при Министерстве внутренних дел создается Департамент полиции. Объектами надзора выступают органы крестьянского самоуправления, земские организации, уездные съезды, общественные собрания и др. Помимо этого, к полицейскому надзору можно отнести паспортный надзор, надзор за поведением в общественных местах, врачебно-полицейский надзор, надзор за подозрительными лицами.

Тем самым в этот период, наконец, было проведено отделение административного надзора от финансового контроля, именовавшегося государственным контролем⁹. Вместе с Положением о Государственном контроле 1892 г. создается система независимых контрольных органов. С 1885 г. была учреждена должность податного инспектора, в задачи которого входил надзор за поступлениями, в том числе налоговыми.

В правление императора Николая II была создана разветвленная система государственно-финансового контроля на основе опыта пере-

⁷ Ялбулганов А.А. Очерки истории финансового права дореволюционной России. М., 1998. С. 23.

⁸ Шепелева Д.В., Попова О.В. Эволюция государственного финансового контроля // Право и государство: теория и практика. 2020. № 12 (192). С. 31.

⁹ Елистратов А.И. Основные начала административного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1917. С. 252.

довых европейских государств. Эта система включала в себя высший орган финансового контроля — Государственный контроль и контрольные палаты на местах, подотчетные ему. Достоинством новой системы финансового контроля являлся введенный в практику управления принцип единства касс, позволивший эффективно управлять бюджетными потоками, преодолевший ранее существовавшую практику раздельности финансового регулирования. Появляется предварительный финансовый контроль как новый вид финансового контроля. Государственный контролер за финансами вошел в состав Совета министров.

Система государственного контроля, возглавляемая Государственным контролером, состояла из центральных и местных контрольных палат. Существовали и специальные органы контроля, например, за военными расходами. Привлечение к ответственности за нарушения в сфере финансов осуществлялось внутри ведомства по согласованию с его руководителем. При его несогласии контрольно-надзорное дело передавалось на рассмотрение Совета Государственного контроля, который свое постановление в сфере контроля передавал министру по подведомственности. При его несогласии с результатами контроля дело передавалось в Сенат. В XX веке Сенат снова после большого перерыва стал проводить сенаторские ревизии, по результатам которых дела в отношении чиновников передавались в суд. Государственная дума, созданная в 1906 г., осуществляла высший надзор за государственным финансовым контролем.

На основе анализа отечественного опыта развития административного института контроля (надзора) обозначенного периода мы приходим к выводу, что главной целью развития института контроля (надзора) является достижение приемлемого уровня соблюдения обязательных требований и сокращение ресурсов на поддержание функции контроля (надзора). Уже «начиная с 2012 года в России проводится реформа контрольно-надзорной деятельности в основном в отношении контроля за хозяйствующими субъектами, цель которой в создании прозрачной системы контроля, упрощении контрольных процедур, уменьшении количества проверок, сокращении документооборота»¹⁰. С со-

временных позиций видится, что основные цели проводимых реформ в сфере контроля (надзора) — это достижение состояния защищенности граждан и объектов контроля (надзора), обеспечение конституционно значимых ценностей при сокращении административного ресурса, экономии расходов и повышение эффективности системы государственного (муниципального) контроля (надзора).

Список литературы

1. Бондаренко И.А. История развития государственного надзора и общественного контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений Российской империи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 71—76. doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-1-71-76.
2. Владимирова О.В. Государственный финансовый контроль России в XVII—XIX вв. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2003. 228 с.
3. Елистратов А.И. Основные начала административного права. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. [8], 294 с.
4. Макаренко М.А., Павлов Д.В. Правовые модели процессуального руководства, контроля и надзора за следственной деятельностью: история и современность // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 2. С. 97—102. doi: 10.26163/GIEF.2021.86.69.014.
5. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М.: Текст, 1994. 317 с.
6. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 16. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. 733 с.
7. Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Ленинград: Наука, 1977. 256 с.
8. Шепелева Д.В., Попова О.В. Эволюция государственного финансового контроля // Право и государство: теория и практика. 2020. № 12 (192). С. 30—34. doi: 10.47643/1815-1337_2020_12_30.
9. Ялбулганов А.А. Очерки истории финансового права дореволюционной России. М., 1998. 60 с.
10. Ячный Е.С. Становление и развитие института контроля и надзора в новейшей истории России: к 30-летию Российской Федерации // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2021. № 2. С. 113—123. doi: 10.24412/2309-1592-2021-2-113-123.

¹⁰ Ячный Е.С. Становление и развитие института контроля и надзора в новейшей истории России: к 30-летию Российской Федерации // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2021. № 2. С. 113.

References

1. Bondarenko, I.A. (2021) Istoriya razvitiya gosudarstvennogo nadzora i obshchestvennogo kontrolya za deyatel'nost'yu penitentsiarnykh uchrezhdeniy Rossiyskoy imperii [History of the development of state supervision and public control over the activities of penitentiary institutions of the Russian Empire]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*, no. 1, pp. 71–76. (In Russ.). doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-1-71-76.
2. Vladimirova, O.V. (2003) Gosudarstvennyy finansovyy kontrol' Rossii v XVII–XIX vv. (istoriko-pravovoe issledovanie) [State financial control of Russia in the 17th – 19th centuries (historical and legal research)]. Ph. D. thesis. Belgorod, 228 p. (In Russ.).
3. Elistratov, A.I. (1917) Osnovnye nachala administrativnogo prava [Basic principles of administrative law]. 2nd ed. Moscow, G.A. Leman & S.I. Sakharov, [8], 294 p. (In Russ.).
4. Makarenko, M.A. & Pavlov, D.V. (2021) Pravovye modeli protsessual'nogo rukovodstva, kontrolya i nadzora za sledstvennoy deyatel'nost'yu: istoriya i sovremennost' [Legislative models of exercising procedural management, control and supervision over investigative activity: history and contemporaneity]. *Journal of Legal and Economic Studies*, no. 2, pp. 97–102. (In Russ.). doi: 10.26163/GIEF.2021.86.69.014.
5. Medushevskiy, A.N. (1994) Utverzhdenie absolyutizma v Rossii. Sravnitel'noe istoricheskoe issledovanie [The establishment of absolutism in Russia. Comparative historical research]. Moscow, Text, 317 p. (In Russ.).
6. Solov'ev, S.M. (1995) Sochineniya [Collected works]. Vol. 16. Moscow, Mysl', 733 p. (In Russ.).
7. Tsamutali, A.N. (1977) Bor'ba techeniy v russkoy istoriografii vo vtoroy polovine XIX veka [The struggle of trends in Russian historiography in the second half of the 19th century]. Leningrad, Nauka, 256 p. (In Russ.).
8. Shepeleva, D.V. & Popova, O.V. (2020) Evolyutsiya gosudarstvennogo finansovogo kontrolya [Evolution of state financial control]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, no. 12 (192), pp. 30–34. (In Russ.). doi: 10.47643/1815-1337_2020_12_30.
9. Yalbulganov, A.A. (1998) Ocherki istorii finansovogo prava dorevolyutsionnoy Rossii [Essays on the history of financial law in pre-revolutionary Russia]. Moscow, 60 p. (In Russ.).
10. Yachnnyy, E.S. (2021) Stanovlenie i razvitie instituta kontrolya i nadzora v noveyshey istorii Rossii: k 30-letiyu Rossiyskoy Federatsii [Formation and development of the institution of control and supervision in the modern history of Russia: to the 30th anniversary of the Russian Federation]. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs*, no. 2, pp. 113–123. (In Russ.). doi: 10.24412/2309-1592-2021-2-113-123.

Информация об авторах

С.А. Правкин — доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики» Российского университета транспорта, кандидат юридических наук, доцент;
Е.А. Сунцова — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S.A. Pravkin – Associate Professor of the Department of Legal Support of Public Administration and Economics of the Russian University of Transport (MIIT), Candidate of Law, Associate Professor;
E.A. Suntsova – Associate Professor of the Department of State and Law Disciplines of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 49–55.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 49–55.

УДК 614.253.83:343
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.005

NIION: 2015-0065-04/24-256
MOSURED: 77/27-010-2024-04-455

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

О сложностях правовой оценки медицинских ошибок при наличии решения консилиума врачей

Елена Георгиевна Быкова

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Екатеринбург,
Россия, nega83-03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3850-9366>

Аннотация. В следственной и судебной практике имеются сложности квалификации медицинских преступлений, обусловленные наличием ошибочного заключения врачебного консилиума и допущенными лечащим врачом в этой связи ошибками либо несоблюдением лечащим врачом рекомендаций консилиума. Правоприменители неверно устанавливают круг подлежащих привлечению к ответственности субъектов, что влечет за собой неправильное применение уголовного закона.

Целью исследования является поиск ответа на вопрос об обязательности решения консилиума врачей для лечащего врача и о пределах ответственности медицинских работников, принимавших участие в консилиуме.

Материалами для исследования выступали нормативные правовые акты, а также научные публикации по заявленной проблематике, судебные акты по уголовным делам о медицинских преступлениях. Основным методом исследования являлся диалектический. При изучении нормативных правовых актов в сфере здравоохранения применялся формально-юридический метод. Обобщение судебной практики проводилось аналитическим, сравнительно-правовым методом познания.

Сделан вывод о том, что участники консилиума врачей несут ответственность за неправильное решение в пределах данного ими заключения. Лечащий врач имеет возможность повлиять на решение консилиума, высказав особое мнение, или созвать новый консилиум. Неиспользование соответствующих полномочий при наличии оснований может являться преступным.

Ключевые слова: лечащий врач, консилиум врачей, медицинское преступление, пациент, заключение, уголовная ответственность.

Для цитирования: Быкова Е.Г. О сложностях правовой оценки медицинских ошибок при наличии решения консилиума врачей // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 49–55. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.005.

On the difficulties of legal assessment of medical errors in the presence of a decision of a council of doctors

Elena G. Bykova

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Ekaterinburg,
Russia, nega83-03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3850-9366>

Abstract. In investigative and judicial practice, there are difficulties in qualifying medical crimes due to the presence of an erroneous conclusion of the medical council and mistakes made by the attending physician in this regard or non-compliance by the attending physician with the recommendations of the council. Law enforcement officers incorrectly establish the range of subjects to be prosecuted, which entails the improper application of criminal law.

The purpose of the study is to find an answer to the question of the obligation of the decision of the council of doctors for the attending physician and the limits of responsibility of medical workers who participated in the council.

The materials for the study were normative legal acts, as well as scientific publications on the stated issues, judicial acts on criminal cases of medical crimes. The main research method was dialectical. The formal legal method was used in the study of regulatory legal acts in the field of healthcare. The generalization of judicial practice was carried out by an analytical, comparative legal method of cognition.

It is concluded that the participants of the doctors' consultation are responsible for the wrong decision within the limits of their conclusion. The attending physician has the opportunity to influence the decision of the council by expressing a dissenting opinion, or to convene a new council. Failure to use the relevant powers, if there are grounds, may be criminal.

Keywords: attending physician, medical council, medical crime, patient, conclusion, criminal liability.

For citation: Bykova, E.G. (2024) On the difficulties of legal assessment of medical errors in the presence of a decision of a council of doctors. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 49–55. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.005.

Введение

Одним из важнейших направлений деятельности Следственного комитета Российской Федерации является расследование преступлений, связанных с врачебными ошибками и некачественным оказанием медицинской помощи¹. Ввиду того, что медицина является социально значимой сферой, важно правильно оценить содеянное медицинским работником, поскольку в случае его необоснованного уголовного преследования допущенная правоприменителем квалификационная ошибка может обернуться для привлекаемого к ответственности лица трагедией, способной легко перечеркнуть годы тяжелого, безупречного, самоотверженного труда в непростых условиях современного здравоохранения². Полностью исключить следственные ошибки невозможно. По справедливому замечанию А.А. Бессонова, эта проблема носит комплексный характер, обусловленный несовершенством методики расследования таких преступлений, незнанием следственными работниками их криминалистических особенностей и низким уровнем навыков практического применения методики их расследования³.

В науке уголовного права ведутся многочисленные дискуссии, касающиеся медицинских преступлений. Обсуждаются различные аспекты: понятие таких преступлений⁴, вопросы невиновного причинения вреда при оказании медицинской помощи и пределов медицинского риска⁵, возможность медицинского вмешательства при отсутствии добровольного информированного согласия со стороны законных предста-

вителей несовершеннолетнего пациента⁶, ответственность за несоблюдение нормативных предписаний, регламентирующих порядок оказания медицинской помощи⁷, и иные. Вместе с тем отдельным проблемам недостаточно уделено внимания в литературе.

Медицинские работники нередко вынуждены рисковать ради спасения жизни пациента. К сожалению, далеко не всегда удается достичь положительного эффекта лечения. В сложных случаях лечащий врач в соответствии с ч. 3, 4 ст. 48, ст. 70 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁸ (далее — Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ) уполномочен созывать консилиум врачей. Однако важно отметить, что в упомянутых нормах четко не обозначена обязательность решения консилиума. Это вызывает сложности у правоприменителей при определении границ уголовной ответственности медицинских работников. Ситуация усугубляется тем, что «к преступлениям, связанным с ненадлежащим оказанием медицинской помощи и медицинских услуг, оказываются причастны представители руководящего состава медицинских организаций»⁹.

Целью настоящего исследования является поиск ответа на вопрос об обязательности решения консилиума врачей для лечащего врача и о пределах ответственности медицинских работников, принимавших участие в консилиуме.

Материалами для исследования являлись нормативные правовые акты, а также научные публикации по заявленной проблематике, су-

¹ Бастрыкин А.И. Противодействие преступлениям, совершаемым медицинскими работниками: проблемы и пути их решения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 1 (11). С. 11.

² Ошибки квалификации преступлений в сфере медицинской деятельности: учебно-методическое пособие. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. С. 29—30.

³ Бессонов А.А. Актуальные вопросы разработки методики расследования ятрогенных преступлений // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 15 февраля 2018 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М., 2018. С. 18.

⁴ Хазизулин В.Б. Понятие преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3 (33). С. 106—121.

⁵ Медицинское уголовное право: монография / отв. ред. А.И. Парог. М., 2022.

⁶ Соловьёв А.А. Зарубежный опыт нормативного закрепления возможности медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, на основании решения консилиума врачей // Ex iure. 2024. № 1. С. 66—75.

⁷ См.: Шутова А.А. Привлечение медицинских работников к уголовной ответственности за несоблюдение положений документов, регламентирующих порядок оказания медицинской помощи // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4 (26). С. 64—68; Хромов Е.В. Вопросы квалификации смерти пациента // Уголовное право. 2021. № 11 (135). С. 44—56.

⁸ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895 (дата обращения: 01.06.2024).

⁹ Бессонов А.А., Маланина Н.В. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи и медицинских услуг // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 151.

дебные акты по уголовным делам о медицинских преступлениях. Для их изучения использовались диалектический, формально-юридический, аналитический, сравнительно-правовой методы познания.

Основная часть

При анализе нормативных правовых актов, регламентирующих оказание медицинской помощи, установлено, что помимо ч. 3, 4 ст. 48, ст. 70 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ в медицинской практике до сих пор применяются Методические указания о порядке организации консультаций и консилиумов в лечебных учреждениях, утвержденные Минздравом СССР 14.11.1982 № 06-14/14¹⁰. В п. 12 данного документа предусмотрено, что рекомендации консилиума обязательны для лечащих врачей. Ответственность за их выполнение несет заведующий отделением.

При изучении научных публикаций встретилось только одно комплексное исследование, посвященное правовому статусу консилиума врачей¹¹. В основном в литературе рассматриваются отдельные аспекты этого вопроса. В частности, А.В. Колоколов высказывает суждение о необходимости относить к числу дефектов качества оказания медицинской помощи «игнорирование выполнения и включения в план лечения назначений консультантов»¹². Думается, что такое предложение, безусловно, упростит юридическую оценку содеянного лечащим врачом. Вместе с тем оно может повлечь за собой дополнительные сложности при ответе на вопрос о пределах ответственности консультантов и заведующих отделениями. К тому же нельзя недооценивать риск ошибок со стороны консультантов.

Обобщение судебной практики по уголовным делам о медицинских преступлениях свидетельствует об актуальности проблем, касающихся возможности неисполнения рекомендаций консилиума в случае отрицательной динамики состояния пациента, а также пределов ответственности

врачей, коллективно принимавших решение в ходе его работы и допустивших ошибку.

По общему правилу, созыв консилиума является правом лечащего врача. Однако в некоторых случаях, предусмотренных приказами Министерства здравоохранения РФ об утверждении порядка оказания медицинской помощи по определенному профилю заболевания, проведение консилиума может являться обязательным и не зависит от того, предусмотрена ли тарифным соглашением в сфере обязательного медицинского страхования оплата его работы учреждению¹³.

В литературе рекомендуется использовать в доказывании протоколы консилиумов врачей¹⁴. Их оценка в уголовном судопроизводстве может иметь решающее значение для правильного установления фактических обстоятельств медицинского преступления и принятия решения о виновности либо невиновности медицинского работника.

К примеру, по приговору суда заместитель главного врача по акушерству, гинекологии и родовспоможению бюджетного учреждения В. осуждена по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Судом установлено, что В. совместно с лечащим врачом осмотрела пациентку, ранее поступившую в экстренном порядке с диагнозом «угроза прерывания беременности в сроке 14 недель. Критическая истмико-цервикальная недостаточность. Гиперплазия хориона» и сопутствующим диагнозом «ожирение 2 степени». Было принято решение дообследовать пациентку и продолжить применять сохраняющую терапию. На фоне острой респираторной вирусной инфекции лечение не способствовало улучшению состояния женщины, угроза прерывания беременности сохранялась. В этой связи консилиум в составе лечащего врача, заведующего отделением и В. принял решение об отмене сохраняющей терапии и оставлении пациентки под наблюдением в бюджетном учреждении. Позднее В. выставила пациентке диагноз «начавшийся самопроизвольный выкидыш на сроке 15 недель», решила остановить кровотечение оперативным путем. В результате неправильных действий В. у потерпевшей произошла массивная

¹⁰ См.: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901704306> (дата обращения: 01.06.2024).

¹¹ Романовская О.В. Правовой статус врачебного консилиума // Здравоохранение. 2014. № 8. С. 76—84.

¹² Колоколов А.В. Классификация дефектов ненадлежащей организации медицинской деятельности и качества оказания медицинской помощи // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3 (41). С. 46.

¹³ Определение судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2021 № 88-11154/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Большакова В.М., Наумов П.Ю., Кононов А.Н. Доказательства и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 214.

кровопотеря. Она скончалась от воздушной эмболии сердца. Апелляционная инстанция отменила приговор, указав, в частности, на противоречия в заключениях экспертиз. В одном из них констатируется наличие причинно-следственной связи между неверным решением консилиума и наступлением неблагоприятного исхода. Проведение маршрутизации пациентки в медицинское учреждение третьего уровня могло предотвратить наступление ее смерти. По мнению экспертов, ответственность за смерть пациентки несет не один конкретный человек, а целая группа медицинских работников со стороны лечебного и административного звеньев¹⁵. В настоящее время уголовное дело № 1-68/2024 (1-378/2023;) вновь рассматривается судом первой инстанции¹⁶.

В рассматриваемом случае апелляционная инстанция не исследовала вопрос об обязательности решения консилиума врачей, но обозначила проблему установления круга лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности за смерть пациента при ненадлежащем оказании медицинской помощи.

В судебной практике имеются примеры осуждения всех участвовавших в консилиуме врачей за смерть пациента.

Так, по приговору суда медицинская сестра травматологического отделения осуждена по ч. 2 ст. 118 УК РФ, шесть врачей (два хирурга, травматолог-ортопед, реаниматолог, заведующий отделением, главный врач по медицинской части) осуждены по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ за смерть пациентки, которая поступила в медицинскую организацию с переломом левой тазобедренной кости. При подготовке к операции медицинская сестра травмировала прямую кишку. Потерпевшая жаловалась на боли в животе, однако консилиум врачей неоднократно принимал решение о назначении обезболивающих препаратов, не выясняя причину ухудшения ее состояния. В результате потерпевшая скончалась от септического шока и полиорганной недостаточности. Апелляционная инстан-

ция оставила приговор без изменения. Одним из аргументов явились показания члена экспертной комиссии по проведению дополнительной комиссионной судебно-медицинской экспертизы, пояснившего, что решение консилиума обязательно к исполнению лечащим врачом, но ответственность за принятое решение несут все¹⁷. Кассационная инстанция поддержала позицию нижестоящих судов¹⁸.

Думается, что точка зрения об ответственности всех участников консилиума врачей высказана применительно к конкретной ситуации и не может являться универсальной. В этой связи примечателен пример.

По приговору суда являвшаяся дежурным врачом заместитель главного врача по акушерско-гинекологической помощи перинатального центра Н. оправдана по ч. 2 ст. 109 УК РФ по обвинению в причинении смерти новорожденному вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. Врач акушер-гинеколог родильного отделения перинатального центра Б. осужден по ч. 2 ст. 109, ч. 1 ст. 292 УК РФ. Апелляционная инстанция оставила приговор без изменений. В обоснование указала, что по смыслу Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ врачебный консилиум создается для оценки состояния здоровья пациентки, уточнения диагноза совместно с наиболее опытными врачами. Таким образом, врачи — участники консилиума являются консультантами и несут ответственность за рекомендации, предоставленные по результатам консилиума, только в пределах данного им медицинского заключения. Из материалов дела усматривается, что Н. подтвердила диагноз, поставленный пациентке лечащим врачом Б., дальнейшее наблюдение за состоянием потерпевшей Н. не осуществляла и с точки зрения профессиональных обязанностей не должна была. Ответственность и контроль за состоянием пациентки возлагались на ее лечащего врача¹⁹.

В этой ситуации суд принял во внимание два обстоятельства. Во-первых, сделан акцент на содержании заключения не являющегося

¹⁵ Постановление судебной коллегии по уголовным делам Ханты-Мансийского автономного округа от 26.04.2023 № 22-886/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Информация по уголовному делу № 1-68/2024 (1-378/2023;) // Официальный сайт Нефтеюганского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: https://uganskray-hmao.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=169872326&case_uid=0125b0ff-e821-4abb-bfc6-2efcc5fc7bd9&delo_id=1540006 (дата обращения: 04.06.2024).

¹⁷ Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 17.05.2022 № 22-1693/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.10.2023 № 77-3475/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 20.04.2023 № 22-2553/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

лечащим врачом участника консилиума. Эта рекомендация признана адекватной складывавшейся на момент совещания клинической картине. Во-вторых, суд подчеркнул, что наибольшим объемом полномочий при работе с пациентом обладает лечащий врач. Для него выполнение рекомендаций консилиума является одной из составляющих профессиональной деятельности. Контроль за динамикой состояния пациента, в том числе при проведении лечения с учетом мнения консилиума, относится к его исключительной компетенции. Думается, что лица, принимающие участие в работе консилиума, объективно не могут повлиять на дальнейший ход лечения ввиду отсутствия полномочий по наблюдению за пациентом. По этой же причине указанные субъекты по окончании совещания могут не осознавать необходимость корректировки рекомендаций при отсутствии сведений об этом, полученных от лечащего врача. В этой связи при расследовании уголовного дела о медицинском преступлении важно уделять внимание обозначенным аспектам.

Точка зрения о персональной ответственности лечащего врача при наличии решения консилиума врачей отражена судом при рассмотрении еще одного уголовного дела.

Так, по приговору суда, оставленному без изменения апелляционной инстанцией, врач-хирург хирургического отделения Б. осуждена по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Кассационная инстанция оставила судебные акты без изменения, в частности указав, что в соответствии с п. 15 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ на лечащего врача возложены функции по организации и непосредственному оказанию пациенту медицинской помощи в период наблюдения за ним и его лечения. Согласно показаниям специалистов, несмотря на принятие консилиумом врачей решения о тактике лечения пациента, ответственность за него несет лечащий врач, которым в отношении пациента выступала Б.²⁰

В некоторых случаях суды исходят из того, что у лечащего врача в ходе работы консилиума имеется возможность повлиять на его решение, поэтому неиспользование соответствующих полномочий может свидетельствовать о виновном поведении медицинского работника.

²⁰ Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2022 № 77-3587/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Так, приговором суда заведующая отоларингологическим отделением осуждена по ч. 2 ст. 293 УК РФ. Она являлась лечащим врачом несовершеннолетнего, состояние которого ухудшалось. По этому поводу несколько раз были созваны консилиумы врачей, определившие тактику лечения, но не назначившие дополнительного обследования с целью установления причин массивных кровотечений из сосудов паратонзиллярного пространства. Заведующая отделением как участник консилиума не высказала особого мнения и не стала настаивать на проведении ангиографического исследования. Апелляционная инстанция оставила приговор без изменения. В обоснование указала, что вопреки утверждениям защиты статья 70 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ, регламентирующая обязанности лечащего врача, не конкурирует с нормами ст. 48 указанного закона, предусматривающими полномочия консилиумов врачей, не ограничивает возможности как лечащего врача, так и врачей, участвующих в консилиуме, инициировать проведение обследований, предлагать тактику лечения, определять целесообразность направления в специализированные отделения медицинских организаций или другие медицинские организации, при этом высказывать особое мнение. Не противоречат выводам суда положения, закрепленные в Методических указаниях о порядке организации консультаций и консилиумов в лечебных учреждениях от 14.11.1982 № 06-14/14²¹. Кассация поддержала позицию судов нижестоящих инстанций²².

При решении вопроса о пределах ответственности лиц, принимавших участие в консилиуме врачей, помимо признаков объективной стороны, в частности, ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей в ходе работы консилиума, невыполнения его решения, нужно установить субъективное отношение каждого медицинского работника к исполнению профессиональных обязанностей. С учетом проанализированных примеров судебной практики можно резюмировать, что при расследовании подобных преступлений целесообразно выяснять типичность или атипичность симптомов заболевания, наличие возможности у каждого участника консилиума ознакомиться с медицин-

²¹ Апелляционное постановление Новосибирского областного суда от 18.04.2022 № 22-1416/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.10.2022 № 77-4592/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

скими документами и осмотреть пациента. Кроме этого, следует установить, имеется ли у врача опыт участия в работе консилиумов, созываемых для формирования рекомендаций по лечению пациентов со схожими клиническими симптомами. Если соответствующий опыт имеется, то какие заключения были подготовлены ранее, высказывал ли конкретный медицинский работник особое мнение. В отношении лечащего врача дополнительно выясняется, соблюдал ли он в полном объеме рекомендации консилиума врачей. Если не следовал этим рекомендациям, то что послужило причиной принятия такого решения. Если соблюдал, то какие негативные изменения в состоянии пациента наблюдал, о чем они, по его мнению, свидетельствовали, какие меры обычно принимаются в подобных ситуациях. Полученные результаты анализируются на предмет наличия интеллектуального и волевого моментов легкомыслия и небрежности.

Заключение

По итогам исследования можно сделать вывод, что принимающие участие в работе консилиума медицинские работники, не являющиеся лечащими врачами пациента, могут привлекаться к уголовной ответственности за неправильное решение в пределах данного ими заключения.

С учетом положений Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ лечащий врач несет ответственность за пациента. Решение консилиума врачей для него обязательно, однако оно не является непреодолимым препятствием для корректировки плана обследования и лечения пациента. Лечащий врач наделен полномочиями по выражению особого мнения в ходе работы консилиума. Ввиду отсутствия нормативных ограничений, касающихся периодичности и количества консилиумов, лечащий врач в случае необходимости может в любой момент инициировать созыв нового консилиума. В случае осознания этим медицинским работником необходимости уточнения диагноза, изменения тактики лечения пациента неиспользование указанных полномочий может являться преступным.

Список литературы

1. Бастрыкин А.И. Противодействие преступлениям, совершаемым медицинскими работниками: проблемы и пути их решения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 1 (11). С. 11—14.
2. Бессонов А.А. Актуальные вопросы разработки методик расследования ятрогенных

преступлений // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 15 февраля 2018 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. С. 18—21.

3. Бессонов А.А., Маланина Н.В. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи и медицинских услуг // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 150—157.

4. Большакова В.М., Наумов П.Ю., Конов А.Н. Доказательства и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 210—217.

5. Колоколов А.В. Классификация дефектов ненадлежащей организации медицинской деятельности и качества оказания медицинской помощи // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3 (41). С. 40—50. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.004.

6. Медицинское уголовное право: монография / отв. ред. А.И. Рарог; [А.И. Рарог, Т.Г. Понятовская, А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин]. М.: Проспект, 2022. 576 с.

7. Ошибки квалификации преступлений в сфере медицинской деятельности: учебно-методическое пособие. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. 34 с.

8. Романовская О.В. Правовой статус врачебного консилиума // Здоровоохранение. 2014. № 8. С. 76—84.

9. Соловьёв А.А. Зарубежный опыт нормативного закрепления возможности медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, на основании решения консилиума врачей // Ex jure. 2024. № 1. С. 66—75. doi: 10.17072/2619-0648-2024-1-66-75.

10. Хазизулин В.Б. Понятие преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3 (33). С. 106—121. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.011.

11. Хромов Е.В. Вопросы квалификации смерти пациента // Уголовное право. 2021. № 11 (135). С. 44—56. doi: 10.52390/20715870_2021_11_44.

12. Шутова А.А. Привлечение медицинских работников к уголовной ответственности за несоблюдение положений документов, регламен-

тирующих порядок оказания медицинской помощи // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4 (26). С. 64—68.

References

1. Bastrykin, A.I. (2017) Protivodeystvie prestupleniyam, sovershaemym meditsinskimi rabotnikami: problemy i puti ikh resheniya [Counteraction against crimes committed by medical workers: problems and solutions]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1 (11), pp. 11–14 (in Russ.).

2. Bessonov, A.A. (2018) Aktual'nye voprosy razrabotki metodik rassledovaniya yatrogennykh prestupleniy [Topical issues of the development of methods for the investigation of iatrogenic crimes]. In: Bagmet, A.M. (ed.) *Dosudebnoe proizvodstvo po ugovnym delam o professionalnykh prestupleniyakh, sovershennykh meditsinskimi rabotnikami. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moscow, February 15, 2018*. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, pp. 18–21 (in Russ.).

3. Bessonov, A.A. & Malanina, N.V. (2018) Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy, svyazannykh s nenadlezhashchim okazaniem meditsinskoy pomoshchi i meditsinskikh uslug [Criminalistic characteristics of crimes related to improper provision of medical care and medical services]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4 (22), pp. 150–157 (in Russ.).

4. Bolshakova, V.M., Naumov, P.Yu. & Kononov, A.N. (2021) Dokazatel'stva i dokazyvanie pri osushchestvlenii sudebnoy zashchity interesov voenno-meditsinskikh organizatsiy [Evidence and proving in the exercise of judicial protection of interests of military medical organizations]. *Voennoe pravo*, no. 2 (66), pp. 210–217 (in Russ.).

5. Kolokolov, A.V. (2023) Klassifikatsiya defektov nenadlezhashchey organizatsii meditsinskoy deyatel'nosti i kachestva okazaniya meditsinskoy pomoshchi [The classification of defects in the improper organization of medical activities and the

quality of medical care]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3 (41), pp. 40–50 (in Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.004.

6. Rarog, A.I. (ed.) (2022) Meditsinskoe ugovnoe pravo [Medical criminal law]. Monograph. Moscow, Prospekt, 576 p. (in Russ.).

7. Oshibki kvalifikatsii prestupleniy v sfere meditsinskoy deyatel'nosti [Errors in the qualification of crimes in the field of medical activity]. Moscow, Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2016, 34 p. (in Russ.).

8. Romanovskaya, O.V. (2014) Pravovoy status vrachebnogo konsiliuma [The legal status of the medical council]. *Zdravookhranenie*, no. 8, pp. 76–84 (in Russ.).

9. Solov'ev, A.A. (2024) Zarubezhnyy opyt normativnogo zakrepleniya vozmozhnosti meditsinskogo vmeshatel'stva, neobkhodimogo dlya spasheniya zhizni, na osnovanii resheniya konsiliuma vrachey [International experience of statutorization of a possibility of medical intervention, essential for life saving, based on a council of physicians' decision]. *Ex jure*, no. 1, pp. 66–75 (in Russ.). doi: 10.17072/2619-0648-2024-1-66-75.

10. Khazizulin, V.B. (2022) Ponyatie prestupleniy, sovershaemykh pri okazanii meditsinskoy pomoshchi [The concept of crimes committed in the provision of health care]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3 (33), pp. 106–121 (in Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.011.

11. Khromov, E.V. (2021) Voprosy kvalifikatsii smerti patsienta [Issues of qualification of patient's death]. *Ugovnoe pravo*, no. 11 (135), pp. 44–56 (in Russ.). doi: 10.52390/20715870_2021_11_44.

12. Shutova, A.A. (2020) Privlechenie meditsinskikh rabotnikov k ugovnoy otvetstvennosti za nesoblyudeniye polozheniy dokumentov, reglamentiruyushchikh poryadok okazaniya meditsinskoy pomoshchi [Criminal liability of medical personnel for non-compliance with documents regulating the provision of medical care]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4 (26), pp. 64–68 (in Russ.).

Информация об авторе

Е.Г. Быкова — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E.G. Bykova – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Ekaterinburg branch of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 56—63.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 56–63.

УДК 343.77 + 342.951:351.823.1
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.006

NIION: 2015-0065-04/24-257
MOSURED: 77/27-010-2024-04-456

Научная специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проблемы разграничения уголовной и административной ответственности за экологические правонарушения в сельском хозяйстве

Игорь Александрович Владимиров¹, Александр Владимирович Токолов²

¹Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, docentufa@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-0891-1573>

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, altok40@mail.ru

Аннотация. Отсутствие четких критериев разграничения административной и уголовной ответственности за совершение экологических правонарушений физическими и юридическими лицами в аграрной сфере оказывает негативное воздействие на эффективность обеспечения экологической безопасности государства и на защиту прав и законных интересов сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Ключевые слова: экологические правонарушения, юридическая ответственность, административные правонарушения, сельское хозяйство, разграничение ответственности, преступления.

Вклад авторов: Владимиров И.А. — концепция и дизайн исследования, сбор и обработка материалов, написание текста; Токолов А.В. — анализ полученных данных, написание текста.

Для цитирования: Владимиров И.А., Токолов А.В. Проблемы разграничения уголовной и административной ответственности за экологические правонарушения в сельском хозяйстве // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 56—63. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.006.

Problems of delineation of criminal and administrative responsibility for environmental violations in agriculture

Igor A. Vladimirov¹, Alexander V. Tokolov²

¹Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, docentufa@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-0891-1573>

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, altok40@mail.ru

Abstract. The lack of clear criteria for distinguishing administrative and criminal liability for environmental violations committed by individuals and legal entities in the agricultural sector has a negative impact on the effectiveness of ensuring environmental safety of the state and on the protection of the rights and legitimate interests of agricultural producers.

Keywords: environmental offenses, legal liability, administrative offenses, agriculture, delineation of responsibility, crimes.

Contribution of the authors: Vladimirov I.A. — research concept and design, collection and processing of materials, text writing; Tokolov A.V. — data analysis, text writing.

For citation: Vladimirov, I.A. & Tokolov, A.V. (2024) Problems of delineation of criminal and administrative responsibility for environmental violations in agriculture. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 56—63. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.006.

Введение

Современный период экономического развития характеризуется ростом загрязнения окружающей среды промышленными и сельскохозяйственными предприятиями. В связи с уве-

личением числа участников сельскохозяйственного бизнеса усиливается негативное влияние агропромышленного сектора на экологическую ситуацию в государстве. Одним из аспектов изучения экологической преступности в сельском хозяйстве, который следует учитывать, являются правовые нормы, которые регулируют уп-

равление окружающей средой. В общественном сознании прочно укоренилось ошибочное, на наш взгляд, убеждение, что основными причинами загрязнения окружающей среды служат промышленное производство и транспортные средства.

Сельские территории, в отношении которых приняты государственные программы устойчивого развития, являются одновременно и местом хранения отходов от сферы животноводства и растениеводства. Животноводческие отходы представляют собой наиболее серьезную угрозу для экологии и окружающей среды, относящуюся к III классу опасности.

Как отмечает Л.Ф. Усманова, в шестидесятых годах XX века аграрный сектор экономики возглавил список экологических угроз. Согласно ее исследованиям, ключевую роль в этом сыграло массовое строительство фермерских хозяйств и производственных комплексов с нарушениями санитарных норм и правил в области использования минеральных удобрений и пестицидов, что привело к тому, что эти вещества проникли в водоемы через дождевые воды и подземные потоки, нанеся значительный вред экосистемам. Автор утверждает, что аграрная отрасль является одним из ключевых факторов экологической загрязненности, наравне с промышленностью и транспортом¹.

По мнению М.М. Бринчука, в наши дни правовые нормы, регулирующие ответственность за нарушения экологического характера, проходят через фазу активного совершенствования. Административные санкции за вредные действия в отношении окружающей среды и природных ресурсов, зафиксированные в Кодексе РФ об административных правонарушениях, распространяются на охрану собственности, окружающей среды и природопользования, а также на сельское хозяйство, ветеринарию и мелиорацию земель. В то же время Уголовный кодекс РФ в статьях 26 главы определяет уголовную ответственность за экологические преступления².

Основная часть

Определение перечня квалифицирующих признаков, которые характеризуют преступле-

ние в рамках действия норм уголовного законодательства, а также их адаптация к различным видам правонарушений являются сложной задачей, возложенной на законодательные органы. В этом процессе необходимо принимать во внимание уголовные правовые традиции, существующие на момент формирования или обновления уголовного законодательства, анализ состояния преступности, ее характер, динамику, прогнозы развития, а также стратегии противодействия, уровень общественной угрозы от различных форм преступного поведения и прочие релевантные факторы.

Важно также учесть, что в ряде ситуаций ключевым является корректное формулирование уголовно-правовых ограничений, учитывая их противоправность. Нельзя недооценивать то, как понятия, ограничения, требования и процедуры, определенные в законах, связанных с экономикой, экологией и другими сферами, отражают суть этого квалифицирующего признака. Не менее важно принимать во внимание международные договоры, подписанные и ратифицированные Россией, включая многосторонние и двусторонние соглашения, а также опыт других стран в этой области. Кроме того, необходимо учитывать достижения в области уголовного права и криминологии, в частности исследования, касающиеся эффективности наказания, теории квалификации преступлений и прочее.

В сельском хозяйстве экологические правонарушения причиняют вред животному и растительному миру, атмосферному воздуху, состоянию земель и водным ресурсам. В зарубежной научной литературе экологические правонарушения в сельском хозяйстве называют «зелеными» правонарушениями³. Зарубежные исследователи, в частности Павел Котлан, отмечают, что экологические правонарушения могут носить трансграничный характер⁴.

Ряд авторов считают, что водные ресурсы важны для поддержания достаточного снабжения продовольствием и продуктивной среды для всех живых организмов. Однако незаконная деятельность может представлять серьезную угрозу качеству воды и, следовательно, ее использованию из-за загрязнения тяжелыми металлами,

¹ Усманова Л.Ф. Правовое регулирование природопользования и охраны окружающей среды в аграрном секторе экономики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.06. Уфа, 2000.

² Бринчук М.М. Так существует ли эколого-правовая ответственность? // Экологическое право. 2009. № 2/3. Специальный выпуск. С. 16—23.

³ Land use and green crime: Assessing the edge effect / S. de Oliveira Folharini, S.N. de Melo, R. Guimarães Ramos, J.Ch. Brown // Land Use Policy. 2023. Vol. 129, 106636.

⁴ Kotlán P. Problems of sanctioning economic environmental crime in the Czech Republic // Journal of Economic Criminology. 2024. Vol. 3, 100050.

нефтепродуктами, органическими веществами, патогенными микроорганизмами и т. д.⁵

По мнению Абубакра Айеша, ухудшение состояния окружающей среды часто связывают с индустриализацией, однако одна из форм загрязнения воздуха, которая не связана с производственным сектором, обусловлена пожарами в сельскохозяйственном секторе. Фермеры используют пожары для расчистки земель и утилизации остатков урожая. В последние годы сельскохозяйственные пожары, предназначенные для уничтожения остатков урожая, сжигают примерно вдвое меньше биомассы, чем лесные пожары⁶.

Как считают другие исследователи, современное сельское хозяйство, безусловно, ничем не отличается от других отраслей промышленности в том, что оно генерирует отходы. Оно также может быть связано с истощением подземных и поверхностных водных источников, деградацией почвы, загрязнением поверхностных и грунтовых вод удобрениями и химикатами или стоками с сельскохозяйственных угодий, разрушением среды обитания диких животных и сокращением биоразнообразия. Здесь же приведена точка зрения, что термин «экологический вред» обозначает действия или события, которые наносят вред окружающей среде, но не обязательно являются незаконными. Найти достаточное, всеобъемлющее и общепринятое определение экологического преступления непросто. На это есть ряд причин. Во-первых, изучение экологических преступлений является постоянно развивающейся областью исследования. Во-вторых, индивидуализированный вред и причинно-следственную связь в экологических преступлениях в сельском хозяйстве трудно определить. Многие инциденты, наносящие вред окружающей среде, чрезвычайно разнообразны и происходят как на локальном, так и на глобальном уровне⁷.

В уголовном законодательстве Российской Федерации закреплены ст. 250 УК РФ («За-

грязнение вод») и ст. 252 УК РФ («Загрязнение морской среды»), которые посвящены экологическим преступлениям. Д.М. Дубовик и В.П. Покатова отмечают, что данные статьи характеризуются наличием материальных составов, так как они предполагают причинение вреда здоровью людей, животных, флоре, рыбным запасам, а также ущерб лесному и сельскому хозяйству. Интересным является тот факт, что сами действия, связанные с загрязнением, засорением и истощением водных ресурсов, не подлежат уголовной ответственности, если они не приводят к материальным последствиям в виде вреда другим объектам общественных отношений, т. е. игнорируется прямое воздействие на сами водные объекты⁸.

Экологические преступления занимают четвертое место среди международных незаконных видов деятельности после незаконного оборота наркотиков, подделки денежных знаков и произведений искусства, а также торговли людьми, а преднамеренное загрязнение воды является одним из трех наиболее распространенных видов водных преступлений, выявленных в европейских странах. Оценка и измерение ущерба от воды является трудной задачей из-за сложности водных ресурсов, включая гидрогеологические и гидроморфологические характеристики, водопользование, экосистемные услуги и другие характеристики⁹.

По мнению И.В. Попова, в отличие от административно-правовых норм КоАП РФ, статья 250 Уголовного кодекса РФ предусматривает уголовную ответственность за причинение существенного вреда животному и растительному миру, рыбным запасам и сельскому хозяйству. Главным критерием для разграничения является тяжесть причиненного вреда: критерием уголовной ответственности является существенный вред, нанесенный животному или растительному миру, рыбным запасам, лесам или сельскохозяйственным угодьям. Если же общественно опасные последствия, предусмотренные ст. 250 УК РФ, не наступают, то деяние будет квалифицироваться как административное правонарушение в соответствии со ст. 8.13 КоАП РФ, поскольку эта статья касается уже

⁵ Substantial damage to surface water in the context of environmental crimes / A. Rebelo, A. Franco, F. Quadrado, V. Reis, S. Batista, A.I. Garcia, R. Ferreira, A. Quintas, A.M. Marques // *Environmental Science: Advances*. 2024. Vol. 3, no. 1. P. 422.

⁶ Ayesh A. Burned agricultural biomass, air pollution and crime // *Journal of Environmental Economics and Management*. 2023. Vol. 122, no. 4, 102887.

⁷ Barclay E., Bartel R. Defining environmental crime: The perspective of farmers // *Journal of Rural Studies*. 2015. Vol. 39. P. 188—198.

⁸ Дубовик Д.М., Покатова В.П. Правовая охрана водных объектов: проблемы возмещения вреда // *Экологическое право*. 2022. № 5. С. 30—33.

⁹ Substantial damage to surface water in the context of environmental crimes. P. 422.

самой угрозы загрязнения, засорения или истощения водных ресурсов¹⁰.

По мнению Н.В. Качиной, квалифицирующий признак «существенный» носит оценочный характер, что затрудняет правоохранительным структурам точное определение границы между экологическими преступлениями и экологическими административными правонарушениями, а также правильную квалификацию совершенных действий. Исследователь указывает на отсутствие четко определенных критериев для разграничения уголовных и административных правонарушений как на причину нерегулярного применения уголовно-правовых мер в случаях экологических нарушений¹¹.

Из девятнадцати статей Уголовного кодекса РФ наиболее часто применимыми являются те, в которых четко содержится количественный критерий наступления уголовной ответственности за совершенное деяние, а именно: 1) незаконная охота; 2) незаконная рыбалка; 3) незаконная рубка деревьев. Остальные статьи 26 главы УК РФ практически не применяются. Очень редки случаи привлечения виновных лиц по остальным статьям указанной главы.

Анализ действующих норм права, касающихся административных наказаний за нарушения земельного законодательства, позволяет отметить некоторые теоретические пробелы, которые неизбежно ведут к сложностям в правоприменительной деятельности. Например, по мнению В.В. Зиновьевой, разница между административными и уголовными санкциями за нарушения земельного законодательства определяется тяжестью вреда, нанесенного земельным ресурсам. Законодатель не устанавливает конкретные критерии для оценки ущерба для окружающей среды, что часто приводит к неправильной классификации правонарушений в данной области. По мнению автора, этот пробел можно преодолеть путем разработки и внедрения методических подходов, которые должны быть обязательными для использования уполномоченными государственными органами при определении уровня причиненного вреда и

ущерба, нанесенного земельным ресурсам, включая количественные показатели¹².

В аграрной отрасли различаются два вида экологических нарушений: административные правонарушения, называемые проступками, и более серьезные правонарушения, именуемые преступлениями, за которые предусмотрены соответственно административные и уголовные санкции. За вред, наносимый окружающей среде в ходе сельскохозяйственного производства, предусмотрены уголовные и административные санкции.

Органы правосудия, а также органы экологического контроля и надзора сталкиваются с юридическими трудностями, так как в административном и уголовном законодательстве отсутствуют четко очерченные границы между административной и уголовной ответственностью для большинства положений Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях, связанных с нарушениями в сельскохозяйственной сфере.

В российском уголовном законодательстве и Кодексе об административных правонарушениях насчитывается около ста статей, описывающих нарушения, имеющие общие характеристики и не ограничивающиеся исключительно экологическими нарушениями. В этой связи в практике судов и применении закона органами исполнительной власти возникает особенно важное требование к разработке четкого критерия для различения уголовной и административной ответственности в сфере экологии, использования природных ресурсов и сельского хозяйства.

Ключевым фактором, определяющим, подпадают экологические нарушения под административные или уголовные меры, становятся следующие критерии: факт причинения вреда здоровью человека любой степени тяжести, размер (величина) причиненного ущерба и степень общественной опасности. Данные критерии содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21¹³. Однако данное постановление

¹⁰ Попов И.В. Проблемы ограничения преступлений против природной среды от административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования // Российский следователь. 2014. № 1. С. 41—45.

¹¹ Качина Н.В. Загрязнение вод: разграничения преступлений и административных правонарушений // Экологическое право. 2013. № 1. С. 19.

¹² Зиновьева В.В. Проблемы административной ответственности за правонарушения в области использования, управления и охраны земель в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 2. С. 76—78.

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «КонсультантПлюс».

не полностью разъясняет, как законодательные органы понимают ключевые оценочные термины, такие как «существенное», «тяжкие», «массовое» и «иные», которые применяются в официальных документах. Определение размера ущерба, связанного со «значительным изменением радиоактивного фона», не содержится ни в законодательных нормах, ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21.

В соответствии с данным постановлением, уголовная ответственность по ст. 247 Уголовного кодекса РФ наступает в случае, когда создается угроза причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью хотя бы одному человеку. Другие статьи 26 главы УК РФ, в отличие от ст. 247 УК РФ, не предусматривают уголовной ответственности за угрозу причинения вреда здоровью человека. Экологическое преступление часто рассматривается как преступление «без жертв». Виктимизация сложна с точки зрения времени, пространства, воздействия и того, кто или что становится жертвой. Жертв может быть мало или много, и жертвами могут быть как люди, так и не люди, что является проблематичным для традиционного уголовного права и является одной из причин, по которым правительства и правоохранительные органы испытывают трудности с адекватными ответными мерами. Даже если жертвы знают об экологическом вреде, они могут не считать себя жертвами преступления, и вред может остаться незарегистрированным.

В аграрной сфере также существует проблема применения статьи 250 УК РФ, которая устанавливает уголовное наказание за вредное воздействие на водные ресурсы¹⁴. Постановление № 21 содержит критерии, которые позволяют понять, будет загрязнение водных ресурсов подлежать уголовному или административному взысканию. Основным критерием, по которому это оценивается, является существенный размер причинения вреда животному или растительному миру, рыбным запасам или сельскому хозяйству. Судебные органы, разбирая каждый случай по отдельности, обязаны самостоятельно оценить масштабы нанесенного ущерба.

Статья 250 УК РФ («Загрязнение вод») не содержит четкого критерия значительного ущерба флоре, фауне и рыбным ресурсам. К примеру, статья 256 УК РФ («Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов») содержит количественный критерий крупного ущерба от

незаконного изъятия рыбных ресурсов, превышающий 100 тыс. руб. Считаем, что в ст. 250 УК РФ должен быть установлен четкий критерий величины причиненного ущерба рыбным ресурсам, который можно оценить в 100 тыс. руб.

В рамках судебной деятельности судебные органы применяют различные подходы к оценке ситуаций, связанных с загрязнением водных ресурсов отходами, вырабатываемыми животноводческими предприятиями. Проанализируем конкретный случай.

В соответствии с ч. 2 ст. 247 УК РФ («Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов») к уголовной ответственности был привлечен бригадир племенного завода за ненадлежащее управление процессом вывоза жидких навозных отходов крупного рогатого скота. Из-за непрекращающегося заполнения хранилища навозом произошло обрушение его границ, что привело к утечке этого материала через вершину насыпи на окружающую местность. Навоз попал в мелиоративные каналы, затем отходы просочились в водоемы, включая ручьи и реки, что стало причиной массовой гибели рыбы.

В аналогичной ситуации правонарушение было классифицировано иначе. Суд осудил руководителя свиноводческого комплекса согласно ч. 2 ст. 250 УК РФ за загрязнение водных ресурсов. Причиной стало несоблюдение им обязательств по надлежащему хранению органических отходов в специализированных хранилищах. В результате продолжающегося заполнения хранилища и осадков навозная жижа нарушила герметичность границы насыпи, проникла в реку Сунарка, а оттуда в Малый Цивиль, что привело к гибели 52 893 рыб.

Статья 254 УК РФ о порче земли, по информации Агентства правовой информации, редко применяется в судебной практике.

Изучение судебной практики показывает, что суды формируют критерии определения величины или размера причиненного экологического вреда самостоятельно.

К уголовной ответственности за экологические нарушения в сельском хозяйстве привлекают лиц, нарушивших правила безопасности при работе с микробиологическими или другими биологическими агентами и токсинами, в случаях, когда это привело к распространению болезней среди животных. Эпизоотия представляет собой массовое распространение инфекционного заболевания среди животных, которое происходит как во времени, так и в простран-

¹⁴ См.: Качина Н.В. Указ. соч. С. 18—21.

стве и значительно превосходит обычную заболеваемость животных в данной местности. Эти явления классифицируются как панзоотии и энзоотии. В таких обстоятельствах руководители сельскохозяйственных предприятий могут стать субъектами уголовного преследования согласно ст. 249 УК РФ («Нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений»).

Вред окружающей среде часто включает в себя множественные действия, которые не всегда могут иметь немедленные последствия и могут оставаться незамеченными в течение многих лет после совершения акта. Многие из этих действий или инцидентов могут не быть юридически определены как преступные.

Заключение. В законодательстве Российской Федерации отсутствуют четкие критерии разграничения уголовной и административной ответственности за экологические правонарушения. Введение четких критериев разграничения будет способствовать повышению эффективности работы правоохранительных органов и обеспечить неотвратимость и справедливость наказаний за нарушения в сфере обеспечения экологической безопасности в сельском хозяйстве. Детальное описание правовых механизмов, которые применяются для классификации уголовных преступлений, поможет четко разграничить их с административными проступками и избежать проблем в правоприменительной практике.

Данное исследование продемонстрировало сложность и многообразие явлений экологической преступности и виктимизации экологических правонарушений в сельском хозяйстве. Правовые нормы оказывают сильное влияние на восприятие того, что ставит под угрозу управление окружающей средой и, соответственно, что следует и не следует определять как экологическое преступление.

Авторами также был сделан вывод о необходимости в уточнении и систематизации всех элементов системы квалифицирующих признаков, используемых для квалификации экологических правонарушений. Возможно, потребуется внести дополнительные критерии и уточняющие нормы в статьи 26 главы Уголовного кодекса РФ, которые охватывают лишь базовые формы таких преступлений, при этом предполагая усиление ответственности за их совершение. В частности, данный аспект заслуживает особого внимания в контексте ст. 246 УК РФ, которая регламентирует ответственность за нарушения в области охраны окружающей среды

при проведении работ, а также ст. 253 УК РФ, которая по сравнению с положениями КоАП РФ, касающимися защиты природных ресурсов континентального шельфа и исключительной экономической зоны РФ, выглядит как яркий пример анахронизма.

Список литературы

1. Бринчук М.М. Так существует ли эколого-правовая ответственность? // Экологическое право. 2009. № 2/3. Специальный выпуск. С. 16—23.
2. Брославский Л.И. Ответственность хозяйствующего субъекта за причинение экологического вреда // Хозяйство и право. 2023. № 5. С. 69—96. doi: 10.18572/0134-2398-2023-5-69-96.
3. Дубовик Д.М., Покатова В.П. Правовая охрана водных объектов: проблемы возмещения вреда // Экологическое право. 2022. № 5. С. 30—33. doi: 10.18572/1812-3775-2022-5-30-33.
4. Дубовик О.Л. Квалифицирующие признаки экологических преступлений по УК РФ // Союз криминалистов и кримиологов. 2019. № 1. С. 55—62. doi: 10.31085/2310-8681-2019-1-204-55-62.
5. Зиновьева В.В. Проблемы административной ответственности за правонарушения в области использования, управления и охраны земель в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 2. С. 76—78. doi: 10.18572/2071-1166-2022-2-76-78.
6. Ивакин В.И. Теоретические проблемы формирования и развития эколого-правовой ответственности: монография. М.: Изд-во Юридического института МИИТ, 2017. 290 с.
7. Калинина О.М., Орлова А.С. Проблемы определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 246 Уголовного кодекса РФ // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 3. С. 67—73. doi: 10.34076/22196838_2023_3_67.
8. Качина Н.В. Загрязнение вод: разграничения преступлений и административных правонарушений // Экологическое право. 2013. № 1. С. 18—21.
9. Попов И.В. Проблемы отграничения преступлений против природной среды от административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования // Российский следователь. 2014. № 1. С. 41—45.
10. Усманова Л.Ф. Правовое регулирование природопользования и охраны окружающей среды в аграрном секторе экономики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.06. Уфа, 2000. 369 с.

11. Ayesh A. Burned agricultural biomass, air pollution and crime // *Journal of Environmental Economics and Management*. 2023. Vol. 122, no. 4, 102887. doi: 10.1016/j.jeem.2023.102887.

12. Barclay E., Bartel R. Defining environmental crime: The perspective of farmers // *Journal of Rural Studies*. 2015. Vol. 39. P. 188—198. doi: 10.1016/j.jrurstud.2015.01.007.

13. Kotlán P. Problems of sanctioning economic environmental crime in the Czech Republic // *Journal of Economic Criminology*. 2024. Vol. 3, 100050. doi: 10.1016/j.jeconc.2024.100050.

14. Land use and green crime: Assessing the edge effect / S. de Oliveira Folharini, S.N. de Melo, R. Guimarães Ramos, J.Ch. Brown // *Land Use Policy*. 2023. Vol. 129, 106636. doi: 10.1016/j.landusepol.2023.106636.

15. Substantial damage to surface water in the context of environmental crimes / A. Rebelo, A. Franco, F. Quadrado, V. Reis, S. Batista, A.I. Garcia, R. Ferreira, A. Quintas, A.M. Marques // *Environmental Science: Advances*. 2024. Vol. 3, no. 1. P. 422—435. doi: 10.1039/D3VA00381G.

References

1. Brinchuk, M.M. (2009) Tak sushhestvuet li jekologo-pravovaja otvetstvennost'? [So is there an environmental and legal responsibility?]. *Jekologicheskoe pravo*, no. 2/3, special issue, pp. 16–26. (In Russ.).

2. Broslavskij, L.I. (2023) Otvetstvennost' hozjajstvujushhego sub'ekta za prichinenie jekologicheskogo vreda [Liability of an economic entity for caused environmental damage]. *Hozjajstvo i pravo*, no. 5, pp. 69–96. (In Russ.). doi: 10.18572/0134-2398-2023-5-69-96.

3. Dubovik, D.M. & Pokatova, V.P. (2022) Pravovaja ohrana vodnyh ob'ektov: problemy vozmeshhenija vreda [Legal protection of water bodies: damage compensation problems]. *Jekologicheskoe pravo*, no. 5, pp. 30–33. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3775-2022-5-30-33.

4. Dubovik, O.L. (2019) Kvalificirujushhie priznaki jekologicheskikh prestuplenij po UK RF [Qualifying signs of environmental crimes under the Criminal Code of Russian Federation]. *Sojuz kriminalistov i kriminologov*, no. 1, pp. 55–62. (In Russ.). doi: 10.31085/2310-8681-2019-1-204-55-62.

5. Zinov'eva, V.V. (2022) Problemy administrativnoj otvetstvennosti za pravonarushenija v oblasti ispol'zovaniya, upravleniya i ohrany zemel' v Rossijskoj Federacii [Problems of the administ-

rative liability for offenses in the use, management and protection of lands in the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i process*, no. 2, pp. 76–78. (In Russ.). doi: 10.18572/2071-1166-2022-2-76-78.

6. Ivakin, V.I. (2017) Teoreticheskie problemy formirovaniya i razvitiya jekologo-pravovoj otvetstvennosti [Theoretical problems of formation and development of environmental and legal responsibility]. Monograph. Moscow, Publishing House of the MIIT Law Institute, 290 p. (In Russ.).

7. Kalinina, O.M. & Orlova, A.S. (2023) Problemy opredeleniya sub'ekta prestupleniya, predusmotrennogo st. 246 Ugolovnogo kodeksa RF [Problems of determining the subject of a crime under Art. 246 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Jelektronnoe prilozhenie k "Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu"*, no. 3, pp. 67–73. (In Russ.). doi: 10.34076/22196838_2023_3_67.

8. Kachina, N.V. (2013) Zagryaznenie vod: razgranicheniya prestuplenij i administrativnyh pravonarushenij [Water pollution: delineation of crimes and administrative offenses]. *Jekologicheskoe pravo*, no. 1, pp. 18–21. (In Russ.).

9. Popov, I.V. (2014) Problemy otgranicheniya prestuplenij protiv prirodnoj sredy ot administrativnyh pravonarushenij v oblasti ohrany okruzhajushhej sredy i prirodopol'zovaniya [Problems of distinguishing crimes against the natural environment from administrative offenses in the field of environmental protection and environmental management]. *Rossijskij sledovatel'*, no. 1, pp. 41–45. (In Russ.).

10. Usmanova, L.F. (2000) Pravovoe regulirovanie prirodopol'zovaniya i ohrany okruzhajushhej sredy v agrarnom sektore jekonomiki [Legal regulation of environmental management and environmental protection in the agricultural sector of the economy]. Doctor's degree dissertation. Ufa, 369 p. (In Russ.).

11. Ayesh, A. (2023) Burned agricultural biomass, air pollution and crime. *Journal of Environmental Economics and Management*, vol. 122, no. 4, 102887. doi: 10.1016/j.jeem.2023.102887.

12. Barclay, E. & Bartel, R. (2015) Defining environmental crime: The perspective of farmers. *Journal of Rural Studies*, vol. 39, pp. 188–198. doi: 10.1016/j.jrurstud.2015.01.007.

13. Kotlán, P. (2024) Problems of sanctioning economic environmental crime in the Czech Republic. *Journal of Economic Criminology*, vol. 3, 100050. doi: 10.1016/j.jeconc.2024.100050.

14. Oliveira Folharini, S. de, Melo, S.N. de, Guimarães Ramos, R. & Brown, J.Ch. (2023) Land

use and green crime: Assessing the edge effect. *Land Use Policy*, vol. 129, 106636. doi: 10.1016/j.landusepol.2023.106636.

15. Rebelo, A., Franco, A., Quadrado, F., Reis, V., Batista, S., Garcia, A.I., Ferreira, R., Quintas, A.

& Marques, A.M. (2024) Substantial damage to surface water in the context of environmental crimes. *Environmental Science: Advances*, vol. 3, no. 1, pp. 422–435. doi: 10.1039/D3VA00381G.

Информация об авторах

И.А. Владимиров — доцент кафедры экологического и трудового права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент;

А.В. Токолов — доцент кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

I.A. Vladimirov – Associate Professor of the Department of Environmental and Labor Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Law, Associate Professor;

A.V. Tokolov – Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Law.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Актуальные проблемы теории государства и права. 4-е изд., перераб. и доп. Учеб.пособие. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки / Под ред. А.И. Клименко, М.М. Рассолова; под общ. ред. В.П. Малахова, В.В. Оксамытного.

ISBN: 978-5-238-03605-2

Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства. Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 64—71.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 64—71.

УДК 343
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.007

NIION: 2015-0065-04/24-258
MOSURED: 77/27-010-2024-04-457

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Актуальные проблемы науки уголовного права и правоприменительной практики стран СНГ

Андрей Львович Иванов¹, Павел Тимурович Савин²

^{1, 2}Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия

¹ivanoval2010@rambler.ru

²paulst50@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается законотворческая проблематика, связанная с необходимостью реформирования отечественного уголовного законодательства, направленного на сближение, гармонизацию и, возможно, унификацию с законодательством государств СНГ, объединенных в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), а также Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Авторами статьи изучены публикации ученых в области межгосударственного уголовно-правового сотрудничества, проанализирована законотворческая практика некоторых государств, входивших ранее в состав СССР и ставших участниками международных организаций, призванных регулировать отношения сотрудничества между ними. Решение обозначенных проблем авторы статьи видят в устранении внутренних системных противоречий в национальном уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, а также между статьями УК РФ и УИК РФ и нормами федеральных законов. Также необходимо учитывать положения международных правоустанавливающих документов, закрепляющих общие стандарты борьбы с преступностью и обращения с преступниками.

Ключевые слова: правоприменительная практика; международное сообщество; Содружество Независимых Государств (СНГ); Евразийский экономический союз (ЕАЭС); Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство.

Вклад авторов: Иванов А.Л. — концепция и дизайн исследования, анализ полученных данных, написание текста; Савин П.Т. — сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста.

Для цитирования: Иванов А.Л., Савин П.Т. Актуальные проблемы науки уголовного права и правоприменительной практики стран СНГ // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 64—71. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.007.

Current issues of criminal law science and law enforcement practice in the CIS countries

Andrey L. Ivanov¹, Pavel T. Savin²

^{1, 2}Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia

¹ivanoval2010@rambler.ru

²paulst50@gmail.com

Abstract. The article examines the legislative issues related to the need to reform domestic criminal legislation aimed at convergence, harmonization and, possibly, unification with the legislation of the CIS states united in the Eurasian Economic Union (EAEU), and the Collective Security Treaty Organization (CSTO). The authors of the article studied the publications of scientists in the field of interstate criminal law cooperation, analyzed the legislative practice of some states that were previously part of the USSR and became members of international organizations designed to regulate cooperation between them. The authors see the solution to the identified problems in the elimination of internal systemic contradictions in national criminal and penal legislation, as well as between the articles of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Executive Code of the Russian Federation and the norms of federal laws. It is also necessary to take into account the provisions of international legal documents that enshrine common standards for combating crime and treating criminals.

© Иванов А.Л., Савин П.Т., 2024

Keywords: law enforcement practice; international community; Commonwealth of Independent States (CIS); Eurasian Economic Union (EAEU); Collective Security Treaty Organization (CSTO); criminal, criminal procedural and criminal law executive legislation.

Contribution of the authors: Ivanov A.L. — research concept and design, data analysis, text writing; Savin P.T. — collection and processing of materials, data analysis, text writing.

For citation: Ivanov, A.L. & Savin, P.T. (2024) Current issues of criminal law science and law enforcement practice in the CIS countries. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 64–71. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.007.

Борьба с преступностью в международном сообществе осуществляется по двум основным направлениям — оптимизация работы системы уголовной юстиции, в том числе правоохранительных органов государств, и совершенствование международного и национального уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. В рамках такой борьбы особое внимание в евро-азиатском сообществе государств направлено на преодоление внешних и внутренних политических вызовов современности, из-за которых «лихорадит» институциональные основы современного мирового порядка. Какие же проблемы сотрясают современное мироустройство и посягают на сложившийся баланс сил, стабильные до недавнего времени формы управления и международные процессы, а также снижают эффективность действий мирового сообщества, способствующих уменьшению противостояния и побуждающих к сотрудничеству? К таковым следует отнести:

- не прекращенные до настоящего времени кризисные явления в мировой экономике;
- навязывание странам чуждых им институтов (в том числе «насаждение демократии»);
- провоцирование нестабильности, беспорядков, нелегитимности власти, инициирование внутренних революций;
- реализация государствами так называемого Запада санкционной политики в отношении стран, не поддерживающих «западные» внешнеполитические устремления;
- использование рядом стран Запада глобальных экономических, финансовых, рейтинговых, информационных и иных инструментов в качестве орудий национальной внешней политики;
- поощрение на государственном уровне нелегальных форм миграции;
- провоцирование роста экстремизма, национализма и иных крайних и радикальных взглядов и методов действий;
- навязывание новых социальных, этических и правовых стандартов и др.

Эти проблемы, безусловно, противоречат национальным интересам и запросам большинства стран мира и в первую очередь государств Евро-Азиатского континента¹.

На современном этапе в России особую актуальность получила законотворческая проблематика, связанная с необходимостью реформирования отечественного уголовного законодательства, направленного на его сближение, гармонизацию и, возможно, унификацию с уголовными законами государств СНГ, объединенных в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), а также Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Указанная тематика не могла не явиться предметом рассмотрения и в Следственном комитете Российской Федерации, как федеральном государственном органе, осуществляющем в пределах своих полномочий совершенствование нормативно-правового регулирования и международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. В Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева в инициативном и директивном порядке также проводились специальные исследования, направленные на сближение национального уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в рамках указанных государственных организаций и союзов. В период 2015—2024 гг. отдельные вопросы обозначенной проблематики в рамках выполнения поручений Следственного комитета России и в ходе инициативных исследований профессорско-преподавательского состава в академии становились предметом ряда научно-исследовательских работ и публикаций в юридических изданиях. Научный материал в рамках указанной тематики представлялся в Следственный комитет России в виде обобщенных справок научных исследований.

¹ См.: Витренко Н.М. К объединенной Европе через смену парадигмы отношений // Евразийское измерение 2019: сборник научных трудов / под общ. ред. С.Н. Бабурина; Рос. акад. наук, Ин-т гос-ва и права. М.: Книжный мир, 2020. С. 42—46.

Например, сотрудниками кафедры уголовного права и криминологии академии совместно с профессорско-преподавательским составом кафедры уголовного права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ проведено масштабное сравнительное исследование военно-уголовного законодательства государств — членов ЕАЭС и ОДКБ (Республика Казахстан, Республика Армения, Киргизская Республика, Республика Таджикистан, Республика Беларусь), а также Украины. В ходе указанного исследования изучалась структура военно-уголовного законодательства указанных государств, выявлялись отличия от российского военно-уголовного законодательства, проводился детальный анализ общих положений об уголовной ответственности военнослужащих, системы наказаний, применяемых к военнослужащим, а также проводился сравнительный анализ отдельных составов и видов преступлений против военной службы. Научным результатом проведенного анализа стало выделение ряда характерных черт и тенденций развития, присущих современному военно-уголовному законодательству указанных государств, проведение сравнения с военно-уголовным законодательством РФ, а также ранее действовавшими национальными законодательствами. Также к важному научному результату следует причислить выделение положительных и отрицательных сторон последних изменений военно-уголовного законодательства государств — союзников России, а также Украины и выявление ряда положений, которые могли бы быть использованы в перспективном российском законодательстве и правоприменительной практике.

Особый интерес в свете новых военно-политических реалий в условиях проведения специальной военной операции представляет научное исследование, посвященное военно-уголовному законодательству Украины, где были выявлены его отличия от российского военно-уголовного законодательства, выделен ряд характерных черт, присущих украинскому уголовному законодательству, отмечены слабые стороны в сравнении с военно-уголовным законодательством стран — членов ЕАЭС, а также ОДКБ².

² См.: Ермолович Я.Н. Сравнительный анализ военно-уголовного законодательства Российской Федерации и Украины (окончание) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2015. № 9. С. 64—81; Ермолович Я.Н., Иванов А.Л. Украинский национализм как угроза национальной безопасности Российской Федерации: уголовно-правовой аспект // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2024. № 7. С. 52—62.

Представляется, что в целях выработки единых подходов к решению вопросов, связанных с разработкой и реализацией интеграционных законодательных мероприятий стран ЕАЭС, а также ОДКБ в рамках обозначенной научной тематики, необходимо определиться в исходных положениях такой работы и ее направлениях, форме и содержании. Так, для решения Следственным комитетом Российской Федерации, другими правоохранительными органами приоритетных задач в рамках ЕАЭС, а также ОДКБ необходимо активное их участие в процессе формирования государственной политики в этой сфере. Это участие может быть реализовано и в форме совершенствования уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

Следует учитывать, что в соответствии со ст. 10 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О Следственном комитете Российской Федерации» у Следственного комитета РФ есть ряд полномочий по осуществлению правотворческой деятельности. В соответствии с указанной статьей он разрабатывает и представляет Президенту РФ и в Правительство РФ проекты федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных правовых актов, а также других документов по вопросам, относящимся к установленной сфере деятельности. С момента создания Следственного комитета Российской Федерации им внесено большое количество инициатив, направленных на совершенствование национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

В качестве примера можно привести предложенные Следственным комитетом поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации, которые установили уголовную ответственность за так называемые серые схемы рейдерства с участием коррумпированных чиновников. Новые статьи позволяют привлекать виновных к уголовной ответственности на начальном этапе захвата чужого имущества. Как свидетельствует следственная и судебная практика, применение этих уголовно-правовых норм показало их высокую эффективность.

Вместе с тем следует учитывать и негативные моменты, проявляющиеся в правотворчестве, например, явно избыточную корректировку Уголовного кодекса Российской Федерации. К настоящему времени в Уголовный кодекс РФ внесено более двух тысяч изменений и дополнений, в некоторые статьи изменения вносились до пяти-шести и более раз, что позволило неко-

торым ученым говорить о «гиперинфляции» уголовного законодательства России³.

Разрабатывая комплекс мероприятий уголовно-правового характера, направленных на сближение, гармонизацию и, возможно, унификацию уголовного законодательства в рамках членства РФ в ЕАЭС, а также ОДКБ, мы не можем не учитывать и некоторые внешнеполитические факторы, например, проходящую в государствах СНГ Центрально-Азиатского региона правовую реформу. Такие государства — члены указанных политического, экономического и военного союзов, как Армения, Казахстан, Киргизия и Таджикистан, в соответствии с оценками ООН относятся к странам, активно борющимся с коррупционными проявлениями. В рамках борьбы с коррупцией в этих странах приняты (Республика Казахстан), подготовлены к принятию либо активно разрабатываются (Республика Таджикистан, Киргизская Республика) новые уголовный, уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный кодексы. Активную, однако далеко не позитивную работу в этих странах проводят страны Евросоюза, которые, как сообщают некоторые СМИ, выделили значительные денежные средства на социальные и правовые реформы в странах Центрально-Азиатского региона. В сложившихся условиях Россия не может отставать в правовом реформировании, тем более необходимо учитывать фактор доказанного временем успешного функционирования дружественных межгосударственных союзов с участием России, в рамках которого законодательство стран-участников должно стремиться к гармонизации и основываться на сходных подходах и принципах.

Так, насущная необходимость слома устоявшихся коррупционных схем обусловила в странах Евразийского союза дискуссию о включении в национальное уголовное законодательство двух новых институтов, характерных для уголовно-правовых систем Европы: уголовной ответственности юридических лиц и уголовных проступков⁴. Так, в Комментариях к модельно-

му законодательству СНГ в сфере противодействия торговле людьми отмечается, что в странах СНГ окончательно сформировался качественно новый вид преступности — преступность юридических лиц, в связи с чем многими из них накоплен обширный опыт эффективного противодействия данному негативному явлению, сформированы стандарты и критерии, которые нашли отражение в международных нормативных правовых актах. Одним из таких стандартов является требование о введении уголовной ответственности юридических лиц за различные виды преступной деятельности⁵. И если введение в законодательство этих стран института уголовных проступков в целом не вызвало возражений со стороны государственных органов, научного сообщества и деловых кругов и даже реализовано, например, в уголовном законодательстве Республики Казахстан, то идея об установлении уголовной ответственности юридических лиц такой же единодушной поддержки по ряду причин не получила, а доктринальные и общественные дискуссии по данному вопросу продолжаются. Ближе всего к принятию решения об уголовной ответственности юридических лиц подошел Казахстан⁶.

В некоторых союзных странах (Казахстан, Киргизия) при обсуждении возможности введения института уголовной ответственности юридических лиц высказывались опасения по поводу того, что эта инициатива может привести к банкротству бюджетообразующих предприятий⁷. На постсоветском пространстве в числе бывших союзных республик СССР впервые уголовная ответственность юридических лиц за коррупцию была реализована в 2006 г. Грузией, которая внесла соответствующие изменения в уголовное законодательство.

В Российской Федерации идея введения уголовной ответственности юридических лиц, как одна из антикоррупционных мер, инициирована Следственным комитетом РФ, и в настоящее время идет ее активное обсуждение⁸. Эта мера

³ Голик Ю.В., Коробеев А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // *Lex russica*. 2014. № 12. С. 1401.

⁴ Федоров А.В. Противодействие преступности юридических лиц — новое направление взаимодействия правоохранительных органов и специальных служб государств — участников СНГ // *Взаимодействие правоохранительных органов и специальных служб государств — участников СНГ в сфере борьбы с преступностью: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 27 мая 2021 года)*. М., 2021. С. 6—10.

⁵ Постановление Межпарламентской Ассамблеи СНГ № 3820 от 27 ноября 2012 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. 2013. № 57. С. 160.

⁶ См.: Федоров А.В. Казахстан на пороге принятия решения об уголовной ответственности юридических лиц // *Российский следователь*. 2023. № 2. С. 61—68.

⁷ Ермолович Я.Н., Иванов А.Л. Новое уголовное законодательство Республики Казахстан об уголовной ответственности за преступления против военной службы (окончание) // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2016. № 2 (12). С. 40—44.

позволит решить целый ряд стоящих перед государствами — членами ЕАЭС, а также ОДКБ проблем, не только в области борьбы с коррупцией, но и, например, в сфере уклонения от уплаты налогов, при реализации преступниками незаконных схем вывода капитала за рубеж, противозаконной деятельности иностранных кредитных организаций, способствующих укрытию от правоохранительных органов информации о бенефициарах, являющихся резидентами государств, и т. д. Введение уголовной ответственности юридических лиц позволит также сместить направленность наказания за преступление в сторону неблагоприятных последствий для организаций, что станет для союзных стран заградительным барьером для вовлечения коррумпированных чиновников в преступные корпоративные схемы деятельности.

По мнению многих известных политиков и ученых, установление уголовной ответственности юридических лиц крайне необходимо как для внутренней стабилизации криминогенной обстановки в государствах — членах ЕАЭС, а также ОДКБ, так и для экстерриториального уголовного преследования иностранных юридических лиц, причастных к совершению преступлений на их территориях. Представляется, что гармоничное и поступательное развитие уголовного законодательства России и стран-союзниц, а также практики его применения позволит в недалеком будущем решить данный вопрос в пользу сторонников признания юридического лица субъектом уголовно-правового преследования⁸.

К положительным результатам в области общих задач союзных государств могут привести предложенные Следственным комитетом России и реализованные изменения в законодательстве в сфере борьбы с налоговой преступностью, возвращающие органам МВД полномочия по реализации результатов оперативно-разыскной деятельности до направления налоговым органом материалов следователю для возбуждения уголовного дела. На данном этапе развития государства правоохранительным органам необходимо обладать всей полнотой властных полномочий по выявлению налоговых преступлений

для их успешного последующего расследования и объективного судебного разбирательства¹⁰.

Важнейшим инструментом борьбы с преступностью в государствах — членах ЕАЭС, а также ОДКБ могла бы стать деятельность нового государственного органа, который можно было бы создать в системе правоохранительных и контролирующих органов — финансовой полиции, подчиненной непосредственно главам союзных стран. Финансовая полиция, осуществляя функции по выявлению и раскрытию преступлений, посягающих на финансовую систему государства, могла бы системно решать задачи противодействия не только финансовой преступности, но и преступности коррупционной¹¹. В частности, на новый контролирующий орган могли бы быть возложены обязанности по выявлению, пресечению и раскрытию преступных деяний в особо «коррупциогенной зоне» — области расходования средств государственных и муниципальных бюджетов и внебюджетных фондов.

При планировании мероприятий по сближению и гармонизации национальных законодательств государств — союзников России особое внимание необходимо сосредоточить на исключении из уголовных законов «мертвых» норм, то есть уголовно-правовых статей, в силу различных причин не применяемых в ходе предварительного расследования преступлений и в наказании виновных в их совершении лиц¹². Например, речь может идти об исключении из УК РФ и УИК РФ такого уголовного наказания, как арест. Наказание в виде ареста предусмотрено в УК РФ и УИК РФ с момента принятия этих кодексов в 1996—1997 годах. В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 08.01.1997 № 2-ФЗ «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» положения УИК РФ о наказании в виде ареста вводятся в действие федеральным законом или федеральными законами по мере создания необходимых условий для исполнения этого вида наказания. В настоящее время соот-

⁸ Панаева Л.Е. Институт уголовной ответственности юридических лиц: целесообразность введения на уровне российского уголовного закона // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2. С. 86—90.

⁹ Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах Азии: монография. М., 2023. С. 125.

¹⁰ Родичев М.Л. Взаимодействие налоговых органов и оперативных подразделений: основные проблемы и возможные пути их решения // Научный портал МВД России. 2023. № 1. С. 65—71.

¹¹ Гужавина А.А. Нужна ли нам финансовая полиция? // Научные записки молодых исследователей. 2014. № 2. С. 60—62.

¹² Курсаев А.В. Причины наличия «мертвых норм» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право: история и современность. 2021. № 1. С. 37—44.

ветствующий федеральный закон о введении в действие ареста не принят, поэтому данный вид наказания не может назначаться по приговору суда. Введение ареста неоднократно откладывалось по многим причинам, в том числе ввиду отсутствия арестных домов и бюджетных ассигнований на их строительство.

Важным направлением реформирования уголовного законодательства стран ЕАЭС, а также ОДКБ могло бы стать устранение внутренних системных противоречий в уголовном и уголовно-исполнительном кодексах, а также между статьями указанных кодексов и нормами федеральных законов. Во взаимосвязи с ранее указанным необходимо учитывать и положения международных правоустанавливающих документов, закрепляющих общие стандарты борьбы с преступностью и обращения с преступниками. Важнейшим вкладом в реформирование национальных уголовных законодательств могло бы стать закрепление в них основополагающего принципа, согласно которому постановления международных судов могут быть исполнены в странах-союзниках, только если они не вступают в противоречие с их конституционными актами.

В рамках перспективного реформирования уголовных законодательств необходимо восполнить очевидные пробелы и исправить явные ошибки в статьях уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного кодексов, которые либо изначально в них присутствуют, либо появились в результате многочисленных изменений и дополнений. Также полезно инициировать работу по наполнению уголовного законодательства новыми статьями, необходимость которых обусловлена произошедшими в странах ЕАЭС, а также ОДКБ изменениями в социально-экономической, политической и духовной жизни общества, а также внешнеполитическими реалиями. Однако проводить такое реформирование следует крайне осторожно и взвешенно, с привлечением к обсуждению острых вопросов не только ученых и практиков, но и представителей гражданского общества как гарантов соблюдения прав человека и гражданина и важнейшей предпосылки построения правового государства.

Таким образом, государственная политика стран ЕАЭС, а также ОДКБ по борьбе с преступными проявлениями должна стать продуктивным процессом, в ходе которого необходимо достижение конкретного результата в виде реального улучшения уголовного, уголовно-про-

цессуального и уголовно-исполнительного законодательства и институций, а также укрепления человеческого капитала и знаний в области борьбы с преступностью.

Список литературы

1. Голик Ю.В., Коробеев А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // *Lex russica*. 2014. № 12. С. 1399—1410.
2. Гужавина А.А. Нужна ли нам финансовая полиция? // *Научные записки молодых исследователей*. 2014. № 2. С. 60—62.
3. Ермолович Я.Н. Сравнительный анализ военно-уголовного законодательства Российской Федерации и Украины (окончание) // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение*. 2015. № 9. С. 64—81.
4. Ермолович Я.Н., Иванов А.Л. Новое уголовное законодательство Республики Казахстан об уголовной ответственности за преступления против военной службы (окончание) // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2016. № 2 (12). С. 40—44.
5. Ермолович Я.Н., Иванов А.Л. Украинский национализм как угроза национальной безопасности Российской Федерации: уголовно-правовой аспект // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение*. 2024. № 7. С. 52—62.
6. Курсаев А.В. Причины наличия «мертвых норм» в Уголовном кодексе Российской Федерации // *Право: история и современность*. 2021. № 1. С. 37—44. doi: 10.17277/pravo.2021.01.pp.037-044.
7. Панаева Л.Е. Институт уголовной ответственности юридических лиц: целесообразность введения на уровне российского уголовного закона // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2024. № 2. С. 86—90. doi: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-86-90.
8. Родичев М.Л. Взаимодействие налоговых органов и оперативных подразделений: основные проблемы и возможные пути их решения // *Научный портал МВД России*. 2023. № 1. С. 65—71.
9. Федоров А.В. Вклад ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в изучение уголовной ответственности юридических лиц // *Российский следователь*. 2023. № 8. С. 2—6. doi: 10.18572/1812-3783-2023-8-2-6.
10. Федоров А.В. Противодействие преступности юридических лиц — новое направление взаимодействия правоохранительных органов и специальных служб государств — участников

СНГ // Взаимодействие правоохранительных органов и специальных служб государств — участников СНГ в сфере борьбы с преступностью: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 27 мая 2021 года). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. С. 6—10.

11. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах Азии: монография. М.: Юрист, 2023. 320 с.

12. Федоров А.В. Уголовные санкции — иные меры уголовно-правового характера для юридических лиц в странах континентального права (романо-германской правовой семьи) Западной Европы // Российский следователь. 2020. № 9. С. 64—70. doi: 10.18572/1812-3783-2020-9-64-70.

References

1. Golik, Yu.V. & Korobeev, A.I. (2014) Reforma ugolovnogo zakonodatel'stva Rossii: byt' ili ne byt'? [Russian criminal legislation reform: to be or not to be?]. *Lex russica*, no. 12, pp. 1399–1410. (In Russ.).

2. Guzhavina, A.A. (2014) Nuzhna li nam finansovaya politsiya? [Do we need financial police?]. *Nauchnye zapiski molodykh issledovateley*, no. 2, pp. 60–62. (In Russ.).

3. Ermolovich, Ya.N. (2015) Sravnitel'nyy analiz voenno-ugolovnogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i Ukrainy (okonchanie) [Comparative analysis of the military criminal legislation of the Russian Federation and Ukraine (ending)]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voенно-pravovoe obozrenie*, no. 9, pp. 64–81. (In Russ.).

4. Ermolovich, Ya.N. & Ivanov, A.L. (2016) Novoe ugolovnoe zakonodatel'stvo Respubliki Kazakhstan ob ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya protiv voennoy sluzhby (okonchanie) [New criminal legislation of the Republic of Kazakhstan of criminal responsibility for crimes against military service (ending)]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 2 (12), pp. 40–44. (In Russ.).

5. Ermolovich, Ya.N. & Ivanov, A.L. (2024) Ukrainskiy natsionalizm kak ugroza natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: ugolovno-pravovoy aspekt [Ukrainian nationalism as a threat to the national security of the Russian Federation: criminal legal aspect]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voенно-pravovoe obozrenie*, no. 7, pp. 52–62. (In Russ.).

6. Kursaeв, A.V. (2021) Prichiny nalichiya “mertvykh norm” v Ugolovnom kodekse Rossiyskoy Federatsii [Reasons for the existence of “dead norms” in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Pravo: istoriya i sovremennost'*, no. 1, pp. 37–44. (In Russ.). doi: 10.17277/pravo.2021.01.pp.037-044.

7. Panaeva, L.E. (2024) Institut ugolovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits: tselesoobraznost' vvedeniya na urovne rossiyskogo ugolovnogo zakona [The institute of criminal liability of legal entities: the expediency of introducing at the level of the Russian criminal law]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, no. 2, pp. 86–90. (In Russ.). doi: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-86-90.

8. Rodichev, M.L. (2023) Vzaimodeystvie nalogovykh organov i operativnykh podrazdeleniy: osnovnye problemy i vozmozhnye puti ikh resheniya [Interaction of tax authorities and operational units: the main problems and possible solutions]. *Nauchnyy portal MVD Rossii*, no. 1, pp. 65–71. (In Russ.).

9. Fedorov, A.V. (2023) Vklad uchenykh Instituta zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii v izucheniye ugolovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits [The contribution of scientists of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation in the study of the criminal liability of legal entities]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 8, pp. 2–6. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2023-8-2-6.

10. Fedorov, A.V. (2021) Protivodeystvie prestupnosti yuridicheskikh lits – novoe napravleniye vzaimodeystviya pravookhranitel'nykh organov i spetsial'nykh sluzhb gosudarstv – uchastnikov SNG [Combating crime of legal entities is a new direction of interaction between law enforcement agencies and special services of the CIS member states]. In: *Vzaimodeystvie pravookhranitel'nykh organov i spetsial'nykh sluzhb gosudarstv – uchastnikov SNG v sfere bor'by s prestupnost'yu. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moscow, May 27, 2021*. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, pp. 6–10. (In Russ.).

11. Fedorov, A.V. (2023) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v postsotsialisticheskikh gosudarstvakh Azii [Criminal liability of legal entities in post-socialist states of Asia]. Monograph. Moscow, Yurist, 320 p. (In Russ.).

12. Fedorov, A.V. (2020) Ugolovnye sanktsii – inye mery ugovolno-pravovogo kharaktera dlya yuridicheskikh lits v stranakh kontinental'nogo prava (romano-germanskoy pravovoy sem'i) Zapadnoy Evropy [Criminal sanctions – other criminal law measures for legal entities in civil law countries (of the Romano-Germanic legal system) of Western Europe]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 9, pp. 64–70. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2020-9-64-70.

Информация об авторах

А.Л. Иванов — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент;

П.Т. Савин — доцент кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A.L. Ivanov – Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor;

P.T. Savin – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Административная ответственность. 10-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Гриф УМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки. — 351 с. / Под ред. О.В. Зиборова, А.И. Стахова.

ISBN: 978-5-238-03851-3

Рассматриваются ключевые вопросы административной ответственности как института административного права. Анализируются материально-правовые и процессуальные основания административной ответственности, система и виды административных наказаний, общие и особые правила их назначения, структура и механизм производства по делам об административных правонарушениях. Исследуется специфика административно-деликтного производства в арбитражных судах.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов, сотрудников органов, обладающих административно-юрисдикционными полномочиями, а также всех интересующихся проблемами административной ответственности.

Квалификация преступлений как процесс установления тождества взаимной информации

Наиль Талгатович Идрисов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
Самара, Россия, nail070@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2310-7081>

Аннотация. Важнейшим условием эффективного функционирования правовой системы является соблюдение принципа законности, который не ограничивается идеей верховенства закона. Принцип законности предполагает определение преступности и наказуемости деяния согласно закону. Данное требование распространяется и на право-применительную деятельность, основной формой которой в уголовно-правовой сфере является квалификация преступлений. Традиционно квалификация преступлений понимается в юридическом и познавательном аспекте. В представленной статье уголовно-правовая оценка рассмотрена с применением информационного подхода и концепции информационного обмена. В работе обосновывается необходимость установления тождества между властной запрещающей социальной информацией об общественно опасном акте поведения индивида и информацией о совершении такого акта. Автор предлагает считать запрещающую норму уголовного права и акт общественно опасного поведения индивида элементами информационной матрицы общества, которая позволяет посредством информационного обмена сопоставлять данные социально-правовые феномены. При этом применяется теория взаимной информации, которая устанавливает взаимосвязь двух информационных потоков разной степени вероятности. На основании данного метода автор приходит к некоторым выводам о показателях эффективности уголовно-правовых запретов.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовно-правовой запрет, запрещающая норма уголовного права, информационная матрица общества, теория взаимной информации, тождество, законность, эффективность уголовного права.

Для цитирования: Идрисов Н.Т. Квалификация преступлений как процесс установления тождества взаимной информации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 72—79. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.008.

The qualification of crimes as a process of establishing the identity of mutual information

Nail T. Idrisov

Samara National Research University, Samara, Russia, nail070@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2310-7081>

Abstract. The most important condition for the effective functioning of the legal system is the observance of the principle of legality, which is not limited to the idea of the rule of law. The principle of legality presupposes the definition of criminality and the punishability of an act according to the law. This requirement also applies to law enforcement activities, the main form of which in the criminal law sphere is the qualification of crimes. Traditionally, the qualification of crimes is understood in a legal and cognitive aspect. In the presented article, the criminal law assessment is considered using an information approach and the concept of information exchange. The paper substantiates the need to establish an identity between authoritative forbidding social information about a socially dangerous act of an individual's behavior and information about the commission of such an act. The author proposes to consider the prohibiting norm of criminal law and the act of socially dangerous behavior of an individual as elements of the information matrix of society, which allows through information exchange to compare these socio-legal phenomena. At the same time, the theory of mutual information is applied, which establishes the relationship between two information flows of varying degrees of probability. Based on this method, the author comes to some conclusions about the effectiveness of criminal law prohibitions.

Keywords: qualification of crimes, criminal law prohibition, prohibiting norm of criminal law, information matrix of society, theory of mutual information, identity, legality, effectiveness of criminal law.

For citation: Idrisov, N.T. (2024) The qualification of crimes as a process of establishing the identity of mutual information. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 72—79. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.008.

Введение

Квалификация преступлений является важнейшим элементом современной правовой системы, выступая гарантом справедливости, законности и правовой определенности. При этом квалификация преступлений занимает специфическое положение в уголовном праве. В.Н. Кудрявцев утверждал, что «это одно из важнейших понятий науки уголовного права, широко применяемое в практической деятельности органов юстиции»¹. Однако «словосочетание „квалификация преступлений“ в уголовном законодательстве не встречается, т. е. законодатель не считает необходимым применять это понятие при уголовно-правовом регулировании деятельности органов юстиции. При определении правил квалификации законодатель предпочитает использовать термин „ответственность“»².

Отсутствие законодательного определения квалификации преступления влечет неоднозначное понимание данного явления в доктрине, формируя порой противоположные подходы.

А.А. Герцензон³, А.Н. Трайнин⁴, И.И. Горелик⁵ определяют квалификацию преступлений как процесс установления соответствия или тождества между признаками деяния и признаками состава преступления. Аналогичной точки зрения придерживаются Г.В. Верина и М.С. Рыбак: «Квалифицировать преступление — значит дать ему правовую оценку и определить соответствующую статью УК, а следовательно, установить тождество между конкретным актом человеческого поведения и законодательной конструкцией»⁶. Данный подход определяет квалификацию преступления через характеристику одного аспекта — установление соответствия или тождества между признаками деяния и признаками состава преступления.

Альтернативный подход к определению квалификации преступления представлен в трудах Б.А. Куринова⁷, Г.М. Миньковского, А.А. Магомедова, В.П. Ревина⁸ и ряда других авторов. Данные авторы рассматривают понятие «квалификация преступления» в двух значениях:

1) как процесс мыслительной и познавательной деятельности правоприменителя;

2) как результат такой деятельности, состоящий в точном установлении признаков совершенного деяния и нормы Особенной части УК РФ.

Схожую позицию занимал И.М. Гальперин: «Во-первых, квалификация определяет предмет и пределы доказывания, которые обусловлены составом преступления. Во-вторых, она неразрывно связана с решением ряда коренных вопросов применения уголовно-процессуальных норм, обеспечения прав и законных интересов граждан»⁹. Сторонники данного подхода выделяют два смысловых значения квалификации, при этом оба значения определяют уголовно-правовые составляющие данного явления. При этом сторонники данного подхода используют как эталон тождества уголовно-правовую норму, но не состав преступления.

Общепризнанное определение квалификации дано В.Н. Кудрявцевым, который обозначил иной подход к данному явлению «как установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой»¹⁰. Автор объединил процессуальную и результативную составляющие данного явления, акцентируя внимание на формализации квалификационного решения путем его фиксирования в процессуальном акте, при этом квалификация преступления в первую очередь признается одним из этапов применения запрещающей нормы уголовного права.

В современной специальной литературе данный подход поддерживает В.С. Савельева: «Квалифицировать преступление — значит решить, под какую из числа действующих уголовно-правовых норм подпадает деяние, по поводу которого возбуждено уголовное дело и ведется уго-

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 4.

² Идрисов Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования: монография. Самара, 2015. С. 10.

³ Герцензон А.А. Квалификация преступления. М., 1947. С. 4—5.

⁴ Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступлений. М., 1957. С. 6—8.

⁵ Уголовное право БССР. Часть особенная: [учеб. пособие для юрид. фак. вузов] / под общ. ред. И.И. Горелика [и др.]. Минск, 1971. С. 6.

⁶ Верина Г.В., Рыбак М.С. Некоторые аспекты квалификации преступлений: проблемы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3. С. 165.

⁷ См.: Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984.

⁸ См.: Миньковский Г.М., Магомедов А.А., Ревин В.П. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под общ. ред. В.П. Ревина. М., 1998.

⁹ Гальперин И. Квалификация преступлений: закон, теория и практика // Социалистическая законность. 1987. № 9. С. 36.

¹⁰ Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 5.

ловное судопроизводство, дать ему юридическую оценку с позиции УК и максимально точно указать в соответствующем уголовно-процессуальном документе, где именно, в какой статье, части статьи, пункте и подпункте данная норма закреплена»¹¹.

Однако, на наш взгляд, анализ сущности квалификации преступлений исключительно с юридической точки зрения сужает природу данного явления. Предлагаем применить к исследованию данного явления концепцию социального информационного обмена, предполагающую следующее: «В процессе функционирования и развития общества вырабатывается специфическая вещественно-предметная структура — информационная матрица. Информационную матрицу составляет та предметная среда, которая формируется в результате взаимодействия человека с природой и которая содержит в себе общекультурные и технологические знания, накопленные человеческой цивилизацией. <...> Нормы, ценности и социальный опыт также являются частью социоинформационной матрицы, однако входят в нее в опредмеченной форме, будучи запечатленными с помощью языковых, визуальных или образно-символических средств»¹².

Таким образом, запрещающие нормы уголовного права включаются в информационную матрицу общества, которая объединяет элементы Big Data системы (огромной информационной системы общества), при которой информация передается опосредованно (то есть без личного контакта источника информации и его реципиента). Индивид является активным участником информационной матрицы, активно взаимодействует с ней и оставляет в ней след, в том числе поведенческими актами, обладающими общественной опасностью (преступлениями). Информация о таких актах включается в информационную матрицу.

В.И. Игнатов и Ф.И. Розанов справедливо пишут: «Поскольку информационная матрица — это функциональная среда, окружающая каждого человека, то опосредованно информация от управляющей структуры доходит до каждого конкретного индивида. В процессе выполнения указанных действий человек меняет свойства среды, что, в свою очередь, приводит и к изме-

нениям в информационной матрице. На основании изменений информационной матрицы управляющая структура получает сведения о том, что ее указания были выполнены (или нарушены — Н.И.). Таким образом, благодаря тому, что информация от всех социальных элементов запечатлевается в информационной матрице, отпадает необходимость в непосредственном взаимодействии между элементами. Но в то же время, поскольку элементы привязаны процессами информационного обмена к информационной матрице, а информационная матрица едина и универсальна для всех элементов, социальная система сохраняет свою целостность»¹³.

Иными словами, квалификация преступлений с точки зрения концепции современного информационного обмена является инструментом установления тождества между содержащейся в запрещающей норме уголовного права властной социальной информацией, адресованной источником (государством) реципиентам (населению, правоприменителям), и информацией о нарушении такого веления.

В настоящей работе мы предлагаем применить информационный подход и концепцию информационного обмена к определению сущности и содержания данного процесса. Оговоримся, что объектом исследования является именно официальная квалификация преступлений, то есть осуществляемая уполномоченными лицами и имеющая уголовно-правовые последствия.

Квалификация преступлений как процесс установления тождества взаимной информации

Анализ специальной литературы показывает, что квалификация преступлений понимается в основном как процесс установления соответствия между деянием и признаками состава преступления. На наш взгляд, данное определение содержит недостатки по ряду причин. Во-первых, применение термина «деяние» при определении предмета уголовно-правовой оценки лишено логического основания. В ст. 8 Уголовного кодекса РФ 1996 года¹⁴ установлено, что основанием уголовной ответственности является совершение лицом деяния, содержащего все признаки состава преступления. Иными словами, деяние отождествляется с преступлением. Однако «в учении о составе преступления деяние признается (основным) признаком объек-

¹¹ Савельева В.С. Основы квалификации преступлений: учебное пособие. М., 2006. С. 6.

¹² Игнатьев В.И., Розанов Ф.И. Информационный обмен как фундаментальный механизм социального взаимодействия // Идеи и идеалы. 2011. № 2 (8), т. 1. С. 110.

¹³ Игнатьев В.И., Розанов Ф.И. Указ. соч. С. 111.

¹⁴ Далее — УК РФ.

тивной стороны преступления. Положение о том, что один признак одного элемента состава преступления (часть) содержит все признаки состава преступления (целого), противоречит положениям формальной логики»¹⁵.

В уголовно-правовой литературе по-разному определяют и предмет уголовно-правовой оценки. В.А. Никонов использует термин «событие»¹⁶, И.В. Андреев предложил использовать в качестве предмета уголовно-правовой оценки «поведение индивида»¹⁷. Представляется, что оба термина не в полной мере отражают предмет уголовно-правовой оценки. Событие является видом юридического факта и исключает волю человека в его генезисе. Такое положение дел противоречит сущности преступления и принципам уголовного права. «Поведение индивида» также не отражает искомого элемента, поскольку «поведением именуют присущее всем живым существам взаимодействие с окружающей средой, включающее их внешнюю (двигательную) и внутреннюю (психическую) активность»¹⁸. Однако уголовно-правовой оценке подвергается не весь массив социального взаимодействия индивида, а только его отдельные акты, нарушающие уголовно-правовой запрет. Поэтому верным представляется применение термина «акт поведения индивида».

Дискуссионной является в науке степень равнозначности между сравниваемыми в процессе квалификации элементами. Отдельные авторы утверждают о необходимости установления тождества¹⁹, другие — соответствия²⁰. На наш взгляд, с формально-юридической точки зрения в процессе квалификации преступления происходит установление тождества между актом поведения индивида и конкретной уголовно-правовой нормой, запрещающей такое поведение. Не совсем правильно использовать термин «соответствие» применительно к квалификации преступления, поскольку соответствие

подразумевает различную степень равенства двух явлений, при котором возможны некоторые исключения. Данное положение неприемлемо по отношению к уголовному правоприменению, поскольку, согласно принципу презумпции невиновности, любые сомнения в таком соответствии толкуются в пользу обвиняемого и несоответствие любой степени между сравниваемыми элементами в процессе квалификации влечет вывод о полном отсутствии соответствия. Представляется верным применение термина «тождество», определяемого как «предельный случай равенства объектов, когда не только все родовидовые, но и все индивидуальные их свойства совпадают»²¹.

Следует отметить, что согласно законам формальной логики тождество можно установить только между однородными явлениями и понятиями, при этом каждое понятие должно употребляться в процессе всего рассуждения в одном и том же смысле. Иными словами, в процессе уголовно-правовой оценки содеянного возникает необходимость определения общего, родового свойства отождествляемых элементов. На наш взгляд, таким родовым понятием является «информация», которая, с одной стороны, содержится в нормах уголовного права, но и отражает сущность поведенческого акта индивида — с другой. С.С. Босхолов справедливо пишет: «Нормы уголовного права являются информацией, ибо содержат в себе сведения о запрещенном поведении людей, то есть об уголовно-правовых запретах и санкциях за их нарушение. Следовательно, нормы уголовного права содержат вполне определенное знание, те или иные сведения...»²² Соглашаясь с С.С. Босхоловым, дополним, что запрещающая норма уголовного права является инструментом трансляции властной социальной информации о недопустимости совершения общественно опасного акта поведения индивида под угрозой наступления неблагоприятных уголовно-правовых последствий.

Таким образом, в процессе квалификации преступления правоприменитель устанавливает тождество между информацией, содержащейся в запрещающей уголовно-правовой норме, и информацией о конкретном поведенческом акте индивида.

¹⁵ Идрисов Н.Т. Указ. соч. С. 24.

¹⁶ Никонов В.А. Научные основы квалификации преступлений (спецкурс): учебное пособие. Тюмень, 1996. С. 13.

¹⁷ Андреев И.В. Теоретико-правовые основы квалификации преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тюмень, 2000. С. 17.

¹⁸ Психология: словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990. С. 276.

¹⁹ Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие. 2-е изд. М., 2013. С. 6.

²⁰ Наумов А.В. Законы логики при квалификации преступлений. М., 1978. С. 12.

²¹ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М., 1983. С. 687.

²² Босхолов С.С. Основы уголовной политики. Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999. С. 207.

«Специфика применения норм уголовного права при квалификации преступлений, — писал О.Ф. Шишов, — выражается в том, чтобы в конкретном жизненном факте обнаружить наиболее типичные признаки, которые определяют сущность данного явления, и, сопоставив их с признаками, указанными в той или иной статье Уголовного кодекса, прийти к выводу, что именно такой случай имел в виду законодатель, устанавливая конкретный уголовно-правовой запрет»²³.

Каким же образом определяется тождество между властной социальной информацией, содержащейся в запрещающей норме уголовного права, и информацией о конкретном акте поведения индивида?

Информационный подход к анализу сущности квалификации преступления позволяет определить данную информацию как взаимную. Теория взаимной информации — это познавательный инструмент в теории информации и теории вероятностей, который позволяет понять, насколько две случайные величины связаны друг с другом. Взаимная информация измеряет, насколько знание одной случайной величины уменьшает энтропию (неопределённость) относительно другой. Г. Найквист и Р. Хартли установили, что в контексте теории информации энтропия отражает количество информации, которое содержится в сообщении, что иначе именуется «неожиданность сообщения»²⁴.

Запрещающая норма уголовного права обладает энтропией, то есть возникающим в процессе формирования состоянием ее неопределенности и непредсказуемости для адресата. Единицей измерения властной социальной информации, содержащейся в такой правовой норме, является бит, т. е. «такое количество информации, которое является достаточным для установки различий между двумя явлениями, имеющими одинаковую вероятность»²⁵. Иными словами, уголовно-правовая норма как информация предполагает два равновероятных исхода: соблюдение властного веления и его нарушение.

Являясь элементом информационной матрицы общества, запрещающая норма уголовного права в процессе формирования обладает энтропией для адресатов. Регулятивное воздействие правовой нормы осуществляется преодолением ее энтропии двумя способами: 1) путем правомерного поведения адресатов, которые акцептовали властную социальную информацию и определили паттерны поведения согласно такому велению; 2) путем квалификации преступления и применения негативных уголовно-правовых последствий в отношении адресатов, чьи поведенческие акты нарушили властное веление. Иными словами, поведение субъектов также предполагает два равновероятных значения: социально-позитивное или общественно опасное.

Теория взаимной информации позволяет нам заключить, что социально-позитивное поведение адресатов снижает энтропию запрещающей правовой нормы, формируя и гарантируя ее регулятивное воздействие посредством индивидуального механизма реализации такой информации (когда информация воздействует на правилосообразную сферу сознания индивида и генерирует позитивное поведение). Преступный поведенческий акт также преодолевает энтропию уголовно-правовой нормы, однако механизм определения информационного тождества взаимной информации при криминальном паттерне поведения индивида носит публичный характер (когда такое тождество устанавливается уполномоченными субъектами и влечет негативные уголовно-правовые последствия для нарушителя).

Таким образом, квалификация преступления с точки зрения информационного подхода является инструментом преодоления энтропии запрещающей уголовно-правовой нормы и установления тождества между взаимной властной социальной информацией о недопустимости общественно опасного акта поведения индивида и информацией о совершении такого акта.

Теория взаимной информации позволяет графически изобразить сферу информационного обмена при квалификации, предмет квалификации преступления и сделать ряд логических выводов (рис. 1).

Представим, что $H(X)$ — это социальная властная информация о запрещенном поведенческом акте. $H(X|Y)$ — это сфера информационного воздействия запрещающей правовой нормы, предполагающая позитивное и негативное поведение. Например, государственно-властное веление о запрете убийства, легализованное в ч. 1 ст. 105 УК РФ, предполагает как соблюдение такого запрета (форма применения нормы права адресатами), так и нарушение данного веления.

²³ Шишов О.Ф. Теоретические проблемы квалификации преступлений. М., 1988. С. 6.

²⁴ Введение в теорию информации // NOP: Nuances of programming. URL: <https://nuancesprog.ru/p/7670> (дата обращения: 12.09.2024).

²⁵ Единицы измерения количества информации: виды и стандарты // GeekBrains — образовательный портал. URL: <https://gb.ru/blog/editsy-izmereniya-kolichestva-informatsii> (дата обращения: 18.09.2024).

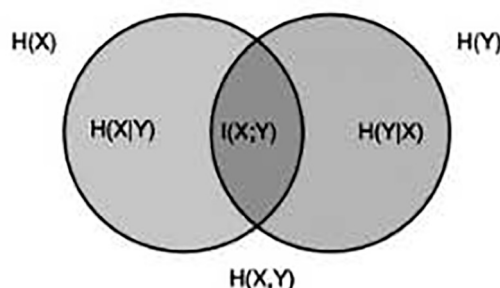

Рис. 1. Графическая модель взаимной информации при квалификации преступлений

$H(Y)$ — это информация о поведенческом акте индивида. При этом сфера $H(Y|X)$ — это информация о позитивных поведенческих актах, включающих убийство одного лица другим.

Пересечение сфер, обозначенное $I(X;Y)$, — это взаимная информация, предполагающая тождество между властной социальной информацией о недопустимости акта поведения индивида и информацией о нарушении такого веления, то есть совершении преступления. Именно в указанной сфере осуществляется квалификация преступлений как информационный процесс.

Степень совпадения сфер $H(X)$ и $H(Y)$ позволяет соотнести уровень взаимной информации и свойства уголовно-правового запрета. Высокая степень взаимной информации означает, что наличие запрета гарантирует его нарушение. В уголовно-правовой доктрине такой позиции придерживается Я.И. Гилинский, подмечая: «Уголовный кодекс РФ, бесконечно дополняемый все новыми составами „преступлений“, превращает каждого гражданина России в уголовного преступника»²⁶.

Низкая степень взаимной информации может свидетельствовать о неэффективности уголовно-правового запрета.

Заключение

Представленная теоретическая модель взаимной информации применительно к квалифи-

кации преступлений должна применяться с учетом социальной картины реальности, меняющейся в различные исторические периоды. На эффективность такой модели влияет легитимность уголовно-правового запрета, возможность квалификационных ошибок и квалификационные злоупотребления. Однако применение информационного подхода к квалификации преступления позволяет раздвинуть горизонты данного правового феномена, определить информационно-познавательный алгоритм правоприменителя и направления повышения эффективности запрещающих уголовно-правовых норм. Безусловно, объема настоящего исследования недостаточно, чтобы отразить все механизмы установления тождества взаимной информации, однако полагаем, что комплексный информационно-юридический метод исследования квалификации преступления позволяет выявить необходимые правила и условия правильной и справедливой уголовно-правовой оценки. Только правильная и справедливая квалификация преступления способна гарантировать соблюдение законности и нормальное функционирование всей правовой системы.

Список литературы

1. Андреев И.В. Теоретико-правовые основы квалификации преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тюмень, 2000. 204 с.
2. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М.: ЮрИнфоР, 1999. 293 с.
3. Верина Г.В., Рыбак М.С. Некоторые аспекты квалификации преступлений: проблемы теории и практики // Известия высших

²⁶ Гилинский Я.И. Уголовное законодательство в современной России: критические заметки // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (Москва, 29—30 января 2015 г.) / Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М., 2015. С. 40.

учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3. С. 165—172.

4. Гальперин И. Квалификация преступлений: закон, теория и практика // Социалистическая законность. 1987. № 9. С. 36—38.

5. Герцензон А.А. Квалификация преступления. М.: РИО ВЮА, 1947. 25 с.

6. Гишинский Я.И. Уголовное законодательство в современной России: критические заметки // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (Москва, 29—30 января 2015 г.) / Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М.: РГ-Пресс, 2015. С. 38—41.

7. Игнат'ев В.И., Розанов Ф.И. Информационный обмен как фундаментальный механизм социального взаимодействия // Идеи и идеалы. 2011. № 2 (8), т. 1. С. 106—116.

8. Идрисов Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования: монография. Самара: Издательство АСГАРД, 2015. 208 с.

9. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие. 2-е изд. М.: Проспект, 2013. 159 с.

10. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 1999. 301 с.

11. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Изд-во МГУ, 1984. 181 с.

12. Миньковский Г.М., Магомедов А.А., Ревин В.П. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под общ. ред. В.П. Ревина. М.: Брандес: Альянс, 1998. 526 с.

13. Наумов А.В. Законы логики при квалификации преступлений. М.: Юридическая литература, 1978. 104 с.

14. Никонов В.А. Научные основы квалификации преступлений (спецкурс): учебное пособие / Тюменский юридический институт. Тюмень: ТЮИ, 1996. 72 с.

15. Психология: словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.

16. Савельева В.С. Основы квалификации преступлений: учебное пособие. М.: Проспект, 2006. 79 с.

17. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. 363 с.

18. Уголовное право БССР. Часть особенная: [учеб. пособие для юрид. фак. вузов] / под общ. ред. И.И. Горелика [и др.]. Минск: Вышэйшая школа, 1971. 392 с.

19. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 839 с.

20. Шишов О.Ф. Теоретические проблемы квалификации преступлений. М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1988. 111 с.

References

1. Andreev, I.V. (2000) Teoretiko-pravovye osnovy kvalifikatsii prestupleniy [Theoretical and legal foundations of the qualification of crimes]. Ph. D. thesis. Tyumen', 204 p. (In Russ.).

2. Boskholov, S.S. (1999) Osnovy ugolovnoy politiki. Konstitutsionnyy, kriminologicheskyy, ugolovno-pravovoy i informatsionnyy aspekty [Fundamentals of criminal policy. Constitutional, criminological, criminal law and information aspects]. Moscow, YurInfoR, 293 p. (In Russ.).

3. Verina, G.V. & Rybak, M.S. (2000) Nekotorye aspekty kvalifikatsii prestupleniy: problemy teorii i praktiki [Some aspects of crime qualification: problems of theory and practice]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, no. 3, pp. 165—172. (In Russ.).

4. Gal'perin, I. (1987) Kvalifikatsiya prestupleniy: zakon, teoriya i praktika [Qualification of crimes: law, theory and practice]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, no. 9, pp. 36—38. (In Russ.).

5. Gertsenzon, A.A. (1947) Kvalifikatsiya prestupleniya [Qualification of the crime]. Moscow, Military Law Academy, 25 p. (In Russ.).

6. Gilinskiy, Ya.I. (2015) Ugolovnoe zakonodatel'stvo v sovremennoy Rossii: kriticheskie zametki [Criminal legislation in modern Russia: critical notes]. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, January 29—30, 2015*. Moscow, RG-Press, pp. 38—41. (In Russ.).

7. Ignat'ev, V.I. & Rozanov, F.I. (2011) Informatsionnyy obmen kak fundamental'nyy mekhanizm sotsial'nogo vzaimodeystviya [Information exchange as a fundamental mechanism of social interaction]. *Idei i idealy*, no. 2 (8), part 1, pp. 106—116. (In Russ.).

8. Idrisov, N.T. (2015) Pravila kvalifikatsii prestupleniy: ponyatie, vidy, problemy pravovogo regulirovaniya [Rules for the qualification of crimes: concept, types and problems of legal regulation]. Monograph. Samara, ASGAR, 208 p. (In Russ.).

9. Korneeva, A.V. (2013) Teoreticheskie osnovy kvalifikatsii prestupleniy [Theoretical foundations of crime qualification]. Textbook. Moscow, Prospekt, 159 p. (In Russ.).
10. Kudryavtsev, V.N. (1999) Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestupleniy [General theory of crime qualification]. Moscow, Yurist'', 301 p. (In Russ.).
11. Kurinov, B.A. (1984) Nauchnye osnovy kvalifikatsii prestupleniy [Scientific foundations of crime qualification]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 181 p. (In Russ.).
12. Min'kovskiy, G.M., Magomedov, A.A. & Revin, V.P. (1998) Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti [Criminal law of Russia. General and Special parts]. Textbook. Moscow, Brandes, Al'yans, 526 p. (In Russ.).
13. Naumov, A.V. (1978) Zakony logiki pri kvalifikatsii prestupleniy [Rules of logic in the qualification of crimes]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 104 p. (In Russ.).
14. Nikonov, V.A. (1996) Nauchnye osnovy kvalifikatsii prestupleniy (spetskurs) [Scientific foundations of crime qualification (special course)]. Textbook. Tyumen, Tyumen Law Institute, 72 p. (In Russ.).
15. Petrovskiy, A.V. & Yaroshevskiy, M.G. (1990) Psikhologiya [Psychology]. Dictionary. Moscow, Politizdat, 494 p. (In Russ.).
16. Savel'eva, V.S. (2006) Osnovy kvalifikatsii prestupleniy [Fundamentals of the qualification of crimes]. Textbook. Moscow, Prospekt, 79 p. (In Russ.).
17. Traynin, A.N. (1957) Obshchee uchenie o sostave prestupleniya [The general doctrine of the composition of the crime]. Moscow, Gosyurizdat, 363 p. (In Russ.).
18. Gorelik, I.I. (ed.) (1971) Ugolovnoe pravo BSSR. Chast' osobennaya [Criminal law of the BSSR. The special part]. Minsk, Vysshaya shkola, 392 p. (In Russ.).
19. Il'ichev, L.F., Fedoseev, P.N., Kovalev, S.M. & Panov, V.G. (1983) Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 839 p. (In Russ.).
20. Shishov, O.F. (1988) Teoreticheskie problemy kvalifikatsii prestupleniy [Theoretical problems of the qualification of crimes]. Moscow, Higher Law Correspondence School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 111 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.Т. Идрисов — доцент кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N.T. Idrisov – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Samara National Research University, Candidate of Law, Associate Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Юридическая служба в государственных органах и на предприятиях. 5-е изд., перераб. и доп. Учеб. пособие. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований / Под науч. ред. С.С. Маиляна, Н.Д. Эриашвили; под общ. ред. А.Ю. Олимпиева, А.В. Тумакова. 303 с.

ISBN: 978-5-238-03619-9

В пособии раскрываются понятие, значение, функции и правовой статус юридической службы, а также организация работы юридических служб в организациях и на предприятиях по укреплению законности, охране прав и свобод граждан и юридических лиц. Значительное внимание уделено правовому регулированию претензионно-исковой и договорной работы, в том числе по заключению и расторжению трудового договора. В отдельной главе представлены особенности гражданского судопроизводства, которые необходимо знать работникам юридических служб.

Для студентов (курсантов, слушателей) высших учебных заведений, осуществляющих подготовку юристов, а также преподавателей, аспирантов (адъюнктов), практических работников правоохранительных органов и всех интересующихся организацией и функционированием юридической службы в государственных органах и на предприятиях.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 80—84.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 80—84.

УДК 343.3/7:004
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.009

NIION: 2015-0065-04/24-260
MOSURED: 77/27-010-2024-04-459

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Киберпреступления: понятие, проблемы противодействия и пути их решения

Валерий Александрович Перов¹, Александр Юрьевич Карлов²

^{1, 2}Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия

¹geck.on@yandex.ru

²karlov_au@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности различных криминологических детерминантов, порождающих преступность в сфере кибербезопасности. Также рассматриваются криминалистические и уголовно-правовые аспекты противодействия указанным преступлениям.

В процессе работы были обобщены статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации, что позволило выделить факторы, оказывающие существенное влияние на выявление киберпреступлений и противодействие им.

Ключевые слова: киберпреступления, причины и условия совершения преступлений, детерминанты преступности, криминалистическая классификация, способ совершения преступления, объект преступления.

Вклад авторов: Карлов А.Ю. — концепция и дизайн исследования, сбор и обработка материалов; Перов В.А. — анализ полученных данных, написание текста.

Для цитирования: Перов В.А., Карлов А.Ю. Киберпреступления: понятие, проблемы противодействия и пути их решения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 80—84. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.009.

Cybercrime: the concept, problems of counteraction and ways to solve them

Valery A. Perov¹, Alexander Yu. Karlov²

^{1, 2}Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia

¹geck.on@yandex.ru

²karlov_au@mail.ru

Abstract. The article examines the features of various criminological determinants that generate crime in the field of cybersecurity. The criminalistic and criminal law aspects of countering these crimes are also considered.

In the course of the work, statistical data from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation were summarized, which made it possible to identify factors that have a significant impact on the detection of cybercrimes and countering them.

Keywords: cybercrime, causes and conditions of crime, determinants of crime, criminalistic classification, method of crime, object of crime.

Contribution of the authors: Karlov A.Yu. — research concept and design, collection and processing of materials; Perov V.A. — data analysis, text writing.

For citation: Perov, V.A. & Karlov, A.Yu. (2024) Cybercrime: the concept, problems of counteraction and ways to solve them. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 80—84. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.009.

В современном мире информационные технологии играют все более важную роль в различных сферах жизни общества. Практически каждый человек сегодня использует те или иные информационные технологии как непосредственно в своей трудовой деятельности,

так и для отдыха или развлечений. Все это приводит к тому, что преступления с использованием информационных технологий совершаются все чаще, становясь одной из наиболее быстрорастущих и опасных форм преступности.

Согласно краткой характеристике состояния преступности Министерства внутренних дел Российской Федерации за январь — июль 2024 года

© Перов В.А., Карлов А.Ю., 2024

число зарегистрированных киберпреступлений возросло на 17,1 %¹.

Сразу хотелось бы обратить внимание на используемую в том числе в официальной статистике терминологию.

Если обратиться к краткой характеристике состояния преступности в Российской Федерации за январь — август 2023 года, то можно увидеть, что в указанный временной период сохранялась тенденция к увеличению количества (на 28,7 %) противоправных деяний в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Их удельный вес в числе всех преступных посягательств возрос до 32,9 %, а по тяжким и особо тяжким преступлениям — до 56,4 %².

В одном случае в период 2023 года отмечается рост преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, а в другом — в 2024 году возросло число зарегистрированных киберпреступлений. Необходимо отметить то обстоятельство, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации не предусматривает в качестве преступлений ни преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, ни киберпреступления, которые рассматривает официальная статистика. Между тем статья 14 Уголовного кодекса Российской Федерации прямо указывает, что преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания. Ни одно, ни другое деяние, рассматриваемые в официальной статистике в качестве преступлений, Уголовным кодексом Российской Федерации не предусмотрены.

Возникают закономерные вопросы. О каких преступлениях идет речь? Какие преступления имеют тенденции к росту? Ведь для того, чтобы определить пути противодействия тому или иному виду преступлений, необходимо определиться, о каких преступлениях идет речь, выявить способы их совершения, определить криминологическую характеристику лиц, такие преступления совершающих. Без четко определенной, по крайней мере принятой большинством исследователей научной и правовой тер-

минологии давать классификацию преступлений, которые с точки зрения закона формально не существуют, бессмысленно и антинаучно.

Само по себе понятие «киберпреступление» не имеет не только правовой трактовки, но и единообразного толкования среди как ученых, так и правоприменителей.

Так, например, на официальном сайте «Лаборатории Касперского» можно найти определение киберпреступности как преступной деятельности, в рамках которой используются либо атакуются компьютер, компьютерная сеть либо сетевое устройство³.

А.А. Лебедева полагает, что «при отсутствии легальной терминологии под киберпреступностью понимается совокупность преступлений, совершаемых в интернет-пространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных»⁴.

Согласно рекомендациям экспертов ООН к киберпреступлению можно отнести любое преступление в электронной сфере, совершенное при помощи компьютерной системы или сети или против них⁵.

Со всеми вышеуказанными формулировками можно согласиться, так как действительно киберпреступление — это преступление, совершаемое с использованием программного обеспечения (информационных технологий) и компьютерного оборудования. К таковым преступлениям действующий Уголовный кодекс Российской Федерации относит ст. 159.6 («Мошенничество в сфере компьютерной информации») и преступления, предусмотренные главой 28 («Преступления в сфере компьютерной информации»).

Как следует из вышеизложенного, с точки зрения уголовного закона мы не можем классифицировать такие преступления по объекту посягательства, так как объект преступления различен. В первом случае речь идет об уголовно-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — июль 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/54040412> (дата обращения: 16.09.2024).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — август 2023 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/41741442> (дата обращения: 16.09.2024).

³ Что такое киберпреступность? Защита от киберпреступности // Лаборатория Касперского: сайт. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/what-is-cybercrime> (дата обращения: 18.09.2024).

⁴ Лебедева А.А. Особенности расследования киберпреступлений // Безопасность бизнеса. 2021. № 6. С. 48.

⁵ Киберпреступность как глобальная угроза в современном обществе: доклад эксперта / Управление ООН по наркотикам и преступности. URL: https://site-695358.mozfiles.com/files/695358/Doklad_Jeksperta_UNP_OON.pdf (дата обращения: 18.09.2024).

правовой защите имущественных прав, во втором о защите общественных отношений, обеспечивающих правомерный доступ, создание, обработку, преобразование и использование компьютерной информации. Нельзя осуществить классификацию и по субъекту преступления, так как он общий. Тем не менее как в ст. 159.6, так и в главе 28 УК РФ любой способ совершения таких преступлений предусматривает обязательное использование компьютерной информации, выступающей в качестве либо средства совершения преступления, либо предмета преступления. Можно полностью согласиться с А.В. Пелевиной, полагающей, что предметом преступлений, предусмотренных главой 28 УК РФ, необходимо считать компьютерную информацию, то есть информацию, хранящуюся на машинном носителе или находящуюся в информационно-телекоммуникационных сетях⁶.

В соответствии со ст. 2 Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации⁷ каждая из сторон, ратифицировавших данную Конвенцию, должна принимать как законодательные, так и иные необходимые меры для квалификации в качестве уголовного преступления неправомерного доступа к компьютерной системе в целом или любой ее части. Указанная Конвенция установила единые стандарты для борьбы с киберпреступностью и обеспечила международное сотрудничество в данном направлении.

Исходя из данных критериев, учитывая экспертные рекомендации ООН, можно констатировать, что одной из рекомендованных международным сообществом мер, направленных на выявление и пресечение так называемых киберпреступлений, может являться их соответствующая криминалистическая классификация. Осуществить такую классификацию (кластеризацию) возможно лишь по способам совершения этих преступлений. Такая классификация позволит расширить перечень указанных преступлений, содержащийся в разных разделах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, что, в свою очередь, будет способствовать выявлению всех возможных способов совершения указанных киберпреступлений, разработке ме-

тодик их расследования, выработке профилактических мер по их предотвращению.

Кроме того, выявление всех возможных способов совершения различных видов преступлений с использованием компьютерной информации⁸ делает возможными разработку и усовершенствование уже имеющихся программно-аппаратных средств противодействия таким преступлениям.

Совершение киберпреступлений обусловлено, как правило, материальной выгодой, но такие преступления могут совершаться также в целях поиска острых ощущений, из любопытства, для проверки или демонстрации своих профессиональных навыков при осуществлении так называемого интеллектуального вызова обществу, заключающегося в желании продемонстрировать окружающим, а зачастую и самому себе навыки в преодолении сложных систем безопасности⁹. Кроме того, указанные преступления совершаются по мотивам ненависти к конкретному лицу или группе лиц либо мести за реальные или предполагаемые обиды, реже по политическим мотивам.

Криминологический профиль киберпреступника часто включает в себя высокий уровень интеллекта, наличие специальных навыков в области информационных технологий, а также определенную степень изоляции от общества. Последнее обстоятельство связано с ограничением интересов областью информационных технологий, что порою приводит к формированию у лица, особенно не имеющего должного жизненного опыта, ложного представления о своей избранности, элитарности.

Социально-экономические факторы, способствующие развитию киберпреступности, включают в себя высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, экономические кризисы и, как следствие, невозможность реализации определенной частью населения своих профессиональных навыков легальным путем. Вы-

⁶ Пелевина А.В. Общая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 210.

⁷ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185; заключена в г. Будапеште 23.11.2001 // СПС «Гарант».

⁸ См.: Комлев Ю.Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1 (39). С. 34; Чернецкий В.А., Говорун А.Ю., Картацев Д.А. Некоторые особенности совершения преступления, а также способы установления лиц, совершающих преступления в сети Интернет // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 6А. С. 84.

⁹ Кобец П.Н. Фишинговые атаки как один из самых распространенных видов киберпреступности и меры по противодействию // Научный портал МВД России. 2023. № 1 (61). С. 83.

шеуказанные социальные явления на фоне бы-
строразвивающихся информационных техноло-
гий являются детерминантами киберпреступно-
сти. Так как телекоммуникационная сеть Ин-
тернет, используемая при совершении киберп-
реступлений, имеет глобальный, всемирный
характер, одной из основных проблем при их
расследовании является определение места со-
вершения такого преступления и, соответствен-
но, вопрос юрисдикции. Такие преступления
часто имеют международный характер, что со-
здает сложности в определении компетенции
конкретного государства, на территории которо-
го необходимо проводить его расследование.
Международное сотрудничество играет ключевую
роль в борьбе с киберпреступностью¹⁰, поскольку
позволяет странам обмениваться информацией и
координировать усилия в этом направлении.

Кроме того, сбор и сохранение доказательств
является чрезвычайно сложной задачей из-за
быстро изменяющейся природы киберпреступле-
ний и возможности уничтожения доказательств
непосредственно после совершения преступле-
ния. Именно поэтому в целях выявления клас-
сифицирующих признаков преступления необ-
ходима криминалистическая классификация
таких преступлений по способам их совершения.

Список литературы

1. Ализаде В.А., Волеводз А.Г. Судебная практика по делам о преступлениях преступ-
ных сообществ (преступных организаций) в сфе-
ре незаконного оборота наркотиков, совершен-
ных с использованием информационно-телеком-
муникационной сети Интернет и криптовалюты // Библиотека криминалиста. Научный жур-
нал. 2017. № 6 (35). С. 281—299.
2. Афанасьев П.Б., Шиян В.И. Состояние и
тенденции киберпреступности на объектах транс-
портной инфраструктуры // Транспортное пра-
во и безопасность. 2021. № 4 (40). С. 159—167.
3. Безвиконная Е.В., Савкин А.А. Цифро-
вые технологии в противодействии коррупции
в органах публичной власти // Теневая эконо-
мика. 2024. Т. 8, № 2. С. 195—206.
4. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы,
тенденции, перспективы: общие и частные тео-
рии. М.: Юридическая литература, 1987. 270 с.
5. Кобец П.Н. Фишинговые атаки как один
из самых распространенных видов киберпрес-

тупности и меры по противодействию // Науч-
ный портал МВД России. 2023. № 1 (61).
С. 82—89.

6. Комлев Ю.Ю. Цифровизация, сетевизация
общества постмодерна и развитие цифровой
криминологии и девиантологии // Вестник Ка-
занского юридического института МВД России.
2020. Т. 11, № 1 (39). С. 31—40. doi: 10.24420/
KUI.2020.39.1.004.

7. Лебедева А.А. Особенности расследования
киберпреступлений // Безопасность бизнеса.
2021. № 6. С. 48—56. doi: 10.18572/2072-3644-
2021-6-48-56.

8. Пелевина А.В. Общая характеристика
преступлений в сфере компьютерной информа-
ции // Пробелы в российском законодательстве.
2015. № 4. С. 209—211.

9. Расулев А.К. Некоторые вопросы между-
народного сотрудничества в сфере противодей-
ствия киберпреступлениям // Вестник Барна-
ульского юридического института МВД России.
2020. № 2 (39). С. 189—192.

10. Тимофеев А.В., Комолов А.А. Киберп-
реступность как социальная угроза и объект пра-
вового регулирования // Вестник Московского
государственного областного университета. Се-
рия: Философские науки. 2021. № 1. С. 95—
101. doi: 10.18384/2310-7227-2021-1-95-101.

11. Чернецкий В.А., Говорун А.Ю., Картав-
цев Д.А. Некоторые особенности совершения
преступления, а также способы установления
лиц, совершающих преступления в сети Интер-
нет // Вопросы российского и международного
права. 2021. Т. 11, № 6А. С. 82—89. doi:
10.34670/AR.2021.41.11.010.

References

1. Alizade, V.A. & Volevodz, A.G. (2017) Su-
debnaya praktika po delam o prestupleniyakh prestup-
nykh soobshchestv (prestupnykh organizatsiy) v
sfere nezakonnoogo oborota narkotikov, sovershen-
nykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekomm-
unikatsionnoy seti Internet i kriptovalyuty [Judicial
practice in cases of crimes of criminal communities
(criminal organizations) in the field of drug traf-
ficking committed using the Internet information
and telecommunications network and cryptocur-
rencies]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhur-
nal*, no. 6 (35), pp. 281—299. (In Russ.).
2. Afanas'ev, P.B. & Shiyani, V.I. (2021) So-
stoyaniye i tendentsii kiberprestupnosti na ob'ektakh
transportnoy infrastruktury [Cybercrime state and
tendencies in transport infrastructure]. *Transport
Law and Security*, no. 4 (40), pp. 159—167.
(In Russ.).

¹⁰ Расулев А.К. Некоторые вопросы международного
сотрудничества в сфере противодействия киберпрес-
туплениям // Вестник Барнаульского юридического
института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 189.

3. Bezvikonnaya, E.V. & Savkin, A.A. (2024) Tsifrovye tekhnologii v protivodeystvii korruptsii v organakh publichnoy vlasti [Digital technologies in combating corruption in public authorities]. *Tenevaya ekonomika*, vol. 8, no. 2, pp. 195–206. (In Russ.).

4. Belkin, R.S. (1987) Kriminalistika: problemy, tendentsii, perspektivy: obshchie i chastnye teorii [Criminalistics: problems, trends, prospects: general and special theories]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 270 p. (In Russ.).

5. Kobets, P.N. (2023) Fishingovye ataki kak odin iz samykh rasprostranennykh vidov kiberprestupnosti i mery po protivodeystviyu [Phishing attacks as one of the most common types of cybercrime and countermeasures]. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (61), pp. 82–89. (In Russ.).

6. Komlev, Yu.Yu. (2020) Tsifrovizatsiya, setevizatsiya obshchestva postmoderna i razvitie tsifrovoy kriminologii i deviantologii [Digitalization, networkization of post-modern society and the development of digital criminology and deviantology]. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, vol. 11, no. 1 (39), pp. 31–40. (In Russ.). doi: 10.24420/KUI.2020.39.1.004.

7. Lebedeva, A.A. (2021) Osobennosti rassledovaniya kiberprestupleniy [Specific features of cybercrime investigation]. *Bezopasnost' biznesa*, no. 6, pp. 48–56. (In Russ.). doi: 10.18572/2072-3644-2021-6-48-56.

8. Pelevina, A.V. (2015) Obshchaya kharakteristika prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii [The general characteristic of the crimes in the sphere of computer information]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, no. 4, pp. 209–211. (In Russ.).

9. Rasulev, A.K. (2020) Nekotorye voprosy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere protivodeystviya kiberprestupleniyam [Some issues of international cooperation in the field of countering cybercrime]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 2 (39), pp. 189–192. (In Russ.).

10. Timofeev, A.V. & Komolov, A.A. (2021) Kiberprestupnost' kak sotsial'naya ugroza i ob'ekt pravovogo regulirovaniya [Cybercrime as a social threat and an object of legal regulation]. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, no. 1, pp. 95–101. (In Russ.). doi: 10.183-84/2310-7227-2021-1-95-101.

11. Chernetskiy, V.A., Govorun, A.Yu. & Kartavtsev, D.A. (2021) Nekotorye osobennosti soversheniya prestupleniya, a takzhe sposoby ustanovleniya lits, sovershayushchikh prestupleniya v seti Internet [Some features of committing crimes, as well as ways to identify persons committing crimes on the Internet]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, vol. 11, no. 6A, pp. 82–89. (In Russ.). doi: 10.34670/AR.2021.41.11.010.

Информация об авторах

В.А. Перов — профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук;

А.Ю. Карлов — руководитель отделения технических средств редакционно-издательского и информационно-библиотечного отдела Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Information about the authors

V.A. Perov – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law;

A.Yu. Karlov – Head of the Technical Means Department of the Editorial and Publishing and Information and Library Department of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 85—92.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 85–92.

УДК 343.3/.7:004 + 343.97
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.010

NIION: 2015-0065-04/24-261
MOSURED: 77/27-010-2024-04-460

Научная специальность: 5.1.4 Уголовно-правовые науки

Личность киберпреступника

Армен Жораевич Саркисян

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
Москва, Россия, 7700153@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению проблематики личности киберпреступника. Рассмотрены основные криминологические характеристики указанного типа преступника, а также освещён ряд аспектов криминологического портрета киберпреступника.

Ключевые слова: киберпреступник, личность киберпреступника, киберпреступность, информационные технологии.

Для цитирования: Саркисян А.Ж. Личность киберпреступника // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 85—92. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.010.

The identity of the cybercriminal

Armen Zh. Sarkisyan

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee,
Moscow, Russia, 7700153@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the personality of a cybercriminal. The author considers the main criminological characteristics of this type of criminal and highlights a number of aspects of the criminological portrait of a cybercriminal.

Keywords: cybercriminal, identity of a cybercriminal, cybercrime, information technology.

For citation: Sarkisyan, A.Zh. (2024) The identity of the cybercriminal. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 85–92. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.010.

Одной из ярчайших черт современной эпохи однозначно является активное использование интернет-технологий во всех сферах человеческой деятельности. Начиная с широкого распространения персональных компьютеров как по всему миру в целом, так и в нашей стране в частности, роль информации в жизни общества изменилась таким беспрецедентным образом, что на сегодняшний день можно утверждать фундаментальное значение Интернета как явления нынешнего этапа развития человечества. Помимо широкого распространения его использования, которое охватывает все сферы жизни людей — от международной политики до проведения досуга, нельзя не отметить того факта, что в рамках самой Всемирной сети возникло значительное количество общественных отношений, которые ранее не встречались в человеческом обществе. Безусловно, нельзя ут-

верждать, что благодаря Интернету возникло множество принципиально новых и обособленных от всех других сфер человеческой жизнедеятельности общественных отношений, — в основном подобная деятельность связана конкретно с информационными технологиями. Однако Всемирная сеть повлияла абсолютно на все современные нам области деятельности, колоссальным образом преобразовав сущность огромного количества осуществляющихся в них общественных отношений, которые перешли из реального мира в виртуальный, ввиду чего сегодня можно констатировать потребность общества и государства в адаптации ко многим изменениям, которые вместе с собой принёс Интернет, при этом указанная адаптация должна носить организованный характер, направленный на повышение эффективности использования информационных технологий в той или иной сфере деятельности. Так, представляется приоритетным осуществление подобной ревизии в

© Саркисян А.Ж., 2024

подходах к воздействию Всемирной сети на юриспруденцию, что объясняется её важным значением как для государственности, так и для каждого члена общества в отдельности.

Безусловно, Интернет оказал значительное влияние на право во всех его аспектах — и на правовую культуру, и на коллективное правосознание общества, и на законодательство, и на правоприменительную практику, и на юридическую науку. Использование этой сети позволило как многократно ускорить распространение, так и увеличить доступность правовой информации, в первую очередь федеральных законов как основных нормативно-правовых актов, действующих на территории всей России, что имеет непосредственное отношение к реализации ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации, устанавливающей возможность применения всех законов, в том числе федеральных, только при условии их официального опубликования. Всемирная сеть полностью поменяла представление о доступности информации, в том числе той, которая носит нормативный характер. В связи с этим возможно утверждать принципиальный характер влияния Интернета на правосознание и правовую культуру, так как его использование органами государственной власти и местного самоуправления для информирования населения о содержании нормативно-правовых актов не сравнится с возможностями печати в этой области; в свою очередь, деятельность профессиональных юристов стала более эффективной ввиду наличия у специалистов в юридической сфере быстрого доступа к терабайтам нормативно-правовой информации. Более того, люди, чья основная деятельность не связана с юридической практикой, также обладают аналогичным доступом к нормативной информации, ввиду чего можно утверждать, что современный человек обладает намного более высоким уровнем правосознания, чем люди предшествующих поколений, что однозначно является следствием влияния именно информационных технологий.

Однако помимо беспрецедентного воздействия на право как явление Интернет также значительным образом повлиял на другой важный феномен общественной жизни, тесно связанный с юриспруденцией, — преступность. В силу того, что преступность представляет собой систему нарушений уголовного законодательства, вполне логично, что, если право испытало на себе значительное влияние со стороны Всемирной сети, аналогичный процесс будет происходить и с преступностью. В данном случае можно кон-

статировать факт негативного влияния Интернета на общественное развитие ввиду того, что, как и в других сферах жизнедеятельности общества, информационные технологии крайне «успешно» повышают эффективность деятельности преступников, их использующих, так как данные технологии не обладают человеческими представлениями о характере решаемых с их помощью задач, для них безразлично, влекут ли последствия их применения общественно опасный вред. Данная ситуация представляет собой один из самых острых вызовов современности, так как Интернет, значительным образом изменив характер преступной деятельности, по сути, спровоцировал возникновение нового типа преступности — киберпреступности. Проблема киберпреступности и угроз, которые она несёт государственной власти и обществу во всех странах мира, с каждым годом приобретает всё более важное значение и однозначно носит политический характер, так как до наших дней правительства не сталкивались с такой опасностью, которая потенциально может нанести беспрецедентный вред и государственным институтам, и неограниченному кругу рядовых граждан. В связи с этим одной из самых актуальных проблем и современной уголовно-правовой политики государства, и криминологической науки является формирование объективного представления о явлении киберпреступности в целях повышения эффективности борьбы с ней посредством разработки адекватных указанной угрозе механизмов как по раскрытию преступлений, совершаемых посредством информационных технологий, так и по профилактике данных видов уголовно наказуемых деяний.

При этом важно указать на отсутствие легальной дефиниции понятия «киберпреступность», что объясняется сущностной сложностью рассматриваемого явления. В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением А. Хаитжанова и А.П. Генераловой, что до сих пор формируются некоторые понятия, с которыми сталкиваются суды и правоохранительные органы в процессе рассмотрения дел по компьютерной безопасности¹. Подобная дефинитивная лакуна в научной терминологии может возникнуть только тогда, когда в академическом сообществе не сформировались общепринятые взгля-

¹ Хаитжанов А., Генералова А.П. Криминалистическая характеристика лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2011. Т. 1. С. 220.

ды на сущностные основы определяемого явления. Тем не менее на международном уровне уже делаются попытки определить указанный феномен — так, по мнению ряда экспертов ООН, киберпреступность охватывает «любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети»². При этом, как справедливо подчёркивает С.И. Буз, в рассматриваемое понятие включаются также и «классические» преступления, совершаемые с помощью информационных технологий³, а не только те, объектом которых выступают различные аспекты компьютерной безопасности. Соглашается с мнением экспертов ООН позиция Т.Л. Тропиной, которая определяет киберпреступность как «совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных»⁴, что в достаточной мере отражает сущность этого явления. В свою очередь, Т.М. Хусяинов отождествляет киберпреступность с интернет-преступностью⁵, что соответствует действительности, так как киберпреступность осуществляется в пространстве сети Интернет, посредством технологий которой достигаются преступные цели киберпреступлений. Тем не менее важно

отметить, что за любым киберпреступлением, составляющим киберпреступность, всегда стоит конкретный человек, криминологический портрет которого сильно отличается от совокупных характеристик человека, совершающего уголовно наказуемые деяния офлайн. Но именно в личности киберпреступника следует искать ответ на вопрос о причине возникновения киберпреступности, и именно анализ его личности поможет выявить сущность указанного типа противоправной деятельности.

В связи с этим анализ личности киберпреступника носит принципиальный характер для повышения эффективности реализации государственной политики, направленной на борьбу с киберпреступностью, так как именно об этой категории преступлений у органов юстиции на данный момент имеется меньше всего представлений. Современная криминологическая наука, как и любое научное знание, является продуктом своего предшествующего развития, а так как она относится к циклу социальных наук, её собственное развитие напрямую коррелирует с общественным. При формировании классического подхода к анализу и оценке портрета преступника в XX в. исследователи и лица, непосредственно осуществляющие борьбу с преступностью, учитывали технологическое и институциональное состояние современного для них общества, в котором представить себе такую технологию, как Интернет, было невозможно. В этой связи научное и юридическое сообщество уже сейчас начинает менять ряд базовых представлений о преступнике, действующем в киберпространстве, так как сама среда преступной деятельности такого правонарушителя меняется в нём те характерные черты и особенности, которыми обладает преступник «старой формации», продолжающий совершать преступления консервативным способом, без использования информационных технологий. Таким образом, сегодня перед государством стоит задача первостепенной важности по выработке принципиально нового подхода к борьбе с киберпреступностью с учётом её особенностей, что должно включать в себя комплекс мер, направленных на формирование новой методики борьбы с указанным видом преступности в целях повышения эффективности данной борьбы, и на первый план выходит выявление сущностных характеристик личности киберпреступника с целью минимизации и предотвращения преступлений в сфере информационных технологий.

Так, современная криминология уже обладает рядом определённых представлений о лич-

² Преступления, связанные с использованием компьютерной сети: справочный документ для семинара-практикума по преступлениям, связанным с использованием компьютерной сети / X Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Вена, 10—17 апреля 2000 года // Управление Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН): офиц. сайт. URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/10th_Congress_2000/017_ACONF.187.10_Crimes_Related_to_Computer_Networks_R.pdf (дата обращения: 22.10.2024).

³ Буз С.И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 4 (91). С. 78, 79.

⁴ Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Владивосток, 2005. С. 9.

⁵ Хусяинов Т.М. Интернет-преступления (киберпреступления) в российском уголовном законодательстве // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы всероссийского круглого стола (Иркутск, 20 марта 2015 г.). Вып. 6. Иркутск, 2015. С. 120.

ности киберпреступника, сформированных по результатам анализа статистических данных. Следует учитывать, что пользование Интернетом разнится от страны к стране, что является результатом совокупности значительного количества факторов от уровня жизни до размера населения, ввиду чего основные особенности, присущие киберпреступникам, тоже могут варьироваться. Однако одновременно с этим нельзя отрицать наличия общих особенностей личности киберпреступника, характерных для всех государств мира.

Так, с точки зрения гендерной принадлежности до 90 % киберпреступников являются мужчинами⁶, что объясняется как причинами, свойственными для преступности в целом, так и большей склонностью мужчин пользоваться Интернетом в различных целях, что, в свою очередь, объясняется в среднем более высокими доходами мужчин по сравнению с женщинами, а также более широким доступом к образованию, что соответствует общей картине гендерного неравенства, к большому сожалению, до сих пор имеющего место по всему миру. В подавляющем большинстве киберпреступники являются жителями городов⁷, что объясняется большим распространением информационных технологий в этом типе населённых пунктов по сравнению с сельской местностью, так как городское население больше занято в экономике, особенно в промышленности и сфере услуг, в связи с чем именно у городских жителей есть больше возможностей и, как правило, профессиональных и образовательных потребностей использовать Интернет. В отношении возраста следует отметить, что самой распространённой возрастной группой киберпреступников являются лица от 16 до 35 лет, а доля несовершеннолетних киберпреступников в возрасте от 14 до 15 лет от общего количества составляет 10 %⁸, что объясняется широкой распространённостью информационных технологий среди этой группы населения в принципе. На данном этапе изучения

личности киберпреступника юридическому и научному сообществу предстоит долгий путь по выявлению различных факторов и корреляций, связанных с киберпреступностью и влияющих на характер указанной деятельности, что требует затрат значительного количества ресурсов, в первую очередь времени, однако в настоящем исследовании автор предлагает рассмотреть ряд аспектов, связанных с личностью киберпреступника, исходя из имеющихся сегодня у криминологической науки данных, анализ которых будет полезен для проведения дальнейших научных изысканий в рассматриваемой области.

Следует отметить, что Интернет, несмотря на свою относительную простоту и удобство с точки зрения использования для повседневных целей, в том числе досуговых, профессиональных, образовательных и бытовых, с точки зрения его восприятия как орудия совершения большинства киберпреступлений представляет собой достаточно сложный инструмент, владение которым требует наличия у субъекта определённого набора компетенций. При этом необходимо учитывать, что и в правомерных, и в преступных целях Интернет намного быстрее осваивается лицами младшего возраста, что объясняется большей пластичностью психики молодых людей при ознакомлении с новой информацией, ввиду чего средний возраст киберпреступника становится значительно меньше среднего возраста лиц, совершающих преступления офлайн. Указанный факт представляет серьёзную проблему, так как, будучи более эффективными в использовании Интернета в противоправных целях, лица младшего возраста обладают более низким уровнем правосознания, что сказывается на процессе их вовлечения в преступную деятельность. Из-за непродолжительного опыта социализации и отсутствия интереса к содержанию уголовного законодательства, в том числе в сфере интернет-технологий, молодые люди не осознают, что совершают деяния, за которые предусмотрен самый тяжкий вид юридической ответственности. В этой связи весьма справедливо утверждение М.А. Простосердова о возможности возникновения ювенальной киберпреступности⁹. Подобная ситуация особенно опасна, если речь идёт о преступлениях против государственной власти, а также общественной безопасности и общественно-

⁶ IT-справочник следователя / под ред. С.В. Зуева. М., 2019. С. 77—78.

⁷ Поляков В.В., Людкова Н.В. Характеристика личности киберпреступников // Теоретические и практические проблемы организации раскрытия и расследования преступлений: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 22 апреля 2016 г. Хабаровск, 2016. С. 250—255.

⁸ Глазатова С.В., Бурцева Е.В., Медведева С.В. Киберпреступления, совершаемые несовершеннолетними: проблемы расследования // Российский следователь. 2021. № 2. С. 8.

⁹ Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2016. С. 160.

го порядка, что приобретает особо острый характер в период проведения специальной военной операции и в контексте продолжающегося роста радикальных религиозных настроений.

Несмотря на своё широкое применение, информационные технологии тем не менее представляют собой достаточно сложный инструмент для большинства членов общества, которые в основной своей массе имеют плохое представление об особенностях функционирования указанных технологий. Как одну из ярчайших черт киберпреступника следует отметить определённые интеллектуальные наклонности, так как человек не любого склада ума сможет совершить ряд преступлений онлайн, что повышает риск совершения подобных деяний среди лиц, хорошо разбирающихся в математике и информатике, при этом не только в рамках обучения или профессиональной деятельности. В данном случае важно отметить, что не всегда обучение по определённому направлению или работа по определённой специальности должны коррелировать с преступной активностью в Сети — такие лица могут получать другое образование или зарабатывать в другой сфере. Однако в большинстве случаев, как указывают В.В. Поляков и Л.А. Попов, киберпреступники всё-таки тем или иным образом связаны с информационными технологиями в своей обычной правомерной деятельности¹⁰. Следует признать, что с большей вероятностью киберпреступником может стать лицо, занятое в сфере информационных технологий по работе или учёбе, либо то, которое проводит значительную часть свободного времени в Интернете.

Следует обратить внимание на то, что преступно-стихийный киберпреступник пришёл в интернет-пространство не из криминальной среды. В основном преступники, совершающие общеуголовные преступления, или рецидивисты, правосознание которых деформировано правовым нигилизмом, в том числе лица, состоящие в организованных преступных группировках или в преступных сообществах, не перешли с улицы в виртуальную реальность, в которой продолжили свою преступную деятельность. Важно то, что в своей основной массе киберпреступники начинают заниматься криминальной деятельностью ввиду увлечения Интернетом, в процессе исследования которого они приобретают навыки работы с информацией и раз-

личными компьютерными программами, что в итоге приводит их к представлению о выдающемся характере своих способностей по работе в этой сети и, что особо опасно, о возможности безнаказанного совершения уголовных преступлений в киберпространстве. Необходимо осознать, что обычный пользователь Интернета становится киберпреступником вследствие своей активности в нём, при этом не имея криминального прошлого в классическом понимании. Действительно, профессиональные преступники, совершающие уголовно наказуемые деяния онлайн, редко меняют привычную для себя среду осуществления своей преступной деятельности, так как чаще всего не имеют детального представления о тех возможностях, которые может предоставить киберпространство, ввиду своей узкой специализации на более традиционных подходах к осуществлению преступлений. В свою очередь, киберпреступник, который в ситуации полного отсутствия или просто менее активного использования Интернета оставался бы обычным законопослушным пользователем, именно из-за своего интереса приходит к осознанию широких возможностей применения информационных технологий в противоправных целях. Безусловно, это абсолютно не означает, что, если человек проводит много рабочего или свободного времени за компьютером, он станет киберпреступником, однако полностью отрицать факт повышения вероятности совершения киберпреступлений и перехода из разряда обычного пользователя в класс киберпреступников представляется необоснованным. Лица с выдающимися навыками в использовании интернет-технологий имеют большую склонность к этому по сравнению с пользователями со средним уровнем освоения данных технологий.

Именно данный фактор является причиной того, что киберпреступники редко являются одиночками, а чаще всего работают в преступной группе, что обусловлено именно технологической сложностью осуществления такого вида преступлений, что приводит к возникновению разных «специализаций» преступников: в программировании, криптографии, технической поддержке и пр.¹¹ Такие специализации характерны для любого типа профессиональной деятельности, связанной с использованием высоких технологий, когда указанные технологии

¹⁰ Поляков В.В., Попов Л.А. Особенности личности компьютерных преступников // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 6 (104). С. 257—258.

¹¹ Методические рекомендации по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации: учебное пособие / под ред. И.Г. Чекунова. М., 2019. С. 30.

применяются в правомерных целях, а не для совершения уголовно наказуемых деяний.

Можно констатировать, что на период первой четверти XXI в. формируется новый тип организованной преступности, связанный с противоправной активностью в киберпространстве, что также представляет собой серьёзный вызов нынешней правоохранительной системе, которая будет вынуждена в ближайшее время адаптироваться к указанной ситуации, так как преступления, совершаемые в соучастии, как правило, наносят больше общественно опасного вреда и их сложнее раскрыть, нежели преступления, совершаемые одиночками. В свою очередь, применение информационных технологий в рамках совершения преступных деяний может многократно увеличить степень наносимого противоправной деятельностью вреда, а недостаточный опыт в расследовании подобных преступлений, совершённых организованной группой, может быть усугублён высокотехнологическим подходом к организации и совершению данных деяний несколькими киберпреступниками, обладающими большими компетенциями в области использования интернет-технологий, чем следствие. Ввиду этого склонность киберпреступников объединяться для преступной деятельности представляет собой серьёзный вызов для безопасности и стабильности государства и общества, который с высокой степенью вероятности будет обостряться с каждым десятилетием нашего столетия, что будет требовать максимальной мобилизации правоохранительных ведомств и постоянного повышения квалификации работающих в них специалистов в области кибербезопасности.

Учитывая всё вышесказанное, нельзя исключать попытки оказания воздействия со стороны вражеских государств и правительств недружественных стран, а также экстремистских сообществ различного толка на лиц, отвечающих за кибербезопасность различного уровня, с целью вовлечения в деятельность, направленную против Российской Федерации, её безопасности, стабильности и развития. На сегодняшний день ни одну сферу деятельности, ни одно учреждение вне зависимости от их масштаба в нашей стране уже невозможно представить без активного использования информационных технологий, что приобретает особо принципиальное значение относительно органов государственной власти. Жизнедеятельность современного российского общества, в том числе функционирование государственного аппарата, основывается на широком применении сети Интернет.

Вследствие этого особый интерес при совершении диверсионных действий ввиду нынешнего кризиса международной стабильности представляют люди, от профессиональной деятельности которых непосредственным образом зависит кибербезопасность в частности и работа информационных технологий в целом. Одна хакерская атака способна привести к остановке работы медицинских и образовательных учреждений, объектов инфраструктуры и энергетики, правоохранительных органов, вооружённых сил, промышленных предприятий, в том числе тех, от которых зависит обороноспособность российского государства, и иных организаций и ведомств, нормальное функционирование которых является залогом жизнедеятельности государства и общества, обеспечения уровня жизни и непосредственной безопасности каждого из нас. Применяя известные с древних времён приёмы и способы вербовки, включая подкуп или шантаж, враждебные по отношению к нашей стране правительства и террористические организации в настоящий исторический период в первую очередь будут стремиться переманить на свою сторону именно специалистов в области информационных технологий, которые в большей или меньшей степени участвуют в осуществлении деятельности практически всех учреждений в нашей стране. Ввиду этого вопрос о личности киберпреступника приобретает угрожающе важное значение в политической плоскости, так как именно в руках тех, от кого зависят информационные технологии, непосредственным образом находятся рычаги давления на государственную власть и политическую стабильность в Российской Федерации.

В заключение следует отметить, что киберпреступность ни в коем случае нельзя воспринимать в качестве временного явления, характерного только для современной нам эпохи начала XXI в. Напротив, киберпреступность в том виде, в котором она есть сейчас, является лишь первой стадией развития нового типа преступности, который постепенно заменит традиционную преступность, современную нам. Ввиду активной информатизации общества в глобальном масштабе и стабильности этого процесса на протяжении последних лет и десятилетий следует отметить, что как общеуголовные, так и иные преступления всё чаще раскрываются именно благодаря активному применению информационных технологий. Закономерным процессом становится и более активное использование интернет-технологий в противоправных целях, что, бесспорно, приведёт к увеличению

количества киберпреступлений и совершающих их киберпреступников. Следует отметить, что по мере расширения использования Интернета сложность его использования будет закономерным образом снижаться, а по мере взросления поколения, с ранних лет знакомого с этой технологией, будет повышаться и средний уровень киберпреступников, которые будут формировать новый тип криминалитета, отличный от существующего сейчас, который помимо более эффективной организации своей противоправной деятельности станет вовлекать в свои ряды новобранцев, перенимающих опыт более старших товарищей и продолжающих развивать киберпреступность. В связи с этим правоприменительная практика по расследованию киберпреступлений и криминологическая доктрина должны уже сейчас активизировать свои усилия по выявлению и формулированию основных существенных черт личности киберпреступника, чтобы наше общее будущее стало более безопасным.

Список литературы

1. Буз С.И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 4 (91). С. 78—82.
2. Глазатова С.В., Бурцева Е.В., Медведева С.В. Киберпреступления, совершаемые несовершеннолетними: проблемы расследования // Российский следователь. 2021. № 2. С. 7—10. doi: 10.18572/1812-3783-2021-2-7-10.
3. Методические рекомендации по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации: учебное пособие / под ред. И.Г. Чекунова. М.: Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2019. 175 с.
4. Поляков В.В., Людкова Н.В. Характеристика личности киберпреступников // Теоретические и практические проблемы организации раскрытия и расследования преступлений: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 22 апреля 2016 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2016. С. 250—255.
5. Поляков В.В., Попов Л.А. Особенности личности компьютерных преступников // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 6 (104). С. 256—259. doi: 10.14258/izvasu(2018)6-49.
6. Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2016. 232 с.
7. Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борь-

бы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Владивосток, 2005. 26 с.

8. Хайтжанов А., Генералова А.П. Криминалистическая характеристика лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2011. Т. 1. С. 219—221.

9. Хусяинов Т.М. Интернет-преступления (киберпреступления) в российском уголовном законодательстве // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы всероссийского круглого стола (Иркутск, 20 марта 2015 г.). Вып. 6. Посвящен 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2015. С. 120—125.

10. IT-справочник следователя / под ред. С.В. Зуева; [В.Б. Вехов, В.Н. Григорьев, С.В. Зуев и др.]. М.: Юрлитинформ, 2019. 232 с.

References

1. Buz, S.I. (2019) Kiberprestupleniya: ponyatie, sushchnost' i obshchaya kharakteristika [Cyber crimes: concept, essence and general characteristic]. *Yurist-Pravoved*, no. 4 (91), pp. 78–82. (In Russ.).
2. Glazatova, S.V., Burtseva, E.V. & Medvedeva, S.V. (2021) Kiberprestupleniya, sovershaemye nesovershennoletnimi: problemy rassledovaniya [Cybercrimes committed by minors: investigation problems]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 2, pp. 7–10. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2021-2-7-10.
3. Chekunov, I.G. (ed.) (2019) Metodicheskie rekomendatsii po rassledovaniyu prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii [Methodological recommendations for the investigation of crimes in the field of computer information]. Textbook. Moscow, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 175 p. (In Russ.).
4. Polyakov, V.V. & Lyudkova, N.V. (2016) Kharakteristika lichnosti kiberprestupnikov [Personality characteristics of cyber criminals]. In: *Teoreticheskie i prakticheskie problemy organizatsii raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, April 22, 2016*. Khabarovsk, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 250–255. (In Russ.).
5. Polyakov, V.V. & Popov, L.A. (2018) Oso-bennosti lichnosti komp'yuternykh prestupnikov [Features of the identity of computer criminals]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo univer-*

siteta. *Yuridicheskie nauki*, no. 6 (104), pp. 256–259. (In Russ.). doi: 10.14258/izvasu(2018)6-49.

6. Prostoserdov, M.A. (2016) Ekonomicheskie prestupleniya, sovershaemye v kiberprostranstve, i mery protivodeystviya im [Economic crimes operating in cyberspace and measures to counter them]. Ph. D. thesis. Moscow, 232 p. (In Russ.).

7. Tropina, T.L. (2005) Kiberprestupnost': ponyatie, sostoyanie, ugolovno-pravovye mery bor'by [Cybercrime: concept, state, criminal-legal measures to combat it]. Abstract of Ph. D. thesis. Vladivostok, 26 p. (In Russ.).

8. Khaitzhanov, A. & Generalova, A.P. (2011) Kriminalisticheskaya kharakteristika lits, sovershayushchikh prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii [Forensic characteristics of persons acting criminals in the field of computer

information]. *Trudy Mezhdunarodnogo simpoziuma "Nadezhnost' i kachestvo"*, vol. 1, pp. 219–221. (In Russ.).

9. Khusyainov, T.M. (2015) Internet-prestupleniya (kiberprestupleniya) v rossiyskom ugolovnom zakonodatel'stve [Internet crimes (cybercrimes) in Russian criminal legislation]. In: *Ugolovnyy zakon Rossiyskoy Federatsii: problemy pravoprimereniya i perspektivy sovershenstvovaniya. Materialy vserossiyskogo kruglogo stola, Irkutsk, March 20, 2015. Iss. 6*. Irkutsk, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 120–125. (In Russ.).

10. Zuev, S.V. (ed.) (2019) IT-spravochnik sledovatelya [The investigator's IT handbook]. Moscow, Yurlitinform, 232 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Ж. Саркисян — декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A.Zh. Sarkisyan – Dean of the Faculty of Advanced Training of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Социальная конфликтология: учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям / под науч. ред. И.В. Грошевой, А.Н. Суховой; под общ. ред. И.И. Аминова. — 2-е изд, перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. — 303 с.

ISBN 978-5-238-03933-6

В учебнике раскрываются понятие и структура конфликта, его динамика, стадии развития, функции и классификация. Особое внимание уделяется освещению истории развития как западной, так и отечественной социальной конфликтологии. Излагается социально-психологический подход к пониманию различных видов конфликта.

Содержатся не только теоретические, но и прикладные аспекты реальной практики урегулирования и разрешения социальных конфликтов. Анализируются различные технологии их превенции.

Для студентов-бакалавров и магистрантов, обучающихся по гуманитарным специальностям, в том числе психологов, социологов, политологов, социальных работников, юристов, экономистов, преподавателей, менеджеров, политиков и госслужащих.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 93—98.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 93–98.

УДК 343.16:378.046.4
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.011

NIION: 2015-0065-04/24-262
MOSURED: 77/27-010-2024-04-461

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Возможности повышения качества дополнительного профессионального образования в дистанционном формате

Валерий Николаевич Карагодин

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
Екатеринбург, Россия, karagodin_vn@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности улучшения качества дистанционного повышения квалификации следователей за счет стимулирования заинтересованности обучаемых в освоении программ дополнительной профессиональной подготовки. Для этого предлагается введение промежуточной аттестации, балльно-рейтинговой или модульно-рейтинговой системы оценок освоения следователями учебных программ, повышение требовательности в ходе текущих занятий, промежуточных и итоговых испытаний. В статье также высказываются конкретные предложения о применении интерактивных методов обучения, в том числе с использованием современных технологий. В публикации отмечается необходимость принятия ряда организационных мер подразделениями дополнительного профессионального образования, в том числе постоянной аналитической деятельности, систематического обновления учебных планов, совершенствования и расширения арсенала средств обучения.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, промежуточная и итоговая аттестация, компьютерная графика, деловые игры.

Для цитирования: Карагодин В.Н. Возможности повышения качества дополнительного профессионального образования в дистанционном формате // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 93—98. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.011.

Possibilities of improving the quality of continuing professional education in distance format

Valery N. Karagodin

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee,
Ekaterinburg, Russia, karagodin_vn@mail.ru

Abstract. The article considers the possibilities of improving the quality of distance advanced training of investigators by stimulating the interest of trainees in mastering additional professional training programs. For this purpose, it is proposed to introduce midterm certification, a point-rating or module-rating system for assessing the mastery of educational programs by investigators, increasing the demands during current classes, midterm and final tests. The article also makes specific proposals on the use of interactive teaching methods, including the use of modern technologies. The publication notes the need for additional professional education units to take a number of organizational measures, including ongoing analytical activities, systematic updating of curricula, improvement and expansion of training tools.

Keywords: additional professional education, midterm and final certification, computer graphics, business games.

For citation: Karagodin, V.N. (2024) Possibilities of improving the quality of continuing professional education in distance format. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 93–98. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.011.

Мнения относительно дистанционного формата образования любой категории, в том числе и дополнительной профессиональной подготовки следователей, кардинально различаются.

Сторонники дистанционного обучения в качестве его достоинств называют более высокий уровень наглядности подачи материала, возможность трансляции во время занятий фильмов, фотографий объектов, процессов, явлений, сущность которых должны познать обучающиеся. Отмечается, что такой материал может быть

© Карагодин В.Н., 2024

неоднократно просмотрен обучающимися. Одновременно могут быть прослушаны и пояснения педагога относительно демонстрируемых изображений¹.

В качестве основного достоинства цифровых технологий, которые, несомненно, являются основным средством дистанционного обучения, называются возможности использования в учебном процессе обучающих программ, позволяющих индивидуализировать процесс обучения с учетом уровня подготовки обучаемых, сокращать затраты на привлечение преподавателей, материальное обеспечение их деятельности².

Вряд ли вызывает сомнение и тот факт, что дистанционное обучение при правильной его организации может способствовать развитию самостоятельного мышления, самоорганизации обучающегося, совершенствованию его умений владения цифровыми технологиями.

В ряде ведущих учебных заведений страны технологии дистанционного обучения являются элементом очного учебного процесса, выступают его неотъемлемым и важнейшим компонентом. При этом дистанционные технологии органично сочетаются с традиционными средствами обучения.

В то же время рядом авторов справедливо отмечается, что дистанционное образование связано с рисками фальсификации обучения, что требует эффективного контроля за учебным процессом в названном формате.

В этой связи заслуживает внимания предложение о замене условий осуществления дополнительного профессионального образования на развивающую среду, предусматривающую повышение активности обучающихся³.

В дополнительном профессиональном образовании дистанционный формат получает все большее распространение, становясь основным видом обучения. Дистанционный формат обучения требует изменения подхода от передачи готовых знаний следователю к формированию у него новых профессиональных качеств на основе уже имеющихся. Целью дополнительного профессионального образования является не только расширение кругозора следователя, но

и формирование у него умений, навыков выполнения мыслительных операций, внешних действий по собиранию, исследованию, использованию доказательственной информации.

В связи с этим в ходе дистанционного обучения существенно повышается роль обучающегося в самостоятельном освоении дополнительных профессиональных программ⁴. К сожалению, не все следователи добросовестно относятся к выполнению самостоятельных учебных заданий. При этом учебными планами, как правило, не предусматривается система стимулов качественного и своевременного выполнения всех требований. Так, учебными планами повышения квалификации в дистанционном формате следователей Следственного комитета Российской Федерации предусмотрено выполнение как минимум трех самостоятельных работ по дисциплинам «Уголовное право», «Криминалистика», «Уголовно-процессуальное право». За то, что обучающийся не представил все предусмотренные учебным планом самостоятельные работы, он может быть отчислен с курсов по повышению квалификации. Однако если обучающийся представил работу, оцененную как не заслуживающую положительной оценки, то вопрос об отчислении уже не может быть поставлен. Положительные отметки за самостоятельные работы никоим образом не влияют ни на промежуточные, ни на итоговые результаты повышения квалификации следователей. В условиях краткосрочных сборов по повышению квалификации следователей нередко бывает очень сложно добиться от слушателей качественного выполнения самостоятельной работы.

Подобное положение представителями территориальных органов расследования, в которых работает слушатель, не справившийся с выполнением самостоятельной работы, рассматривается как незначительный факт неисполнения учебного задания по уважительной причине. Как правило, в качестве причины называется загруженность следователя в связи с выполнением основных служебных обязанностей. При этом упускается из виду, что в соответствии с законом следователь обязан повышать свою квалификацию. Некачественное выполнение любого учебного задания следует расценивать как негативный факт, означающий, что профессиональные качества следователя остались на том же уровне, а значит, он не повысил свою квалификацию.

⁴ Толстобоков О.Н. Указ. соч. С. 17.

¹ Толстобоков О.Н. Современные методы и технологии дистанционного обучения: монография. М., 2020. URL: <https://izd-mn.com/PDF/37MNNPM20.pdf> (дата обращения: 22.09.2024).

² Там же.

³ Замуруева Я.А. Инновационные методы в дополнительном профессиональном образовании // Проблемы педагогики. 2015. № 10 (11). С. 15—19.

Представляется, что мотивация следователя к качественному выполнению учебных заданий и освоению учебного плана может быть усилена введением промежуточной аттестации, балльно-рейтинговой или модульно-рейтинговой системы⁵. При практической реализации названных систем промежуточной оценки результатов освоения может быть установлено минимальное количество баллов за освоение отдельных блоков, модулей или общего балла за освоение всех дисциплин, изучаемых на данном этапе дополнительного профессионального обучения следователей.

Подобный порядок уже давно практикуется в зарубежных и ряде отечественных образовательных организаций. Как уже упоминалось, если обучающийся не справился с освоением учебной программы на одном из этапов, он может быть отчислен. При этом не учитывается в большинстве случаев обучение по программам дополнительного профессионального образования платно.

Реализация подобных систем требует четкого структурирования учебных программ, осваиваемых в дистанционном формате. Каждый последующий блок дисциплин, предусматриваемых названной программой, должен быть сложнее для освоения, чем предыдущий.

Сложность применения анализируемого порядка дистанционного обучения следователей состоит в том, что отдельные элементы учебной программы должны предусматривать развитие не только свойств профессионального мышления, но и умений выполнения отдельных следственных действий. Скажем, в процессе очного обучения следователей практически во всех образовательных организациях Следственного комитета Российской Федерации проводятся учебные осмотры мест происшествий, обыски, допросы, следственные эксперименты, проверки показаний на месте, другие следственные действия с последующим составлением процессуальных документов, отражающих ход и результаты проведенных мероприятий. В этом плане показателен опыт Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, где в ходе сборов по повышению квалификации следователей со стажем службы менее одного года про-

водились учебные мероприятия, имитирующие расследование единого уголовного дела. В ходе учебного расследования проводились осмотр места происшествия, допросы, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, объединяемые целями и задачами в соответствии с условиями имитируемой ситуации расследования⁶.

Проведение подобных учебных следственных действий в процессе дистанционного обучения вызывает серьезные трудности. Оптимальным вариантом представляется использование для этого учебных занятий, подготовленных в форме компьютерных игр. Допустим, для проведения учебного осмотра места обнаружения трупа желательно наличие задачи, состоящей из анимационного изображения помещения или участка местности с расположенными в них различными элементами обстановки места происшествия, следами событий, предшествовавших причинению смерти жертве, действий по лишению жизни пострадавшего, а также по сокрытию имитируемого события.

Задание должно включать в себя правильный выбор точки начала и тактических приемов осмотра места происшествия. Обучающемуся может быть дано три попытки для правильного избрания названных параметров осмотра. Задание может считаться выполненным, если обучающийся с помощью курсора обследует все участки имитируемого места происшествия, выявит и правильно интерпретирует не менее 60 % следов, локализованных на территории развития предполагаемого события.

Проведенный таким образом осмотр оценивается с учетом его полноты, количества выявленных следов, адекватности их интерпретации, качества составленного протокола осмотра места происшествия. Аналогичным образом могут быть разработаны электронные задания о производстве обыска.

Возможна дифференциация анализируемых заданий по степени сложности, исходя из содержания имитируемого события, характера и локализации его следов, количества и качества поисковых действий, необходимых для достижения ставящихся целей.

Сложнее обстоит дело с разработкой подобных заданий по производству учебных допросов, очных ставок, проверок показаний на мес-

⁵ Фейлинг Т.Б. Современные образовательные технологии в дополнительном профессиональном образовании // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 18, № 44. С. 485—489.

⁶ Частная методика реализации дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Составление процессуальных документов». Нижний Новгород, 2023.

те. Трудности возникают уже при формировании определенного поведения допрашиваемого в учебном задании, создании программы, позволяющей добиваться нужных ответов допрашиваемого на вопросы следователя. Пока такие учебные пособия отсутствуют, возможно проведение в дистанционном формате учебных следственных действий силами обучающихся по специально разработанному сценарию. Недостатком проведения подобных учебных действий в дистанционном формате является то, что в них будут участвовать не все, а только некоторые слушатели. Компьютерные же задания позволяют проводить занятия при активном участии всех присутствующих слушателей, причем каждый из них теоретически может получить индивидуальное задание, возможно также разделение обучающихся на подгруппы для выполнения отдельных заданий в разных ролях (следователя, специалиста, сотрудника органа дознания).

Несомненно, использование учебных заданий в виде компьютерных игр более продуктивно, позволяет учитывать индивидуальные особенности профессиональной подготовки обучающихся, интенсифицировать процесс дополнительного профессионального образования. Несомненно, подготовка таких учебных задач требует серьезных материальных затрат и совместных усилий в сфере компьютерных технологий и преподаваемых дисциплин. Однако все затраты оправдываются возможностью реального развития у обучающихся имеющих, формирования новых профессиональных качеств, реального повышения квалификации следователей.

Компьютерная графика может использоваться и для моделирования предполагаемого события, охватываемого версией обучающегося, конструируемой на основе данных, полученных в ходе осмотра места происшествия, других учебных следственных действий или сведений, изложенных в условиях задачи. С использованием специальных средств программирования и компьютерной графики создается учебное задание по формированию визуального изображения предполагаемого события, которое по версии обучающегося имело место. Заданием также может быть предусмотрено выведение логических следствий о характере и локализации следов, которые должны были образоваться при развитии события при обстоятельствах, предусмотренных выдвинутой версией.

Оптимальным вариантом является наличие у слушателя возможности размещения в изоб-

ражаемой с помощью компьютерной графики картине события образующихся следов. Такое моделирование способствует развитию у обучающегося системного профессионального мышления, позволяющего адекватно и полно оценивать имеющуюся информацию о расследуемом событии, мысленно моделировать его обстоятельства и следы.

По отдельным программам дополнительно профессионального образования целесообразны задания слушателям по разработке и реализации занятий, предусматривающих выполнение другими обучающимися деловых игр, тактических операций, следственных действий и т. п. Например, в Екатеринбургском филиале при проведении очных занятий по теме «Проверка заявлений и сообщений о готовящейся передаче-получении взятки» слушатели делятся на подгруппы. Той из них, которая будет производить задержание, поручается составление плана как проведения деловой игры, так и имитируемой тактической операции. В соответствии с названными планами между участниками деловой игры распределяются роли, обговариваются их действия на различных этапах занятия, готовятся необходимые технические средства, учебные пособия и т. п.

Проведение такой игры в дистанционном формате затруднительно, но тем не менее возможно. Для этого одному из обучающихся поручается роль взяткополучателя. С ним подробно прорабатываются детали достижения договоренности о получении взятки и о действиях по передаче предмета взятки. Все остальные слушатели должны наблюдать и вести видеозапись наблюдаемых событий. По заранее обговоренному сигналу в занятие должен включиться слушатель, играющий роль сотрудника органа дознания. Он задает вопросы о характере происходящего, просит показать, что находится в месте предполагаемого сокрытия предмета взятки, совершает другие действия, которые можно выполнить дистанционно. По окончании операции она обсуждается с участием всех присутствующих слушателей.

Проведение такого рода занятий возможно и в ходе реализации других программ повышения квалификации следователей. В любом случае для участия в подобных мероприятиях все обучающиеся должны иметь персональные компьютеры с видеокамерами и микрофонами. Представляется, что наличие таких технических средств должно быть обязательным условием допуска следователей к вебинарам и лек-

циям, проводимым в дистанционном формате. В Положении о дополнительном профессиональном образовании предлагается закрепить это условие. Присутствующими на занятиях, проводимых дистанционно, предлагается считать только тех обучающихся, которые располагают указанными техническими средствами.

На руководителей следственных органов, в которых проходят службу обучаемые, должна быть возложена обязанность по контролю за добросовестным отношением подчиненных к обучению по программам повышения квалификации и выполнением ими всех предусмотренных требований, включая необходимую техническую оснащенность.

Представляется, что лучшим средством стимулирования интереса руководителей может быть введение в число показателей их деятельности сведений о выполнении требований закона о повышении подчиненными следственными работниками квалификации в установленные сроки, о соотношении результатов повышения квалификации и процессуальной деятельности сотрудников.

Проведение итоговой аттестации по результатам обучения по программам дополнительной профессиональной подготовки нуждается в более четкой нормативной регламентации. В частности, необходимо установить, что продолжительность подготовки обучающегося для ответа на задание итоговой аттестации не может превышать 1,5 академических часов. Вопросы, задания, предлагаемые для итоговой аттестации, должны соответствовать реализуемой учебной программе. Они должны быть сформулированы таким образом, чтобы ответы на них позволяли сделать вывод о том, повысили ли обучаемые свою профессиональную квалификацию до предусмотренного учебной программой уровня.

Определенные меры организационного характера по повышению качества педагогической деятельности должны постоянно осуществляться факультетом повышения квалификации, филиалами академий Следственного комитета Российской Федерации. Целесообразно возложить на руководителей названных подразделений обязанности анализа результатов и хода проведения каждого отдельного сбора по повышению квалификации следователей. Подобный анализ следует проводить и по итогам полугодия. К проведению подобных оценочных мероприятий рекомендуется привлекать членов учебно-методических объединений, формируемых из

числа наиболее квалифицированных преподавателей.

Результаты анализа деятельности за полугодие и учебный год желательно обсуждать на общих собраниях профессорско-преподавательского коллектива с освещением как положительных моментов, так и выявленных недостатков. На основе коллективной оценки должны разрабатываться и реализовываться в установленном порядке меры по совершенствованию образовательной деятельности как отдельного структурного подразделения, так и всей академии в целом.

Представляется, что программы дополнительного профессионального образования должны перерабатываться не реже чем раз в два года, а при необходимости и чаще.

Список литературы

1. Замуруева Я.А. Инновационные методы в дополнительном профессиональном образовании // Проблемы педагогики. 2015. № 10 (11). С. 15—19.
2. Толстобоков О.Н. Современные методы и технологии дистанционного обучения: монография. М.: Мир науки, 2020. 72 с. URL: <https://izd-mn.com/PDF/37MNNPM20.pdf> (дата обращения: 22.09.2024).
3. Фейлинг Т.Б. Современные образовательные технологии в дополнительном профессиональном образовании // Известия Российской государственной педагогической академии им. А.И. Герцена. 2007. Т. 18, № 44. С. 485—489.
4. Частная методика реализации дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Составление процессуальных документов». Нижний Новгород, 2023. 24 с.

References

1. Zamurueva, Ya.A. (2015) Innovatsionnye metody v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii [Innovative methods in additional professional education]. *Problemy pedagogiki*, no. 10 (11), pp. 15–19. (In Russ.).
2. Tolstobokov, O.N. (2020) Sovremennye metody i tekhnologii distantsionnogo obucheniya [Modern methods and technologies of distance learning]. Monograph. Moscow, Mir nauki, 72 p. URL: <https://izd-mn.com/PDF/37MNNPM20.pdf> (accessed September 22, 2024). (In Russ.).

3. Feiling, T.B. (2007) Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii [Modern educational technologies in supplementary professional training]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, vol. 18, no. 44, pp. 485–489. (In Russ.).

4. Chastnaya metodika realizatsii dopolnitel'noy professional'noy programmy povyshe-niya kvalifikatsii "Sostavlenie protsessual'nykh dokumentov" [Private methodology for the implementation of an additional professional training program "Drafting procedural documents"]. Nizhniy Novgorod, 2023, 24 p. (In Russ.).

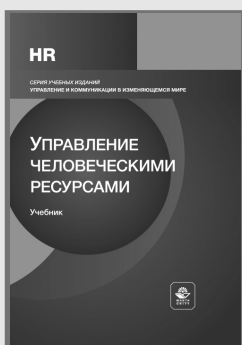
Информация об авторе

В.Н. Карагодин — заведующий кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

V.N. Karagodin – Head of the Department of Criminalistics of the Ekaterinburg branch of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Управление человеческими ресурсами. Стратегическая функция менеджмента: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Экономика» и «Менеджмент» / под науч. ред. Ю.А. Цыпкина, В.С. Осипова; под общ. ред. Н.Д. Эриашвили, И.В. Грошева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. — 423 с.

ISBN 978-5-238-03841-4

Человеческие ресурсы — основа успешной деятельности любого предприятия, организации. В современных условиях управление человеческими ресурсами позволяет обобщить и реализовать целый спектр вопросов адаптации индивида к внешним условиям, учета личностного фактора и т.д.

Рассматриваются проблемы управления человеческими ресурсами, систематизируются аспекты набора, отбора и ориентации работников предприятий и организаций. Особое место занимают вопросы обучения кадров, их профессионального и карьерного продвижения.

Комплексно отражены такие важные темы, как организация труда и контроль за деятельностью кадров и управленцев.

Для студентов, аспирантов и преподавателей экономических специальностей вузов, работников отделов кадров крупных предприятий, рекрутинговых компаний, а также может быть полезно органам государственной службы в их деятельности по подбору специалистов.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 99—104.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 99–104.

УДК 343.98
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.012

NIION: 2015-0065-04/24-263
MOSURED: 77/27-010-2024-04-462

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Криминалистическая классификация биологического оружия

Кирилл Владимирович Бармин¹, Елена Николаевна Холопова²

^{1, 2}Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

¹bara-76.barmin@yandex.ru

²elchol@mail.ru

Аннотация. В статье предложены основания классификации биологического оружия по объекту применения, механизму проникновения в организм человека или животного, физическому состоянию биологического вещества, факторам передачи вируса, способам обнаружения, эндемичности распространения вирусов. Классификация биологического оружия будет способствовать доказыванию субъективной стороны преступления по ст. 205, 356, 357, 361, 358 Уголовного кодекса Российской Федерации; определению способов и мест совершения преступлений; доказыванию применения биологического оружия и средств распространения патогенов.

Ключевые слова: биологическое оружие, криминалистическая классификация, основания, эпидемии, эпизоотии, вирусы, патогены.

Для цитирования: Бармин К.В., Холопова Е.Н. Криминалистическая классификация биологического оружия // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 99—104. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.012.

Criminalistic classification of biological weapons

Kirill V. Barmin¹, Elena N. Kholopova²

^{1, 2}Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

¹bara-76.barmin@yandex.ru

²elchol@mail.ru

Abstract. The article proposes the basis for classifying biological weapons according to the object of use, the mechanism of penetration into the human or animal body, the physical state of the biological substance, factors of virus transmission, methods of detection, and the endemic spread of viruses. The classification of biological weapons will contribute to proving the subjective side of the crime under Articles 205, 356, 357, 361, 358 of the Criminal Code of the Russian Federation, determining the methods and places of commission of crimes, and proving the use of biological weapons and means of spreading pathogens.

Keywords: biological weapons, forensic classification, bases, epidemics, epizootics, viruses, pathogens.

For citation: Barmin, K.V. & Kholopova, E.N. (2024) Criminalistic classification of biological weapons. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 99–104. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.012.

Судебная практика, как и практика расследования преступлений, связанных с применением биологического оружия (далее — БО), располагает малоизвестными доказанными случаями в Российской Федерации. Если случаи террористических актов и их предотвращения становятся достоянием общест-венности, то биодиверсии и биотеракты по определенным причинам не разглашаются, так же как и проводимая биологическая война од-

ного государства против другого. Применение такого оружия, как правило, официально отрицается тем или иным государством. Например, США всегда отрицалось применение в целях свержения правительства Фиделя Кастро на Кубе химических и биологических агентов как средства заражения людей, животных, растений¹.

¹ Эрнандес Касерес Х.Л. Биологические и химические атаки США на Кубу в 1963—1996 гг. // Вестник войск РХБ защиты. 2023. Т. 7, № 2. С. 165—177.

Латентность преступлений, связанных с применением БО, характеризуется²: длительным инкубационным периодом, направленностью на определенную группу населения (той или иной страны), высокой степенью заражаемости и вирулентности³.

По действующему Уголовному кодексу Российской Федерации преступления, связанные с разработкой, производством, накоплением, приобретением, сбытом, хищением, применением БО (учитывая его *скрытый характер*, замаскированный под естественные вспышки эпидемий или эпизоотий, потенциальный массовый характер нанесения вреда здоровью людей или создающий опасность гибели человека, массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов), подлежат квалификации по следующим статьям: ч. 1 ст. 205, ч. 2 ст. 226, ст. 355, 356, 357, 358, 361.

Вместе с тем как раскрытие, так и квалификация таких преступлений характеризуется проблемами сбора доказательств относительно события преступления, применения БО в качестве предмета или орудия преступления, виновности лиц; разграничения искусственно вызванных вспышек инфекционных болезней и естественных; масштабов заражений или отравлений.

Понятие «биологическое оружие» не определяется на законодательном уровне в Российской Федерации, что не позволяет распознавать его признаки субъектами доказывания. В отдельных исследованиях БО рассматривается как «научно-технологический комплекс, включающий в себя средства производства, хранения, обслуживания и оперативной доставки биологического поражающего агента к месту применения»⁴; «оружие массового поражения, действие которого основано на использовании болезнетворных свойств боевых биологических

средств»⁵ или «болезнетворных свойств микроорганизмов, способных размножаться в организме человека или животного»⁶. Биологические агенты представляют собой микроорганизмы, в том числе полученные методами генной инженерии, культуры клеток и эндопаразиты, патогенные или непатогенные⁷.

Таким образом, юридическое понимание БО не совпадает с обыденным представлением о нем как об оружии, понятие о котором используется в ст. 1 Федерального закона № 150-ФЗ от 13 декабря 1996 г. «Об оружии»⁸. Следует разграничивать понятие биологического оружия в криминалистике и в других науках, где оно толкуется намного шире, без учета технико-конструктивных характеристик, закономерностей механизма слеодообразования и т. д.

На основании результатов исследования выделим общие криминалистические признаки БО⁹: *наличие биологического вещества* (использование мельчайших живых организмов); *инфекционность* (способность патогена вызывать инфекцию; степень, в которой патоген может проникать, выживать и размножаться в организме хозяина); *невидимость и неопознаваемость* (может быть обнаружено только специальными криминалистическими средствами); *массовое поражение объектов живого мира* с применением незначительного числа биологических агентов; *стремительное и легкое распространение*, достигаемое методом селекции (с целью получения самого эффективного штам-

² Холопова Е.Н., Комиссарова Я.В. Специальные знания как элемент методики расследования преступлений, совершенных с использованием биологического оружия // *Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы: сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы»* (г. Москва, 27—28 мая 2022 г.). Саратов, 2022. С. 608—618.

³ Профессор Михаил Бала: «Налицо все признаки искусственного происхождения вируса». URL: <https://gorod48.ru/news/1905223> (дата обращения: 22.04.2024).

⁴ Федоров Л.А. Советское биологическое оружие: история, экология, политика. М., 2006.

⁵ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2001; Военно-морской словарь / М-во обороны СССР, Военно-морской флот; редкол.: В.Н. Чернавин (гл. ред.), В.И. Алексин, Г.А. Бондаренко [и др.]. М.: Воениздат, 1990. С. 47.

⁶ Военно-морской словарь для юношества. Т. 1 / под общ. ред. П.А. Грищука. М.: Изд-во ДОСААФ СССР, 1985. С. 43.

⁷ ГОСТ Р 52249-2009. Правила производства и контроля качества лекарственных средств: национальный стандарт РФ: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 20 мая 2009 г. № 159-ст // СПС «Гарант».

⁸ Об оружии: федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «Гарант».

⁹ Холопова Е.Н. Раскрытие и расследование преступлений, совершенных с использованием биологического оружия // *Эксперт-криминалист*. 2021. № 4. С. 35—37; Бармин К.В., Холопова Е.Н. Криминалистические средства противодействия биологическому оружию в пограничном пространстве // *Эксперт-криминалист*. 2024. № 1. С. 26—29.

ма), методом генетического моделирования (с целью достижения заданных характеристик).

Следует отметить, что официальная международная классификация химического оружия предусмотрена соответствующими списками (1, 2 и 3), включенными в приложение по химикатам Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении¹⁰. Применительно к БО международной классификации обнаружить не удалось. Как правило, используются термины «патогенные биологические агенты» и «микроорганизмы». Постановлением Правительства Российской Федерации утверждён список микроорганизмов, патогенных для человека, животных и растений¹¹. На основании указанного списка и в соответствии с выбранным патогеном при применении БО в отношении человека деяния будут квалифицироваться по ст. 205, 356, 357, 361 УК РФ, в отношении животных или растений — по ст. 358 УК РФ. В настоящее время выделено три категории патогенных биологических агентов, которые представляют серьёзную опасность при умышленном использовании их в качестве БО, — категории А, В и С¹².

Разнообразие биологических веществ, которые могут быть использованы при разработке и применении БО; зависимость квалификации преступлений от видов биологических агентов¹³, направленности БО (на человека, животного или растение) предопределяют необходимость его строгой научной классификации.

Следует отметить, что для получения и систематизации криминалистического научного знания о БО, а также его использования на практике необходимо осуществить классификацию криминалистического объекта с использованием системно-структурного подхода. Криминалистические классификации являются средствами познания действительности, так как они занимают особое положение в деятельности, связанной с раскрытием и расследованием преступлений, устанавливают закономерности между способом применения БО и последствиями, помогают выявить закономерности и механизмы возникновения следов после применения БО. На основе криминалистических классификаций разрабатываются приемы и методики собирания и исследования следов БО.

Применение системно-структурного подхода к исследованию БО позволило выделить следующие основания его классификации: объект применения, механизм проникновения в организм человека или животного, физическое состояние биологического вещества, факторы передачи вируса, способ обнаружения, эндемичность распространения вирусов.

Выделение основания классификации по объекту применения БО связано с установлением восприимчивых хозяев вируса и определением вероятного круга возбудителей заболевания (патогенов). Направленность применения БО (в отношении объектов живого мира) можно представить следующим образом:

- **человек:** бруцеллез, лихорадка денге, японский энцефалит, вирус Эбола, вирус Марбург, вирус Чикунгунья, столбняк, туляремия, брюшной тиф, дизентерия, сибирская язва, чума;
- **животные:** оспа коз, бешенство, ящур, грипп птиц типа А, болезнь Ньюкасла, болезнь Тешена у свиней, болезнь Ауески;
- **растения:** кустистость верхушки банана, бактериоз сахарного тростника, бактериальный ожог риса, антракноз кофейных деревьев, монилиоз какао и др.

Таким образом, классификация БО по объекту применения будет способствовать доказыванию субъективной стороны преступления, квалификации преступлений по ст. 205, 356, 357, 361, 358 УК РФ. В частности, если будет использован вирус, воспринимаемый человеком, то становится явным, что цель субъекта преступления заключается в распространении эпидемии, направленной на массовый характер нанесения вреда здоровью людей или создающей опасность гибели человека.

¹⁰ Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении: заключена в г. Париже 13.01.1993 (с изм. от 07.06.2020) // СПС «Гарант».

¹¹ Об утверждении списка микроорганизмов, токсинов, оборудования и технологий, подлежащих экспортному контролю: постановление Правительства РФ от 16 июля 2022 г. № 1287 // СПС «Гарант».

¹² Методические рекомендации МР 3.1.0129-18 «Порядок организации и проведения индикации патогенных биологических агентов, в том числе неустановленного систематического положения»: утв. Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека — Главным государственным санитарным врачом РФ 31 мая 2018 г. // СПС «Гарант».

¹³ Письмо Министерства сельского хозяйства РФ от 13 ноября 2017 г. № ИЛ-13-12/14258 «О направлении информационно-аналитических материалов по вопросу экологической безопасности РФ в связи с неконтролируемым распространением синтетических биоагентов» // СПС «Гарант».

Выделение основания классификации *по механизму проникновения в организм человека или животного* связано с определением путей передачи и распространения возбудителя заболевания (патогена).

Механизм проникновения в организм человека или животного следует выделить:

- *воздушно-капельный* (попадает в дыхательные пути по воздуху от больного);
- *пищевой* (попадает по пищеварительному тракту, примером таких вирусов могут стать реовирусы, энтеровирусы, различные альфа-вирусы);
- *кожный* (попадает в организм от укуса животными);
- *парентеральный* (попадает в организм человека во время хирургических операций, при переливании крови и т. д.).

Такая классификация БО будет способствовать определению способов совершения преступлений, мест их совершения, что будет являться одним из решающих факторов при доказывании мотивов и целей преступников.

Вирусологи классифицируют распространение вирусов *по факторам их передачи*. К факторам передачи относят элементы окружающей среды, обеспечивающие передачу возбудителя инфекции от источника к восприимчивому хозяину¹⁴. Таким образом, можно выделить классификацию БО по факторам передачи вируса — *воздух; вода; пищевые продукты; предметы обихода; кровососущие членистоногие*. Так, например, *Ветеринарные правила осуществления профилактических, диагностических, ограничительных и иных мероприятий, установления и отмены карантина и иных ограничений, направленных на предотвращение распространения и ликвидацию очагов ящура*¹⁵ устанавливают следующие факторы передачи вируса — продукция животного происхождения, корма, одежда и обувь персонала, обслуживающего восприимчивых животных, инвентарь и иные материально-технические средства, контаминированные вирусом.

¹⁴ Подробно см.: Глинская Е.В., Тучина Е.С., Петров С.В. Вирусология. Методические материалы: учебно-методическое пособие. Саратов, 2013. С. 41.

¹⁵ Об утверждении Ветеринарных правил осуществления профилактических, диагностических, ограничительных и иных мероприятий, установления и отмены карантина и иных ограничений, направленных на предотвращение распространения и ликвидацию очагов ящура: приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 24 марта 2021 г. № 157 // СПС «Гарант».

Классификация БО по факторам передачи вируса связана с *эндемичностью его распространения*, определяющего вероятное географическое местоположение. По эндемичности распространения вируса можно выделить следующие места совершения преступлений:

1) *Африка*: лихорадка Ласса, оспа обезьян, лихорадка денге, лихорадка Чикунгунья, лихорадка Марбург, лихорадка Эбола, желтая лихорадка;

2) *Америка*: лихорадка Зика, желтая лихорадка, лихорадка Западного Нила;

3) *Юго-Восточная Азия*: лептоспироз, вирус Акабана, вирус Айно, вирус Чужан, эфемерная лихорадка крупного рогатого скота, болезнь Ибараки, блутанг¹⁶;

4) *Европа*: лихорадка Западного Нила, вирус Ллови, вирус Батаи-Чалово, вирус Окельбо, вирус Инкоо, малярия¹⁷;

5) *Восточное Средиземноморье*: холера, брюцелллез, малярия, крымско-конголезская геморрагическая лихорадка¹⁸;

6) *Западная часть Тихого океана*: японский энцефалит.

Классификация БО по эндемичности распространения будет способствовать качественному применению специальных знаний при раскрытии рассматриваемых преступлений, подготовке соответствующих специалистов. Например, в случае использования вируса геморрагической лихорадки необходимы знания специалиста в области вирусологии, а во время ее распространения при использовании водных средств доставки потребуется специалист в области химии. При раскрытии преступлений, связанных с применением БО, проблемным остается вопрос создания межведомственных групп, в которых будут работать специалисты из различных областей естественных наук.

¹⁶ См.: Yanase, T., Murota, K. & Hayama, Y. (2020) Endemic and emerging arboviruses in domestic ruminants in East Asia. *Frontiers in Veterinary Science*, vol. 7, art. 168. doi: 10.3389/fvets.2020.00168.

¹⁷ См.: Gratz N. Трансмиссивные инфекционные заболевания в Европе. Их распространение и влияние на общественное здравоохранение. [Copenhagen]: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2005. 158 с.

¹⁸ См.: Распространение в мире инфекционных болезней, значимых для обеспечения эпидемиологического благополучия международных сообщений: справочное эпидемиологическое издание в пяти томах. Т. 1. Восточно-Средиземноморский регион / под ред. В.В. Кутырева. Саратов: Российский научно-исследовательский противочумный институт «Микроб», 2020. 238 с.

Выделенные основания классификации БО требуют дальнейшей разработки и обоснования, так как они необходимы при установлении криминалистической обстановки совершения преступления, выборе тактики проведения отдельных следственных действий. Примером будет являться криминалистическое исследование животных, которое проводится до возбуждения уголовного дела, в момент осмотра места происшествия.

Выделение основания классификации *по физическому состоянию биологического оружия* характеризуется вероятным способом распространения возбудителя заболевания (патогена).

По физическому состоянию биологическое оружие подразделяется:

- *на жидкие рецептуры* — в виде смесей, взвесей, растворов (могут быть доставлены в различных резервуарах, сосудах, емкостях, пробирках, пузырьках, колбах, бутылках, канистрах, баллонах);
- *твёрдые рецептуры* — в сухом порошкообразном виде (в качестве упаковки таких патогенов могут быть использованы конверты, контейнеры, пакеты, колбы, пузырьки, бутылки);
- *газообразные рецептуры* — в виде патогенного спрея, заражающего воздух.

Выделение такого основания классификации БО может использоваться при установлении средств распространения патогенов и механизма слеодообразования. Так, например, проведение диверсионных действий по заражению пограничных рек возможно средствами вливания жидких рецептур¹⁹. Эксперту или специалисту необходимо будет знать соответствующие методы для фиксации таких следов, ведь результаты обнаружения их оказывают существенное влияние на раскрытие преступлений, связанных с применением БО.

Предложенные основания классификации БО расширяют теоретические и методические основы криминалистической биоскопии как одной из систем частных криминалистических теорий. В рамках ее познавательной функции дополняют объект данной теории криминалистически значимой биологической информацией об основаниях классификации БО. В рамках ее конструктивной функции выделенные основания классификации будут способствовать раз-

работке методик исследования БО, использованию информации о нем субъектами доказывания по уголовным делам, связанным с применением БО.

Список литературы

1. Бармин К.В., Холопова Е.Н. Криминалистические средства противодействия биологическому оружию в пограничном пространстве // Эксперт-криминалист. 2024. № 1. С. 26—29. doi: 10.18572/2072-442X-2024-1-26-29.
2. Глинская Е.В., Тучина Е.С., Петров С.В. Вирусология. Методические материалы: учебно-методическое пособие. Саратов: СГУ, 2013. 84 с.
3. Грищенко Л.Л., Щукин В.М., Синодов И.А. Характеристика патогенных биологических агентов, особо опасных химических и радиоактивных веществ, наиболее вероятных в качестве средства совершения террористических актов // Сетевое издание «Академическая мысль». 2023. № 1. С. 35—41.
4. Федоров Л.А. Советское биологическое оружие: история, экология, политика. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та леса, 2006. 309 с.
5. Холопова Е.Н. Раскрытие и расследование преступлений, совершенных с использованием биологического оружия // Эксперт-криминалист. 2021. № 4. С. 35—37. doi: 10.18572/2072-442X-2021-4-35-37.
6. Холопова Е.Н., Комиссарова Я.В. Специальные знания как элемент методики расследования преступлений, совершенных с использованием биологического оружия // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы: сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы» (г. Москва, 27—28 мая 2022 г.). Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 608—618.
7. Эрнандес Касерес Х.Л. Биологические и химические атаки США на Кубу в 1963—1996 гг. // Вестник войск РХБ защиты. 2023. Т. 7, № 2. С. 165—177. doi: 10.35825/2587-5728-2023-7-2-165-177.

References

1. Barmin, K.V. & Kholopova, E.N. (2024) Kriminalisticheskie sredstva protivodeystviya biologicheskomu oruzhiyu v pogranichnom prostranstve [Criminalistic means of combating biological weapons at the border area]. *Ekspert-kriminalist*, no. 1, pp. 26–29. (In Russ.). doi: 10.18572/2072-442X-2024-1-26-29.

¹⁹ Эксперт рассказал, как Япония вела бактериологическую войну на границе СССР // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/amp/20210831/voyna-1747916725.html> (дата обращения: 22.04.2024).

2. Glinskaya, E.V., Tuchina, E.S. & Petrov, S.V. (2013) Virusologiya. Metodicheskie materialy [Virology. Methodological materials]. Saratov, Saratov State University, 84 p. (In Russ.).

3. Grishchenko, L.L., Shchukin, V.M. & Sino-dov, I.A. (2023) Kharakteristika patogennykh biologicheskikh agentov, osobo opasnykh khimicheskikh i radioaktivnykh veshchestv, naibolee veroyatnykh v kachestve sredstva soversheniya terroristicheskikh aktov [Characteristics of pathogenic biological agents, especially dangerous chemical and radioactive substances, most likely as a means of committing terrorist acts]. *Setevoe izdanie "Akademicheskaya mysl"*, no. 1, pp. 35–41. (In Russ.).

4. Fedorov, L.A. (2006) Sovetskoe biologicheskoe oruzhie: istoriya, ekologiya, politika [Soviet biological weapons: history, ecology, politics]. Moscow, Moscow State University of Forestry, 309 p. (In Russ.).

5. Kholopova, E.N. (2021) Raskrytie i rassledovanie prestupleniy, sovershennykh s ispol'zovaniem biologicheskogo oruzhiya [Solution and investigation of crimes committed with the use

of biological weapon]. *Ekspert-kriminalist*, no. 4, pp. 35–37. (In Russ.). doi: 10.18572/2072-442X-2021-4-35-37.

6. Kholopova, E.N. & Komissarova, Ya.V. (2022) Spetsial'nye znaniya kak element metodiki rassledovaniya prestupleniy, sovershennykh s ispol'zovaniem biologicheskogo oruzhiya [Special knowledge as an element of the methodology for investigating crimes committed with the use of biological weapons]. In: *Prava cheloveka i politika prava v XXI v.: perspektivy i vyzovy. Sbornik nauchnykh trudov po itogam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Prava cheloveka i politika prava v XXI v.: perspektivy i vyzovy"*, Moscow, May 27–28, 2022. Saratov, Saratovskiy istochnik, pp. 608–618. (In Russ.).

7. Hernandez Caceres, J.L. (2023) Biologicheskie i khimicheskie ataki SShA na Kubu v 1963–1996 gg. [The US biological and chemical aggression against Cuba in 1963–1996]. *Journal of NBC Protection Corps*, vol. 7, no. 2, pp. 165–177. (In Russ.). doi: 10.35825/2587-5728-2023-7-2-165-177.

Информация об авторах

К.В. Бармин — студент 4 курса Высшей школы права ОНК «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета им. И. Канта;

Е.Н. Холопова — старший научный сотрудник ОНК «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета им. И. Канта, доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор.

Information about the authors

K.V. Barmin – 4th year student of the Higher School of Law of the Institute of Management and Territorial Development of the Immanuel Kant Baltic Federal University;

E.N. Kholopova – Senior Researcher of the Institute of Management and Territorial Development of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Doctor of Law, Candidate of Psychological Sciences, Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Педагогика: учебник для студентов юридических вузов и специальностей / под науч. ред. А.А. Реана, А.В. Мудрика; под общ. ред. Л.А. Казанцевой, В.П. Жуковского. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. — 455 с. — (Серия «Классический учебник»).

ISBN 978-5-238-03934-3

В учебнике изложены основные положения и содержание педагогики, ее методологические основы, теория и практика обучения, воспитания и развития слушателей. Представлены способы контроля и оценки результатов образовательного процесса в вузах. Особое внимание уделено специфике обучения и воспитания курсантов в образовательных учреждениях МВД России.

Для студентов юридических вузов, а также практических работников.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 105—113.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 105–113.

УДК 343.985
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.013

NIION: 2015-0065-04/24-264
MOSURED: 77/27-010-2024-04-463

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

К актуальным вопросам оперативно-разыскного обеспечения по преступлениям экономической направленности

Равиль Гарифуллаевич Искалиев
Академия управления МВД России, Москва,
Россия, isk74ravit@gmail.com

Аннотация. В статье предлагается актуальный подход к документированию в оперативно-разыскной деятельности и полученным в процессе его осуществления результатам. Изложенные в статье обстоятельства в совокупности могут свидетельствовать о доказательственном значении результатов оперативно-разыскной деятельности в виде информации, полученной в рамках производства оперативно-разыскных мероприятий. Данное исследование обусловлено принятием современных мер совершенствования уголовно-процессуального процесса с использованием некоторых результатов оперативно-разыскной деятельности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, оперативно-разыскные мероприятия, результаты оперативно-разыскной деятельности, доказательства в уголовном процессе, документирование.

Для цитирования: Искалиев Р.Г. К актуальным вопросам оперативно-разыскного обеспечения по преступлениям экономической направленности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 105—113. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.013.

On topical issues of operational investigative support for economic crimes

Ravil' G. Iskaliev
Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow,
Russia, isk74ravit@gmail.com

Abstract. The article suggests an up-to-date approach to documentation in operational investigative activities and the results obtained in the process of its implementation. The circumstances set out in the article together may indicate the evidentiary value of the results of operational investigative activities in the form of information obtained as part of the production of operational investigative measures. This study is conditioned by the adoption of modern measures to improve the criminal procedure process using some of the results of operational investigative activities.

Keywords: criminal procedure legislation, operational investigative measures, results of operational investigative activities, evidence in criminal proceedings, documentation.

For citation: Iskaliev, R.G. (2024) On topical issues of operational investigative support for economic crimes. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 105–113. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.013.

Во все времена документирование противоправной деятельности оперативно-разыскными органами было направлено не на формальную регистрацию выявленных или установленных оперативно-разыскным путем данных, представляющих оперативный интерес, а на их проверку, фиксацию на материальных объектах и, самое главное, использование для решения задач оперативно-разыскного и уголовного процесса.

© Искалиев Р.Г., 2024

Подобный подход к документированию оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) и полученным в процессе его осуществления результатам наблюдаем в законодательстве революционной России и уголовно-процессуальном законодательстве Советского государства.

Подобный подход с незначительным функциональным и целевым расширением появился в первом оперативно-разыскном законе современной России. Так, в ст. 10 Закона Российской Федерации «Об оперативно-разыскной де-

тельности в Российской Федерации» говорится о том, что результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных действий и проведения оперативно-разыскных мероприятий по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также в качестве доказательств по уголовным делам после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством¹.

Несмотря на то, что и в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик² было указано на то, что результаты ОРД могут быть использованы в качестве доказательств по уголовным делам, современники принятия нормативного акта 1992 года встретили в штыки данную новеллу. Критика доказательственной сущности результатов ОРД прозвучала в научных работах известных процессуалистов Е.А. Доли³, С.А. Шейфера⁴, В.И. Зажицкого⁵ и многих других. М.П. Поляков и Р.С. Рыжов в своей совместной монографии подытожили общую позицию ученых того времени, которая состоит в том, что «результаты ОРД ни при каких условиях не станут доказательствами ввиду отсутствия предусмотренного процессуальным законом источника и отсутствия процессуальной формы их закрепления»⁶.

Дискуссия по этому вопросу продолжалась вплоть до 1995 года, когда был принят новый Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности»⁷ (далее — ФЗ «Об ОРД»), в кото-

ром законодатель, к сожалению, встал на сторону противников доказательственного значения результатов ОРД, используя позицию, где результатам ОРД отведено скромное место в качестве процессуального помощника в доказывании по уголовным делам. По мнению М.П. Полякова, новая редакция зафиксировала очередную капитуляцию уголовно-процессуальной науки⁸, законодатель не привнес в процедуру использования результатов оперативно-разыскной деятельности ничего нового и тем более конкретного, признав фактически лишь практическую ее потребность⁹. В подтверждение актуальности исследуемой задачи стоит выделить, что за последние несколько лет (2019—2023 гг.) в директивных документах МВД России особое внимание уделялось повышению эффективности работы оперативных подразделений во взаимодействии со следственными органами по возмещению ущерба, причиненного экономическими и коррупционными преступлениями. Данная задача остается приоритетной и в настоящее время¹⁰.

Об этом говорит оперативно-разыскное законодательство, которое в ст. 11 ФЗ «Об ОРД» красноречиво свидетельствует, что результаты ОРД могут быть использованы *в уголовном процессе* (абзац 1, 2 ст. 11) для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных ФЗ «Об ОРД».

Подобную позицию поддержал и Конституционный Суд Российской Федерации, который неоднократно отмечал, что результаты ОРД являются лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, при получении с соблюдени-

¹ Об оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 17, ст. 892.

² Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <https://музейреформ.рф/node/13878> (дата обращения: 21.09.2024).

³ Доля Е.А. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Советская юстиция. 1993. № 3.

⁴ Шейфер С.А. Доказательственные аспекты Закона об оперативно-разыскной деятельности // Государство и право. 1994. № 1. С. 94—101.

⁵ Зажицкий В.И. Закон об оперативно-разыскной деятельности не идеален // Советская юстиция. 1993. № 5. С. 20.

⁶ Поляков М.П., Рыжов Р.С. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт: монография. М., 2006. С. 11.

⁷ Об оперативно-разыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

⁸ Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-разыскной деятельности. Нижний Новгород, 2001. С. 84.

⁹ Поляков М.П., Рыжов Р.С. Указ. соч.

¹⁰ Марсаков И.С. Оперативно-разыскное обеспечение предварительного расследования и судебного разбирательства по делам коррупционной направленности в сфере закупок // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 214—220.

ем требований оперативно-разыскного законодательства, могут стать доказательствами исключительно при закреплении их уголовно-процессуальным путем¹¹.

К сожалению, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК), принятый значительно позже современного оперативно-разыскного закона, пошел еще дальше и в ст. 89 зафиксировал норму, согласно которой *в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-разыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом*¹². Подобная формулировка, по мнению В.Н. Кукарцева, не разрешила вопрос о возможности использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам, а, напротив, обострила его¹³, так как априори результаты ОРД, полученные в рамках оперативно-разыскных процедур, не могут соответствовать требованиям уголовно-процессуального закона.

Обозначенная позиция законодателя пробудила яростные споры в научных кругах и у практикующих сотрудников оперативных подразделений, которые вылились на страницы научной печати. В результате публичной дискуссии вырисовались три четкие позиции:

- результаты ОРД должны быть использованы в качестве доказательств при соблюдении определенных условий¹⁴;
- результаты ОРД носят информационный характер и могут стать доказательствами

только при соблюдении определенных уголовно-процессуальных процедур¹⁵;

- ОРД должна быть рассмотрена в качестве метода доказывания по уголовным делам¹⁶.

Проанализировав вышеизложенные и иные работы, в самом общем виде можно сказать, что «в юридической науке возникает тенденция, когда ученые в области оперативно-разыскной деятельности желают расширить диапазон применения ОРД в уголовном судопроизводстве, а ученые-процессуалисты — сузить его, причем каждая из сторон руководствуется самыми благими и обоснованными намерениями»¹⁷. В своих дальнейших рассуждениях мы изложим свое видение данной проблемы и предложим пути оптимизации использования результатов ОРД в уголовном процессе.

Исходя из анализа оперативно-разыскного и иного законодательства, результаты ОРД, которые, кстати, в УПК определены как «сведения, полученные в соответствии с ФЗ „Об ОРД“, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда» (п. 36.1 ст. 5 УПК введен Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ), могут быть использованы в уголовном процессе в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела, для подготовки и проведения следственных и судебных действий, в доказывании по уголовным делам, а также *в оперативно-разыском процессе* (абзац 1 ст. 11 ФЗ «Об ОРД»): для проведения оперативно-разыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, ук-

¹¹ См., например, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 1999 г. № 18-О, от 25 ноября 2010 г. № 1479-О-О, от 25 января 2012 г. № 167-О-О, от 23 апреля 2015 г. № 999-О, от 19 декабря 2017 г. № 2810-О.

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 дек. (№ 249).

¹³ Кукарцев В.Н. К вопросу об использовании в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве: материалы научно-практической конференции. Ч. 2. Барнаул, 2002. С. 79—80.

¹⁴ Громов Н.А., Лисоволенко В.В., Гущин А.Н. Оценка доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности // Следователь. 2004. № 2. С. 51—56; Зуев С.В. Информационные и иные гарантии использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе // Следователь. 2003. № 3. С. 17—19; Мешков В.М., Попов В.Л. Оперативно-разыскная тактика и особенности использования полученных результатов в ходе предварительного расследования: учебно-практическое пособие. 2-е изд., доп. М., 2003. С. 94—103.

¹⁵ Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 31; Лупинская П.А. Доказательства в уголовном процессе. Допустимость доказательств, основания и последствия признания доказательств недопустимыми // Современные проблемы теории и практики применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. М., 1995. С. 31; Шейфер С.А. Указ. соч. С. 98.

¹⁶ Агутин А.В., Осипов С.А. Место оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Следователь. 2003. № 2. С. 47—55; Бозров В. Результаты оперативно-разыскной деятельности — статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 46—48.

¹⁷ Халиков А.Н. Правовые основы оперативно-разыскной деятельности: курс лекций. М., 2007. С. 219—220.

лоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации, для принятия решений, указанных в ч. 3 ст. 7 ФЗ «Об ОРД».

Иными словами, оперативно-разыскное законодательство «позволяет» полученные оперативно-разыскным путем данные использовать для внутреннего (оперативно-разыскного), а также внешнего (по отношению к оперативно-разыскной деятельности) потребления в целях реализации задач уголовно-процессуальной деятельности. В ряде случаев эти процессы идут либо параллельно, либо последовательно.

Поясним свою позицию. Наше исследование показало, что с функциональной точки зрения работа сотрудника оперативного подразделения, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность в подразделении экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (далее — ЭБиПК), состоит в формировании информационного портфеля, содержащего сведения о противоправной деятельности лица (группы лиц), задокументированные посредством сил, средств и методов ОРД. Подобной позиции придерживается и ряд ученых, занимающихся оперативно-разыскной проблематикой: «результаты оперативно-разыскной деятельности в их процессуальном значении представляют собой *информационный продукт*», «результаты оперативно-разыскной деятельности — это *информация*, содержащаяся...», «результаты оперативно-разыскной деятельности — это *информация*, собранная оперативными подразделениями в отношении проверяемых лиц и фактов»¹⁸. Эта позиция коррелирует и с проанализированными выше нормативными правовыми актами.

При этом содержание этого информационного портфеля на момент его предоставления следователю для принятия определенного процессуального решения может (а чаще всего так и есть) содержать пробелы в субъективной и объективной составляющей состава преступления. Данный информационный портфель является продуктом деятельности сотрудника оперативного подразделения, в соответствии с

чем его (оперативного сотрудника) задача состоит в восполнении этих пробелов и продвижении продукта своей деятельности вплоть до принятия решения судом, что в полной мере соотносится с задачами ОРД, изложенными в ст. 2 ФЗ «Об ОРД».

На этапе реализации оперативно-разыскных материалов потребителем информационного продукта, подготовленного сотрудником оперативного подразделения, является следователь, который, согласно требованиям нынешнего законодательства, с одной стороны, оценивает качество собранных материалов в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, а с другой — формирует новый информационный продукт на основе полученной от оперативного сотрудника информации за счет проведения следственных и иных действий в рамках предварительного расследования.

Именно поэтому роль сотрудника подразделения ЭБиПК в период реализации оперативно-разыскных материалов имеет двоякий характер. С одной стороны, он сопровождает деятельность следователя, который использует полученный им информационный продукт, путем консультаций, обучения, рекомендаций, технической и иной поддержки, позволяющих использовать данный информационный продукт максимально эффективно. К сожалению, первая составляющая этого процесса не рассматривается современными учеными, а тем более практиками как основа эффективного оперативно-разыскного сопровождения. С другой стороны, наличие вышеобозначенных информационных пробелов в субъективной и объективной стороне преступления требует применения всего арсенала сил, средств и методов ОРД для их восполнения, совместно со следователем, который в период доследственной проверки и в период предварительного расследования берет на себя функции организатора расследования в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

На этом этапе рассуждений закономерно встает вопрос: а каковы тогда границы влияния результатов ОРД на уголовный процесс в рамках доследственной проверки и предварительного следствия?

Применительно к рассматриваемой нами группе экономических преступлений необходимость реализации данной формы ОРД объ-

¹⁸ Теория оперативно-разыскной деятельности: учебник / под редакцией К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 4-е изд. перераб. и доп. М., 2017.

ясняется рядом обстоятельств (П.И. Иванов, А.М. Кустов)¹⁹:

- Криминологическая и оперативно-разыскная характеристика преступлений экономической направленности свидетельствует о том, что они в большинстве своем совершаются с использованием цифровых технологий, способных анонимизировать преступника, применением изощренных способов сокрытия следов преступления и легализации похищенного, использованием пробелов законодательства и подзаконных нормативных правовых актов и т. д. Поэтому одними процессуальными гласными мерами не представляется возможным обеспечить объективность, полноту и всесторонность расследования экономических преступлений. В этой связи следует согласиться с П.И. Ивановым и А.М. Кустовым, которые справедливо считают, что объективно следователь не в состоянии самостоятельно реализовывать процессуальную работу (предварительное следствие) и направление уголовного дела в суд, базируясь главным образом на публичных уголовно-процессуальных методах²⁰.
- Практически каждое рассматриваемое нами преступление, за небольшим исключением, сопровождается противодействием предварительному расследованию и судебному разбирательству со стороны подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), а также иных заинтересованных лиц.
- Необходимость строжайшего соблюдения установленных сроков расследования, что также зависит от профессионального мастерства следователей, в производстве которых находятся уголовные дела рассматриваемой нами категории. К сожалению, последнее сильно затрудняет эффективность и результативность расследования, так как, по мнению самих следователей, общий уровень их профессиональной подготовки в 65 % случаев скорее не соответствует, чем соответствует, необходимому

для расследования рассматриваемых нами преступлений²¹.

Необходимо определиться с рядом вопросов, которые стали камнем преткновения. Большинство терминологических конструкций, которые формируют научно-информационное поле вокруг практического использования результатов ОРД, сводятся к тому, что сами результаты имеют важное информационное значение, что большинством теоретиков с обеих сторон (оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной) не оспаривается, кроме того, более 85 % опрошенных следователей, осуществляющих расследование преступлений экономической направленности, отметили их незаменимость применительно к данной категории противоправных проявлений.

Вместе с тем технологический (термин, используемый М.П. Поляковым), а точнее, процессуальный аспект вызывает вопросы, на которые необходимо дать четкие ответы. Кроме того, камнем преткновения остается вопрос, связанный с легализацией источника оперативно-разыскной информации. Вернемся к выводу М.П. Полякова и Р.С. Рыжова, которые обобщили позиции ученых, проанализировавших сложившуюся ситуацию с использованием результатов ОРД, после принятия Закона «Об оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации» 1992 года: «...результаты ОРД ни при каких условиях не станут доказательствами ввиду отсутствия предусмотренного процессуальным законом источника и отсутствия процессуальной формы их закрепления»²².

Необходимо признать, что подобная позиция превагирует у большинства современных специалистов уголовно-процессуального направления (практически 100 % респондентов указали на эти обстоятельства). Менее жесткое мнение относительно доказательственной функции результатов ОРД высказывают ученые, специализирующиеся на изучении проблем ОРД. По их мнению (отметили два из трех респондентов), с гносеологической точки зрения сведения (факты, инфор-

¹⁹ Иванов П.И., Кустов А.М. Оперативно-разыскное сопровождение расследования уголовных дел и использование при этом результатов ОРД (организационно-тактический аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 135—140.

²⁰ Там же. С. 137.

²¹ Здесь и далее по тексту анализ анкетных данных слушателей Высших академических курсов Академии управления МВД России, проходивших обучение за период с 2021 по 2023 г. по дополнительным профессиональным программам «Повышение квалификации руководителей (заместителей руководителей) следственных подразделений и подразделений аппаратов управления следственными подразделениями территориальных органов МВД России на региональном уровне».

²² Поляков М.П., Рыжов Р.С. Указ. соч. С. 11.

мация, результаты), полученные с использованием оперативно-разыскных возможностей, ничем не отличаются от подобной информации, полученной следственным путем.

Как показал опрос вышеуказанных специалистов, применительно к результатам ОРД первые придерживаются в большей степени формы (отметило более 75 % респондентов), а вторые — содержания (считает более 80 % опрошенных). Нам представляется, что именно это противоречие между формой и содержанием не позволяет в настоящее время обосновать возможность использования результатов ОРД в качестве доказательств. Выскажем свою позицию по данному вопросу сквозь призму проблем противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности.

Основная претензия, которая высказывается применительно к информации, полученной в рамках ОРД, — это то, что в соответствии со ст. 75 УПК доказательства, полученные подобным способом, не проходят по критерию «допустимость доказательств». Иными словами, в связи с тем, что ОРД носит «преимущественно тайный, скрытый от других лиц» характер²³, подтвердить информацию от первоисточника не представляется возможным. Но ведь это не совсем так. Да, действительно, ОРД приоритетно имеет «закрытый» от окружающих характер, но вместе с тем большая доля оперативно-разыскных мероприятий имеет «открытую» форму своей реализации — гласную форму. Об этом нам говорит не только ст. 1 ФЗ «Об ОРД», где указывается, что ОРД осуществляется гласно и негласно, но и оперативно-разыскная практика. Таким образом, источник получения информации с точки зрения ее допустимости при проведении гласных оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) известен и может быть подтвержден в процессе соответствующих процедур. Более того, источник может быть подтвержден и при проведении негласных ОРМ. Так, если информация получена от лица, внедренного в организованные преступные группы, от штатного негласного сотрудника органов, осуществляющих ОРД, а также от лица, оказывающего или оказывавшего им содействие на конфиденциальной основе, то предание гласности сведений об этих лицах возможно с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами (ст. 12 ФЗ «Об ОРД»). Таким образом, вопросы допустимости доказательств применительно к результатам ОРД решаются положительно в гласной форме.

²³ Халиков А.Н. Указ. соч. С. 9.

К гласной же форме результатов ОРД можно предъявить и четкие, регламентированные уголовно-процессуальным и оперативно-разыскным законом процедурные ограничения. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Ярким примером, на наш взгляд, является регламентация гласного оперативно-разыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», регламентированного приказом МВД России от 01.04.2014 № 199²⁴. В данной инструкции предусмотрена протокольная форма фиксации результатов изъятия предметов и документов, а также обнаруженных документов, имеющих признаки подделки, вещей, изъятых из гражданского оборота или ограничено оборотоспособных, находящихся у лиц без специального разрешения (п. 23 инструкции). Протокол предусматривает все реквизиты, которые указываются в подобного рода документах согласно УПК. Мы имеем в виду ст. 166 УПК «Протокол следственного действия».

Полагаем, что форма фиксации результатов всех гласных оперативно-разыскных мероприятий, имеющих значение для различных стадий уголовного процесса, в виде протокола должна быть предусмотрена в оперативно-разыском и уголовно-процессуальном законодательстве. Подобное предложение было высказано в проекте Оперативно-разыскного кодекса Российской Федерации (далее — Проект), подготовленном В.Ф. Луговиком. В частности, в ст. 51 Проекта автор предлагает все реквизиты протокола следственного действия экстраполировать на протокол оперативно-разыскного мероприятия, за исключением одной особенности, связанной с необходимостью обеспечения безопасности участников оперативно-разыскного мероприятия, в связи с чем допускается подписание ими протокола под псевдонимом²⁵.

²⁴ Приказ МВД России от 01.04.2014 № 199 (ред. от 13.10.2023) «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-разыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-разыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»: зарегистрирован в Минюсте России 21.05.2014 № 32369 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Луговик В.Ф. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 127.

В рамках предложенной для обсуждения темы необходимо сказать и о процессуальной приспособляемости при проведении отдельных следственных действий. Мы имеем в виду следственное действие «контроль и запись переговоров», которое регламентировано ст. 186 УПК и которое не только внешне, но и по содержанию, а также по исполнителям не отличается от оперативно-разыскного мероприятия «прослушивание телефонных и иных переговоров» (ст. 6 ФЗ «Об ОРД»). Вместе с тем в первом случае информация, полученная в рамках следственного действия, — это доказательство, а во втором — всего лишь сведения, которые, судя по содержанию ст. 89 УПК, получены в рамках процедур, не регламентированных уголовно-процессуальным законодательством. При проведении и следственного действия, и ОРМ присутствует ведомственный контроль (со стороны руководителя следственного органа — ст. 186 УПК и руководителя органа, осуществляющего ОРД, — ст. 9 ФЗ «Об ОРД»), а что более важно — судебный контроль, так как решение об ограничении конституционных прав граждан принимает именно судья. Именно эти обстоятельства в совокупности могут свидетельствовать о доказательственном значении результатов ОРД в виде информации, полученной в рамках производства оперативно-разыскных мероприятий «прослушивание телефонных и иных переговоров».

Кроме того, анализ дел оперативного учета, а также практики использования результатов ОРД подразделений ЭБиПК позволяет сделать еще один вывод, который не принимается сторонниками формы результатов ОРД, но целиком поддерживается сторонниками содержания. Мы имеем в виду результаты ряда ОРМ, которые «могут использоваться для выявления обстоятельств, подлежащих установлению, полученные в соответствии с законом, относятся к делу и могут быть проверены по источнику»²⁶, в связи с чем могут быть признаны доказательствами. Полагаем, что в качестве доказательств могут быть признаны заключения специалистов, полученные в рамках ОРМ «исследование предметов и документов», а также официальные документы, полученные в рамках различных ОРМ, в первую очередь «наведения справок». Наши доводы просты: в первом случае специалист (эксперт) делает свое заключение на

основе методик, которые используются при проведении экспертизы в рамках уголовно-процессуального законодательства, а во втором — какие сомнения могут быть у следователя, если документ получен официальным путем и содержит все необходимые реквизиты?

В связи с вышеизложенным предлагаем процедуру формального признания в качестве доказательств результатов ОРД, в рамках которой получены фонограммы телефонных и иных переговоров, заключения специалистов, а также официальные документы. Справедливости ради необходимо сказать, что подобная процедура уже существует в УПК. Мы имеем в виду особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме (ст. 226.5 УПК). В рамках реализации дознания в сокращенной форме дознаватель имеет право не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении; не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, и др.

Подводя итог, отметим следующее: вопрос доказательственного значения результатов ОРД в рамках уголовного процесса должен быть положительно решен в рамках как гласной, так и негласной формы оперативно-разыскного процесса. Эти формы позволяют положительно решить вопрос с допустимостью и относимостью полученных оперативно-разыскным путем сведений — информации.

Для процессуального закрепления наших соображений предлагаем внести изменения в ст. 74 УПК и изложить ее в следующей редакции:

В качестве доказательств допускаются:

3.1) заключение и показания специалиста, полученные в том числе и при проведении оперативно-разыскного мероприятия «исследование предметов и документов»;

4) доказательственная информация, в том числе фонограммы телефонных и иных переговоров, полученные в рамках проведения оперативно-разыскного мероприятия «прослушивание телефонных и иных переговоров»;

б) иные документы, в том числе официальные документы, полученные при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

²⁶ Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение: монография. СПб, 2010. С. 236—237, 244.

Список литературы

1. Агутин А.В., Осипов С.А. Место оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Следователь. 2003. № 2. С. 47—55.
2. Бозров В. Результаты оперативно-разыскной деятельности — статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 46—48.
3. Громов Н.А., Лисоволенко В.В., Гуцин А.Н. Оценка доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности // Следователь. 2004. № 2. С. 51—56.
4. Доля Е.А. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Советская юстиция. 1993. № 3.
5. Зажицкий В.И. Закон об оперативно-разыскной деятельности не идеален // Советская юстиция. 1993. № 5. С. 20.
6. Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение: монография. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2010. 268 с.
7. Зуев С.В. Информационные и иные гарантии использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе // Следователь. 2003. № 3. С. 17—19.
8. Иванов П.И., Кустов А.М. Оперативно-разыскное сопровождение расследования уголовных дел и использование при этом результатов ОРД (организационно-тактический аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 135—140.
9. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М.: Юрист, 1995. 128 с.
10. Кукарцев В.Н. К вопросу об использовании в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве: материалы научно-практической конференции. Ч. 2. Барнаул: БЮИ МВД России, 2002. С. 79—80.
11. Луговик В.Ф. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 109—135.
12. Лупинская П.А. Доказательства в уголовном процессе. Допустимость доказательств, основания и последствия признания доказательств недопустимыми // Современные проблемы теории и практики применения уголовного

и уголовно-процессуального законодательства. М., 1995. С. 31.

13. Марсаков И.С. Оперативно-разыскное обеспечение предварительного расследования и судебного разбирательства по делам коррупционной направленности в сфере закупок // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 214—220. doi: 10.36511/2078-5356-2022-4-214-220.

14. Мешков В.М., Попов В.Л. Оперативно-разыскная тактика и особенности использования полученных результатов в ходе предварительного расследования: учебно-практическое пособие. 2-е изд., доп. М., 2003. 107 с.

15. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-разыскной деятельности. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 260 с.

16. Поляков М.П., Рыжов Р.С. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт: монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. 110 с.

17. Теория оперативно-разыскной деятельности: учебник / под редакцией К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 4-е изд. перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2017. 760 с.

18. Халиков А.Н. Правовые основы оперативно-разыскной деятельности: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2007. 301 с.

19. Шейфер С.А. Доказательственные аспекты Закона об оперативно-разыскной деятельности // Государство и право. 1994. № 1. С. 94—101.

References

1. Agutin, A.V. & Osipov, S.A. (2003) Mesto operativno-razysknoy deyatel'nosti v dokazyvanii po ugovolnym delam [The place of operational investigative activity in proving criminal cases]. *Sledovatel'*, no. 2, pp. 47–55. (In Russ.).
2. Bozrov, V. (2004) Rezul'taty operativno-razysknoy deyatel'nosti – status dokazatel'stv v ugovolnom protsesse [The results of operational investigative activities – the status of evidence in criminal proceedings]. *Rossiyskaya yustitsiya*, no. 4, pp. 46–48. (In Russ.).
3. Gromov, N.A., Lisovolenko, V.V. & Gushchin, A.N. (2004) Otsenka dokazatel'stv i rezul'tatov operativno-razysknoy deyatel'nosti [Evaluation of evidence and results of operational investigative activities]. *Sledovatel'*, no. 2, pp. 51–56. (In Russ.).
4. Dolya, E.A. (1993) Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-razysknoy deyatel'nosti v dokazyvanii po ugovolnym delam [The use of the results of operational investigative activities in proving criminal cases]. *Sovetskaya yustitsiya*, no. 3. (In Russ.).

5. Zazhitskiy, V.I. (1993) Zakon ob operativno-razysknoy deyatel'nosti ne idealen [The law on operational investigative activities is not perfect]. *Sovetskaya yustitsiya*, no. 5, p. 20. (In Russ.).
6. Zakhartsev, S.I. & Chabukiani, O.A. (2010) Operativno-razysknye meropriyatiya i sledstvennye deystviya: ponyatiya i sootnoshenie [Operational investigative measures and investigative actions: concepts and correlation]. Monograph. Saint Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 268 p. (In Russ.).
7. Zuev, S.V. (2003) Informatsionnye i inye garantii ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-razysknoy deyatel'nosti v ugolovnom protsesse [Information and other guarantees of the use of the results of operational investigative activities in criminal proceedings]. *Sledovatel'*, no. 3, pp. 17–19. (In Russ.).
8. Ivanov, P.I. & Kustov, A.M. (2017) Operativno-razysknoe soprovozhdenie rassledovaniya ugolovnykh del i ispol'zovanie pri etom rezul'tatov ORD (organizatsionno-takticheskiy aspekt) [Investigation of criminal cases with the help of police intelligence, detection and search: organizational and tactical aspects]. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 4 (40), pp. 135–140. (In Russ.).
9. Kipnis, N.M. (1995) Dopustimost' dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve [The admissibility of evidence in criminal proceedings]. Moscow, Yurist, 128 p. (In Russ.).
10. Kukartsev, V.N. (2002) K voprosu ob ispol'zovanii v dokazyvanii rezul'tatov operativno-razysknoy deyatel'nosti [On the issue of using the results of operational investigative activities in proving]. In: *Problemy primeneniya novogo ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva v dosudebnom proizvodstve. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Vol. 2*. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 79–80. (In Russ.).
11. Lugovik, V.F. (2015) Operativno-razysknoy kodeks Rossiyskoy Federatsii (avtorskiy projekt federal'nogo zakona) [Crime Detection Code of the Russian Federation (the author's draft of the federal law)]. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, no. 1 (31), pp. 109–135. (In Russ.).
12. Lupinskaya, P.A. (1995) Dokazatel'stva v ugolovnom protsesse. Dopustimost' dokazatel'stv, osnovaniya i posledstviya priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi [Evidence in criminal proceedings. Admissibility of evidence, grounds and consequences of recognizing evidence as inadmissible]. In: *Sovremennye problemy teorii i praktiki primeneniya ugolovnogo i ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva*. Moscow, p. 31. (In Russ.).
13. Marsakov, I.S. (2022) Operativno-razysknoe obespechenie predvaritel'nogo rassledovaniya i sudebnogo razbiratel'stva po delam korruptsionnoy napravlenosti v sfere zakupok [Operational investigative support of preliminary investigation and trial of corruption cases in the field of procurement]. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 4 (60), pp. 214–220. (In Russ.). doi: 10.36511/2078-5356-2022-4-214-220.
14. Meshkov, V.M. & Popov, V.L. (2003) Operativno-razysknaya taktika i osobennosti ispol'zovaniya poluchennykh rezul'tatov v khode predvaritel'nogo rassledovaniya [Operational investigative tactics and features of using the results obtained during the preliminary investigation]. 2nd ed. Moscow, 107 p. (In Russ.).
15. Polyakov, M.P. (2001) Ugolovno-protsessual'naya interpretatsiya rezul'tatov operativno-razysknoy deyatel'nosti [Criminal procedural interpretation of the results of operational investigative activities]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Law Academy, 260 p. (In Russ.).
16. Polyakov, M.P. & Ryzhov, R.S. (2006) Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-razysknoy deyatel'nosti v ugolovnom protsesse kak pravovoy institut [The use of the results of operational investigative activities in criminal proceedings as a legal institution]. Monograph. Moscow, Publishing House of I.I. Shumilova, 110 p. (In Russ.).
17. Goryainov, K.K. & Ovchinskiy, V.S. (eds.) (2017) Teoriya operativno-razysknoy deyatel'nosti [Theory of operational investigative activity]. Textbook. 4th ed. Moscow, INFRA-M, 760 p. (In Russ.).
18. Khalikov, A.N. (2007) Pravovye osnovy operativno-razysknoy deyatel'nosti [Legal foundations of operational investigative activities]. Course of lectures. Moscow, Yurlitinform, 301 p. (In Russ.).
19. Sheyfer, S.A. (1994) Dokazatel'stvennye aspekty Zakona ob operativno-razysknoy deyatel'nosti [Evidentiary aspects of the Law on operational investigative activities]. *State and Law*, no. 1, pp. 94–101. (In Russ.).

Информация об авторе

Р.Г. Искалиев — доцент кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

R.G. Iskaliev – Associate Professor of the Department of Organization of Operational and Investigative Activities of the Academy of Management of the MIA of Russia, Candidate of Law.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 114–121.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 114–121.

УДК 343.982.52
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.014

NIION: 2015-0065-04/24-265
MOSURED: 77/27-010-2024-04-464

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Возможности использования современных цифровых технологий при фиксации места происшествия в труднодоступной местности

Наталья Петровна Каторгина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия, inyakova@bsu.edu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9161-7775>

Аннотация. В современном мире повсеместное распространение получают идеи цифровизации общественных отношений. Данный процесс успешно реализуется в различных направлениях человеческой деятельности: экономической, политической, образовательной, социально-культурной и в других областях. Не стала исключением и правовая сфера, в частности уголовное судопроизводство, где процесс раскрытия и расследования преступлений под влиянием развития цифровых технологий получает дополнительные способы фиксации доказательств. Использование современных цифровых технологий при фиксации места происшествия в труднодоступной местности способствует получению объективного наглядного доказательства совершенного противоправного деяния.

В ходе исследования использовались различные методы познания. В частности, такие методы, как анализ, синтез, дедукция, а также юридический. Данные методы позволили реализовать основную цель исследования — анализ современных возможностей использования цифровых технологий при фиксации места происшествия, находящегося в труднодоступной местности. Автором изучены возможности применения веб-картографии, космических и беспилотных аппаратов для фиксации доказательств. Представлен иллюстрационный материал применения цифровых технологий при фиксации труднодоступной местности.

Ключевые слова: цифровые технологии, фиксация, место происшествия, труднодоступная местность, веб-картография, аэрокосмическая съемка, беспилотные аппараты.

Для цитирования: Каторгина Н.П. Возможности использования современных цифровых технологий при фиксации места происшествия в труднодоступной местности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 114–121. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.014.

Possibilities of using modern digital technologies when recording the scene of an incident in hard-to-reach areas

Natalya P. Katorgina

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,
inyakova@bsu.edu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9161-7775>

Abstract. In the modern world, the ideas of digitalization of public relations are becoming widespread. This process is successfully implemented in various areas of human activity: economic, political, educational, socio-cultural and other areas. The legal sphere, in particular criminal proceedings, is no exception since the process of solving and investing crimes receives additional ways of recording evidence under the influence of the development of digital technologies. The use of modern digital technologies when recording the scene of an incident in a hard-to-reach area helps to obtain objective visual evidence of the unlawful act committed.

During the study, various methods of cognition were used. Such methods as analysis, synthesis, deduction, as well as legal method. These methods made it possible to realize the main purpose of the research — to analyze the modern possibilities of using digital technologies when recording the scene of an incident located in a difficult-to-reach area. The author has studied the possibilities of using web cartography, space and unmanned aerial vehicles for recording evidence. Illustrative material on the use of digital technologies in recording hard-to-reach areas is presented in the article.

Keywords: digital technologies, recording, scene of an incident, hard-to-reach area, web cartography, aerospace photography, unmanned vehicles.

For citation: Katorgina, N.P. (2024) Possibilities of using modern digital technologies when recording the scene of an incident in hard-to-reach areas. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 114–121. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.014.

Введение

Развитие научно-технических средств открывает новые возможности фиксации хода и результатов следственных действий. В частности, на смену «мокрой» фотографии, используемой на протяжении более 100 лет, пришла цифровая, что радикально изменило привычное представление о процедуре получения, обработки, хранения и использования информации, зафиксированной следователем и другими участниками судопроизводства. Внедрение цифровой фотографии вызвало бурную дискуссию ученых о вероятной возможности внесения изменений в исходный материал, хранении снимков в цифровом формате, риске повреждения цифрового носителя информации, допустимости использования результатов цифровой съемки в доказывании. В итоге применение цифровой фотографии при фиксации процессуальных действий получило должное признание и одобрение со стороны всех участников дискуссии. В настоящее время приобретают популярность и другие цифровые технологии, например, использование веб-картографии, съемки с использованием космических и беспилотных аппаратов, обеспечивающих полную и объективную фиксацию места производства следственного действия, что зачастую затруднительно сделать в труднодоступной местности.

Возможности фиксации доказательств в уголовном судопроизводстве с помощью современных цифровых технологий рассмотрены в работах А.В. Головчанского, Н.Н. Ильина, Д.Н. Овакимяна, А.А. Пудовкина, Д.В. Теткина, А.Ю. Шапошникова и многих других, раскрывающих перспективы их использования, в том числе с целью фиксации труднодоступной местности.

В ходе исследования предполагалось решить следующие основные задачи: во-первых, рассмотреть категорию «труднодоступная местность» в уголовном судопроизводстве; во-вторых, проанализировать возможности современных цифровых технических средств, позволяющих фиксировать доказательства, беспрепятственный доступ к которым ограничен. Выполнение данных задач содействует достижению заявленной цели — рассмотрение передовых цифровых технологий, направленных на фиксацию места происшествия в труднодоступной местности.

В ходе проведенной работы использовались различные методы исследования. Например, метод анализа позволил изучить современные цифровые технологии, позволяющие осуществ-

лять фиксацию места происшествия. Метод синтеза использовался для систематизации сведений о цифровых технологиях, применяемых для запечатления окружающей обстановки. Применение метода дедукции позволило провести исследование от общего к частному, что способствовало пониманию категории «труднодоступная местность» в уголовном судопроизводстве и рассмотрению современных технологий, позволяющих зафиксировать территорию, доступ к которой ограничен. Юридический метод позволил рассмотреть установленные действующим российским законодательством способы фиксации в уголовном судопроизводстве, а также категории преступлений, по которым место происшествия зачастую является труднодоступным.

1. Понятие труднодоступной местности в уголовном судопроизводстве

Особую сложность при фиксации места происшествия представляет труднодоступность территории. В словаре русского языка слово «труднодоступный» означает «такой, по которому трудно передвигаться»¹. Категория «труднодоступная местность» рассматривается учеными² как территория, находящаяся на удаленном расстоянии от населенного пункта, ограниченная экономическими, географическими и инфраструктурными условиями. В контексте рассматриваемой темы труднодоступной территорией является место, на котором производство следственного действия затруднительно, что связано с географическими особенностями местности, климатическими условиями, отсутствием подхода к значимым объектам, опасностью для жизни и здоровья человека и другими ограничениями, затрудняющими осуществление объективной фиксации места происшествия.

Следственная практика показывает, что труднодоступной может выступать территория по таким категориям преступлений, как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопас-

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М., 2011. С. 1064.

² Власов А.А., Куксин И.Н. Адвокат в судопроизводстве: краткий учебный курс. М., 2007. С. 128; Абдулвалиев А.Ф. Труднодоступная местность как особое географическое условие, влияющее на расследование и рассмотрение уголовных дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 104; Фомичев И.А. Понятие и критерии труднодоступных и малонаселенных местностей // Юридическая наука. 2020. № 12. С. 59.

ности (ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации³, далее — УК РФ), загрязнение морской среды (ст. 252 УК РФ), незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена (ст. 263 УК РФ) и другие преступления. Полноценной фиксации места происшествия по данной категории дел могут препятствовать густая лесная растительность, горная территория, критически низкая/высокая температура, большая по протяженности территория, различный рельеф местности, нахождение значимых объектов достаточно глубоко (на дне водоема, моря, ущелья) или высоко (на здании, сооружении, крутой скале) и другие факторы, затрудняющие производство следственного действия. Выход из сложившихся ситуаций видится в использовании современных веб-сервисов и технических средств, направленных на преодоление трудностей с доступом к важным следам преступления на местности.

2. Современные цифровые технологии, используемые при фиксации места происшествия

Традиционным способом наглядно-образной формы фиксации является фотосъемка. В судебной фотографии разработаны методы, приемы, средства, предназначенные для успешной фотосъемки хода и результатов следственных действий. Цифровые фотоаппараты значительно упростили технологию получения снимков, а также позволили решать многие другие криминалистические задачи. Однако развитие научно-технических средств не остановлено, и на смену традиционной фотосъемке приходят новые цифровые технологии. В соответствии с ч. 2 ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴ (далее — УПК РФ) фиксацию процесса производства следственного действия можно осуществить путем фотографирования. В ч. 5 ст. 166 УПК РФ установлено, что при принятии решения о фиксации следствен-

ного действия с помощью фотосъемки следователю в протоколе необходимо отразить сведения о технических средствах, используемых при производстве следственного действия, порядок и условия применения данных средств, объекты, обнаруженные и зафиксированные с помощью указанных средств, результат их применения, а также отметить факт предварительного уведомления всех участников следственного действия о выполнении фиксации с помощью технических средств.

Получить ориентирующие снимки места происшествия на труднодоступной территории можно, например, с помощью веб-картографии. В сети Интернет имеются сервисы, предоставляющие картографические данные и снимки значимой территории, выполненные с помощью спутника. Среди наиболее популярных картографических сервисов можно выделить Яндекс.Карты, 2ГИС, Google Maps, Microsoft Bing Maps, Apple Maps, OpenStreetMap, Wikimapia и т. д. Указанные сервисы позволяют в короткие сроки получать спутниковые снимки участков территории с различной степенью детализации, что зависит от даты обновления информационно-географической программы. Фотографии одного и того же места, исполненные в разные даты, могут существенно отличаться по наличию или отсутствию некоторых зданий, инженерных сооружений.

Для получения необходимого изображения участка местности следует определить его месторасположение на карте и сделать скриншот. В результате в буфер обмена скопируется снимок части территории, отображенной на экране (рис. 1). При этом целесообразно заблаговременно воспользоваться вспомогательной функцией сервиса, отметив географическую широту и долготу, ориентацию на север, масштаб, дату спутникового снимка. Для достоверности и уточнения полученных снимков можно провести дополнительные измерения объектов и расстояний между ними, сделать сопроводительные надписи, начертить план или схему. Сведения, относящиеся к конкретизации обстановки места происшествия, изображенного на фотоснимке, следует отразить в протоколе следственного действия.

Востребованным направлением получения картинки общего вида места происшествия выступает использование космических аппаратов⁵ с

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954; СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Ильин Н.Н. Использование снимков дистанционного зондирования Земли при назначении и производстве транспортно-технической судебной экспертизы // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. 2020. Т. 17, № 1. С. 52.

целью получения изображений труднодоступной местности. Ориентирующие спутниковые снимки предоставляют возможность зафиксировать значительные по площади территории места происшествия (техногенные катастрофы, гидродинамические аварии с образованием волн

прорыва, радиационные аварии, пожары, взрывы, железнодорожные аварии и авиакатастрофы, рубка лесных насаждений и др.) (рис. 2). Данные снимки могут выступать в качестве приложения к протоколу следственного действия.

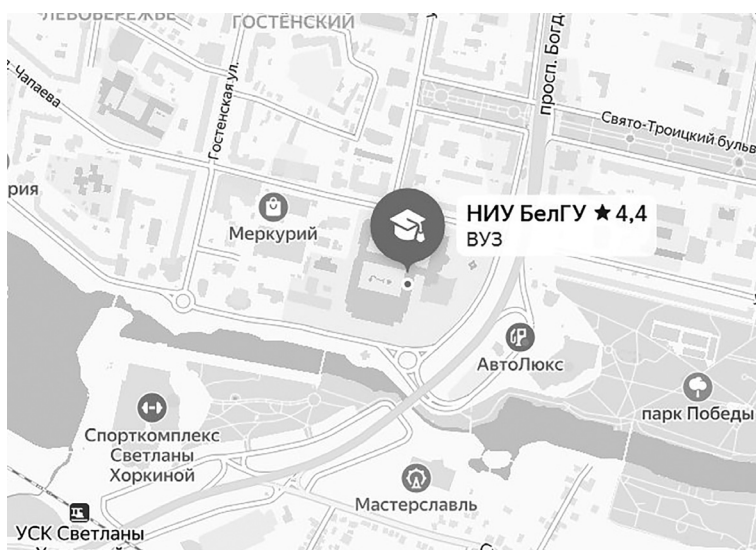

Рис. 1. Пример снимка, выполненного с помощью сервиса Яндекс.Карты: общий вид территории, прилегающей к Белгородскому государственному национальному исследовательскому университету

Рис. 2. Пример съемки, выполненной с помощью космического аппарата: общий вид лесного массива (слева снимок до рубки лесного фонда, а справа после рубки)

Спутниковые технологии, например системы GPS/ГЛОНАСС, позволяют с точностью до 10 метров установить географические координаты места происшествия, привязать интересующий участок к определенной территории или

объекту. Следует учитывать, что могут быть погрешности при измерении, что зависит от геометрии спутников (взаимное расположение нескольких спутников, отображенных на приемнике); количества получаемых сигналов; орби-

ты спутников; скорости передачи сигнала в тропосфере и ионосфере; погодных условий; наличия и количества высоких зданий на определенной территории; используемой технологии позиционирования и применяемых методов⁶.

Положительный опыт применения космической съемки имеется при расследовании авиа-

катастрофы Ту-154 в Черном море. Специалисты Института космических исследований, используя радиолокационную съемку космическим аппаратом, установили местонахождение разлива нефтепродуктов и определили территорию крушения воздушного судна⁷ (рис. 3).

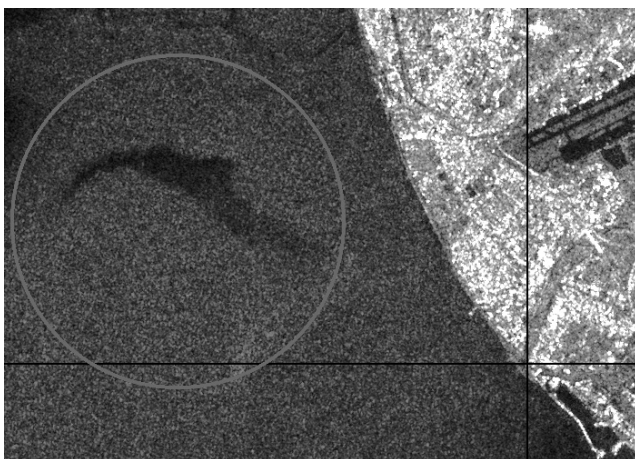

Рис. 3. Пример съемки, выполненной с помощью космического аппарата: общий вид места крушения Ту-154

Инновационным решением при фиксации территории, доступ к которой затруднен, выступает также применение беспилотных летательных аппаратов. Данные устройства позволяют осуществить фиксацию больших по про-

тяженности участков местности, мест, опасных для жизни и здоровья, сложных территорий, пересеченной местности (авиакатастрофы, техногенные аварии, высокогорные и заболоченные участки, лесные массивы) (рис. 4).

Рис. 4. Пример съемки, выполненной с помощью беспилотного летательного аппарата: общий вид лесного массива, на котором зафиксирована незаконная рубка лесных насаждений

⁶ Головчанский А.В. Об использовании средств спутниковой навигации в целях установления и фиксации координат места происшествия // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 2. С. 64—65.

⁷ Опубликован спутниковый снимок места крушения Ту-154 в Черном море. 26.12.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3181976> (дата обращения: 20.04.2024).

Преимущества использования беспилотных систем очевидны и не вызывают сомнения. Так, применение данных устройств в ходе осмотра места происшествия позволит следователю сориентироваться на осматриваемой территории; установить границы осмотра; обнаружить объекты на удаленном расстоянии от непосредственно осматриваемого места; осуществить замеры объектов, находящихся на значительном расстоянии друг от друга; оперативно получить криминалистически значимую информацию и про-

анализировать ее с целью принятия дальнейших процессуальных решений⁸; составить полный и объективный протокол следственного действия; оформить 2D-ортофотосхему или план с высокой степенью детализации и с географическими координатами (рис. 5); построить 3D-модель места происшествия⁹ (рис. 6). Кроме того, полученная информация в последующем может быть использована для оценки причиненного ущерба, повторного анализа произошедшего события¹⁰.

Рис. 5. Пример 2D-ортофотосхемы парковой зоны

Рис. 6. Пример 3D-модели горно-лесистой территории

⁸ Карданов Р.Р. Осмотр места происшествия по итогам проведения специальной операции в горно-лесистой местности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2 (40). С. 37.

⁹ Пудовкин А.А., Теткин Д.В., Бондарев Д.В. Особенности проведения осмотра места происшествия, местности в труднодоступных местах и при дорожно-транспортном происшествии с помощью применения беспи-

лотных летательных аппаратов // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. Вып. 3. С. 106—108.

¹⁰ Шапошников А.Ю., Овакимян Д.Н. Применение современных технологий фиксации информации и беспилотных систем при производстве осмотра места происшествия // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 144.

Фотосъемку в труднодоступных местах (горно-лесистая территория; морское дно; объекты, находящиеся на большой глубине, в зоне экстремальной низкой температуры воздуха и др.) можно выполнить с помощью беспилотного наземного, подземного, надводного или подводного аппаратов. На данных устройствах может быть предусмотрена одна или несколько камер для фото- и видеосъемки. Оператор в режиме ре-

ального времени сможет определить объекты, имеющие значение для дела, осмотреть их с разных ракурсов и осуществить съемку с максимально полной детализацией (рис. 7). Полученные фотоснимки позволят следователю наиболее полно представить картину произошедшего события, смоделировать различные ситуации, а также окажут помощь эксперту при проведении исследований.

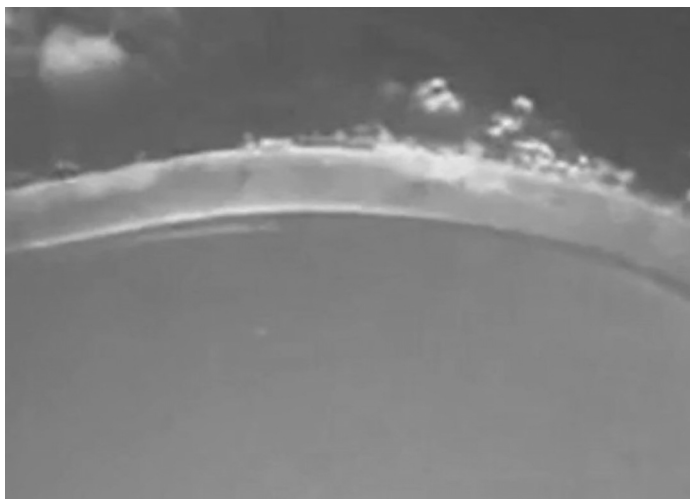

Рис. 7. Пример съемки, выполненной с помощью беспилотного подводного аппарата: часть трубы, находящейся на морском дне

Заключение

Производство следственного действия в труднодоступной местности представляет определенную сложность, что связано с рельефом территории, растительностью, температурой окружающей среды и т. д. Для преодоления препятствий, затрудняющих фиксацию места происшествия, целесообразно использовать современные цифровые технологии. В качестве данных технологий могут выступать, например, веб-картография, космические и беспилотные (летательные, наземные, подземные, надводные, подводные) аппараты, способствующие надлежащей организации и качественному производству запечатления места производства следственного действия. Использование современных цифровых технологий позволит полно и объективно передавать окружающую обстановку, взаимное расположение и состояние обнаруженных объектов и следов, способ противоправного деяния и его последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для раскрытия и расследования преступления.

Список литературы

1. Абдулвалиев А.Ф. Труднодоступная местность как особое географическое условие, влияющее на расследование и рассмотрение уголовных дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 97—104.
2. Власов А.А., Куксин И.Н. Адвокат в судопроизводстве: краткий учебный курс. М.: Норма, 2007. 293 с.
3. Головчанский А.В. Об использовании средств спутниковой навигации в целях установления и фиксации координат места происшествия // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 2. С. 62—69.
4. Ильин Н.Н. Использование снимков дистанционного зондирования Земли при назначении и производстве транспортно-технической судебной экспертизы // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. 2020. Т. 17, № 1. С. 50—56. doi: 10.21046/2070-7401-2020-17-1-50-56.
5. Карданов Р.Р. Осмотр места происшествия по итогам проведения специальной операции в

горно-лесистой местности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2 (40). С. 35—38.

6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс: Мир и Образование: Астрель, 2011. 1200 с.

7. Пудовкин А.А., Теткин Д.В., Бондарев Д.В. Особенности проведения осмотра места происшествия, местности в труднодоступных местах и при дорожно-транспортном происшествии с помощью применения беспилотных летательных аппаратов // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. Вып. 3. С. 104—111. doi: 10.24412/2071-6184-2022-3-104-111.

8. Фомичев И.А. Понятие и критерии труднодоступных и малонаселенных местностей // Юридическая наука. 2020. № 12. С. 57—60.

9. Шапошников А.Ю., Овакимян Д.Н. Применение современных технологий фиксации информации и беспилотных систем при производстве осмотра места происшествия // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 142—153.

References

1. Abdulvaliev, A.F. (2018) Trudnodostupnaya mestnost' kak osoboe geograficheskoe uslovie, vliyayushchee na rassledovanie i rassmotrenie ugovolnykh del [Hard to reach locality as a special geographical condition influencing the investigation of criminal cases]. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, no. 1 (43), pp. 97–104. (In Russ.).

2. Vlasov, A.A. & Kuksin, I.N. (2007) Advokat v sudoproizvodstve: kratkiy uchebnyy kurs [Lawyer in legal proceedings: a short training course]. Moscow, Norma, 293 p. (In Russ.).

3. Golovchanskiy, A.V. (2015) Ob ispol'zovanii sredstv sputnikovoy navigatsii v tselyakh ustanovleniya i fiksatsii koordinat mesta proisshestiya [On the use of satellite navigation to establish and fix the coordinates of the scene of an incident]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, no. 2, pp. 62–69. (In Russ.).

4. Ilyin, N.N. (2020) Ispol'zovanie snimkov distantsionnogo zondirovaniya Zemli pri naznachenii i proizvodstve transportno-tehnicheskoy sudebnoy ekspertizy [Use of remote sensing images in the assignment and production of transport and technical forensic expertise]. *Sovremennye problemy distantsionnogo zondirovaniya Zemli iz kosmosa*, vol. 17, no. 1, pp. 50–56. (In Russ.). doi: 10.21046/2070-7401-2020-17-1-50-56.

5. Kardanov, R.R. (2018) Osmotr mesta proisshestiya po itogam provedeniya spetsial'noy operatsii v gorno-lesistoy mestnosti [Inspection of the scene following the results of carrying out special transaction in the mountain and woody area]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, no. 2 (40), pp. 35–38. (In Russ.).

6. Ozhegov, S.I. (2011) Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. 24th ed. Moscow, Oniks, Mir i Obrazovanie, Astrel', 1200 p. (In Russ.).

7. Pudovkin, A.A., Tetkin, D.V. & Bondarev, D.V. (2022) Osobennosti provedeniya osmotra mesta proisshestiya, mestnosti v trudnodostupnykh mestakh i pri dorozhno-transportnom proisshestvii s pomoshch'yu primeneniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov [Features of conducting an inspection of the scene of the accident, terrain in hard-to-reach places and when in a traffic accident with the use of unmanned aerial vehicles]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, no. 3, pp. 104–111. (In Russ.). doi: 10.24412/2071-6184-2022-3-104-111.

8. Fomichev, I.A. (2020) Ponyatie i kriterii trudnodostupnykh i malonaselennykh mestnostey [Concept and criteria of hard and low-populated locations]. *Yuridicheskaya nauka*, no. 12, pp. 57–60. (In Russ.).

9. Shaposhnikov, A.Yu. & Ovakimyan, D.N. (2021) Primenenie sovremennykh tekhnologiy fiksatsii informatsii i bespilotnykh sistem pri proizvodstve osmotra mesta proisshestiya [The use of modern technologies of fixation of information and unmanned systems during inspection of a crime scene]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess*, no. 1, pp. 142–153. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.П. Каторгина — доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

N.P. Katorgina – Associate Professor of the Department of Forensic Science and Criminalistics of the Belgorod State National Research University, Candidate of Law.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 122—127.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 122–127.

УДК 343.98.068
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.015

NIION: 2015-0065-04/24-266
MOSURED: 77/27-010-2024-04-465

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проблемы соблюдения процессуальных сроков при расследовании преступлений в сфере экономики

Валентина Феликсовна Крючкова¹, Татьяна Викторовна Осипова²

^{1, 2}Хабаровский филиал Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Хабаровск, Россия

¹kryuchkovav@list.ru

²saxara.6363@mail.ru

Аннотация. Актуальность рассматриваемой авторами проблемы обусловлена необходимостью соблюдения законности как при выполнении отдельных следственных действий, так и при производстве расследования в целом. Процессуальное значение сроков заключается в том, что они ограничивают время проведения процессуальных действий, способствуя тем самым устойчивости правового статуса отдельных участников уголовного судопроизводства в пределах определенного времени.

В статье авторами на примерах следственной практики по делам экономической направленности проанализированы причины затягивания процессуальных сроков предварительного следствия, предложены варианты устранения некоторых субъективных причин длительных сроков следствия.

Ключевые слова: законодательство, дела экономической направленности, срок предварительного расследования, сроки проведения экспертиз, финансовые документы, документальная проверка, ревизия.

Вклад авторов: Осипова Т.В. — сбор и обработка материалов; Крючкова В.Ф. — анализ полученных данных, написание текста.

Для цитирования: Крючкова В.Ф., Осипова Т.В. Проблемы соблюдения процессуальных сроков при расследовании преступлений в сфере экономики // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 122—127. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.015.

Problems of compliance with procedural deadlines in the investigation of crimes in the economic sphere

Valentina F. Kryuchkova¹, Tatyana V. Osipova²

^{1, 2}Khabarovsk branch of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Khabarovsk, Russia

¹kryuchkovav@list.ru

²saxara.6363@mail.ru

Abstract. In the article, the authors analyze the reasons for the delay in procedural deadlines for preliminary investigation using examples of investigative practice in economic cases, and propose options for eliminating some subjective reasons for the long investigation periods.

Keywords: legislation, economic cases, preliminary investigation period, examination periods, financial documents, documentary verification, audit.

Contribution of the authors: Osipova T.V. — collection and processing of materials; Kryuchkova V.F. — data analysis, text writing.

For citation: Kryuchkova, V.F. & Osipova, T.V. (2024) Problems of compliance with procedural deadlines in the investigation of crimes in the economic sphere. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 122–127. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.015.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает ряд норм о сроках совершения процессуальных действий при расследовании уголовных дел, соблюдение которых является важнейшей задачей органов предварительного следствия. Наличие в законодательстве этих норм обусловлено необходимостью защиты законных интересов граждан, их конституционных прав. Поэтому они должны соблюдаться органами предварительного следствия, так же как и другие положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹.

Сроки предварительного следствия едины, и законодатель не делает исключений по срокам расследования для отдельных групп преступлений, несмотря на сложность или значительный объем уголовных дел.

Между тем не во всех случаях уголовно-процессуальный закон может устанавливать определенные сроки или временные рамки для проведения тех или иных следственных или процессуальных действий². Так, например, «заранее достаточно трудно предусмотреть своеобразие обстановки и обстоятельств места происшествия. Неожиданности, с которыми можно столкнуться на месте происшествия, обязывают приготовиться с возможно большей тщательностью»³.

При вынесении постановления о продлении срока следствия необходимо конкретизировать основание невозможности закончить дело вовремя, в поставленные сроки. То есть следователь должен четко обосновать, для чего, для каких дополнительных или еще не окончанных процессуальных мероприятий ему необходима эта временная возможность.

В законе четко прописаны основания продления срока следствия, при этом законодатель не определяет в нормах предельно допустимый срок, за рамки которого следователю выходить нельзя.

Так, в производстве одного из региональных субъектов находилось уголовное дело в отношении директора МБУК «Культурно-досуго-

вый и методический центр МО „Курумканский район“» И. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ.

В ходе предварительного следствия установлено, что в рамках национального проекта между И. и директором ООО «Бурстрой» С. заключен муниципальный контракт на выполнение работ по капитальному ремонту здания филиала МБУК. Общая цена контракта составила 3 069 700 руб. Кроме того, с целью освоения оставшихся бюджетных денежных средств И. заключен прямой договор с ООО «Банта» на сумму 600 000 руб.

По результатам проведенных работ И. выполненные ООО «Бурстрой» работы приняты, о чем составлены акты, в которых указаны сведения, не соответствующие фактическим работам, с завышением общей стоимости выполненных работ на 728 891 руб.

Период расследования составил 12 месяцев. Неоднократные продления сроков предварительного расследования обусловлены большим объемом следственных действий для принятия законного и обоснованного правового решения по уголовному делу. Так, необходимо было допросить более 40 сотрудников вышеуказанных организаций. Потребовалось длительное время для проведения сложных строительных экспертиз, для установления всех обстоятельств необходимо было исследовать большой объем документации.

Выполнение требований, предусмотренных ст. 217 УК РФ, заняло значительное время ввиду непризнания вины И. и затягивания процедуры ознакомления с материалами уголовного дела⁴.

Следственная практика показывает, что зачастую именно дела экономической направленности имеют самые значительные сроки расследования, наряду с такими преступлениями, как преступления ятрогенной направленности, преступления, совершенные в условиях неочевидности (так называемые «глухари»).

Так, согласно статистическим сведениям следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области за 2022 год, в суд было направлено 223 уголовных дела о преступлениях экономической направленности, из них расследовано в срок свыше установленного УПК РФ:

■ с 2 до 6 месяцев — 13;

⁴ Решение коллегии следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Бурятия. Республика Бурятия, 2021. Ведомственный доступ.

¹ Аксенникова А.Б. Процессуальные сроки расследования уголовных дел и причины их нарушения // Актуальные исследования. 2022. № 2 (81). С. 19—21.

² Костенко К.А. Процессуальные сроки уголовного судопроизводства: учебно-справочное пособие. Хабаровск, 2018. С. 7.

³ Костенко К.А., Костенко Г.Ю. Методология и тактика следственного осмотра: монография. Хабаровск, 2017. С. 35.

- с 6 до 12 месяцев — 4⁵;
- свыше 12 месяцев — 5⁵.

Для преступлений экономической направленности характерно проведение множества следственных действий, к примеру, по делам о невыплате заработной платы количество потерпевших может достигать нескольких тысяч человек.

Например, уголовное дело, возбужденное по факту невыплаты заработной платы в полном объеме свыше двух месяцев сотрудникам ДВУЭС завода «Звезда» г. Большой Камень, где количество потерпевших исчислялось сотнями. На момент расследования настоящего уголовного дела была создана следственная группа, насчитывающая более десяти следователей и заместителей руководителей районных следственных отделов. Уголовное дело расследовалось по всей территории Приморского края. Сроки расследования были очень значительны, что в данной ситуации было объективно необходимо⁶.

К объективным причинам длительности рассматриваемых составов можно отнести назначение и проведение экспертиз. При этом при расследовании экономических преступлений назначенные экспертизы могут быть самой различной направленности, начиная с бухгалтерско-экономических и заканчивая строительно-техническими, почерковедческими, фоноскопическими и даже генотипоскопическими судебными экспертизами, в зависимости от обстоятельств конкретного уголовного дела.

Не секрет, что для назначения бухгалтерской либо, к примеру, строительно-технической экспертизы может требоваться значительный объем документации. Для назначения бухгалтерской экспертизы это финансово-экономические документы, правоустанавливающие и иные документы, объемы которых могут достигать десятков и даже сотен коробок, для строительно-технической экспертизы это может быть также несколько десятков коробок проектной документации.

⁵ Статистические сведения следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области. Хабаровск, 2022. Ведомственный доступ.

⁶ Статистические сведения СК РФ, решение коллегии следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Приморскому краю «Об итогах работы следственных органов СК РФ за 2022 год и задачах на 2023». Владивосток, 2022. Ведомственный доступ.

Значительное время может занять даже поиск документов. Если запросить правоустанавливающие документы, произведя выемку в отделении налоговой службы, где находится регистрационное дело компании, не представляет особой сложности, то иногда для установления и изъятия финансовой документации требуется проведение оперативно-разыскных мероприятий и множества обысков.

Так, по уголовному делу, ранее возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 145.1 УК РФ, для поиска финансовой и трудовой документации было проведено порядка 15—20 обысков, около 5—10 обысков в офисах, связанных с компанией А., руководство которой не выплачивало заработную плату, около 10—15 обысков в жилище лиц, связанных с данной компанией. В ходе расследования данного уголовного дела стало известно, что руководство компании было фиктивным, руководитель был номинальным, ввиду чего в отдельное производство были выделены материалы по совершению преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170.1 УК РФ. В отношении фиктивного директора суд вынес обвинительный приговор, по этому отдельному делу срок составил около двух недель.

Также в ходе расследования указанного уголовного дела по факту невыплаты заработной платы было установлено, что фактически финансовая документация в данной компании не велась, компания была в большей степени фиктивной, то есть работники данной компании фактически выполняли свои трудовые обязанности, часть из них даже имели трудовые договоры, но сама компания была фикцией, бухгалтерия не велась, с компанией был составлен агентский договор, согласно которому денежные средства от оказанных услуг получал агент и проведение бухгалтерских операций ложилось на другую компанию Д., которая согласно заключенному договору была обязана за неимением агентского взноса в размере пяти процентов возвращать полученные денежные средства от оказанных услуг, но этого не происходило.

По этой причине выделены уголовные дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, поскольку компания А. из-за фиктивного руководителя, фактического лишения ее возможности распоряжаться выручкой, оплачивать заработную плату и налоговые обязательства не могла нормально функционировать. Данное уголовное дело было прекращено, а уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ и

ч. 1 ст. 159 УК РФ (по иному факту, установленному в ходе следствия), направлено в суд⁷.

Одновременно как положительный можно привести пример расследования уголовного дела о невыплате заработной платы сотрудникам аптеки Дальнереченского муниципального образования, которая не выдержала современной конкуренции с сетевыми аптеками, и отсутствие клиентов вызвало финансовый кризис и близость к банкротству. В данном уголовном деле весь пакет документов был изъят одной выемкой, в полном объеме за один раз, в течение первых дней с момента возбуждения уголовного дела и был направлен на проведение бухгалтерской экспертизы. В результате уголовное дело удалось прекратить по объективным обстоятельствам невозможности выплаты заработной платы, с полным погашением задолженности учредителем данного образования — местной администрацией⁸.

Таким образом, экспертизы по данной категории дел с точки зрения сроков проведения могут варьироваться от буквально моментальных исполненных до проводимых несколько лет.

Так, положительным примером можно считать документальное исследование, проведенное сотрудниками Управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Приморскому краю с помощью выписки и анализа счета буквально за 4—5 часов в рамках уголовного дела по заработной плате⁹. К сожалению, есть и негативные примеры, когда из-за большого объема исследуемых документов, некачественного ведения бухгалтерии данная экспертиза может проводиться 4—5 месяцев, при этом неоднократно дополнительно осуществляются допросы бухгалтеров и кассиров предприятий для разрешения противоречий в результатах, полученных по итогам анализа кассовых и иных финансовых документов.

Практика показывает, что решающую роль в длительности сроков экспертиз играет коли-

чество исследуемых объектов, а также качество изучаемого бухгалтерского отчета. То есть при наличии качественных анализируемых документов скорость проведения экспертизы значительно увеличивается.

Таким образом, детальное изучение документов по экономическим составам — это не возможность, а необходимость, и только качественное исследование документальных источников может установить конкретные факты и обстоятельства преступного события: цель деяния, способ совершения, ущерб и др.

Работа следователя с документами по делам экономической направленности предполагает качественное изучение не только бухгалтерской отчетности. Так, пристальное внимание нужно уделять:

- документам оперативного учета;
- выявлению организаций, связанных со снабжением изучаемого предприятия и сбытом продукции;
- изучению нормативной базы предприятия, регламентирующей соответствующую сферу деятельности;
- изучению внутренних приказов предприятия на отчетный год учетной политики;
- изучению особенностей отдельных операций, лиц, ответственных за их оформление.

Как показывает следственная практика, наибольшее количество недостатков допускается при изъятии документов и предметов. Нередки случаи, когда нарушается процедура проводимых мероприятий. Кроме того, сотрудниками правоохранительных органов описывается не все изымаемое имущество, неправильно указывается его наименование, ненадлежащим образом производится упаковка изъятых¹⁰.

Детальное изучение вышеуказанного может позволить следователю вскрыть различные упущения и недочеты в деятельности предприятия.

Зачастую существенным обстоятельством, влияющим на длительность срока предварительного расследования, является необходимость в проведении ревизии в рамках возбужденного дела.

Положение ст. 144 УПК РФ предусматривает право органа дознания, дознавателя, следователя и прокурора требовать производства документальных проверок, ревизий при проверке сообщения о преступлении.

⁷ Статистические сведения следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области. Хабаровск, 2022. Ведомственный доступ.

⁸ Статистические сведения СК РФ, решение коллегии следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Приморскому краю «Об итогах работы следственных органов СК РФ за 2022 год и задачах на 2023». Владивосток, 2022. Ведомственный доступ.

⁹ Там же.

¹⁰ Крючкова В.Ф. К вопросу о проблемах организации расследования взяточничества // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 30 ноября 2022 года). М., 2023. С. 41.

При этом в соответствии с п. 3 ст. 144 УПК РФ в случае необходимости проведения документальной проверки или ревизии прокурор по ходатайству следователя, дознавателя вправе продлить срок разрешения сообщения о преступлении до 30 суток.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает право следователя требовать назначения ревизий в ходе расследования преступления. Это дает основание задуматься, возможны ли данные манипуляции в рамках уже возбужденного дела? Является ли срок 30 суток, указанный в п. 3 ст. 144 УПК РФ, предельным сроком для документальной проверки и ревизии?

Авторы согласны с мнением, что данный срок касается исключительно времени разрешения сообщений о преступлении. Дело в том, что ревизия не ограничивается кругом вопросов, имеющих значение исключительно для правильного разрешения заявлений и сообщений о преступлении. Документальная проверка и ревизия включают в том числе исчерпывающие вопросы, представляющие интерес для раскрытия и расследования преступления. Проведение ревизии — средство проверочной деятельности, требующее полного разрешения. Прекращение ревизии в связи с возбуждением уголовного дела в подобных случаях могло бы серьезно сказаться на раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности¹¹.

Собираясь назначить ревизию в рамках возбужденного уголовного дела, следователь должен проанализировать:

- познания каких специалистов будут необходимы для разрешения поставленных задач;
- кого конкретно из сотрудников организации стоит подвергать проверке.

И конечно, для успешного планирования и соблюдения сроков необходимо уточнить у проверяющих срок окончания ревизии.

Если вышеуказанные основания можно отнести к объективным причинам, то последующие имеют субъективный характер:

- неправильное планирование работы следователя;
- неумение расследовать данную категорию дел (неопытность следователя);

- отсутствие контроля работы следователя со стороны руководства следственного отдела.

Обозначенные субъективные причины могут решаться аналогично. То есть если у следователя отсутствует навык планирования, то руководитель отдела может дать ему развернутые указания, вплоть до инструкции по расследованию каждого дела.

Анализ уголовных дел показывает, что ошибки планирования, приводящие к затягиванию процессуальных сроков, типичны — это несвоевременные запросы для получения документов, особенно это касается движения денежных средств, из банков и иных финансовых документов.

Таким образом, причины длительного расследования данной категории дел — объективные и субъективные, и если на первые повлиять почти невозможно, то субъективные проблемы должны решаться правильной организацией работы следователя.

Список литературы

1. Аксенникова А.Б. Процессуальные сроки расследования уголовных дел и причины их нарушения // Актуальные исследования. 2022. № 2 (81). С. 19—21.
2. Багмет А.М. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года): в 2 ч. Ч. 1. М.: Академия СК России, 2014. С. 14—19.
3. Костенко К.А. Процессуальные сроки уголовного судопроизводства: учебно-справочное пособие. Хабаровск: Пятый факультет повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск) Московской академии СК России, 2018. 72 с.
4. Костенко К.А., Костенко Г.Ю. Методология и тактика следственного осмотра: монография. Хабаровск: Пятый факультет повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск) Московской академии СК России, 2017. 197 с.
5. Крючкова В.Ф. К вопросу о проблемах организации расследования взяточничества // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 30 ноября 2022 года). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 37—41.
6. Малофеев И.В. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 217 с.

¹¹ Юрин В.М., Нурушев А.А. Документальная проверка и ревизия по требованию следователя: организация и проведение // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 4 (62). С. 130.

7. Мордвинов А.В. Процессуальные сроки: особенности установления и исчисления при производстве предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2021. 252 с.

8. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. 43 с.

9. Некедова С.Б. Принцип обеспечения права лица на разумный срок уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 261 с.

10. Юрин В.М., Нурушев А.А. Документальная проверка и ревизия по требованию следователя: организация и проведение // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 4 (62). С. 129—131.

References

1. Aksennikova, A.B. (2022) Protsessual'nye sroki rassledovaniya ugovolnykh del i prichiny ikh narusheniya [Procedural deadlines for the investigation of criminal cases and the reasons for their violation]. *Aktual'nye issledovaniya*, no. 2 (81), pp. 19–21. (In Russ.).

2. Bagmet, A.M. (2014) K voprosu o protsessual'noy samostoyatel'nosti sledovatelya na stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela [On the issue of procedural independence of the investigator at the stage of initiation of a criminal case]. In: *Ugolovnyy protsess: ot proshlogo k budushchemu. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moscow, March 21, 2014. Vol. 1*. Moscow, Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, pp. 14–19. (In Russ.).

3. Kostenko, K.A. (2018) Protsessual'nye sroki ugovolnogo sudoproizvodstva [Procedural terms of criminal proceedings]. Khabarovsk, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 72 p. (In Russ.).

4. Kostenko, K.A. & Kostenko, G.Yu. (2017) *Metodologiya i taktika sledstvennogo osmotra* [Methodology and tactics of the investigative examination]. Monograph. Khabarovsk, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 197 p. (In Russ.).

5. Kryuchkova, V.F. (2023) K voprosu o problemakh organizatsii rassledovaniya vzyatochnichstva [On the issue of the problems of organizing a bribery investigation]. In: *Aktual'nye problemy bor'by s korruptsiyey. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Novosibirsk, November 30, 2022*. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, pp. 37–41. (In Russ.).

6. Malofeev, I.V. (2014) Razumnyy srok kak printsip ugovolnogo sudoproizvodstva [Reasonable period as a principle of criminal proceedings]. Ph. D. thesis. Moscow, 217 p. (In Russ.).

7. Mordvinov, A.V. (2021) Protsessual'nye sroki: osobennosti ustanovleniya i ischisleniya pri proizvodstve predvaritel'nogo rassledovaniya [Procedural deadlines: features of the establishment and calculation during the preliminary investigation]. Ph. D. thesis. Izhevsk, 252 p. (In Russ.).

8. Murav'ev, K.V. (2017) Optimizatsiya ugovolnogo protsessa kak formy primeneniya ugovolnogo zakona [Optimization of the criminal process as a form of application of the criminal law]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Omsk, 43 p. (In Russ.).

9. Nekenova, S.B. (2015) Printsip obespecheniya prava litsa na razumnyy srok ugovolnogo sudoproizvodstva [The principle of ensuring the right of a person to a reasonable period of criminal proceedings]. Ph. D. thesis. Volgograd, 261 p. (In Russ.).

10. Yurin, V.M. & Nurushev, A.A. (2008) Dokumental'naya proverka i reviziya po trebovaniyu sledovatelya: organizatsiya i provedenie [The documentary control and revision by the investigator's order: organization and realization]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava*, no. 4 (62), pp. 129–131. (In Russ.).

Информация об авторах

В.Ф. Крючкова — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, полковник юстиции;

Т.В. Осипова — старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции.

Information about the authors

V.F. Kryuchkova – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Khabarovsk branch of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Colonel of Justice;

T.V. Osipova – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Khabarovsk branch of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Colonel of Justice.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 128—136.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 128–136.

УДК 336.02
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.016

NIION: 2015-0065-04/24-267
MOSURED: 77/27-010-2024-04-466

Научная специальность: 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

Роль налоговых инструментов в формировании стабильной экономики России

Ангелина Федоровна Дятлова¹, Людмила Валерьевна Шманева²

^{1, 2}Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹angelina09_63@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1308-1829>

²shmaneva_luda@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие и сущность налоговых инструментов, их значимость в функционировании государственного аппарата, которая проявляется в воздействии на экономическую сферу с помощью контрольных мероприятий. В статье отмечается, что налоговые инструменты позволяют существенно пополнить государственный бюджет, упростить процесс регистрации налогоплательщиков, создать необходимые условия для вывода граждан из теневого сектора экономики, тем самым укрепляя позицию экономики России на современном этапе развития.

Ключевые слова: налоговые инструменты, налоговое регулирование, пополняемость бюджета, механизм регулирования экономических отношений, налоговый мониторинг.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Дятлова А.Ф., Шманева Л.В. Роль налоговых инструментов в формировании стабильной экономики России // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 128—136. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.016.

The role of tax instruments in the formation of a stable Russian economy

Angelina F. Dyatlova¹, Lyudmila V. Shmaneva²

^{1, 2}Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹angelina09_63@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1308-1829>

²shmaneva_luda@mail.ru

Abstract. The article examines the concept and essence of tax instruments, their importance in the functioning of the state apparatus, which manifests itself in the impact on the economic sphere through control measures. The authors note that tax instruments make it possible to significantly replenish the state budget, simplify the registration process for taxpayers, and create the necessary conditions for the withdrawal of citizens from the shadow sector of the economy, thereby strengthening the position of the Russian economy at the present stage of development.

Keywords: tax instruments, tax regulation, budget replenishment, mechanism for regulating economic relations, tax monitoring.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

For citation: Dyatlova, A.F. & Shmaneva, L.V. (2024) The role of tax instruments in the formation of a stable Russian economy. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 128—136. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.016.

В настоящее время экономика страны имеет ряд несовершенств и требует значительных доработок. На данном этапе проблема формирования эффективной бюджетной политики в масштабах всей страны и ее реализации на практике приобретает особую значи-

мость, поскольку стабильность такой большой страны, как Россия, гарантирована только при благополучии всей её территории. Последние реформы показывают стремление правительства к радикальному изменению ситуации в нашей стране. Масштабная программа преобразований в налоговой системе проводится уже более двух лет. Следствием принятых мер уже стало более

© Дятлова А.Ф., Шманева Л.В., 2024

равномерное распределение налоговой нагрузки, положительные изменения структуры поступлений, улучшение администрирования, а также легализация большинства налогоплательщиков. Важнейшим промежуточным результатом стало снижение общей налоговой нагрузки на экономику, что поддерживает экономический рост в России.

По своей сути налоговые инструменты представляют собой установленные законодательством формы и методы налогового регулирования, воздействия на экономическую сферу, контроля, которые в своей совокупности определяют

стратегию налоговой политики государства. Поскольку в настоящих условиях экономическая деятельность в России связана с серьезными финансовыми рисками, то оптимизация налоговой политики и воздействие на экономические отношения через налоговый инструментарий необходимы на федеральном, региональном и местном уровнях государственного и муниципального управления.

На рисунке 1 представлены основные инструменты налогового регулирования, среди которых традиционно выделяют налоговые ставки, льготы, санкции и налоговую базу.

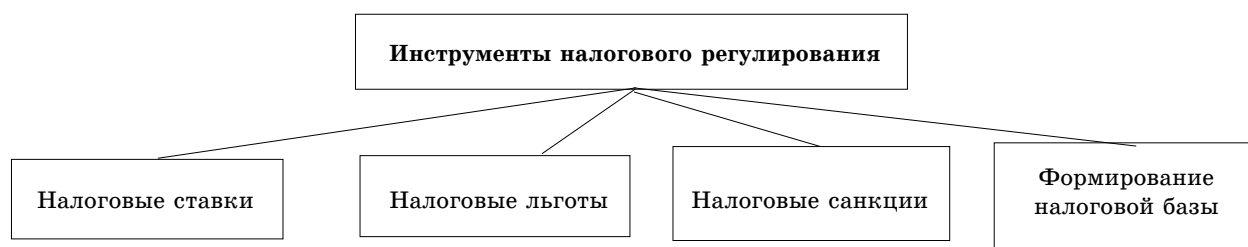

Рис. 1. Налоговые инструменты государства

Помимо перечисленных основных налоговых инструментов в современной экономике имеется и иной инструментарий, который обусловлен развитием экономических отношений и информационно-телекоммуникационных технологий:

- специальные налоговые режимы;
- налоговый мониторинг;
- иные формы налогового контроля (декларирование, налоговые проверки).

Рассмотрим в отдельности инструменты налогового регулирования более подробно.

Налоговые ставки — это важный механизм регулирования экономических отношений. Налоговая ставка представляет собой долю от налоговой базы, которая изымается в пользу государства. В ст. 53 Налогового кодекса Российской Федерации¹ (далее — НК РФ) говорится, что налоговая ставка — это величина начисления налогов на единицу измерения налоговой базы. Исходя из базы налогообложения и установленных налоговых ставок формируются обя-

зательства налогоплательщика по уплате налоговых платежей. Виды ставок представлены на рисунке 2.

Как инструмент воздействия на экономическую безопасность важное значение имеют прогрессивные и регрессивные ставки, поскольку именно они обеспечивают социальную справедливость и рациональное распределение налоговых обязательств среди налогоплательщиков.

Например, в нашей стране долгое время применялась пропорциональная ставка по налогу на доходы физических лиц, но с 2021 года вступили в силу изменения в НК РФ, которые затронули 23 главу. Стоит отметить, что 2021 и 2022 годы были переходными; для нас имеет значение тот факт, что государственные органы приняли решение о взимании большего налога с доходов физических лиц при превышении пороговой суммы, в настоящий момент она установлена в размере 5 млн руб. Так, налогоплательщик, доходы которого не превышают данной суммы, платит налог по привычной ставке, равной 13 %, а при превышении вышеуказанной суммы взимается налог в размере 15 % от доходов, которые превышают 5 млн руб. (рис. 3).

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31, ст. 3824.

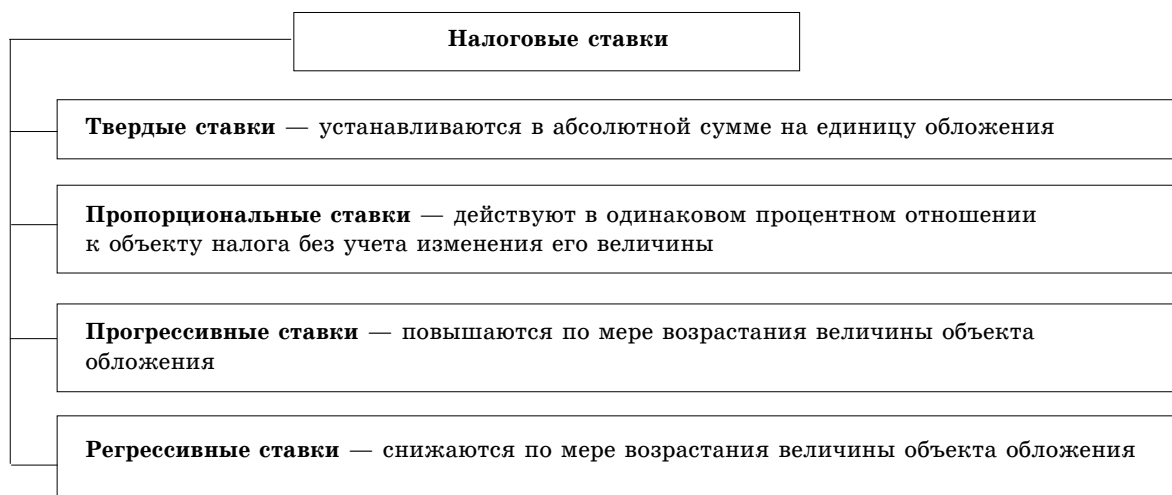

Рис. 2. Виды налоговых ставок

НАЛОГОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В КОНСОЛИДИРОВАННЫЙ БЮДЖЕТ РФ

Рис. 3. Поступление НДФЛ в консолидированный бюджет Российской Федерации в 2019—2023 гг.²

Согласно данным аналитического портала ФНС России, величина собираемого налога на доходы физических лиц увеличивается от года к году и за первые 3 квартала 2023 года составила 5,5 трлн руб., что превышает годовые доходы 2019—2021 годов, когда величина собранного НДФЛ в бюджете страны составляла от 4 до 4,9 трлн руб.; темп роста собираемости налога составил почти 13 %. Можно сделать вывод о том, что частично увеличение поступле-

ний данного налога в бюджет обусловлено введением налога на вклады физических лиц.

Практика прогрессивного налогообложения уже давно применяется в США, Китае, Германии, Франции, Финляндии, Норвегии и мно-

² Аналитический портал ФНС России [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба: офиц. сайт. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2024).

гих других странах. Данная мера позволяет перераспределять ресурсы между социальными слоями общества, поскольку дифференциация населения по уровню доходов представляет серьёзную угрозу не только экономике, но и социально-политической обстановке в обществе. При взимании большего дохода с граждан, которые обладают сверхдоходами, и перераспределении данных средств через государственные субсидии, дотации, пособия и иные формы помощи налоговое бремя перераспределяется в сторону более состоятельных групп граждан, а при условии существования необлагаемого минимума данная мера существенно улучшает положение семей с небольшим уровнем доходов.

Таким образом, использование прогрессивных налоговых ставок позволяет регулировать поступления в бюджеты Российской Федерации, а также изменять уровень доходов населения с учётом благосостояния и семейного положения граждан. Поскольку демографическая ситуация и сокращение трудовых ресурсов тесно связаны между собой, то в настоящий момент существует серьёзная угроза экономической безопасности страны в долгосрочной перспективе³. Налоговые ставки как инструмент налогового регулирования позволяют делать экономику более гибкой и приспособленной к изменениям экономической обстановки, создавать условия для развития общества и реализации государственных программ, то есть оказывать стимулирующий эффект⁴.

Важным налоговым инструментом в руках государства является предоставление налоговых льгот, это связано со стимулированием в приоритетных для государства областях жизнедеятельности (демографические вопросы, переход к экологически более чистому топливу для автомобилей, стимулирование отдельных отраслей производства, предоставление льготных условий для малого и среднего бизнеса, а также предоставление отсрочек от уплаты налога).

В качестве примеров могут выступать льготы для владельцев электроавтомобилей (в Москве это полное освобождение от транспортного

налога в соответствии с Законом г. Москвы от 09.07.2008 № 33 «О транспортном налоге»⁵), льготы для отдельных категорий налогоплательщиков (Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации, Герои Социалистического Труда и т. д.), вычеты на детей по налогу на доходы физических лиц, предоставление льгот по налогу на имущество физических лиц пенсионерам, инвалидам, ветеранам и другим группам граждан⁶. Согласно ст. 218 НК РФ родители имеют право на вычет из налогооблагаемой базы НДФЛ в размере 1400 руб. на первого и второго ребёнка и 3000 руб. на последующих детей. В случае, если ребёнок является инвалидом 1 или 2 группы, сумма вычета будет увеличена до 6000 руб. (для опекунов и попечителей) или 12 000 руб. (для родителей и усыновителей). Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию в 2024 году⁷ в очередной раз указывает на важность данного механизма, поскольку глава государства неоднократно затрагивал вопросы увеличения налоговых льгот для отдельных категорий граждан.

Посредством налоговых льгот государство реализует социальную политику, с помощью налоговых льгот могут привлекаться средства на научно-технические исследования, например в федеральной территории «Сириус», а также создаются условия для привлечения иностранного капитала или предоставляются льготные условия для субъектов малого и среднего бизнеса, представителей IT-сферы. К льготному налогообложению можно также отнести взимание налогов с групп консолидированных налогоплательщиков, что позволяет отдельным отраслям сглаживать серьёзные риски покрытия убытков за счёт совместного формирования налогооблагаемой базы, что крайне важно для обеспечения устойчивости и стабильности работы топливно-энергетического сектора Российской Федерации.

⁵ Закон города Москвы от 09.07.2008 № 33 «О транспортном налоге» [Электронный ресурс] // Департамент экономической политики и развития города Москвы: офиц. сайт. URL: <https://www.mos.ru/depr/documents/view/235486220> (дата обращения: 30.08.2024).

⁶ См.: Кому положены налоговые льготы и как их получить [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба: офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn19/news/activities_fts/13982808/ (дата обращения: 30.08.2024).

⁷ Послание Президента Федеральному Собранию. 29 февраля 2024 года [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 15.09.2024).

³ Минаков А.В., Иванова Л.Н. Оценка угроз в демографической сфере и их влияние на экономическую безопасность страны // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 7. С. 53.

⁴ См.: Батайкин П.А., Зарезнов Д.А. Специальные налоговые режимы как инструменты государственного регулирования и механизмы стимулирования экономического развития // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 4. С. 16—21.

Актуален вопрос развития области информационных технологий. В Российской Федерации применяется нулевая ставка по налогу на прибыль организаций, которые соответствуют ряду требований (например, доля доходов в IT-сфере не менее 70 %), а также предоставляется возможность уплаты уменьшенных страховых взносов на сотрудников, что является важным стимулирующим фактором развития данной отрасли. В условиях дефицита рабочей силы и необходимости формирования современной цифровой экономики данная деятельность имеет ключевое значение для обеспечения стабильного и значительного экономического роста, поскольку именно IT-сфера в данный момент приносит наиболее высокие доходы от вложенного капитала, как частным лицам, так и государственному сектору.

Специальные налоговые режимы могут рассматриваться одновременно и как применение пониженных налоговых ставок, и как предоставление налоговых льгот. Это обусловлено тем, что применение упрощенной системы налогообложения, единого сельскохозяйственного налога, патентной системы налогообложения позволяет не платить ряд таких налогов, как налог на прибыль, налог на доходы физических лиц, налог на добавленную стоимость, налог на имущество организаций и т. д. Таким образом осуществляется поддержка низкорентабельных отраслей (сельское хозяйство), решается проблема формирования среднего бизнеса, на который приходится львиная доля производства товаров, выполнения работ и оказания услуг.

Перечисленные мероприятия в области предоставления льгот показывают, что регулирующая и стимулирующая роль налоговых инструментов играет огромное значение для экономики России, а также имеет большой потенциал в развитии отечественного предпринимательства.

Без применения мер ответственности за нарушение действующего законодательства система нормативного правового регулирования не имеет смысла, поэтому невозможно не сказать о таком виде налогового инструментария, как налоговые санкции. С одной стороны, санкции играют превентивную роль, поскольку налогоплательщик знает, что при неисполнении обязанностей он будет привлечён к ответственности в соответствии с действующим законодательством, с другой стороны, это дополнительная мера по привлечению средств в государственный бюджет.

Хоть санкции не оказывают прямого влияния на эффективность хозяйствующих субъектов, но благодаря мерам ответственности возникает возможность поддерживать конкуренцию и законность в экономических взаимоотношениях не только между налогоплательщиком и государством, но и между хозяйствующими субъектами. Наличие санкций необходимо, чтобы органы исполнительной власти, в частности Федеральная налоговая служба, могли принимать необходимые меры в отношении правонарушителей, что положительно влияет на экономическую безопасность страны, поскольку дополнительные начисления штрафов, пеней и неустоек увеличивают доходы бюджета, что подтверждается последними громкими делами в отношении медийных личностей, благодаря которым в бюджет возвращаются сотни миллионов рублей (рисунок 4).

Согласно данным, представленным на официальном сайте Счётной палаты Российской Федерации, в результате проверочных мероприятий и доначисления налогов, сборов, включая пени и штрафы, в 2019 году в бюджет поступило более 340 млрд руб., в 2021 году более 330 млрд руб., а за первое полугодие 2022 года сумма доначислений и штрафов составила 212,3 млрд руб., что, несомненно, благоприятно влияет на бюджетные отношения, обеспечивает необходимыми средствами государственный аппарат, снижает фактический дефицит государственного бюджета.

Система формирования налоговой базы — это объёмный вопрос, который подробно описан в отношении каждого налога в НК РФ. Например, для доходов физических лиц в виде процентов по вкладам существует необлагаемый минимум в размере одного миллиона рублей, умноженного на максимальную ставку Центрального банка Российской Федерации на первое число каждого месяца (ст. 214.2 НК РФ), который не только позволяет населению с незначительными накоплениями получать доходы и не беспокоиться о дополнительных налоговых платежах, но и формирует справедливую систему налогообложения, когда более состоятельные налогоплательщики участвуют в большей степени в формировании доходной части бюджета. Очевидно, что формирование налогооблагаемой базы — это инструмент, который способен обезопасить наименее защищённые слои граждан (безработные, пенсионеры, инвалиды и т. д.).

Рис. 4. Размер доначислений по результатам работы ФНС России в 2019—2022 гг.⁸

Современным методом налогового контроля является такой налоговый инструмент, как налоговый мониторинг. Налоговый мониторинг заменяет привычные проверочные мероприятия, поскольку предоставляет налоговой службе удалённый доступ к электронной системе налогового и бухгалтерского учёта налогоплательщика. Данный инструмент позволяет в режиме онлайн оперативно согласовывать мнение налогоплательщика и налоговых органов по поводу интересующих их операций.

Рассматриваемый инструмент делает систему налогового учёта более прозрачной, минимизирует налоговые риски, исключает возможность непреднамеренных нарушений со стороны налогоплательщика, а у налоговых органов появляется уверенность в законности намерений хозяйствующего субъекта.

Налоговый мониторинг — это формат более плотного информационного контакта налогоплательщика и государственных органов, позволяющий качественно улучшить процесс контроля и надзора за состоянием законности в налоговой сфере. Кроме того, данные мероприятия позволяют исключить необходимость проведения сплошных проверок и перейти к более современной форме налогового контроля, что су-

щественно снижает затраты на налоговое администрирование и оптимизирует государственные расходы.

С помощью налогового мониторинга осуществляется контроль за поступлением средств в бюджет по видам налогов. Помимо выгоды для государственных органов налоговый мониторинг удобен и для самого налогоплательщика, поскольку проведение выездных налоговых проверок за период, в который проводился налоговый мониторинг, не осуществляется (за исключением случаев, предусмотренных законодательством). А в случае выявления нарушений налогоплательщику выносится мотивированное постановление, которое позволяет без дополнительных санкций и доначислений исправить нарушения в области налогообложения.

⁸ Батуркин А. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ организации и осуществления выездных налоговых проверок, взыскания доначисленных сумм в 2019—2021 годах и истекшем периоде 2022 года»: утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 6 декабря 2022 г. // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2023. № 2 (303). Налоговые проверки. С. 10. URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-2-2023> (дата обращения: 05.04.2024).

Финансовые ресурсы необходимы для реализации государственных проектов, национальных программ и обеспечения деятельности

государственных органов. Доля налоговых поступлений в доходной части бюджета играет важную роль (рисунок 5).

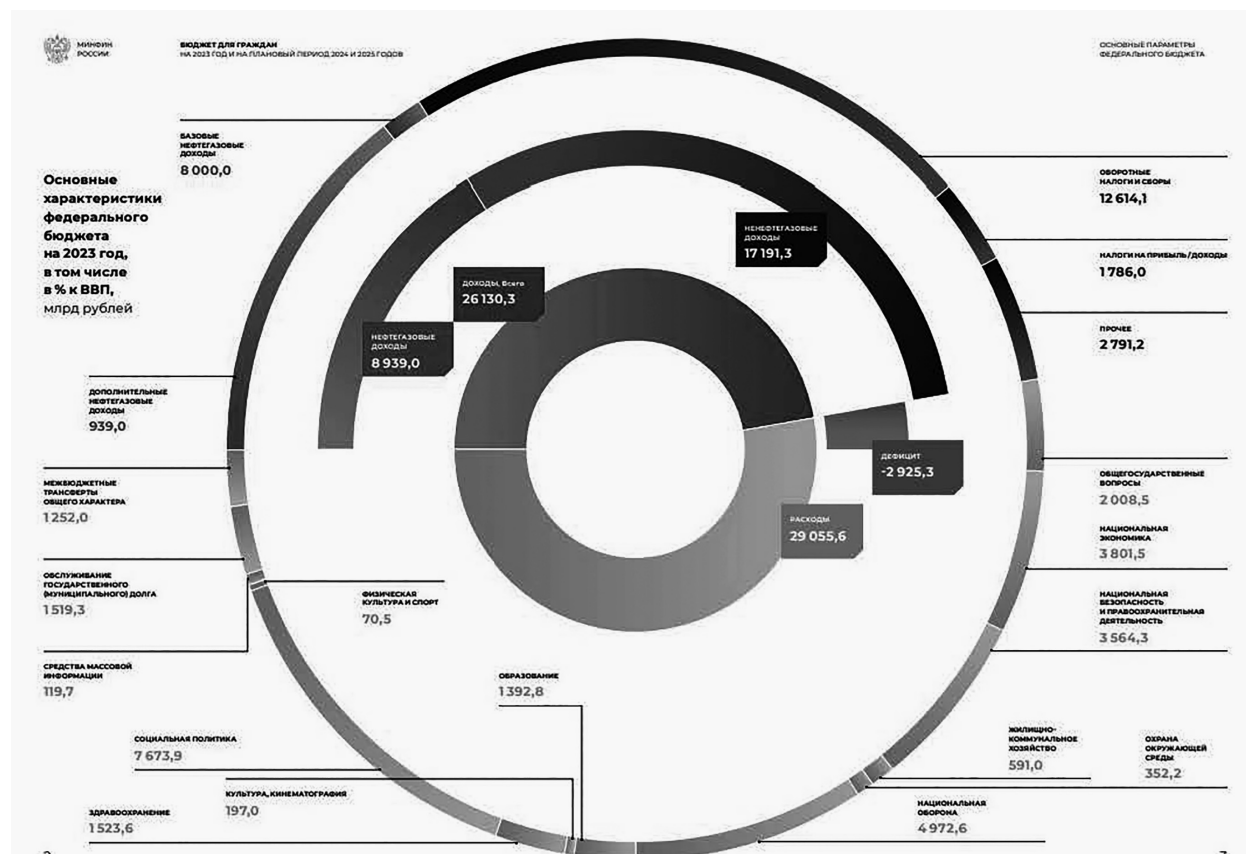

Рис. 5. Основные характеристики бюджета Российской Федерации за 2023 год⁹

Из представленных на рисунке 5 данных видим, что в структуре совокупных доходов федерального бюджета, составивших 26 130,3 млрд руб., значительную роль играют налог на прибыль (1786 млрд руб.) и оборотные налоги и сборы (12 614,1 млрд руб.), сумма которых составляет более 14 000 млрд руб. Таким образом, можно сделать вывод, что доля налоговых поступлений составила 55,11 %, что говорит об абсолютном преимуществе по отношению к другим видам доходов.

Следует подчеркнуть, что одной из внутренних функций государственного аппарата является регулирование экономики, включающее использование налоговых инструментов, таких как налоговые ставки, налоговые льготы, изменение налоговой базы, налоговые санкции, специальные налоговые режимы и налоговый мониторинг.

Теснее всего с фискальной функцией налога связана его распределительная функция, которая выражает суть налога как инструмента распределительных отношений. Благодаря налогам через внебюджетный и бюджетный фонд государство может перераспределять финансовые ресурсы из производственной в социальную сферу (от богатых — к бедным, от работающих — к неработающим), осуществлять финансирование крупных межотраслевых и социальных целевых программ, которые имеют общегосударственное значение. Именно поэтому данную функцию иногда называют социальной.

⁹ Бюджет для граждан к Федеральному закону о федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов [Электронный ресурс] // Министерство финансов Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/12/main/final.pdf> (дата обращения: 20.11.2023).

В целом налоги являются инструментом оказания влияния на воспроизводство, стимулируя или замедляя его темпы, платежеспособный спрос, накопление капитала, НТП и т. д. В этой связи свое значение здесь проявляет стимулирующая функция налогов. Данная функция позволяет государству стимулировать технический прогресс в стране. Ее практическая реализация осуществляется через систему налоговых ставок и льгот, налоговых вычетов, налоговых кредитов, финансовых санкций и налоговых преференций. Так государство, оперируя этими инструментами, вынуждает хозяйствующие субъекты действовать в том направлении, которое выгодно ему. Ко всему прочему, снижение налоговой нагрузки для малых и средних экономических субъектов при переходе на упрощенную систему налогообложения и налогообложение в виде единого сельскохозяйственного налога стимулирует развитие предприятий. Льготы, которые предоставляются работодателям по уплате социального налога, стимулируют их к трудоустройству инвалидов. Людям, которые занимаются благотворительной деятельностью, позволяется использовать налоговые вычеты по налогу на физических лиц и т. д.

Важной функцией налогов является также регулирующая¹⁰. Используя все возможности налогового регулирования, можно существенно стимулировать или сдерживать различные отрасли или регионы. Это могут быть изменение налоговой ставки, предоставление налоговых льгот или иные меры налогового администрирования. Во многом регулирующая функция заключается в перераспределении ресурсов, а также регулировании процессов потребления, производства или накопления.

Таким образом, налоги осуществляют четыре базовые функции, основная из них — фискальная, она обеспечивает мобилизацию и формирование финансовых ресурсов государства. Три другие функции (регулирующая, распределительная, контролирующая) являются производными от первой. Они перераспределяют общественные доходы и отслеживают регулярность поступления платежей в казну государства.

Существующие инструменты позволяют регулировать экономическую обстановку, учитывая тенденции развития общества и экономики. Гибкость и чёткость работы налогового ин-

струментария — залог успешного формирования доходной части бюджета с учётом возможностей каждого налогоплательщика. Предметом нашего дальнейшего рассмотрения должно стать воздействие налогового инструментария на состояние экономической безопасности страны.

Список литературы

1. Батайкин П.А., Зарезнов Д.А. Специальные налоговые режимы как инструменты государственного регулирования и механизмы стимулирования экономического развития // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 4. С. 16—21.
2. Батуркин А. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ организации и осуществления выездных налоговых проверок, взыскания доначисленных сумм в 2019—2021 годах и истекшем периоде 2022 года»: утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 6 декабря 2022 г. // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2023. № 2 (303). Налоговые проверки. С. 6—46. URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-2-2023> (дата обращения: 05.04.2024).
3. Минаков А.В., Иванова Л.Н. Оценка угроз в демографической сфере и их влияние на экономическую безопасность страны // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 7. С. 52—60.
4. Орлова М.Е., Галимарданова Ю.М. Налоговые инструменты обеспечения социальной безопасности // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 105—109.

References

1. Bataykin, P.A. & Zareznov, D.A. (2022) Spetsial'nye nalogovye rezhimy kak instrumenty gosudarstvennogo regulirovaniya i mekhanizmy stimulirovaniya ekonomicheskogo razvitiya [Special tax regimes as instruments of state regulation and mechanisms for stimulating economic development]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, no. 4, pp. 16–21. (In Russ.).
2. Baturkin, A. (2023) Otchet o rezul'tatakh ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya "Analiz organizatsii i osushchestvleniya vyezdnykh nalogovykh proverok, vzyiskaniya donachislennykh summ v 2019–2021 godakh i istekshem periode 2022 goda" [Report on the results of the expert-analytical event "Analysis of the organization and implementation of on-site tax audits, collection of additional amounts in 2019–2021 and the

¹⁰ См.: Орлова М.Е., Галимарданова Ю.М. Налоговые инструменты обеспечения социальной безопасности // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 105—109.

expired period of 2022”]. *Byulleten’ Schetnoy palaty RF*, no. 2 (303), pp. 6–46. URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-2-2023> (accessed April 5, 2024). (In Russ.).

3. Minakov, A.V. & Ivanova, L.N. (2021) Otsenka ugroz v demograficheskoy sfere i ikh vliyanie na ekonomicheskuyu bezopasnost’ strany [Assessment of demographic threats and their impact

on the country’s economic security]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, no. 7, pp. 52–60. (In Russ.).

4. Orlova, M.E. & Galimardanova, Yu.M. (2023) Nalogovye instrumenty obespecheniya sotsial’noy bezopasnosti [Tax instruments for ensuring social security]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, no. 4, pp. 105–109. (In Russ.).

Информация об авторах

А.Ф. Дятлова — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

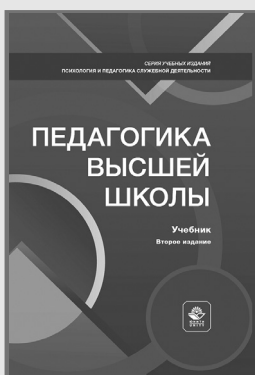
Л.В. Шманева — заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по заочному обучению, доктор экономических наук, кандидат философских наук, доцент, полковник полиции.

Information about the authors

A.F. Dyatlova – Professor of the Department of Economics and Accounting of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor;

L.V. Shmaneva – Deputy Head of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia for correspondence course, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Police Colonel.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Педагогика высшей школы: учебник для студентов педагогических вузов / под науч. ред. А.В. Мудрика; под общ. ред. М.Т. Громковой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. — 479 с.

ISBN 978-5-238-03929-9

Рассматриваются инновационные модели современного образования, адаптированные к моделям деятельности, синергетическим принципам самоорганизации социальных систем. Методология образовательной деятельности представлена на основе системного подхода, модульных технологий, позволяющих обеспечить компетенции как результат образования.

Учебник состоит из четырех разделов: «Теоретические основы педагогики», «Педагогика высшего образования», «Технология профессионально ориентированного обучения в высшей школе» и «Инновационная парадигма профессиональной деятельности».

Для преподавателей системы дополнительного профессионального образования, вузов, колледжей, а также студентов, аспирантов и всех, кто интересуется проблемами педагогики профессиональной деятельности.

Региональные аспекты развития электронных государственных услуг

Андрей Владимирович Минаков¹, Нодари Дарчоевич Эриашвили²

¹, ²Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹minakov-info@yandex.ru

²office@unity-dana.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования заключается в том, что обеспечение доступности и качества государственных услуг является ключевым фактором повышения уровня жизни граждан. Внедрение цифровых технологий в государственном управлении способствует оптимизации и упрощению взаимодействия между государством и обществом, создавая более удобные и эффективные механизмы предоставления государственных услуг. Особое значение в этом контексте приобретают региональные органы власти, поскольку именно на региональном уровне предоставляется большая часть госуслуг.

Цель исследования — изучение региональных аспектов развития электронных государственных услуг. Были исследованы показатели реализации национального проекта «Цифровое государственное управление» в Республике Дагестан, проведено сравнение показателей использования портала государственных услуг в Дагестане с другими регионами Северо-Кавказского федерального округа — Ингушетией и Кабардино-Балкарией. Сделаны выводы, что в Дагестане ежегодно растет количество заявлений, поданных через портал государственных услуг, а также количество доступных в электронном виде услуг. Негативными тенденциями являются снижение доли населения, пользующегося электронными государственными услугами, в общей численности населения и более низкий уровень использования портала государственных услуг населением Дагестана по сравнению с другими регионами Северо-Кавказского федерального округа. В настоящее время для повышения уровня цифровизации государственных услуг в регионе в первую очередь необходимо развивать ИКТ-инфраструктуру и работать с населением в части популяризации электронных государственных и муниципальных услуг.

Ключевые слова: государственные услуги, Интернет, региональное развитие, цифровизация, электронное правительство.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Минаков А.В., Эриашвили Н.Д. Региональные аспекты развития электронных государственных услуг // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 137—145. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.017.

Regional aspects of development of electronic state services

Andrey V. Minakov¹, Nodari D. Eriashvili²

¹, ²Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹minakov-info@yandex.ru

²office@unity-dana.ru

Abstract. The relevance of the research topic is that ensuring the availability and quality of public services is a key factor in improving the standard of living of citizens. The introduction of digital technologies in public administration helps to optimize and simplify interactions between the state and society, creating more convenient and effective mechanisms for the provision of public services. Regional authorities are of particular importance in this context, since it is at the regional level that most public services are provided.

The purpose of the study is to study the regional aspects of the development of electronic public services. The indicators of the implementation of the national project “Digital Public Administration” in the Republic of Dagestan were studied, a comparison of the indicators of using the public services portal in Dagestan with other regions of the North Caucasian Federal District — Ingushetia and Kabardino-Balkaria was made. Conclusions were made that in Dagestan the number of applications submitted through the public services portal, as well as the number of public services available in electronic form, is growing annually. Negative trends include a decrease in the share of the population using electronic government services in the total population and a lower level of use of the government services portal by the population

of Dagestan compared to other regions of the North Caucasus Federal District. At present, in order to increase the level of digitalization of government services in the region, it is primarily necessary to develop the ICT infrastructure and work with the population in terms of popularizing electronic government services.

Keywords: government services, Internet, regional development, digitalization, e-government.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

For citation: Minakov, A.V. & Eriashvili, N.D. (2024) Regional aspects of development of electronic state services. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 137 – 145. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.017.

Введение

Современное публичное администрирование предполагает развитие цифровых технологий для улучшения исполнения функций органов публичной власти, повышения эффективности и прозрачности деятельности этих органов. Подобная цифровая трансформация становится ключевым фактором для удовлетворения потребностей и ожиданий современного общества. Переход к предоставлению гражданам услуг в электронном виде представляет собой международный тренд. В России сегодня формируется новая парадигма взаимодействия государства и граждан, где электронное предоставление государственных услуг воспринимается не просто как удобный формат, а как востребованная и необходимая составляющая современного общества.

Эффективная система электронного публичного администрирования и управления требует комплексного подхода, который охватывает развитие необходимой инфраструктуры и сервисов на региональном уровне и активную работу с населением для повышения его цифрового потенциала и доверия к цифровому правительству.

В регионах России неравномерно развивается цифровая инфраструктура и электронные государственные и муниципальные услуги, что обусловлено различными факторами, в том числе ограниченными материальными и финансовыми ресурсами, а также географической удаленностью отдельных субъектов Федерации. При этом организация предоставления таких услуг в настоящее время основывается на работе сайтов и специализированного портала «Государственные услуги», а также сети многофункциональных центров (МФЦ), которые подключают пользователей к portalу, выполняют роль посредников между органами публичной власти, выполняющими услуги, и пользователями, если необходимо физическое присутствие, документальное подтверждение, получение или выдача документов в бумажной форме. МФЦ работают по принципу «единого окна», и в настоящее время прием заявок на услуги и завер-

шение тех услуг, которые нельзя оказать только в электронной форме, преимущественно переводится в них (кроме отдельных, которые оказывают органы МВД, Социального фонда, ФНС России и некоторые другие).

Перед региональными органами власти, ответственными за развитие электронных государственных и муниципальных услуг, стоят задачи по обеспечению равного доступа к качественному интернету, преодолению «цифрового неравенства» среди различных социальных групп, защите персональных данных от киберугроз, а также постоянному повышению качества предоставляемых электронных услуг. Каждый регион стремится к росту объемов государственных и муниципальных услуг, оказываемых в электронной форме, с учетом важности ускорения процессов оказания услуг, их автоматизации и экономии ресурсов государственной и муниципальной службы на выполнение этих функций.

Многими отечественными авторами рассматриваются вопросы развития электронных госуслуг, в их числе А.В. Чащин, А.И. Кустов, В.В. Косич, А.С. Чаленко, В.Г. Агибалова, Р.М. Магомедов и др. Однако нет актуальных исследований проблем и перспектив развития электронных госуслуг в отдельных российских регионах, которые будут раскрыты в данной статье.

Цель исследования состоит в изучении региональных аспектов развития электронных государственных услуг. Для достижения поставленной цели исследования требуется выполнить следующие задачи: изучить теоретические аспекты цифровой трансформации государственных и муниципальных услуг, провести анализ развития электронных государственных и муниципальных услуг в Республике Дагестан за последние годы, выявить проблемы и предложить пути их решения. В статье были использованы общенаучные и специальные научные методы исследования. Были проанализированы показатели, характеризующие развитие электронного правительства в Республике Дагестан за 2021—2023 гг., представленные на офици-

альных сайтах Федеральной службы государственной статистики и Счетной палаты Республики Дагестан.

Результаты исследования

Доступность государственных услуг для граждан сегодня обеспечивается многоканальной системой взаимодействия, включающей непосредственное обращение в органы власти, посещение многофункциональных центров и использование электронного портала «Государственные услуги», что позволяет гражданам выбирать наиболее удобный для себя способ получения необходимых услуг¹.

Электронные государственные услуги оказываются через современные цифровые платформы, позволяющие гражданам получать доступ к необходимой информации и выполнять различные административные процедуры в онлайн-режиме, без необходимости посещения физических офисов государственных учреждений².

Внедрение электронных государственных и муниципальных услуг оказывает позитивное влияние на экономическое развитие страны за счет ускорения процессов оказания услуг органами публичной власти, повышения доступности этих услуг, сокращения затрат на обслуживание. Цифровая трансформация государственных и муниципальных услуг также способствует минимизации коррупционных рисков³.

Применение государственных услуг, предоставляемых в электронном виде, несмотря на явные преимущества, имеет ряд недостатков. К ним относятся ограниченная доступность для людей, не имеющих доступа к сети Интернет (в сельской местности, в отдаленных от центра страны регионах), сложности с подтверждением

личности пользователя, риск пострадать от действий киберпреступников и др.⁴

Рассмотрим институциональные основы формирования и развития электронных государственных услуг в России. Процесс внедрения электронных государственных услуг в России начался с принятия государственной программы «Информационное общество (2011—2020 годы)»⁵ и федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002—2010 годы)»⁶. В Указе Президента РФ «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года» цифровая трансформация была обозначена как одна из ключевых национальных целей⁷. Достижение этой цели предполагало, в частности, ускоренную цифровизацию государственных услуг. Для реализации этой национальной цели был разработан и в настоящее время реализуется нацпроект «Цифровая экономика»⁸.

В Стратегии развития информационного общества в России подчеркивается необходимость цифровизации публичного управления, одной из ключевых составляющих этого процесса является развитие и совершенствование Единого портала государственных и муниципальных услуг (gosuslugi.ru)⁹.

Развитие электронных государственных и муниципальных услуг направлено на комплексное совершенствование и расширение сферы электронного взаимодействия общества с государственными органами. Это включает в себя

¹ Чачин А.В., Кустов А.И. Инструменты продвижения государственных и муниципальных услуг в системе управления регионом // Актуальные вопросы устойчивого развития государства, общества и экономики: сборник научных статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2023. С. 275—279.

² Косич В.В. Современное состояние и перспективы развития электронных государственных услуг в Российской Федерации // Актуальные вопросы современной науки: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции (Пенза, 10 июня 2024 г.). Пенза, 2024. С. 13—15.

³ Чаленко А.С., Агибалова В.Г. Современное состояние цифровизации государственных и муниципальных услуг // Информационные технологии в решении задач инновационного развития: сборник статей международной научной конференции (Сыктывкар, декабрь 2023 г.). СПб, 2023. С. 23—25.

⁴ Магомедов Р.М. Анализ электронных государственных услуг и их влияния на экономику // Бизнес. Общественное. Право. 2023. № 4. С. 66.

⁵ Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» от 15 апреля 2014 г. № 313 (ред. от 23.05.2024). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

⁶ Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002—2010 годы)» от 28 января 2002 г. № 65 (ред. от 09.06.2010). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

⁷ Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2024). (Утратил силу в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309.)

⁸ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

⁹ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

перевод максимально возможного количества государственных услуг в электронную форму, увеличение доли услуг, оказываемых в электронном виде, а также повышение их качества.

В сфере предоставления электронных государственных и муниципальных услуг в России наблюдаются существенные региональные диспропорции. Причины этих различий включают в себя разницу в уровне развития цифровой инфраструктуры, различия в менталитете населения и др. Отставание регионов-аутсайдеров оказывает негативное влияние на общий цифровой рейтинг страны¹⁰.

Можно провести анализ развития электронных государственных услуг в Республике Дагестан. Министерство цифрового развития Дагестана совместно с органами исполнительной власти и местного самоуправления региона актив-

но работают над переводом государственных и муниципальных услуг в электронный формат, используя портал госуслуг. За первое полугодие 2024 года количество заявлений, поданных через портал, превысило 5,2 миллиона, что значительно выше показателей за весь 2023 год (4,5 миллиона заявлений) и 2022 год (3,3 миллиона заявлений). Такая динамика свидетельствует о значительном росте популярности электронных сервисов среди жителей республики¹¹. Далее следует рассмотреть динамику отдельных целевых показателей регионального проекта «Цифровое государственное управление» в Республике Дагестан. Все представленные на рисунке показатели в 2023 г. были выше аналогичных показателей за 2021 г. В 2021 г. и 2023 г. все запланированные показатели были достигнуты (рис. 1).

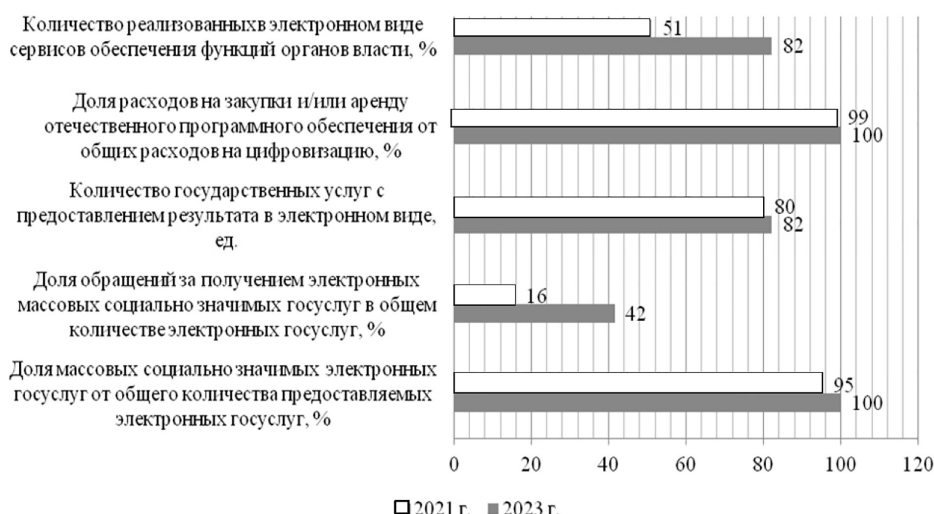

Рис. 1. Анализ выполнения целевых показателей регионального проекта «Цифровое государственное управление» в Республике Дагестан¹²

Сравним показатели, характеризующие развитие электронных государственных и муниципальных услуг в Дагестане, с двумя другими регионами Северо-Кавказского федерального округа — Республикой Ингушетия и Кабардино-Балкарской Республикой.

Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, в общей численности населения в Дагестане ниже, чем в Ингушетии и Кабардино-Балкарской Республике. В Дагестане показатель снижался в 2022 г. и рос в 2023 г. (рис. 2).

¹⁰ Яшин С.Н., Борисов С.А., Кулагова И.А. Региональные особенности реализации процесса цифровизации экономики в Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 2. С. 115.

¹¹ Дагестанцы стали чаще пользоваться электронными госуслугами [Электронный ресурс] // Информационный портал РИА «Дагестан». URL: https://riadagestan.ru/news/the_government_of_the/dagestanstsy_stali_chashche

polzovatsya_elektronnymi_gosuslugami (дата обращения: 10.09.2024).

¹² Мониторинг реализации национальных (региональных) проектов в Республике Дагестан [Электронный ресурс] // Счетная палата Республики Дагестан: офиц. сайт. URL: <https://spdag.ru/monitold> (дата обращения: 15.09.2024).

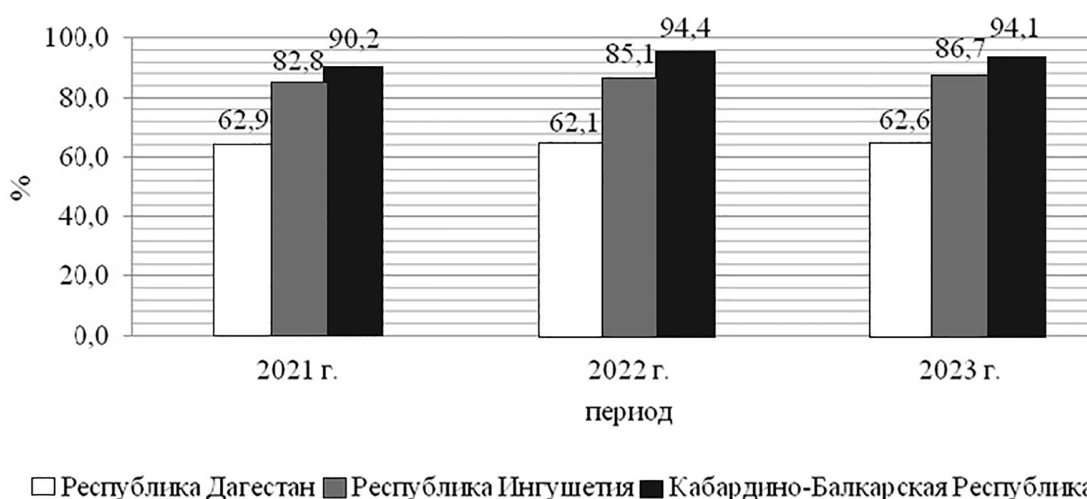

Рис. 2. Динамика доли населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, в общей численности населения, %¹³

В Дагестане городские жители по сравнению с сельскими более активно используют сеть Интернет для получения госуслуг¹⁴.

Доля населения, зарегистрированного на портале государственных и муниципальных

услуг, в Ингушетии и Кабардино-Балкарской Республике выше, чем в Дагестане. За 2021—2023 гг. показатель в Дагестане и Ингушетии снизился (рис. 3).

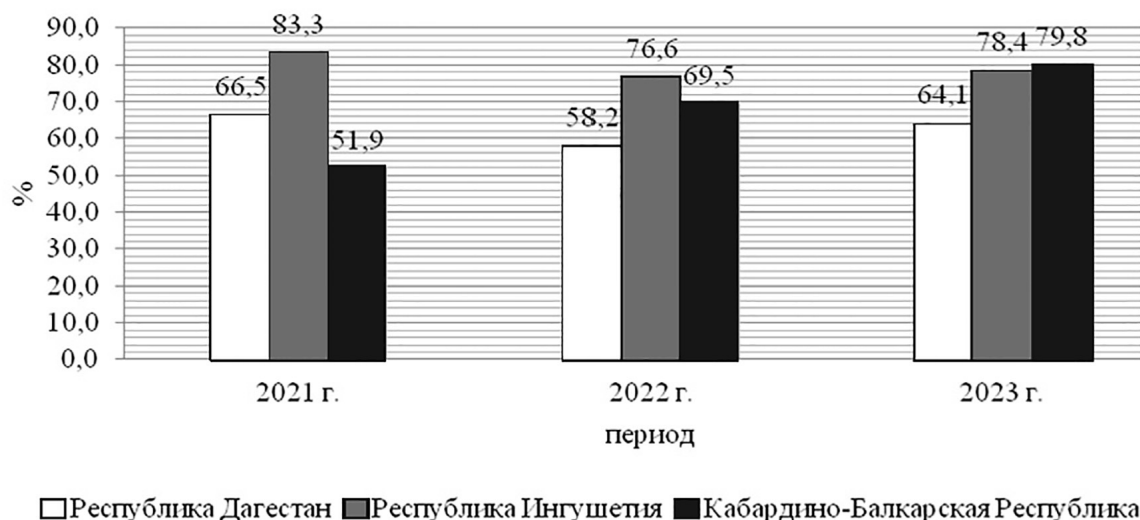

Рис. 3. Динамика доли населения, зарегистрированного на портале государственных и муниципальных услуг, %

¹³ Здесь и далее все диаграммы составлены по данным: Информационное общество [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁴ Там же.

Доля населения, имеющего личную электронную подпись, в Ингушетии и Кабардино-Балкарской Республике в 2023 г. была выше,

чем в Дагестане. За 2021—2023 гг. показатель снизился в Дагестане, вырос в других регионах (рис. 4).

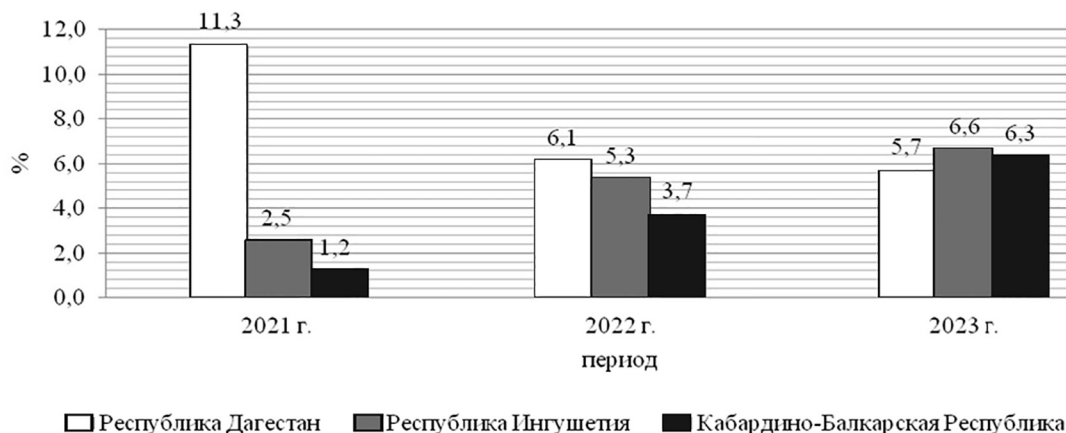

Рис. 4. Динамика доли населения, имеющего личную электронную подпись, %

В Дагестане наиболее популярными электронными госуслугами являются отправка заявлений и других документов через интернет и

получение информации, а в Ингушетии и Кабардино-Балкарии — получение информации и осуществление обязательных платежей (рис. 5).

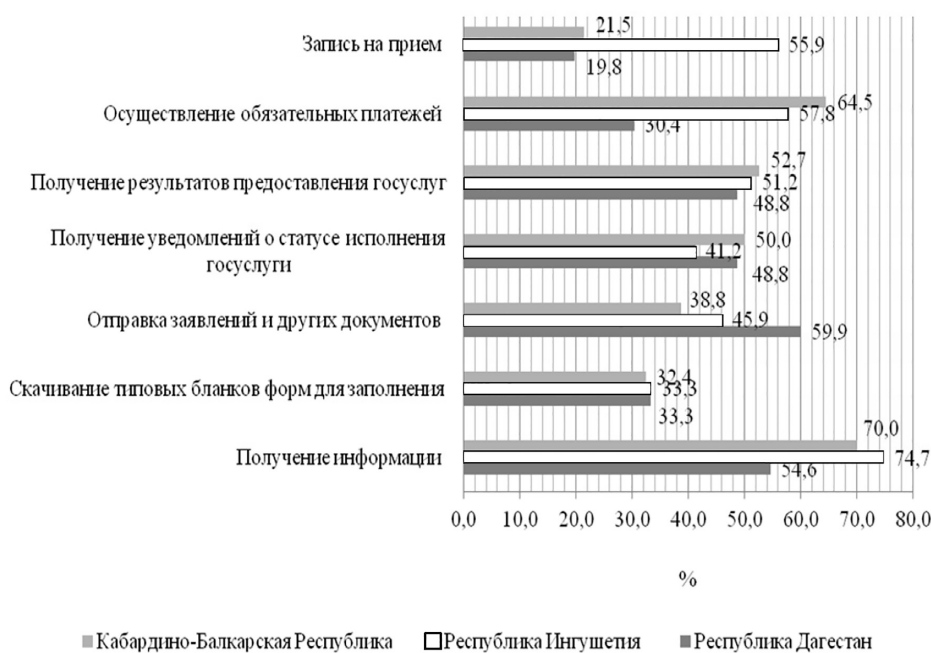

Рис. 5. Анализ получения электронных государственных и муниципальных услуг по видам действий в 2023 г., %

Популярными услугами в данных регионах являются также запись на прием, получение уведомлений и результатов предоставления госуслуг.

Уровень удовлетворенности населения качеством предоставляемых электронных госуслуг за 2021—2023 гг. вырос во всех рассматриваемых регионах (рис. 6).

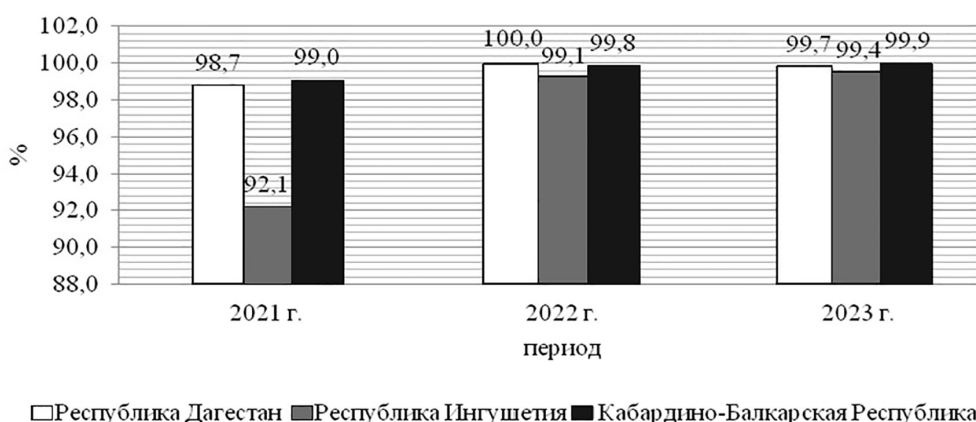

Рис. 6. Динамика доли населения, удовлетворенного качеством предоставляемых электронных государственных и муниципальных услуг, %

Согласно данным статистики, доля населения, столкнувшаяся с проблемами при получении государственных и муниципальных услуг, в 2023 г.

в Дагестане была ниже, чем в Ингушетии, но выше, чем в Кабардино-Балкарии, однако остается достаточно высокой — выше 30 % (рис. 7).

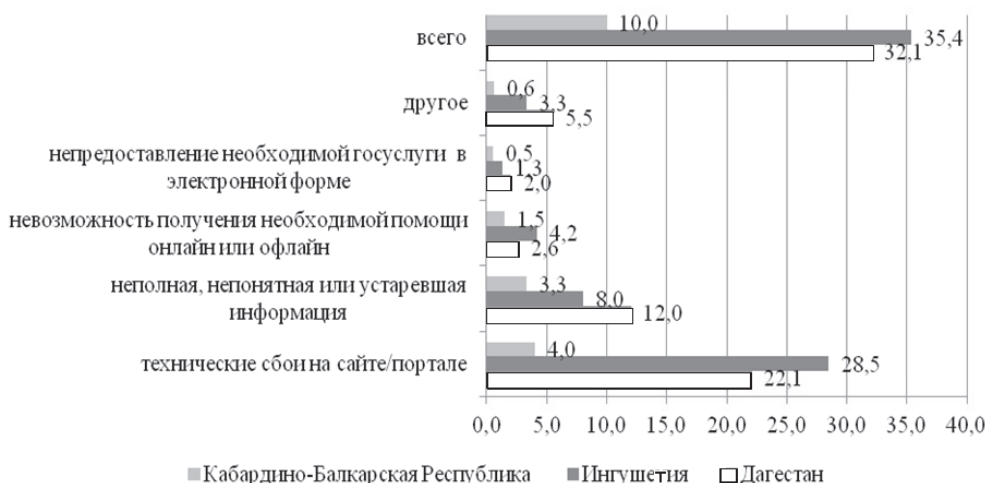

Рис. 7. Доля населения, столкнувшаяся с проблемами при получении государственных и муниципальных услуг в электронной форме, %

Функционирование портала государственных услуг, несмотря на его значимость, сталкивается с рядом проблем, которые затрудняют его эффективное использование населением. Технические сбои, неполнота, неясность или устаревание предоставляемой информации, а также дру-

гие факторы препятствуют комфортному взаимодействию граждан с порталом.

Основными причинами отказа населения от получения госуслуг в электронной форме во всех рассматриваемых регионах являются предпочтение очных посещений ведомств и отсутствие необходимости (рис. 8).

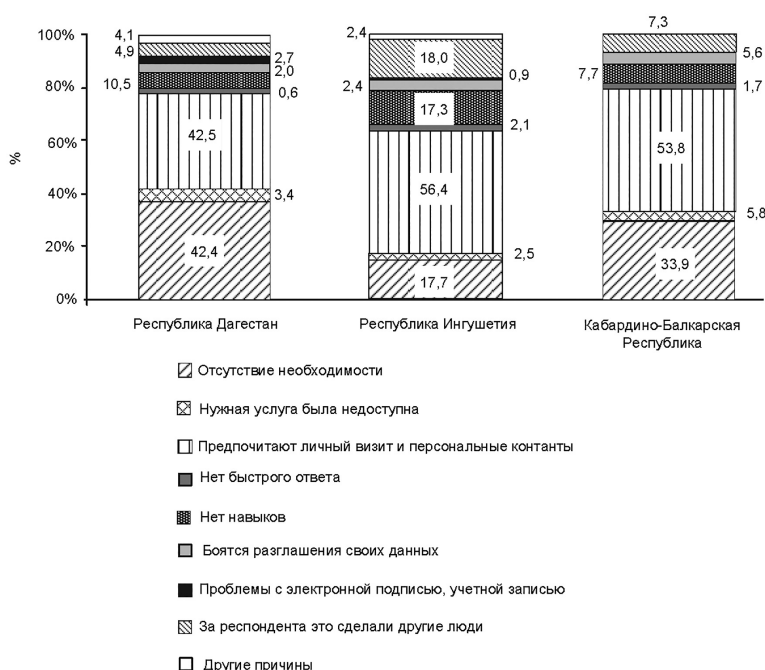

Рис. 8. Основные причины отказа населения от получения электронных государственных и муниципальных услуг, %

Среди причин отказа от получения электронных государственных и муниципальных услуг респонденты также отмечали проблемы с электронной подписью, отсутствие навыков, опасения по поводу безопасности данных и др.

Заключение

Публичное администрирование с использованием цифровых технологий, частью которого стало предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме (через сайты, приложение и только отчасти — через МФЦ как специализированные учреждения, выполняющие роль посредника в оказании некоторых видов услуг), становится неотъемлемой частью жизни современного российского гражданина, предоставляя доступ к государственным услугам в удобном формате. Развитие электронного правительства в российских регионах демонстрирует неравномерность. В отдельных регионах есть проблемы с доступностью электронных государственных и муниципальных услуг и их качеством. В основном это касается экономически слабых регионов страны.

Анализ развития электронных государственных услуг в Республике Дагестан выявил следующие положительные тенденции: в последние годы количество заявлений, поданных через

портал «Государственные услуги», ежегодно растет, увеличивается количество государственных и муниципальных услуг, доступных в электронном виде, повышается удовлетворенность населения качеством предоставляемых электронных услуг исполнительных органов публичной власти. Негативными тенденциями являются снижение за 2021—2023 гг. доли населения, зарегистрированного на портале «Государственные услуги», имеющего личную электронную подпись и использовавшего сеть Интернет для получения госуслуг, в общей численности населения. По сравнению с двумя другими регионами Северо-Кавказского федерального округа — Ингушетией и Кабардино-Балкарией — в Дагестане более низкий уровень использования портала «Государственные услуги» населением. Это может быть обусловлено экономической ситуацией, невысоким уровнем доступности широкополосного интернета (особенно в селах) и недостаточно активной работой властей в части популяризации портала. Для развития электронных госуслуг в Дагестане предлагается обеспечить качественный доступ к интернету на всей территории региона, вести работу в средствах массовой информации по разъяснению населению особенностей предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде, обучать население цифровым навыкам, повышать безопасность платформы.

Список литературы

1. Косич В.В. Современное состояние и перспективы развития электронных государственных услуг в Российской Федерации // Актуальные вопросы современной науки: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции (Пенза, 10 июня 2024 г.). Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2024. С. 13–15.

2. Магомедов Р.М. Анализ электронных государственных услуг и их влияния на экономику // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 4. С. 64–67. doi: 10.25683/VOLBI.2023.65.805.

3. Чаленко А.С., Агибалова В.Г. Современное состояние цифровизации государственных и муниципальных услуг // Информационные технологии в решении задач инновационного развития: сборник статей международной научной конференции (Сыктывкар, декабрь 2023 г.). СПб: ГНИИ «Нацразвитие», 2023. С. 23–25.

4. Чащин А.В., Кустов А.И. Инструменты продвижения государственных и муниципальных услуг в системе управления регионом // Актуальные вопросы устойчивого развития государства, общества и экономики: сборник научных статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2023. С. 275–279.

5. Яшин С.Н., Борисов С.А., Кулагова И.А. Региональные особенности реализации процесса цифровизации экономики в Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 2. С. 106–115. doi: 10.17513/vaael.1604.

References

1. Kosich, V.V. (2024) *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya elektronnykh gosudarstvennykh uslug v Rossiyskoy Federatsii* [The current state and prospects for the development of electronic public services in the Russian Federation].

In: *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki. Sbornik statey XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Penza, June 10, 2024. Penza, International Center for Scientific Cooperation "Science and Education", pp. 13–15. (In Russ.).

2. Magomedov, R.M. (2023) *Analiz elektronnykh gosudarstvennykh uslug i ikh vliyaniya na ekonomiku* [Analysis of electronic government services and their impact on the economy]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*, no. 4, pp. 64–67. (In Russ.). doi: 10.25683/VOLBI.2023.65.805.

3. Chalenko, A.S. & Agibalova, V.G. (2023) *Sovremennoe sostoyanie tsifrovizatsii gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug* [The current state of digitalization of public and municipal services]. In: *Informatsionnye tekhnologii v reshenii zadach innovatsionnogo razvitiya. Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Syktyvkar, December 2023*. Saint Petersburg, Humanitarian National Research Institute "National Development", pp. 23–25. (In Russ.).

4. Chashchin, A.V. & Kustov, A.I. (2023) *Instrumenty prodvizheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug v sisteme upravleniya regionom* [Tools for promoting public and municipal services in the regional governance system]. In: *Aktual'nye voprosy ustoychivogo razvitiya gosudarstva, obshchestva i ekonomiki. Sbornik nauchnykh statey 2 Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kursk, pp. 275–279. (In Russ.).

5. Yashin, S.N., Borisov, S.A. & Kulagova, I.A. (2021) *Regional'nye osobennosti realizatsii protsesa tsifrovizatsii ekonomiki v Rossiyskoy Federatsii* [Regional features of the implementation the process of digitalization of the economy in the Russian Federation]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, no. 2, pp. 106–115. (In Russ.). doi: 10.17513/vaael.1604.

Информация об авторах

А.В. Минаков — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

Н.Д. Эриашвили — главный редактор издательства «ЮНИТИ-ДАНА», профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, Почетный адвокат России.

Information about the authors

A.V. Minakov – Professor of the Department of Economics and Accounting of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor;

N.D. Eriashvili – Editor-in-Chief of the UNITI-DANA Publishing House, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Law, Doctor of Economic Sciences, Professor, Laureate of the Russian Government prize in science and technology, Honorary Lawyer of Russia.

Об использовании специальных знаний при расследовании легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем

Ирина Владимировна Барсэл

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
Москва, Россия, i.barsel@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые научные и организационные аспекты и актуальные, проблемные вопросы использования специальных знаний следователями и иными субъектами, использующими специальные знания при расследовании преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем. Производится изучение структуры понятийного аппарата специальных знаний, затрагивается вопрос рассмотрения структурных элементов, входящих в терминологию специальных знаний, с точки зрения криминалистической науки.

Рассматриваются некоторые практические ситуации, возникшие при расследовании уголовных дел по ст. 174 УК РФ, в которых вопрос применения специальных знаний имеет значимый практический и научный интерес.

Новизна статьи заключается в актуальном анализе существующего положения дел в данной сфере и в разработке определенных мер по разрешению проблемных вопросов, связанных с использованием специальных знаний в расследовании преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ.

Ключевые слова: специальные знания, использование, следователь, совершенствование, противодействие, легализация (отмывание) денежных средств, полученных преступным путем.

Научный руководитель: И.В. Тишутина, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Для цитирования: Барсэл И.В. Об использовании специальных знаний при расследовании легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 146—152. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.018.

On the use of special knowledge in the investigation of the legalization (laundering) of funds or other property obtained by criminal means

Irina V. Barsel

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, i.barsel@mail.ru

Abstract. The article examines some scientific and organizational aspects and topical, problematic issues of the use of special knowledge by investigators and other entities using special knowledge in the investigation of crimes related to the legalization (laundering) of funds or other property acquired by other persons by criminal means. The author studies the structure of the conceptual apparatus of special knowledge, touches upon the issue of considering the structural elements included in the terminology of special knowledge from the point of view of forensic science.

Some practical situations that arose during the investigation of criminal cases under Article 174 of the Criminal Code of the Russian Federation, in which the issue of applying special knowledge has significant practical and scientific interest, are considered.

The novelty of the article lies in an up-to-date analysis of the current state of affairs in this area and in the development of certain measures to resolve problematic issues related to the use of special knowledge in the investigation of crimes under Article 174 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: special knowledge, use, investigator, improvement, counteraction, legalization (laundering) of criminally obtained funds.

Research supervisor: I.V. Tishutina, Professor of the Department of Criminalistics of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

For citation: Barsel, I.V. (2024) On the use of special knowledge in the investigation of the legalization (laundering) of funds or other property obtained by criminal means. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 146–152. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.018.

Введение. Процесс расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, является достаточно многогранным, трудоемким и требующим от следователя не только большого перечня знаний, умений и навыков в плоскости точного и правильного применения норм действующего законодательства, но и соответствующего уровня профессиональной подготовки, наличия необходимых профессиональных компетенций и знаний в области экономики, знаний о современных достижениях криминалистической науки и специальной техники, в области судебной экспертизы.

При расследовании данных преступлений следователь должен обладать познаниями в сфере юриспруденции, в сфере экономической деятельности, иметь достаточный уровень знаний в области криминалистики и судебной экспертизы. Должен проявлять интерес к новшествам, которые применяют лица, совершающие вышеуказанные преступления, а именно: какие новые пути и способы находят они для совершения такого преступления, каким образом они стараются сокрыть его совершение, уйти от уголовной ответственности. Следователь должен понимать, что при предварительном расследовании ему потребуются содействие высококвалифицированного специалиста, обладающего специальными знаниями, в целях обеспечения максимально эффективного и всеобъемлющего расследования затрагиваемого в работе рода преступления. Криминалистическое исследование зачастую требует анализа больших объемов сложных данных, что может затруднить интерпретацию и получение криминалистически значимой информации.

Как совершенно объективно отмечает А.Л. Пермяков, «вопросы использования специальных знаний постоянно находятся в поле зрения ученых в области криминалистики. Нет такой категории преступлений, которые бы не требовали участия в расследовании сведущего лица или использования специальных знаний в области ремесла, науки, техники или искусства, и во всех разделах криминалистики этим вопросам уделяется значительное внимание»¹.

В современных реалиях практически ничего не находится в статическом состоянии, происходят постоянные динамические изменения

во многих сферах. При таких обстоятельствах происходит непрерывный эволюционный процесс использования специальных знаний, которые совершенствуются с учетом новых достижений, связанных с развитием научно-технического прогресса, информационных технологий. Криминалистическая наука сейчас также движется в прогрессивном направлении развития, происходит интеграция современных наукоемких технологий в области применения криминалистических знаний, в области судебной экспертизы, используемых при расследовании преступлений.

Идет активный процесс цифровизации, затрагивающий расследование уголовных дел, например, некоторые следственные действия, такие как допрос, назначение экспертиз, отправление и получение процессуальных документов, взаимодействие между структурами, которые участвуют в обеспечении расследования, осуществляются в электронном виде и дистанционном формате, в связи с чем происходит трансформация законодательства, направленного на правовое регулирование вопросов предварительного расследования. В связи с этим происходит также прогресс в использовании специальных знаний, которые необходимы следователю для проведения эффективного и всеобъемлющего расследования уголовного дела.

Например, при расследовании подобного рода преступлений сейчас актуальны знания и умения, которых в прошлых десятилетиях вообще не существовало, в области компьютерной информации, цифровых процессов обмена той или иной информацией, знания в области банковской сферы, связанные с международными и внутрироссийскими банковскими операциями, в частности криптовалютными операциями; необходимо изучение каналов интернет-связи, многих международных интернет-платформ, которые связаны с проведением тех или иных денежных операций, использование различных мессенджеров и социальных сетей, через которые злоумышленники осуществляют свою противоправную деятельность, причем не только на внутригосударственном уровне, но также и на международном. В вышеперечисленных актуальных сферах сейчас особо остро требуются специальные знания, которые необходимы в расследовании легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем.

На настоящий момент времени злоумышленники при совершении преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступ-

¹ Пермяков А.Л. Следователь как непосредственный обладатель специальных знаний // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (2). С. 50.

ным путем, как уже было выше отмечено, активно используют достижения научно-технического прогресса. Конкретизируя их, можно выделить информационно-телекоммуникационные и цифровые технологии, иные средства платежей, проведения денежных транзакций (различные криптовалюты и криптокошельки), похищения имущества мошенническим путем с использованием дистанционных технологий и т. д. В совокупности это способствовало тому, что значительно были упрощены сами возможности совершения данных преступлений, это увеличило и так их достаточно высокую латентность, усложнился непосредственно сам процесс выявления, раскрытия, расследования и изобличения лиц, причастных к совершению преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем.

Как объективно отмечает Е.В. Щеглова, для выявления легализации имущества, приобретенного преступным путем, требуются новые усовершенствованные рекомендации и методики по расследованию таких преступлений².

Требуют внимания и пристального рассмотрения аспекты правовой регламентации использования специальных знаний, с криминалистической точки зрения остается проблемным вопрос исчерпывающей терминологии специальных знаний — нет единого унифицированного понятия специальных знаний, понимания, какие составные части они имеют и какими обязательными признаками они должны обладать.

Современная система российского уголовного судопроизводства в своей борьбе с легализацией криминальных доходов предусматривает альтернативность форм применения специальных знаний³.

Стоит отметить еще то, что выявление, раскрытие и расследование каждого такого преступления требует широкого спектра узкоспециализированных знаний, которым должен обладать следователь, но зачастую в силу определенных обстоятельств он такими знаниями не обладает, что с отрицательной стороны влияет на обеспечение всестороннего расследования.

Все вышеперечисленные проблемные вопросы мы бы хотели рассмотреть в своей работе, а также предложить пути их разрешения, которые оказали бы положительное влияние в контексте повышения эффективности расследования преступлений.

Основная часть. Мы считаем, что важнейшим базисом, на котором строится всё рассмотрение вопроса использования специальных знаний в криминалистическом аспекте, является определение их правовой дефиниции. Стоит сказать, что определение понятия «специальные знания» является достаточно дискуссионным среди ученых в области уголовного судопроизводства и криминалистики, единого унифицированного понятия нет.

Рассмотрением использования специальных знаний в расследовании преступлений занималось большое количество ведущих ученых в области криминалистики.

Одним из первых ученых, который в своих трудах обратился к вопросу определения специальных знаний, был видный ученый-криминалист А.А. Эйсман: специальные знания — это «знания не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения, это знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов»⁴.

По мнению же Р.С. Белкина, «специальными являются знания, приобретенные субъектом в процессе практической деятельности путем специальной подготовки или профессионального опыта, основанные на системе теоретических знаний в соответствующей области»⁵.

Т.В. Аверьянова говорит о том, что «специальными являются знания, приобретенные субъектом в процессе обучения и практической деятельности в науке, технике, искусстве, ремесле и основанные на знании научных разработок в соответствующих областях знаний, используемые для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел»⁶.

По нашему мнению, Е.Р. Россинская дала наиболее точное определение понятию «специальные знания» — это система теоретических

² Щеглова Е.В. Криминалистическое обеспечение расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 4.

³ Деятельность следователя по принятию и проверке сообщений о преступлениях: учебное пособие / В.В. Артемова, В.И. Батюк, С.А. Хмелев [и др.]. М., 2009.

⁴ Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967. С. 91.

⁵ Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 399.

⁶ Аверьянова Т.В. Субъекты экспертной деятельности // Вестник криминалистики. 2001. № 2. С. 31.

знаний и практических навыков в сфере конкретной науки, искусства, техники или ремесла, которые были приобретены посредством прохождения специальной подготовки или в ходе профессиональной деятельности и используются для решения вопросов, возникающих в ходе уголовного судопроизводства, в том числе и расследования преступлений⁷.

Мы можем согласиться с точкой зрения вышеуказанных авторов в их авторских определениях, мы считаем: неотъемлемым и ключевым признаком специальных знаний становится то, что они являются узкоспециализированными и профессионально ими обладают и практически их применяют только те компетентные лица, которые их не только приобрели в ходе практической деятельности или в процессе профессионально направленного обучения, но и основываются на научном и практико-ориентированном знании, имея высокий коэффициент эффективности при предварительном расследовании. По нашему мнению, вышеперечисленные признаки, приведенные видными учеными-криминалистами, не могут быть оспариваемы и являются исчерпывающими.

Но мы видим, что определение термина «специальные знания» может быть дополнено некоторыми признаками. Это знания, которые должны соответствовать требованиям законодательства, а также обладают признаками своевременности, актуальности и их необходимости.

По нашему мнению, термин «специальные знания» можно дать в следующей трактовке: специальные знания — это научно обоснованные и достоверные знания, соответствующие требованиям уголовного и уголовно-процессуального законодательства, приобретенные субъектом, участвующим в стадии предварительного расследования, в процессе обучения, требующие специальной подготовки или профессиональных умений и опыта в практической деятельности, которые являются актуальными, своевременными и необходимыми в процессе расследования уголовного дела.

Далее, мы хотели бы осветить вопрос о том, какие конкретные формы специальных знаний должны применяться при расследовании уголовного дела, связанного с легализацией (отмыванием) денежных средств.

Мы солидарны с точкой зрения А.А. Кораблева о том, что, хотя заключение специалиста

в соответствии с п. 3.1 ст. 74 УПК РФ является доказательством, законом не определена форма получения и оформления заключения специалиста, нет разъяснения по поводу ознакомления специалиста с уголовной ответственностью по ст. 307 УК РФ, кто и каким образом должен брать у специалиста расписку об ознакомлении с ответственностью за выдачу заведомо ложного заключения. И как правило, на практике следователь и суд фактически не рассматривают заключение специалиста в качестве доказательства⁸.

В этом мы видим одну из проблем процессуального оформления использования специальных знаний специалистом, так как именно в заключении судебной экспертизы отражается результат использования специальных знаний, которые имеют доказательственное значение в уголовном деле. Именно этот проблемный вопрос, на наш взгляд, является одним из наиболее актуальных с точки зрения использования и процессуального оформления специальных знаний в рамках расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем.

Важность привлечения специалиста к расследованию данного преступления имеет высокую значимость, так как вопрос проведения судебно-экономических экспертиз, вопрос исследования банковских и иных счетов, проведения экспертиз, связанных в целом с экономической составляющей, играют ключевую роль для доказательственной базы уголовного дела. В случае же ненадлежащего процессуального оформления обесценить всестороннее расследование не представляется возможным. В такой ситуации что могло бы помочь в определенной степени решить этот проблемный вопрос? По нашему мнению, необходима четкая регламентация перечня необходимых требований, которые должны предъявляться к заключению судебной экспертизы, которые должны быть закреплены на законодательном уровне, также следовало бы, на наш взгляд, разработать типовую унифицированную процессуальную форму заключения специалиста. Вплотить же такую унифицированную форму требований можно было бы путем издания межведомственного нормативного акта в виде совместной инструкции МВД, Следственного комитета, ФСБ России, где был бы прописан перечень

⁷ Россинская Е.Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 32—43.

⁸ Кораблев А.А. Формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 133.

обязательных требований, которые должны быть отображены в заключении эксперта, единая форма, как оно должно выглядеть, и эта инструкция позволила бы также упростить порядок подготовки заключения эксперта и повысить уровень межведомственного взаимодействия структур.

По мнению О.А. Кононец, специальные знания классифицируют, руководствуясь процессуальным критерием, различая: процессуальные формы (участие в следственных действиях, в назначении экспертиз) и непроцессуальные формы (иные формы участия).

По характеру задач, решаемых сведущими лицами на предварительном следствии или в суде, можно выделить такие формы применения специальных знаний, как:

- 1) участие специалистов в проверке первичных материалов о преступлениях и в производстве следственных действий;
- 2) консультативная и справочная помощь сведущих лиц;
- 3) назначение и проведение документальных ревизий, других специальных проверок по инициативе органа дознания, следователя, прокурора и суда;
- 4) назначение и проведение судебных экспертиз⁹.

Классификация специальных знаний помогает при их выборе в процессе расследования уголовного дела.

Говоря о практическом воплощении форм специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, можно объективно утверждать, что привлечение специалистов в расследовании такого преступления является необходимым в связи с тем, что следователь не обладает специальными экономическими знаниями, какими обладают экономист, бухгалтер, аудитор, сотрудники банковских и иных финансово-кредитных организаций, сотрудники в сфере информационных технологий и др. Решение о том, привлечение

какого специалиста необходимо, принимает непосредственно сам следователь в зависимости от необходимости выявления обстоятельств и фактов по уголовному делу.

Стоит отметить уже упоминавшийся момент, что не стоят на месте способы, которые используются при совершении преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем. В связи с этим у следователя возникает вопрос, какого именно специалиста наиболее целесообразно пригласить и обладает ли он необходимыми специальными знаниями в той или иной области, особенно это связано с электронными средствами платежей, электронными валютами, которые лежат вне сферы компетенции банковских организаций.

Можно привести следующий пример по выявлению легализации преступного дохода, полученного от незаконного сбыта наркотических веществ. Так, 23 июня 2020 года следственным отделом по Октябрьскому району г. Улан-Удэ следственного управления СК России по Республике Бурятия возбуждено уголовное дело в отношении гражданина Б. по факту совершения им преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 174.1 УК РФ. В ходе следствия установлено, что в период с 16 по 24 сентября 2019 г. Б., действуя в составе организованной группы по незаконному сбыту наркотических средств синтетического происхождения, совместно с не установленным следствием лицом (оператором), пользующимся никнеймом К в электронной коммуникационной сети Интернет, в качестве «закладчика» синтетических наркотических средств совершал преступления, предусмотренные ст. 228.1 и ст. 174.1 УК РФ. За осуществление указанной преступной деятельности Б. получал от не установленного следствием лица (оператора), пользующегося никнеймом К, материальный доход, который перечислялся ему на электронный кошелек в валюте биткойн¹⁰.

На этом примере можно увидеть реальную ситуацию, когда злоумышленники получали преступные доходы с помощью криптовалюты

⁹ Кононец О.А. Особенности использования специальных знаний в расследовании легализации (отмывания) денежных средств, добытых преступным путем, с использованием кредитно-банковской системы // Наука и образование ONLINE. URL: <https://student.eee-science.ru/listing/osobennosti-ispolzovaniya-spetsialnyh-znaniy-v-rassledovanii-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-dobytyh-prestupnym-putem-s-ispolzovaniem-kreditno-bankovskoj-sistemy> (дата обращения: 02.05.2024).

¹⁰ Практика выявления, предупреждения и расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Бурятия: офиц. сайт. URL: <https://buriatia.sledcom.ru/Legalizaciya/item/1582904> (дата обращения: 23.07.2024).

и с помощью нее реализовали свой преступный умысел по легализации преступных доходов через так называемую серую зону правового регулирования, так как криптовалюта никак не регулируется российским законодательством, а разъяснение по поводу ее использования в преступных целях дается лишь в актах, не обязательных для исполнения. Такие ситуации с использованием криптовалют по ст. 174 и 174.1 УК РФ нередко стали возникать в правоприменительной практике, что значительно усложнило процесс расследования и вывело проблему использования специальных знаний в более широкую плоскость.

В связи с научно-техническим прогрессом вопрос использования специальных знаний встает достаточно остро, и от выбора привлекаемого специалиста зависит успех расследования уголовного дела. Вопрос консультативной помощи также является в этой связи особенно важным: следователю необходимо при возникновении затруднительных ситуаций обращаться к лицам, имеющие специальные познания, осуществлять с ними постоянное и непрерывное взаимодействие. Перечень же различных мероприятий с использованием специальных знаний, которые могут проводиться, является достаточно широким. Всесторонняя помощь необходима в ходе оценки следователем фактических данных, полученных в процессе проведения следственного действия, в ходе составления процессуальных документов, назначения судебных экспертиз и проведения иных процессуальных действий.

Следует обратить внимание на то, что не в каждом субъекте Российской Федерации возможно привлечение того или иного узкоспециализированного специалиста либо его поиск и привлечение требуют значительных усилий и затрат времени, что негативно сказывается на своевременности и эффективности проведения расследования. Есть проблема нехватки квалифицированных специалистов, обладающих узкоспециализированными знаниями и умениями, что приводит к затруднениям при осуществлении предварительного расследования.

Сейчас является актуальным криминалистическое исследование следующих цифровых доказательств:

- криминалистический анализ мобильных устройств, компьютеров, сетевых данных;
- извлечение и восстановление скрытой или удаленной цифровой информации;
- сбор и анализ цифровых доказательств, таких как электронные письма, текстовые

сообщения и данные с компьютеров, для выявления связей между подозреваемыми и раскрытия методов отмывания денег;

- восстановление удаленных или поврежденных данных для обнаружения улик, скрывающих финансовые преступления.

Привлечение таких специалистов порой не представляется возможным, что приводит к отрицательным последствиям по сбору доказательственной базы.

В связи с этим нам хотелось бы особо подчеркнуть значимость наличия у следователя высоких профессиональных навыков, умений и узкоспециализированных знаний, необходимых ему для привлечения субъектов, имеющих специальные знания, надлежащего оформления полученных результатов в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, а также осуществления взаимодействия с такими субъектами.

Вывод. В заключение нам бы хотелось отметить, что предложения по улучшению научных и организационных аспектов использования специальных знаний при расследовании легализации (отмывания) денежных средств, имущества, полученных преступным путем, внесенные в данной работе, могут повысить эффективность работы следственных подразделений, иных правоохранительных подразделений, учреждений и организаций, отдельных лиц, оказывающих содействие следственным подразделениям в осуществлении предварительного расследования, а их успешная реализация возможна при использовании актуальных, достоверных, научно обоснованных специальных знаний, осуществлении постоянного взаимодействия между всеми субъектами, связанными с использованием специальных знаний, на всех стадиях предварительного расследования, повышении профессиональных компетенций, навыков, умений, знаний, необходимых следователю при расследовании уголовных дел, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем.

Список литературы

1. Аверьянова Т.В. Субъекты экспертной деятельности // Вестник криминалистики. 2001. № 2. С. 29—37.
2. Деятельность следователя по принятию и проверке сообщений о преступлениях: учебное пособие / В.В. Артемова, В.И. Батюк, С.А. Хмелев [и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 560 с.

3. Кононец О.А. Особенности использования специальных знаний в расследовании легализации (отмывания) денежных средств, добытых преступным путем, с использованием кредитно-банковской системы // Наука и образование ONLINE. URL: <https://student.eee-science.ru/listing/osobennosti-ispolzovaniya-spetsialnyh-znaniy-v-rassledovanii-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-dobytyh-prestupnym-putem-s-ispolzovaniem-kreditno-bankovskoy-sistemy> (дата обращения: 02.05.2024).

4. Кораблев А.А. Формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 132—135.

5. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2003. XVIII, 973 с.

6. Пермяков А.Л. Следователь как непосредственный обладатель специальных знаний // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (2). С. 50—55.

7. Россинская Е.Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 32—43.

8. Щеглова Е.В. Криминалистическое обеспечение расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 21 с.

9. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М.: Юридическая литература, 1967. 152 с.

References

1. Aver'yanova, T.V. (2001) Sub'ekty ekspertnoy deyatel'nosti [Subjects of expert activity]. *Vestnik kriminalistiki*, no. 2, pp. 29–37. (In Russ.).

2. Artemova, V.V. et al. (2009) Deyatel'nost' sledovatelya po prinyatiyu i proverke soobshcheniy o prestupleniyakh [The investigator's activity in accepting and verifying reports of crimes]. Textbook. Moscow, UNITY-DANA, 560 p. (In Russ.).

3. Kononets, O.A. (2017) Osobennosti ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy v rassledovanii legalizatsii (otmyvaniya) denezhnykh sredstv, dobytykh prestupnym putem, s ispol'zovaniem kreditno-bankovskoy sistemy [Features of the use of special knowledge in the investigation of the legalization (laundering) of criminally obtained funds using the credit and banking system]. *Nauka i obrazovanie ONLINE*. URL: <https://student.eee-science.ru/listing/osobennosti-ispolzovaniya-spetsialnyh-znaniy-v-rassledovanii-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-dobytyh-prestupnym-putem-s-ispolzovaniem-kreditno-bankovskoy-sistemy> (accessed May 2, 2024). (In Russ.).

4. Korablev, A.A. (2016) Formy ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy v ugolovnom sudoproizvodstve [The forms of specific knowledge application in criminal proceedings]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, no. 2, pp. 132–135. (In Russ.).

5. Aver'yanova, T.V., Belkin, R.S., Korukhov, Yu.G. & Rossinskaya, E.R. (2003) Kriminalistika [Criminalistics]. Textbook. 2nd ed. Moscow, Norma, XVIII, 973 p. (In Russ.).

6. Permyakov, A.L. (2017) Sledovatel' kak neposredstvennyy obladatel' spetsial'nykh znaniy [Investigator as direct owner of special knowledge]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*, no. 2 (2), pp. 50–55. (In Russ.).

7. Rossinskaya, E.R. (2001) Spetsial'nye poznanija i sovremennye problemy ikh ispol'zovaniya v sudoproizvodstve [Special knowledge and modern problems of their application in judicial proceedings]. *Journal of Russian Law*, no. 5, pp. 32–43. (In Russ.).

8. Shcheglova, E.V. (2009) Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya legalizatsii (otmyvaniya) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem [Forensic support for the investigation of the legalization (laundering) of proceeds from crime]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 21 p. (In Russ.).

9. Eysman, A.A. (1967) Zaklyuchenie eksperta. Struktura i nauchnoe obosnovanie [Expert opinion. Structure and scientific justification]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 152 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И.В. Барсэл — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

I.V. Barsel – Postgraduate student at the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 153–161.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 153–161.

УДК 343.98.068
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.019

NIION: 2015-0065-04/24-270
MOSURED: 77/27-010-2024-04-469

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Взаимосвязь версионной работы и профилактической деятельности следователя в ходе расследования уголовных дел по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних

Евгения Олеговна Еремеева

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия,
EremeevaEO@18.sledcom.ru

Аннотация. В статье автором обосновывается взаимосвязь особенностей формирования версий по уголовным делам по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних с данными, характеризующими личность несовершеннолетнего и его семью. В контексте уголовных дел указанной категории описана методика версионной работы, отмечена значимость профилактической деятельности следователя при реализации полномочий, предусмотренных ч. 2 ст. 158 УПК РФ, предложены пути совершенствования алгоритмов взаимодействия следователя с органами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Ключевые слова: Следственный комитет Российской Федерации, следователь, несовершеннолетние, безвестное исчезновение, версионная работа, предварительное расследование, взаимодействие, профилактическая деятельность.

Научный руководитель: О.Ю. Антонов, проректор (по учебной и научной работе) Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент.

Для цитирования: Еремеева Е.О. Взаимосвязь версионной работы и профилактической деятельности следователя в ходе расследования уголовных дел по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 153–161. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.019.

The relationship between version work and preventive activities of the investigator during the investigation of criminal cases regarding the disappearance of minors

Evgenia O. Eremeeva

Udmurt State University, Izhevsk, Russia,
EremeevaEO@18.sledcom.ru

Abstract. The article substantiates the relationship between the features of the formation of versions in criminal cases on the facts of the unknown disappearance of minors with data characterizing the personality of a minor and his family. In the context of criminal cases of this category, the author describes the methodology of version work, notes the importance of the preventive activities of the investigator in the exercise of powers provided for in Part 2 of Art. 158 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and proposes ways to improve algorithms of interaction between the investigator and the authorities of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency.

Keywords: Investigative Committee of the Russian Federation, investigator, minors, unknown disappearance, version work, preliminary investigation, interaction, preventive activities.

Research supervisor: O.Yu. Antonov, Vice-Rector (for academic and scientific work) of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Law, Associate Professor.

For citation: Eremeeva, E.O. (2024) The relationship between version work and preventive activities of the investigator during the investigation of criminal cases regarding the disappearance of minors. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 153–161. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.019.

Вопросы расследования уголовных дел, проведения процессуальных проверок по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних не теряют своей актуальности. По данным Следственного комитета Российской Федерации¹, в 2023 году в производстве следователей Следственного комитета Российской Федерации находилось 386 уголовных дел по факту безвестного исчезновения несовершеннолетних, по результатам их расследования в суд направлено 7 уголовных дел, прекращено — 198, приостановлено — 80. В 2023 году по результатам рассмотрения сообщений о безвестном исчезновении несовершеннолетних место-

нахождение 27 детей не было установлено². За все годы 1056 несовершеннолетних числятся пропавшими без вести, из них в возрасте 15—17 лет — 519 (49,1 % от общего числа пропавших без вести), 11—14 лет — 235 (22,3 %), 6—10 лет — 213 (20,2 %), 1—5 лет — 82 (7,8 %), до 1 года — 7 (0,7 %). Число поступивших в следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике сообщений по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних остается стабильно высоким начиная с 2015 года, особенно в 2016 и 2019 годах, хотя в 2020—2023 годах имеет тенденцию к снижению (таблица 1).

Таблица 1

Количество зарегистрированных сообщений по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних в Удмуртской Республике в 2014—2023 гг.

2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
392	596	839	590	549	742	645	608	583	463

Таким образом, статистические данные свидетельствуют о том, что более 20 % уголовных дел, возбужденных по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних, остаются нераскрытыми и приостанавливаются. Анализ уголовных дел указанной категории, а также следственной практики позволяет сделать вывод о взаимосвязи характеристик несовершеннолетнего, а также его семьи при формировании версий безвестного исчезновения несовершеннолетнего.

А.В. Котязов верно отмечает, что событие безвестного исчезновения характеризуется выраженным дефицитом исходной информации о судьбе и местонахождении разыскиваемого³. В зарубежной литературе учеными и практиками исследована и приведена оценка рисков об-

стоятельств исчезновения несовершеннолетнего. Так, AMBER Alert Europe отмечает, что в случае исчезновения несовершеннолетнего важно правильно оценить обстоятельства исчезновения и определить его причины. Среди рисков, требующих незамедлительной реакции, выделяют конфликтную ситуацию в семье, случаи, когда ребенок является жертвой насилия, страдает психическим заболеванием⁴. В науке криминалистике в достаточной мере разработаны вопросы взаимодействия следственных органов при расследовании уголовных дел по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, общественными организациями, средствами массовой информации⁵. Вместе с тем О.Ю. Антонов отмечает, что круг субъектов, с которыми возникает необходимость взаимодействовать следователю, постоянно расширяется: население (общественность), средства массовой информации, государствен-

¹ Материалы к заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2023 год и задачах на 2024 год».

² Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам расследования преступлений, совершенных против несовершеннолетних // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. 2024. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1898712> (дата обращения: 10.07.2024).

³ Котязов А.В. Взаимодействие следователей и сотрудников других служб правоохранительных органов в розыске несовершеннолетних, пропавших без вести // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 231.

⁴ Hedges Ch. Understanding and managing risk in the context of missing persons. A decision-making guide to help assess the risk and urgency of a missing person case. Brussels: AMBER Alert Europe, 2017. P. 26. URL: <https://www.icmec.org/wp-content/uploads/2017/03/Risk2016.pdf> (accessed May 2, 2024).

⁵ См.: Исмаилов Ч.М. Теоретические и практические проблемы совершенствования взаимодействия субъектов розыска безвестно исчезнувших лиц // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 154—160.

ные органы, операторы связи, контрольно-надзорные органы и т. д.⁶ В частности, при расследовании уголовных дел, рассмотрении сообщений о преступлениях по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних к кругу лиц, с которыми следователю необходимо взаимодействовать с целью выявления и расследования преступлений или установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, относятся учреждения и органы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Однако в научной литературе, на наш взгляд, недостаточное внимание уделено взаимодействию следователя с указанными органами. В частности, Д.М. Кудра полагает, что, несмотря на достаточно подробное регулирование Инструкцией о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц, утвержденной приказом МВД России, Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета РФ от 16.01.2015 № 38/14/5, первоначального этапа розыска без вести пропавших, анализ практики указывает на отсутствие надлежащего взаимодействия при проведении розыскных мероприятий между сотрудниками оперативных подразделений, подразделений по делам несовершеннолетних и другими субъектами профилактики безнадзорности и беспризорности⁷.

Вместе с тем полученная от органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних информация может оказать следователю на первоначальном этапе расследования содействие в формировании следственных версий.

Выдвижение версии о причине исчезновения ребенка является основой для установления мест его возможного нахождения⁸.

Кроме того, в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об осно-

вах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних должны проводить индивидуальную профилактическую работу в отношении безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних, а также несовершеннолетних, занимающихся бродяжничеством.

Таким образом, указанное взаимодействие между следователем и органами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних является взаимообусловленным.

Согласимся с мнением В.О. Захаровой, которая отмечает, что основной массив розыска несовершеннолетних составляют дети, ушедшие из неблагополучных семей, оставшиеся без родителей, находящиеся под опекой родственников или специализированных государственных учреждений, а следовательно, взаимодействие следователя с органами профилактики обусловлено единой целью, стоящей как перед правоохранительными органами, так и перед органами профилактики, — это не только поиск несовершеннолетних, но и обеспечение их безопасности, а также защита их прав⁹.

Исходя из обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетнего, самовольно покинувшего место жительства или учебы, а также характеристики семьи несовершеннолетнего, следователь может выдвинуть три общие следственные версии:

- 1) версия о том, что в отношении несовершеннолетнего совершено преступление (убийство, изнасилование или насильственные действия сексуального характера, похищение и т. п.);
- 2) версия о том, что несовершеннолетний погиб в результате несчастного случая;
- 3) версия о том, что несовершеннолетний жив, однако его родственники, друзья, знакомые не осведомлены о его местонахождении.

Как верно отмечает Н.И. Вытовтова, в зависимости от типа ситуации возникает ряд конкретных задач, требующих разрешения в конкретной розыскной ситуации¹⁰.

⁶ См.: Антонов О.Ю. Виды взаимодействия с контрольно-надзорными органами при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений // Российский следователь. 2021. № 4. С. 3.

⁷ Кудра Д.М. Проблемы организации розыска несовершеннолетних, пропавших без вести и самовольно ушедших из семей или специализированных государственных учреждений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 4 (41). С. 53.

⁸ Гаскаров И.Ф., Шишкина Е.В. О некоторых проблемах розыска несовершеннолетних, самовольно покинувших учреждения государственного содержания // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3. С. 75.

⁹ См.: Захарова В.О. О некоторых ошибках, допускаемых в ходе установления обстоятельств безвестного исчезновения несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 218—221.

¹⁰ Вытовтова Н.И. Решение криминалистических задач деятельности по розыску без вести пропавших лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1977.

Рассматривая первую версию, следует отметить, что проведенный Т.В. Поповой и А.В. Котязовым анализ окончанных уголовных дел по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних показал, что в четверти случаев жертва и преступник приходились друг другу родственниками. Данная версия может подтверждаться установлением обстоятельств, свидетельствующих о семейном неблагополучии¹¹.

Так, в производстве следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике (далее — СУ СК России по УР) находилось уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, по факту безвестного исчезновения малолетнего Б., который в утреннее время вышел из дома в школу, однако до образовательного учреждения не добрался, о чем матери малолетнего стало известно от педагога школы.

В ходе следствия установлено, что семья ребенка состояла из матери, отца, младшего брата, бабушки и ее сожителя. Семья несовершеннолетнего находилась на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав как семья, находящаяся в социально опасном положении, несовершеннолетний неоднократно обсуждался на заседаниях комиссии. Согласно характеристике несовершеннолетнего от образовательного учреждения, мальчик страдает психическим заболеванием, ведомый, склонен к бродяжничеству. Рассмотрев иные материалы уголовного дела, в частности отсутствие дома без причин сожителя бабушки, который также страдал психическим заболеванием, следователь сформировал ведущую версию о том, что несовершеннолетний жив и может находиться вместе с сожителем бабушки.

В ходе следствия указанная версия нашла свое подтверждение, местонахождение несовершеннолетнего установлено. В ходе получения объяснения от несовершеннолетнего установлено, что он стал жертвой преступления против половой неприкосновенности со стороны сожителя бабушки. По результатам расследования уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, прекращено по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, уголовное дело по факту совершения в отношении Б. преступления, пре-

дусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, направлено в суд.

Таким образом, о совершении преступления в отношении несовершеннолетнего членами его семьи могут свидетельствовать сведения о нахождении семьи либо несовершеннолетнего в социально опасном положении, на учете в подразделении по делам несовершеннолетних территориального органа внутренних дел, отрицательные характеристики родителей (законных представителей) несовершеннолетнего по месту жительства и месту работы, их привлечение к административной ответственности, в частности по ст. 5.35 КоАП РФ (неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних), а также к уголовной ответственности, особенно по преступлениям в отношении несовершеннолетних.

Вторым подвидом первой версии является предположение о том, что преступление совершено со стороны незнакомых или малознакомых лиц и обусловлено виктимным или противоправным поведением самого несовершеннолетнего, связанным в первую очередь с той же неблагополучной обстановкой в семье, о которой известно органам профилактики.

Например, в ходе следствия было установлено, что пропавшая без вести несовершеннолетняя Б. состояла на учете в органах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в связи с неоднократными самовольными уходами из дома, характеризовалась посредственно. В ходе осмотра ее переписки в социальных сетях установлено, что она размещала объявления о вступлении в половую связь за деньги. Учитывая полученные данные, следователь выдвинул версию о том, что преступление в отношении Б. мог совершить один из мужчин, с которыми она вела переписку в социальных сетях. Указанная версия в ходе следствия нашла свое подтверждение, установлено, что Б. была убита знакомым С., с которым она вступала в половые отношения¹².

В ходе проверки второй версии — о гибели несовершеннолетнего в результате несчастного случая — необходимо устанавливать в качестве причин и условий его смерти наличие или отсутствие ненадлежащего присмотра за несовершенно-

¹¹ См.: Попова Т.В., Котязов А.В. Некоторые аспекты раскрытия и расследования преступлений, связанных с исчезновением несовершеннолетних, совершенных членами семьи пропавшего // Закон и право. 2019. № 8. С. 125.

¹² Контрольное производство по уголовному делу № 1190 2940005013506 // Архив следственного отдела по Устиновскому району г. Ижевска СУ СК России по УР.

нолетним, что может повлечь за собой привлечение виновных к уголовной ответственности.

Так, в одном из населенных пунктов Чишминского района Республики Башкортостан 7-летний мальчик ушел из дома пасти гусей и пропал. Родители ребенка в тот же день обратились в правоохранительные органы. После организованных масштабных следственно-оперативных мероприятий тело ребенка обнаружили в реке¹³.

Приговором суда в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ, признаны виновными директор детско-юношеской спортивной школы Т. и директор детского оздоровительного лагеря Н. Следствием и судом установлено, что Т. и Н. организовали спортивное мероприятие — кросс протяженностью 19 км на территории детского лагеря для несовершеннолетних воспитанников спортивной школы. В ходе кросса контроль за спортсменами обеспечен не был, кросс проходил в условиях высокой температуры окружающей среды, не отвечающих санитарно-эпидемиологическим требованиям для проведения указанного рода мероприятий. В ходе кросса один из несовершеннолетних спортсменов сошел с дистанции и безвестно исчез. Исчезновение спортсмена осужденными было выявлено лишь в вечернее время, что значительно затруднило проведение поисковых мероприятий. Тело подростка обнаружено лишь через 10 дней в 14 метрах от дороги, по которой проходил кросс, причиной его смерти явилась острая сердечно-сосудистая недостаточность, обусловленная тепловым ударом¹⁴.

Таким образом, следственная практика показывает, что несчастные случаи с несовершеннолетними имеют место не только в неблагополучных семьях, но и вследствие ненадлежащего присмотра за несовершеннолетними как со стороны законных представителей, так и со стороны должностных лиц.

При подтверждении третьей следственной версии, в ситуации, когда местонахождение несовершеннолетнего установлено, в ходе отобрания объяснения либо допроса несовершенно-

летнего необходимо выяснить причины, по которым он покинул место жительства или учебы. В частности, у несовершеннолетних, проживающих с опекунами либо в социальных учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, необходимо выяснять причины их нежелания проживать в социальном учреждении.

Так, приговором суда П. признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 117, ст. 156 УК РФ. Следствием и судом установлено, что опекаемый несовершеннолетний несколько раз самовольно уходил из дома. После очередного побега несовершеннолетнего его обнаружили с телесными повреждениями, в связи с чем органами опеки и попечительства приняты меры о расторжении договора возмездной опеки, сам несовершеннолетний пояснил, что систематически подвергался побоям со стороны опекуна П.¹⁵

Таким образом, во всех случаях самовольного ухода необходимо тщательно выяснять причины ухода из социального учреждения или из семьи опекуна, при наличии оснований во взаимодействии с органами опеки и попечительства, а также социальной защиты принимать меры к изъятию ребенка и незамедлительному возбуждению уголовного дела в отношении лиц, допустивших причинение вреда ребенку, либо при наличии оснований, не влекущих привлечение к уголовной ответственности, вносить по уголовным делам указанной категории представления в муниципальную комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, а по материалам проверок направлять в указанный орган профилактики информационные письма об устранении причин самовольного ухода несовершеннолетнего. В случае систематических фактов ухода несовершеннолетних из одного такого учреждения необходимо направлять обобщенную информацию в региональные органы профилактики.

Последнее направление взаимодействия нашло свое отражение в межведомственных методических рекомендациях — Алгоритме взаимодействия государственных органов, волонтерских организаций и добровольцев при организации и осуществлении розыска без вести пропавших граждан, в том числе несовершенно-

¹³ В СК России проанализированы случаи безвестного исчезновения детей // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. 2024. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1388689> (дата обращения: 21.02.2024).

¹⁴ Приговор № 1-53/2017 1-790/2016 от 27 октября 2017 г. по делу № 1-53/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: [база данных]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cNj7F7ep3lNP> (дата обращения: 10.04.2024).

¹⁵ Приговор № 1-87/2015 от 8 июня 2015 г. по делу № 1-87/2015 // Судебные и нормативные акты РФ: [база данных]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QPrwQgBrKnxF> (дата обращения: 10.04.2024).

них¹⁶, в соответствии с п. 6.12 которого следователь при установлении местонахождения разыскиваемого несовершеннолетнего опрашивает (допрашивает) последнего с выяснением обстоятельств его исчезновения. При выявлении нарушений со стороны родителей или сотрудников указанных учреждений — инициирует проведение соответствующих проверок, направляет в компетентные органы государственной власти представления и информационные письма с целью устранения выявленных причин и привлечения виновных к ответственности.

При получении следователем сведений о бездействии органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних для установления всех обстоятельств совершенного преступления, а также причин и условий, которые способствовали совершению преступления, целесообразным является возбуждение уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ (халатность).

Так, в Челябинске П. обратилась в правоохранительные органы с заявлением о безвестном исчезновении своего семимесячного сына, которого якобы похитили во время прогулки вместе с детской переноской. В ходе следствия установлено, что родители после совместного употребления спиртного нанесли ребенку побои, от причиненных телесных повреждений мальчик скончался, после чего родители сбросили тело ребенка в реку, где оно впоследствии было обнаружено. Следствием установлено, что фактически сразу после родов органы опеки изъяли ребенка, однако вскоре вернули, якобы в связи с исправлением матери, хотя мать ребенка злоупотребляла спиртным. По факту бездействия должностных лиц органов соцзащиты, не должным образом осуществлявших надзор за неблагополучной семьей, следственными органами возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ.

Приговором суда признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ, Е., занимавшая должность начальника отдела опеки и попечительства му-

ниципального казенного учреждения. В ходе следствия и суда установлено, что в период с июля по март следующего года в приемной семье безвестно исчез приемный ребенок. По данному факту возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, в рамках которого следователем в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ внесено представление о снятии опеки с других проживающих в семье приемных детей. При этом осужденная надлежащим образом свои должностные обязанности по проверке условий жизни несовершеннолетних в приемной семье и отобранию их из семьи не выполняла, что повлекло совершение приемным родителем преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, в отношении другого опекаемого ребенка¹⁷.

Таким образом, рассмотрение вопроса о привлечении к ответственности органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по уголовным делам указанной категории взаимосвязано с расследованием основного уголовного дела, возбужденного по факту безвестного исчезновения несовершеннолетнего. Согласимся с мнением С.В. Гурдина, который справедливо отмечает, что в уголовном судопроизводстве законодателем заложен эффективный профилактический и воспитательный потенциал, который раскрывается при производстве процессуальных действий, которые в своем комплексном взаимодействии оказывают профилактико-воспитательное влияние¹⁸.

В Удмуртской Республике факты систематического безвестного исчезновения несовершеннолетних, их профилактика рассматриваются на заседаниях Экспертного совета по анализу чрезвычайных происшествий, несчастных случаев и фактов жестокого обращения с детьми при Министерстве социальной политики и труда Удмуртской Республики (далее — Экспертный совет), на которых оценивается своевременность, качество и эффективность принимаемых мер индивидуальной профилактической и реабилитационной работы с пострадавшими детьми. В заседаниях Экспертного совета участвует со-

¹⁶ Алгоритм взаимодействия государственных органов, волонтерских организаций и добровольцев при организации и осуществлении розыска без вести пропавших граждан, в том числе несовершеннолетних (методические рекомендации): утв. МВД России, СК России, МЧС России // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

¹⁷ Приговор Мысковского городского суда Кемеровской области от 24 апреля 2017 г. по делу № 1-79/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: [база данных]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KLa0paB7bh6k> (дата обращения: 02.04.2024).

¹⁸ Гурдин С.В. Уголовное судопроизводство как средство профилактики преступлений в сфере незаконной миграции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 89.

трудник контрольно-следственного отдела СУ СК России по УР. Факты самовольного ухода несовершеннолетних анализируются и систематизируются. При наличии просчетов в работе органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в частности муниципальной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, им членами Экспертного совета даются рекомендации.

Так, в текущем году на заседании Экспертного совета рассмотрен факт безвестного исчезновения двух малолетних девочек, в отношении которых во время безвестного отсутствия совершены преступления против их половой неприкосновенности. На заседании Экспертного совета установлено, что одна из малолетних ранее обсуждалась на комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в связи с неоднократными уходами из дома. Кроме того, установлено, что преступления в отношении малолетних совершались продолжительное время ночью, однако родители несовершеннолетних каких-либо мер к поиску детей не принимали. К сожалению, данный факт не был установлен в ходе расследования, поэтому не послужил основанием для выдвижения версии о совершении в отношении них преступлений, что свидетельствует о необходимости осуществления данной формы взаимодействия следственных органов и органов профилактики на уровне субъектов России.

С учетом позиции представителя следственного управления, по рекомендации Экспертного совета муниципальной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав законные представители несовершеннолетних привлечены к административной ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ.

Подводя итог, считаем необходимым отметить следующее.

1. Обстоятельства, характеризующие личность несовершеннолетнего, а также его семью, сведения, имеющиеся в распоряжении органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, должны быть собраны и проанализированы следователем незамедлительно после поступления сообщения о безвестном исчезновении несовершеннолетнего с целью формирования основных следственных версий, требующих проверки. В частности, в случае безвестного исчезновения несовершеннолетнего из неблагополучной семьи необходимо тщательно анализировать обстоятельства, характеризующие личность членов семьи, ее состав,

проведенную органами профилактики работу. В случае установления семейного неблагополучия незамедлительно формировать и проверять версию о возможной причастности к совершению преступления в отношении несовершеннолетнего членов семьи, а также близких лиц. При этом необходимо учитывать, что дети могут стать жертвой несчастного случая, что чаще всего бывает в сельской местности.

2. В случае установления в ходе расследования уголовного дела обстоятельств совершения административного правонарушения, в частности предусмотренного ст. 5.35 КоАП РФ, при реализации следователем полномочий, предусмотренных ч. 2 ст. 158 УПК РФ, в обоснование совершения административного правонарушения необходимо направлять копии материалов уголовного дела, достаточные для составления протокола об административном правонарушении.

3. Представления в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ необходимо вносить на первоначальном этапе расследования с целью своевременного и оперативного устранения причин и условий, способствовавших совершению преступления, и недопущения новых. При наличии оснований возбуждать уголовные дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ, по факту бездействия, повлекшего наступление тяжких последствий.

4. В случае установления местонахождения несовершеннолетнего информацию необходимо направлять в органы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних с целью организации профилактической работы с несовершеннолетним. При этом во всех случаях необходимо информировать муниципальные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав для реализации обязанностей, возложенных на них Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В случае повторных фактов самовольных уходов несовершеннолетних информацию о них необходимо направлять в региональные органы системы профилактики.

5. Обсуждение фактов безвестного исчезновения несовершеннолетних на региональном уровне является эффективной мерой их профилактики, поскольку в данном случае органы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних при отсутствии эффективной работы на местах могут оказать методическую помощь в организации индивидуальной профилактической работы с не-

совершеннолетним и с его семьей, а при необходимости дать указания для привлечения виновных лиц к административной ответственности.

Список литературы

1. Антонов О.Ю. Виды взаимодействия с контрольно-надзорными органами при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений // Российский следователь. 2021. № 4. С. 3—7. doi: 10.18572/1812-3783-2021-4-3-7.
2. Вытовтова Н.И. Решение криминалистических задач деятельности по розыску без вести пропавших лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1977. 22 с.
3. Гаскаров И.Ф., Шишкина Е.В. О некоторых проблемах розыска несовершеннолетних, самовольно покинувших учреждения государственного содержания // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3. С. 73—81. doi: 10.34076/2410-2709-2020-73-81.
4. Гурдин С.В. Уголовное судопроизводство как средство профилактики преступлений в сфере незаконной миграции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 85—90.
5. Захарова В.О. О некоторых ошибках, допускаемых в ходе установления обстоятельств безвестного исчезновения несовершеннолетних // Проблемы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 218—221.
6. Исмаилов Ч.М. Теоретические и практические проблемы совершенствования взаимодействия субъектов розыска безвестно исчезнувших лиц // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 154—160.
7. Котязов А.В. Взаимодействие следователей и сотрудников других служб правоохранительных органов в розыске несовершеннолетних, пропавших без вести // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 231—236.
8. Кудра Д.М. Проблемы организации розыска несовершеннолетних, пропавших без вести и самовольно ушедших из семей или специализированных государственных учреждений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 4 (41). С. 52—59.
9. Попова Т.В., Котязов А.В. Некоторые аспекты раскрытия и расследования преступлений, связанных с исчезновением несовершеннолетних, совершенных членами семьи пропавшего // Закон и право. 2019. № 8. С. 124—127. doi: 10.24411/2073-3313-2019-10367.

10. Hedges Ch. Understanding and managing risk in the context of missing persons. A decision-making guide to help assess the risk and urgency of a missing person case. Brussels: AMBER Alert Europe, 2017. 40 p. URL: <https://www.icmec.org/wp-content/uploads/2017/03/Risk2016.pdf> (accessed May 2, 2024).

References

1. Antonov, O.Ju. (2021) Vidy vzaimodejstvija s kontrol'no-nadzornymi organami pri vyjavlenii, rassledovanii i preduprezhdenii prestuplenij [Types of cooperation with control and supervisory authorities in detection, investigation and prevention of crimes]. *Rossiiskij sledovatel'*, no. 4, pp. 3—7. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2021-4-3-7.
2. Vytovtova, N.I. (1977) Reshenie kriminalisticheskikh zadach dejatel'nosti po rozysku bez vesti propavshih lic [Solving forensic problems in the search for missing persons]. Abstract of Ph. D. thesis. Izhevsk, 22 p. (In Russ.).
3. Gaskarov, I.F. & Shishkina, E.V. (2020) O nekotorykh problemah rozyska nesovershennoletnih, samovol'no pokinuvshih uchrezhdenija gosudarstvennogo soderzhaniya [Some problems of the search for minors who arbitrarily left state institutions]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, no. 3, pp. 73—81. (In Russ.). doi: 10.34076/2410-2709-2020-73-81.
4. Gurdin, S.V. (2022) Ugolovnoe sudoproizvodstvo kak sredstvo profilaktiki prestuplenij v sfere nezakonnoj migracii [Criminal proceedings as a means of preventing crimes in the sphere of illegal migration]. *Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia*, no. 3 (97), pp. 85—90. (In Russ.).
5. Zaharova, V.O. (2020) O nekotorykh oshibkah, dopuskaemyh v hode ustanovleniya obsto-jatel'stv bezvestnogo ischeznovenija nesovershennoletnih [On some mistakes made in the course of establishing the circumstances of the unknown disappearance of minors]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, no. 1, pp. 218—221. (In Russ.).
6. Ismailov, Ch.M. (2015) Teoreticheskie i prakticheskie problemy sovershenstvovaniya vzaimodejstvija sub'ektov rozyaska bezvestno ischeznuvshih lic [Theoretical and practical problems of improving the interaction of subjects of search for missing persons]. *Juridicheskaja nauka*, no. 4, pp. 154—160. (In Russ.).
7. Kotjzhov, A.V. (2011) Vzaimodejstvie sledovatelej i sotrudnikov drugih sluzhzb pravoohra-

nitel'nyh organov v rozyske nesovershennoletnih, propavshih bez vesti [Interaction of inspectors and employees of other services of law enforcement bodies in search of the minors who were missing]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 6, pp. 231–236. (In Russ.).

8. Kudra, D.M. (2020) Problemy organizatsii rozyska nesovershennoletnih, propavshih bez vesti i samovol'no ushedshih iz semej ili specializirovannyh gosudarstvennyh uchrezhdenij [Problems of organizing search for minors gone missing and abandoned their families or specialized state-run institutions]. *Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 4 (41), pp. 52–59. (In Russ.).

9. Popova, T.V. & Kotjashov, A.V. (2019) Nekotorye aspekty raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s ischeznoeniem nesovershennoletnih, sovershennyh chlenami sem'i propavshego [Some aspects of the detection and investigation of crimes related to the disappearance of minors committed by family members of the missing person]. *Zakon i pravo*, no. 8, pp. 124–127. (In Russ.). doi: 10.24411/2073-3313-2019-10367.

10. Hedges, Ch. (2017) Understanding and managing risk in the context of missing persons. A decision-making guide to help assess the risk and urgency of a missing person case. Brussels, AMBER Alert Europe, 40 p. URL: <https://www.icmec.org/wp-content/uploads/2017/03/Risk2016.pdf> (accessed May 2, 2024).

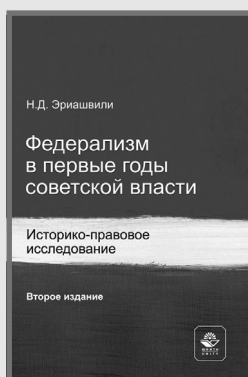
Информация об авторе

Е.О. Еремеева — аспирант Удмуртского государственного университета, старший инспектор первого контрольно-следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике.

Information about the author

E.O. Eremeeva – Postgraduate student at the Udmurt State University, Chief inspector of the First Control and Investigative Department of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Udmurt Republic.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Эриашвили Н.Д. Федерализм в первые годы советской власти. Историко-правовое исследование: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. 159 с.

ISBN 978-9941-9818-4-5
Агентство СІР РГБ

В переработанном и дополненном издании монографии раскрыты истоки формирования федерализма в советском государстве, а также развитие и модернизация федеративных отношений. На примере Советского Туркестана (1918—1924 гг.) исследованы закономерности зарождения и последующего развития федерализма как одной из форм человеческого общежития, не утратившей своего значения и в настоящее время. Всесторонний анализ состояния федерализма, а также переориентация принципов федерализма актуальны сегодня для реализации целей устойчивого развития и национальной безопасности государства.

Для преподавателей, аспирантов (адъюнктов), правоприменителей, осуществляющих правотворческую деятельность, а также всех, интересующихся историей формирования советского государства в России.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 162—168.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, no. 4, pp. 162–168.

УДК 343.983
doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.020

NIION: 2015-0065-04/24-271
MOSURED: 77/27-010-2024-04-470

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Экспертно-криминалистическая деятельность в Российской Федерации и в Республике Беларусь: сравнительный анализ

Илья Леонидович Жаркевич

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
Москва, Россия, Iliazharkevich1945@gmail.com

Аннотация. В статье кратко изложены некоторые аспекты исторического анализа возникновения и последующего развития экспертно-криминалистической деятельности в Российской Федерации и Республике Беларусь; дается определение, обозначены некоторые особенности её организации и правовой регламентации в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь.

Раскрываются отдельные организационно-прикладные особенности экспертно-криминалистической деятельности в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Беларусь. Отдельно отмечается, что деятельность Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь в настоящее время законодательно не признана как правоохранительная, а значит, непосредственно не направлена на раскрытие и расследование преступлений. Делается вывод о наличии определенных характерных особенностей экспертно-криминалистической деятельности; аргументируется необходимость программно-целевого межведомственного научного исследования в целях формирования государственных систем научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Беларусь.

Уточняются некоторые наиболее выраженные способы применения специальных знаний в форме экспертно-криминалистической деятельности и судебно-экспертной деятельности. Отмечаются отдельные положительные и отрицательные факторы, оказывающие влияние на организацию деятельности специалистов (криминалистов) как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь.

Ключевые слова: уголовная регистрация, научно-технические средства, уголовное судопроизводство, экспертно-криминалистическая деятельность, раскрытие и расследование преступлений, поисково-познавательная деятельность.

Научный руководитель: А.Ф. Волынский, профессор кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Для цитирования: Жаркевич И.Л. Экспертно-криминалистическая деятельность в Российской Федерации и в Республике Беларусь: сравнительный анализ // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 162—168. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.020.

Forensic expertise in the Russian Federation and in the Republic of Belarus: comparative analysis

Ilya L. Zharkevich

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, Iliazharkevich1945@gmail.com

Abstract. The article summarizes some aspects of the historical analysis of the emergence and subsequent development of forensic activities in the Russian Federation and the Republic of Belarus, defines the forensic expert activity, and identifies some features of its organization and legal regulation in the State Committee of Forensic Examinations of the Republic of Belarus.

The article reveals some organizational and applied features of forensic expertise in the system of scientific and technical support of criminal proceedings in the Russian Federation and the Republic of Belarus. It is separately noted

that the activities of the State Committee of Forensic Examinations of the Republic of Belarus are currently not legally recognized as law enforcement, that is, they are not directly aimed at solving and investigating crimes. The conclusion is made about the presence of certain characteristic features of forensic expertise; the necessity of program-oriented interdepartmental scientific research in order to form state systems of scientific and technical support for criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Belarus is argued.

Some of the most pronounced ways of applying special knowledge in the form of forensic expert activity and forensic expertise are being clarified. Some positive and negative factors influence the organization of the activities of specialists (criminologists) both in the Russian Federation and in the Republic of Belarus.

Keywords: criminal registration, scientific and technical means, criminal proceedings, forensic activities, detection and investigation of crimes, search and educational activities.

Research supervisor: A.F. Volynsky, Professor of the Department of Forensic and Operational Investigative Activities of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Professor of the Department of Criminalistics of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation.

For citation: Zharkevich, I.L. (2024) Forensic expertise in the Russian Federation and in the Republic of Belarus: comparative analysis. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 162—168. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.020.

Началу формирования системы научно-технического обеспечения в Российской империи способствовали события середины XIX века, а именно: набирающая обороты промышленная революция, массовая урбанизация российских и белорусских земель и рост преступности. Проявился запрос общества на разработку действенных и гуманных методов противодействия её нарастающим угрозам. Этому способствовали достижения того периода времени в области естественных и технических наук. Соответственно, изменялись организационные и правовые формы прикладного применения их возможностей для удовлетворения потребностей общества и государства, в том числе в борьбе с преступностью.

Под влиянием этих факторов в Российской империи, в составе которой на тот момент находилась и Беларусь, была введена уголовная регистрация преступников: антропометрическая (1890 г.), а затем дактилоскопическая (1907 г.). В начале она, замечает Р.С. Белкин, «воспринималась в основном как формальная система учета преступников на основе их биометрических данных и применялась в отношении лиц, осужденных за совершенные ими преступления, отбывавших наказание в местах лишения свободы, находившихся в ведении Министерства юстиции»¹.

Однако фактически в то же время на неё обратили внимание и в Департаменте полиции Российской империи, о чем «свидетельствуют соответствующие циркуляры: от 25 сентября 1901 г. № 4789, в котором предписывалось губернаторам организовать „антропологические

станции“, уже действовавшие к тому времени в столице и в 18 городах империи; от 26 сентября 1907 г. № 150270, которым губернские управления полиции обязывались организовать дактилоскопическую регистрацию. При этом объявлялись „Правила для обнаружения, сохранения и фотографирования следов отпечатков кожных линий пальцев рук, обнаруживаемых на местах происшествий“»².

Этими правовыми актами, замечает в своих публикациях А.Ф. Волынский, было положено начало зарождению и развитию отечественной криминалистики, а вместе с тем экспертно-криминалистической деятельности и осуществляющей её службы в системе МВД. После Октябрьской революции, по его мнению, фактически были реанимированы в виде научно-технических отделов (НТО) милиции действовавшие ранее регистрационные бюро (станции), с теми же задачами, функциями и с той же организацией деятельности, когда их сотрудники осуществляли и поисково-познавательную (экспертно-криминалистическую), и исследовательскую (судебно-экспертную) деятельность (ЭКД и СЭД)³.

Следует заметить, что именно в это время в регистрационных бюро полиции Российской империи начинала своё постепенное становление экспертно-криминалистическая деятельность, а в уголовном судопроизводстве обозначился новый субъект — специалист-криминалист, который совмещал функции собирания доказательств и их исследования, в том числе в форме крими-

¹ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М., 1999. С. 7.

² Колдаев В.М. Из истории практической криминалистики в России: применение научных методов работы в розыске и расследовании преступлений: факты, документы, комментарии. М., 2005.

³ Волынский А.Ф. От уголовной регистрации к компьютерной криминалистике. Избранное. М., 2023.

налистической экспертизы. Функционирование регистрационных бюро, а затем НТО милиции в Российской империи, в том числе и в Республике Беларусь, а позже и в СССР представляется примечательным тем, что впервые сформировалась системно организованная ЭКД — по поиску, обнаружению, исследованию, систематизации и использованию источников разыскной и доказательственной информации. Отдельно заметим, что регистрация была сопряжена с производством идентификационных исследований, а фактически криминалистических (судебных) экспертиз.

В научной литературе по криминалистике обобщенно деятельность представляется как специфическая человеческая, регулируемая сознанием внутренняя и внешняя активность, порождаемая потребностью⁴. В настоящее время такая потребность обусловлена активным видоизменением преступности, связанным с ускоряющимся научно-техническим прогрессом. Общество вновь оказалось перед необходимостью противодействия возрастающим угрозам преступности⁵.

Термин «криминалистическая деятельность» впервые вводится в научный оборот Р.Г. Домбровским, особо подчеркивавшим, что в чистом виде её не существует⁶. И тем не менее эта новелла вызвала как положительную, так и отрицательную реакцию. Негативное отношение к выделению этого вида деятельности неоднократно высказывал Р.С. Белкин, заметивший, что «нет и не может быть никакой „криминалистической деятельности“ в процессе расследования, помимо деятельности процессуальной, оперативно-разыскной или административно-правовой»⁷.

Такое мнение, как нам представляется, объясняется тем, что Р.С. Белкин рассматривал криминалистическую деятельность в аспекте использования специальных знаний в процессе расследования, не придавая должного значения

тому, что она является особенной категорией, включающей криминалистическое обеспечение и криминалистическое сопровождение раскрытия и расследования преступлений.

Фактически эти научно-практические категории определяют содержание экспертно-криминалистической деятельности как одного из основных направлений деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (Федеральный закон «О полиции» № 3-ФЗ от 07.02.2011, п. 12 ч. 1 ст. 2). Примечательно в этом отношении мнение С.В. Лаврухина, заметившего, что «отрицание криминалистической деятельности равносильно отрицанию криминалистики. Деятельность этого вида объективно существует на практике. Решение многих организационных вопросов расследования, выдвижение версий, планирование расследования и многое другое — все это криминалистическая деятельность в чистом виде»⁸.

Понятие криминалистического обеспечения ввел в научный оборот в 1979 г. В.Г. Коломацкий, определивший его как «систему внедрения в практическую деятельность должностных лиц, подразделений, служб органов внутренних дел... криминалистических знаний, воплощенных в умении работников органов внутренних дел использовать научные, методические и тактические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения»⁹. По существу, весьма схожее определение криминалистического обеспечения, но в несколько уточненной редакции сформулировал Р.С. Белкин¹⁰.

В Республике Беларусь криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений было предметом изучения таких ученых, как Г.И. Грамович, В.М. Логвин, Г.Н. Мухин, А.П. Пацкевич, А.С. Рубис и др. Так, по мнению А.П. Пацкевича, криминалистическое обеспечение расследования преступлений понимается как «деятельность должностных лиц и подразделений ОВД, характеризующаяся комплек-

⁴ Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской. М., 1999. С. 107.

⁵ Криминалистика: учебник: в 3 т. Т. 1. История, общая и частные теории / под ред. Р.С. Белкина [и др.]. М., 1995. С. 23–28.

⁶ Домбровский Р.Г. Криминалистическая деятельность и криминалистические отношения // Ученые записки Латвийского государственного университета имени Петра Стучки. Т. 188. Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Рига, 1973. С. 118.

⁷ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 9.

⁸ Лаврухин С.В. Предмет, задачи, методы и система криминалистики: лекция. Саратов, 1997. С. 9.

⁹ Коломацкий В.Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений // Криминалистика: учебник: в 3 т. Т. 1. История, общая и частные теории / под ред. Р.С. Белкина [и др.]. М.: Академия МВД России, 1995. С. 62.

¹⁰ Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М., 1997. С. 26.

сным подходом к решению взаимосвязанных правовых, организационных, материально-технических и учебно-методических задач, возникающих при расследовании преступлений»¹¹.

В настоящее время в российской и белорусской криминалистике доминирует определение криминалистического обеспечения, данное А.Ф. Волынским, который представил его как «комплексную по своему содержанию деятельность, направленную на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций в целях раскрытия и расследования преступлений»¹². А формирование таких условий предполагает осуществление научных исследований в целях разработки применяемых методов, средств и рекомендаций для освоения современных достижений науки и техники, а вместе с тем организационных и правовых основ их применения в следственной практике криминалистической подготовки субъектов раскрытия и расследования преступлений и специалистов. Соответственно, результаты криминалистического обеспечения реализуются в форме криминалистического сопровождения как практической реализации «условий постоянной готовности» в повседневной деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

Криминалистическое сопровождение, или научно-техническое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, по своему содержанию, как нам представляется, характеризуется последовательным осуществлением двух тесно взаимосвязанных видов деятельности. Первый — поисково-познавательная, или экспертно-криминалистическая, задачей которой является установление факта преступления и признаков лица, подозреваемого в его совершении, для организации его поиска; второй — судебно-экспертная деятельность, которая характеризуется исследованием изъятых следов преступлений в целях, указанных в постановлении о назначении экспертизы.

При этом ЭКД коренным образом отличается от СЭД не только по решаемым задачам, но

и условиям их решения, используемым методам и средствам. Этот вид деятельности — ЭКД предусматривает использование различных по конструкции технических средств, в то время как СЭД осуществляется для решения задач, определяемых инициатором проведения экспертизы в постановлении о её назначении, причем она подразумевает проведение исследования на основе заранее разработанных и апробированных методик с учетом особенностей представленных на исследование объектов.

Следует отметить, что термин «экспертно-криминалистическая деятельность» сегодня широко используется в юридической и специальной литературе, в ведомственных нормативно-правовых актах и в практической деятельности правоохранительных органов как Российской Федерации, так и Республики Беларусь. Однако в настоящее время правовая регламентация этой деятельности в наших странах отсутствует. При этом научно не определены концептуально важные положения ЭКД: её понятие, система, задачи, правовая оценка ее результатов, а также соотношение с СЭД.

Более того, осуществление ЭКД в Республике Беларусь возложено на Государственный комитет судебных экспертиз (ГКСЭ), который по положению о нем, утвержденному президентом, не относится к правоохранительным органам, и, как следствие, его сотрудники воспринимают такую деятельность как дополнительную, но формальную служебную нагрузку, без ориентации на ее конечную цель — раскрытие и расследование преступлений.

Между тем важной уникальной особенностью ЭКД является ее поисково-познавательная сущность, служащая целям решения задач, связанных с обнаружением, фиксацией, изъятием и предварительным исследованием следов преступлений¹³, источников разыскной и доказательственной информации, с ее безотлагательной проверкой, в том числе по криминалистическим учетам. И немедленной реализацией положительных результатов.

И тем не менее сегодня сотрудники ГКСЭ вносят весомый вклад в деятельность правоохранительных органов по осуществлению уголовного судопроизводства на территории Республики Беларусь. Его значимость можно выявить по дан-

¹¹ Пацкевич А.П. Криминалистическое обеспечение предварительного расследования. Общая часть: курс лекций. Минск, 2011. С. 17.

¹² Волынский А.Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. М., 1999.

¹³ В данном контексте понятие «след» рассматриваем в узком смысле как материальные последствия, которые представляют собой отображение признаков одного объекта на другом при их контактном взаимодействии.

ным социологического исследования. В ходе опроса сотрудников экспертно-криминалистических подразделений ГКСЭ г. Минска 77 % отметили, что четыре-пять раз в неделю они привлекаются в качестве специалистов для проведения осмотра места происшествия. В рамках этого следственного действия осуществляется экспресс-анализ изымаемых объектов, устанавливается их связь с событием преступления. Основными инициаторами этого вида деятельности являются следователи Следственного комитета Республики Беларусь (78 %) и должностные лица органов внутренних дел (22 %).

Но особо отметим, что в Республике Беларусь, как и в Российской Федерации, в организации ЭКД сохраняются организационно-правовые формы, сложившиеся, как справедливо замечает А.Ф. Волынский, более 100 лет назад, при введении в Российской империи уголовной регистрации и создании в органах полиции регистрационных бюро, в которых в одном лице совмещались функции эксперта и специалиста, что неблагоприятно отражалось и отражается на производительности их труда в статусе первых и на его результативности в качестве вторых. При этом практически отсутствует их универсальная профессиональная подготовка как специалистов с ориентацией на формирование навыков и умений работы с различными по природе и механизму образования следами преступлений с использованием функционально разнообразной, конструктивно сложной поисковой техники¹⁴.

В этом аспекте представляется положительным опыт криминалистических отделов центрального аппарата и областных управлений Следственного комитета Республики Беларусь, которые имеют в своем арсенале достаточно широкую номенклатуру современного оборудования для осуществления ЭКД в рамках уголовного судопроизводства. Кстати, в Следственном комитете Российской Федерации в настоящее время действует институт следователей-криминалистов. Находясь в штатах следственных подразделений и действуя при необходимости в режиме быстрого реагирования, они обеспечивают технико-криминалистическое сопровождение в рамках уголовного судопроизводства¹⁵.

Несмотря на обширное использование понятия экспертно-криминалистической деятельности в научной литературе, согласованное и устойчивое её определение так и не сложилось. По нашему мнению, её можно представить как поисково-познавательную деятельность специалиста-криминалиста на основании норм уголовно-процессуального кодекса. Она характеризуется множеством индивидуальных особенностей и неизвестных по каждой конкретной ситуации, поэтому представляется намного более сложной, чем производство криминалистических (судебных) экспертиз в лабораторных условиях с использованием апробированных методов¹⁶. Это предопределено тем, что специалист-криминалист осуществляет свою деятельность в полевых условиях, с разнообразными следами преступления, в нестандартных ситуациях¹⁷. ЭКД, как и любая иная деятельность, имеет свои характерные особенности в части научного исследования проблем практики её использования.

1. В основе ЭКД лежит использование специальных знаний, а как следствие, участие специалиста в следственных действиях. Эффективность ЭКД предопределяется комплексным совершенствованием технико-криминалистических методов и средств, организации и нормативно-правовой регламентации их использования в целях собирания и исследования следов преступления, а соответственно, универсальной профессиональной подготовкой специалистов.

2. Основная задача ЭКД — оказание помощи следователю в собирании источников разыскной и доказательственной информации, обнаружение, фиксация и исследование следов преступления с использованием технических средств. Наиболее характерной особенностью ЭКД является её поисково-познавательная сущность в условиях со множеством неизвестных в отношении места и результатов поиска, их качественных характеристик и состояния на момент обнаружения материальных следов как источников разыскной и в последующем доказательственной информации.

¹⁴ Волынский А.Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 90–100.

¹⁵ Приказ СК России от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Волынский А.Ф. Реформа судебно-экспертной и технико-криминалистической деятельности как необходимость // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 186—191.

¹⁷ Волынский А.Ф., Тишутина И.В. Судебная экспертиза в системе научно-технического обеспечения поисково-познавательной деятельности при расследовании преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4-2. С. 9—17.

3. Конечной целью ЭЖД является содействие правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступлений путем использования специальных знаний и соответствующих средств криминалистической техники. Показатели этой деятельности в их математически-предметном выражении характеризуют её результативность, а в конечном итоге — эффективность деятельности правоохранительных органов в рамках уголовного судопроизводства.

Вышеуказанное позволяет определить ЭЖД как наиболее ярко выраженную организационно-правовую форму использования специальных знаний в целях раскрытия и расследования преступлений путем применения технико-криминалистических методов, средств и специальных знаний.

Список литературы

1. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М.: НОРМА, 1999. 486 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА, 2001. 237 с.
3. Волынский А.Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 90—100.
4. Волынский А.Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. М., 1999. 65 с.
5. Волынский А.Ф. От уголовной регистрации к компьютерной криминалистике. Избранное. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 503 с.
6. Волынский А.Ф. Реформа судебно-экспертной и технико-криминалистической деятельности как необходимость // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 186—191.
7. Волынский А.Ф., Тишутина И.В. Судебная экспертиза в системе научно-технического обеспечения поисково-познавательной деятельности при расследовании преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4-2. С. 9—17.
8. Домбровский Р.Г. Криминалистическая деятельность и криминалистические отношения // Ученые записки Латвийского государственного университета имени Петра Стучки. Т. 188. Совершенствование уголовного и уголовно-процес-

суального законодательства. Рига: ЛГУ им. Петра Стучки, 1973. С. 114—136.

9. Колдаев В.М. Из истории практической криминалистики в России: применение научных методов работы в розыске и расследовании преступлений: факты, документы, комментарии. М.: ЛексЭст, 2005. 373 с.

10. Коломацкий В.Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений // Криминалистика: учебник: в 3 т. Т. 1. История, общая и частные теории / под ред. Р.С. Белкина [и др.]. М.: Академия МВД России, 1995. С. 61—77.

11. Криминалистика: учебник: в 3 т. Т. 1. История, общая и частные теории / под ред. Р.С. Белкина [и др.]. М.: Академия МВД России, 1995. 278 с.

12. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М.: Новый юрист, 1997. 398 с.

13. Лаврухин С.В. Предмет, задачи, методы и система криминалистики: лекция. Саратов: Саратовская высшая школа МВД РФ, 1997. 29 с.

14. Пацкевич А.П. Криминалистическое обеспечение предварительного расследования. Общая часть: курс лекций. Минск: Академия МВД, 2011. 171 с.

15. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской. М.: Юрист, 1999. 551 с.

References

1. Belkin, R.S. (1999) Istoriya otechestvennoy kriminalistiki [The history of domestic criminology]. Moscow, NORMA, 486 p. (In Russ.).
2. Belkin, R.S. (2001) Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki [Criminalistics: problems of today. Topical issues of Russian criminology]. Moscow, NORMA, 237 p. (In Russ.).
3. Volynsky, A.F. (2019) K stoletiyu ekspertno-kriminalisticheskoy sluzhby MVD Rossii: nevyuchennye uroki istorii [To the centenary of the forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia: unlearned lessons of history]. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, no. 4 (52), pp. 90—100. (In Russ.).
4. Volynsky, A.F. (1999) Kontseptual'nye osnovy tekhniko-kriminalisticheskogo obespecheniya raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy [Conceptual foundations of technical and forensic

support for the disclosure and investigation of crimes]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 65 p. (In Russ.).

5. Volynsky, A.F. (2023) Ot ugovnoy registratsii k komp'yuternoy kriminalistike. Izbrannoe [From criminal registration to computer forensics. Collected works]. Moscow, UNITY-DANA, 503 p. (In Russ.).

6. Volynsky, A.F. (2018) Reforma sudebno-ekspertnoy i tekhniko-kriminalisticheskoy deyatel'nosti kak neobkhodimost' [The reform of the judicial expert and technical and forensic activities as the need]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 3, pp. 186–191. (In Russ.).

7. Volynsky, A.F. & Tishutina, I.V. (2018) Sudebnaya ekspertiza v sisteme nauchno-tekhnicheskogo obespecheniya poiskovo-poznavatel'noy deyatel'nosti pri rassledovanii prestupleniy [Judicial expertise in the system of scientific and technical support of searching and cognitive activities in the investigation of crimes]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, no. 4-2, pp. 9–17. (In Russ.).

8. Dombrovsky, R.G. (1973) Kriminalisticheskaya deyatel'nost' i kriminalisticheskie otnosheniya [Criminalistic activity and criminalistic relations]. In: *Uchenye zapiski Latviyskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Petra Stuchki [Scientific notes of the Latvian State University named after Peter Stuchka]*. Vol. 188. *Sovershenstvovanie ugovnogo i ugovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [Improvement of criminal and criminal procedure legislation]*. Riga, Latvian State University, pp. 114–136. (In Russ.).

9. Koldaev, V.M. (2005) Iz istorii prakticheskoy kriminalistiki v Rossii: primeneniye nauchnykh metodov raboty v rozyске i rassledovanii prestupleniy: fakty, dokumenty, kommentarii [From the history of practical criminology in Russia: the application of scientific methods of work in the

search and investigation of crimes: facts, documents, comments]. Moscow, LeksEst, 373 p. (In Russ.).

10. Kolomatsky, V.G. (1995) Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti organov vnutrennikh del po rassledovaniyu prestupleniy [Forensic support of the activities of the internal affairs bodies in the investigation of crimes]. In: *Kriminalistika [Criminalistics]. Textbook. Vol. 1. Istoriya, obshchaya i chastnye teorii [History, general and particular theories]*. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 61–77. (In Russ.).

11. Belkin, R.S. et al. (eds.) (1995) Kriminalistika [Criminalistics]. Textbook. Vol. 1. Istoriya, obshchaya i chastnye teorii [History, general and particular theories]. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 278 p. (In Russ.).

12. Aver'yanova, T.V. & Belkin, R.S. (eds.) (1997) Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti kriminal'noy militsii i organov predvaritel'nogo rassledovaniya [Criminalistic support for the activities of criminal police and preliminary investigation bodies]. Moscow, Novyy yurist, 398 p. (In Russ.).

13. Lavrukhin, S.V. (1997) Predmet, zadachi, metody i sistema kriminalistiki [Subject, tasks, methods and system of criminalistics]. Lecture. Saratov, Saratov Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 29 p. (In Russ.).

14. Patskevich, A.P. (2011) Kriminalisticheskoe obespechenie predvaritel'nogo rassledovaniya. Obshchaya chast' [Forensic support of the preliminary investigation. General part]. Lecture course. Minsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs, 171 p. (In Russ.).

15. Aver'yanova, T.V. & Rossinskaya, E.R. (eds.) (1999) Entsiklopediya sudebnoy ekspertizy [Encyclopedia of forensic examination]. Moscow, Yurist'', 551 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И.Л. Жаркевич — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

I.L. Zharkevich – Postgraduate student at the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Понятие, классификация электронных следов и их криминалистическое значение

Игорь Сергеевич Поляков

Московская академия Следственного комитета

имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия, polyakov_is@sledcom.ru

Аннотация. В настоящей статье автором на основании обобщения идей как отечественных, так и зарубежных специалистов сформулировано собственное определение электронных следов, разграничены смежные понятия. Раскрыт авторский подход к классификации электронных следов с примерами предметов исследования на основании акторно-сетевой теории (англ. *actor-network theory*) и разработок отечественных и зарубежных ученых, а также их криминалистическое значение с учетом теории рамочного анализа Эрвина Гофмана.

Ключевые слова: цифровые следы, электронные следы, виртуальные следы, электронные устройства, классификация следов преступлений.

Научный руководитель: О.Ю. Антонов, проректор (по учебной и научной работе) Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент.

Для цитирования: Поляков И.С. Понятие, классификация электронных следов и их криминалистическое значение // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 169—176. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.021.

Concept, classification of electronic traces and their forensic significance

Igor S. Polyakov

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee,

Moscow, Russia, polyakov_is@sledcom.ru

Abstract. In this article, the author has defined electronic traces and distinguished related concepts based on ideas of both national and foreign specialists in criminalistics. The author has elaborated his own approach to the classification of electronic traces with the examples based on actor-network theory (ANT) and developments of domestic and foreign scientists, as well as their forensic significance taking into account the theory of framework analysis presented by Erwin Hoffman.

Keywords: digital traces, electronic traces, virtual traces, electronic devices, classification of crime traces.

Research supervisor: O.Yu. Antonov, Vice-Rector (for academic and scientific work) of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Law, Associate Professor.

For citation: Polyakov, I.S. (2024) Concept, classification of electronic traces and their forensic significance. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 169–176. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.021.

По данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, за 2023 год число зарегистрированных преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации возросло на 29,7 %. Из них подавляющее большинство совершены с ис-

пользованием сети Интернет (77,8 %)¹. При расследовании подобных преступлений решающее значение имеют так называемые электронные следы, которые могут представлять кримина-

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 08.04.2024).

листическую ценность. В науке нет устоявшегося определения электронных следов, а равно единства с точки зрения терминологии, поэтому необходимо изучить существующие подходы.

Возникновение понятия «компьютерный след» (англ. *computer footprint* или *computer trace*) можно связать с распространением в американской доктрине, в частности в работах исследователя в области информационной безопасности Донна Б. Паркера, терминов «компьютерная преступность» (англ. *computer crime*) с начала 1960-х годов и «злоупотребление компьютером» (англ. *computer abuse*) с 1980-х годов². Последний был нормативно закреплён, в частности, в законах США от 22.06.1978 «О защите федеральных компьютерных систем» и от 16.10.1986 «О мошенничестве и злоупотреблении с использованием компьютеров», ставшем частью Закона США от 12.10.1984 «О всеобъемлющем контроле за преступностью». На сегодняшний день он включен в параграф 1030 Титула 18 Свода законов США.

В отечественной доктрине предлагался термин «компьютерно-технические следы» по аналогии с соответствующим видом судебной экспертизы³. Использование понятия «компьютерный след» считается устаревшим, поскольку оно отражает узкое понимание информации, значимой для уголовного процесса. Источником информации может выступать не только компьютер, но и иные носители. Однако на основании п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 37 от 15.12.2022 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет»⁴ (далее — ППВС РФ) возможно и расширительное толкование, поскольку, как

указывается, компьютерная информация может храниться как на компьютерных устройствах, так и на внешних электронных носителях, а под компьютерными устройствами понимаются электронно-вычислительные машины (ЭВМ) и иные электронные устройства. Исходя из вышеуказанного ППВС РФ, представляется, что наиболее широким понятием может являться электронный след (англ. *electronic footprint* или *electronic trace*). В этом случае необходимо провести разграничение с иными терминами, которые встречаются в науке.

Термин «цифровой след» или «цифровой отпечаток» (англ. *digital footprint*, *digital trace*, *digital artefact* или *digital fingerprint*)⁵ более часто употребим, поскольку фактически информация на устройствах представлена в виде двоичного кода 0 и 1, то есть цифр. По этой причине В.А. Милашев определяет его как бинарный результат логических и математических операций⁶. Электронный сигнал может быть как цифровым на основании импульсов, так и аналоговым, формируясь непрерывно во времени⁷. Сам электромагнитный сигнал как таковой уже считается слеодообразующим и следовоспринимаемым объектом⁸. Однако необходимо учитывать тенденции развития технологий — перспектива распространения использования троичной системы счисления и идей квантовой механики наводит на мысль о том, что двоичный код (и, как следствие, бинарный след) является устаревшим⁹. Во-первых, квантовые вычислитель-

² См. подробнее: Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М., 2002. С. 17.

³ Лыткин Н.Н. Использование компьютерно-технических следов в расследовании преступлений против собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 11.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 37 от 15.12.2022 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3. С. 3—8.

⁵ Взяв за образец комплексное исследование по киберпреступлениям Управления ООН по наркотикам и преступности 2013 года, многие иностранные ученые оперируют данными понятиями как синонимами, хотя они имеют разный смысловой оттенок. См. подробнее: Simonato M. Defence rights and the use of information technology in criminal procedure // *Revue Internationale de Droit Pénal*. 2014. Vol. 85, no. 1. P. 261—310; Comprehensive Study on Cybercrime. Draft. February 2013 [Electronic resource] // United Nations Office on Drugs and Crime. URL: http://www.unodc.org/documents/organized-crime/UNODC_CCPCJ_EG.4_2013/CYBER-CRIME_STUDY_210213.pdf (accessed March 19, 2024).

⁶ Милашев В.А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 18.

⁷ Калитин С.В. Доказательства электронные и цифровые // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 3586—3590.

⁸ Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под ред. В.Б. Вехова, С.В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024. С. 97.

⁹ Себякин А.Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники: монография. М., 2023. С. 24.

ные машины (компьютеры) в отличие от привычных компьютеров основаны на алгоритмах кубита (квантового бита), который может находиться в суперпозиции, тем самым занимая одновременно и 0, и 1. Во-вторых, троичная система счисления оперирует как цифрами (асимметричная), так и знаками (симметричная). В перспективе термин «цифровые следы» также может перестать быть актуальным.

В результате отражения¹⁰ физического явления в электронном формате на материальном носителе фиксируется лишь образ¹¹. По этой причине сведения, которые имеют криминалистически важное значение, собираются, анализируются и используются в преобразованном виде, как верно отмечает Н.Н. Лыткин¹².

Считается, что этимологически термин «электронный» образован от «электрона», который является заряженной элементарной частицей и обозначает элементарный электрический заряд. В свою очередь, как вид лептона он участвует в электромагнитном, слабом и гравитационном взаимодействиях¹³. Таким образом, понятие «электронный след» может охватывать большинство накопителей информации, основанных на действии электромагнитного поля, в частности внешние жесткие диски и USB-флеш-носители как внешние электронные носители.

Тем не менее из поля зрения выпадают фотонные вычислители на основе оптических микросхем и оптические диски, принцип действия которых основан на лазерном излучении, как верно отмечает А.Г. Себякин¹⁴. Однако первые являются лишь разработкой. Фотоны же, являющиеся основой лазера, также участвуют в электромагнитном взаимодействии.

Отечественные специалисты, в частности такие криминалисты, как В.Б. Вехов, предлагают обозначать следы как «виртуальные» (от лат. *virtualis* — «возможный» или «скрытый»). Термин «виртуальный» является устойчивым в квантовой теории поля¹⁵ (полевой

физике)¹⁶ при описании частиц, которые занимают промежуточное положение, а также в философии. В таком смысле характеристика термином «виртуальный» как пространства, так и следов представляется целесообразной, поскольку рассматриваемые следы нельзя отнести ни к материальным, ни к идеальным, что является преобладающей позицией среди отечественных и иностранных экспертов. Фактически вся разница заключается в том, где хранятся сведения: на отдельных носителях или в компьютерных системах и сетях, как указывает Е.Р. Россинская¹⁷. Лишь в первом случае электронные следы можно считать материальными, отмечает В.А. Мещеряков¹⁸.

Отмечается, что такого рода заимствование терминов может приводить к неопределенности с точки зрения понятийного аппарата, что представляется верным замечанием¹⁹. При этом в зарубежной литературе делается акцент на уголовно-процессуальных аспектах, то есть возможности (не)принятия в качестве доказательства на судебной стадии. Под цифровым (электронным, виртуальным) доказательством чаще всего понимают любую имеющую ценность информацию, которая хранится или передается в цифровой форме (англ. *digital evidence*, *electronic evidence*, *virtual evidence* могут употребляться как синонимы)²⁰. Информация может хотя и не признаваться доказательством, но все же использоваться для их дальнейшего

¹⁰ Это корреспондирует принципу отражения, описанному Р.С. Белкиным.

¹¹ Агибалов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010. С. 13.

¹² Лыткин Н.Н. Указ. соч. С. 11.

¹³ Электрон [Электронный ресурс] // Большая Российская Энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/elektron-1c39f0> (дата обращения: 26.03.2024).

¹⁴ Себякин А.Г. Указ. соч. С. 23.

¹⁵ Наиболее разработанной в теории является квантовая электродинамика, охватывающая изучение взаимодействия как электронов, так и фотонов и позитронов.

¹⁶ Полевая среда — посредник взаимного влияния удаленных объектов — виртуальных частиц. В полевой физике рассматриваются 2 модели полевой среды, которая является альтернативой формальному математическому подходу к полю и состоит из двух компонентов — электрического и гравитационного. См. подробнее: Виртуальные частицы [Электронный ресурс] // Полевая физика. URL: https://www.fieldphysics.ru/virtual_particles (дата обращения: 26.03.2024); Полевая среда [Электронный ресурс] // Полевая физика. URL: https://www.fieldphysics.ru/field_medium (дата обращения: 26.03.2024).

¹⁷ Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: монография / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2022. С. 46.

¹⁸ Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 33.

¹⁹ Олиндер Н.В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 3. С. 108.

²⁰ Определение, которое было дано Научной рабочей группой по цифровым доказательствам (англ. *Scientific Working Group on Digital Evidence*) в 1999 году, считается одним из самых распространенных.

получения²¹. Исходя из указанного определения, под цифровым следом словацкие криминалисты предлагают понимать информацию, которая хранится или передается в цифровой форме, относится к расследуемому событию и может быть сохранена, зафиксирована и расшифрована с помощью криминалистических или технических средств или методов.

Если делать упор именно на криминалистический аспект (англ. *criminalistics, forensic science*), то фактически цифровой след — это результат взаимодействия с цифровой средой вследствие любого ее изменения, которое имеет именно криминалистически важное значение²². Причем в перспективе речь может идти не только о цифровой среде с учетом развития технологий, обозначенных выше, но и об электронной среде и электронном следе соответственно. Под электронным же следом предлагается понимать цифровой результат социального взаимодействия лица с помощью соответствующих инструментов, а равно форму документации поведения отдельного лица в виртуальном пространстве²³. Это корреспондирует акторно-сете-

вой теории (англ. *actor-network theory*), или социологии перевода (англ. *sociology of translation*)²⁴. В силу дискуссионности автором предлагается использование именно «электронных следов» как наиболее подходящего термина на данный момент, поскольку для того, чтобы получить сведения с рассмотренных выше накопителей информации, необходимо именно электронное устройство.

С учетом множества классификаций следов в отечественной и зарубежной доктрине попробуем обобщить и усовершенствовать имеющийся опыт. Прежде всего, основанием для классификации следов может выступать тип физического носителя информации, который сам по себе является следом-предметом и носителем исследуемых следов: ЭВМ, иные компьютерные или электронные устройства, а также внешние электронные носители.

Что касается первой категории, из видов ЭВМ можно выделить также ряд подвидов, в частности исходя из выполняемых задач: компьютеры конечного пользователя, администратора или оператора сети, для управления технологическим процессом, а также сервер. С точки зрения внешних электронных устройств как следообразующих предметов подразумевается периферийное оборудование: принтер, манипулятор, сканер, модем, факс-модем. К последней группе следует относить накопители на жестких магнитных дисках, ленточный накопитель, оптические диски, гибкие магнитные диски и USB-флеш-накопитель. С точки зрения криминалистически значимой информации интерес представляют как настройки и конфигурации, файлы, компьютерные программы (исходники и объектовые коды), базы данных, электронные журналы, так и метаданные, содержащие информацию о происхождении данных.

По формату компьютерные сведения, имеющие криминалистическую значимость, можно сгруппировать как текстовые данные (электронные документы, текстовые файлы, коды и скрипты), мультимедийные данные (фотографии, видео-, аудиозаписи), исполняемые, системные файлы (системные журналы, реестры), коммуникационные данные, в частности VoIP.

Что касается информации, содержащейся в информационно-телекоммуникационных сетях, это касается в первую очередь сведений, которые сохраняют поставщики услуг. Выделяются электронные сообщения (СМС-сообщения, ММС-

²¹ В зарубежной литературе встречается понятие «потенциальное цифровое доказательство» (англ. *potential digital evidence*), однако оно представляется не совсем удачным с учетом специфики отечественного уголовного процесса. См. подробнее: Metenko J., Metenkova M. Theory of digital traces in criminalistics // *Kriminalistikos teorijos plėtra ir teismo ekspertologijos ateitis: kolektyvinė monografija. Liber Amicorum Profesorui Vidmantui Egidijui Kurapkai*. Vilnius, 2022. P. 190.

²² Авторское определение дано с опорой на зарубежный подход. См. подробнее: Metenko J. et al. *Kriminalistické metody a možnosti kontroly sofistikovanej kriminality*. Bratislava, 2004.

²³ Авторское определение дано с учетом социологического подхода, описанного в зарубежной литературе. См. подробнее: Keusch F., Kreuter F. Digital trace data. Modes of data collection, applications, and errors at a glance // *Handbook of computational social science. Vol. 1. Theory, case studies and ethics* / eds. U. Engel, A. Quan-Haase, S. Xun Liu, L. Lyberg. Routledge, 2022. P. 101; Manovich L. *Trending: the promises and the challenges of big social data* // *Debates in the digital humanities* / ed. M.K. Gold. University of Minnesota Press, 2012. P. 460—475.

Под виртуальным пространством понимается область общественных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в процессе использования технической сети (связи). См. подробнее: Телешина Н.Н. *Виртуальное пространство как объект контрольной деятельности государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Муром, 2011.

При этом его не следует смешивать с понятием «киберпространство», под которым Верховный суд США предлагает понимать «уникальный носитель... не находящийся на определенной территории, но доступный каждому в любой точке мира через Интернет».

²⁴ Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford University Press, 2005.

сообщения, сообщения электронной почты, IMS-сообщения), файлы в облачных сервисах, которые можно извлечь из аккаунтов пользователя, а также сетевые следы: специальные файлы регистрации (log-файлы), трафик, сетевые адреса (IP-адреса, MAC-адрес, IMEI), файлы cookie. Считается, что подобная информация может содержать данные либо о пользователе, либо о сообщении, что дает возможность дать еще одну классификацию²⁵. Тем не менее записи могут быть сгенерированы устройством и с учетом алгоритма, заложенного непосредственно человеком, как справедливо отмечает А.Л. Осипенко²⁶.

По природе данных выделяются активные следы и пассивные, или опосредованные, следы. Под первыми можно понимать, как предлагает О.Ю. Антонов, непосредственно-пользовательские следы по типу документов, фотографий, видео и непосредственно-коммуникационные (в том числе электронные письма). Они чаще представляют собой визуальные данные. Ко второму виду следов относят те, что созданы системой или приложениями без прямого вмешательства пользователя (например, временные файлы, кэш браузера)²⁷. Они же являются зачастую машиночитаемыми, то есть данными в форматах, предназначенных для обработки специализированным ПО (например, базы данных).

В качестве иного основания классификации информации, содержащейся в информационно-телекоммуникационных сетях, можно выделить источник ее получения: данные, которые находятся в открытом доступе (например, в социальных сетях, на веб-сайтах форумов) и доступ к которым ограничен (например, теневой Интернет, данные на ресурсах государственных органов и коммерческих организаций).

Считается, что следы выступают в качестве социально-технической экспертной системы, в которой высококвалифицированные специалисты выполняют физические и умственные зада-

чи с помощью специализированного оборудования и программного обеспечения. Технологии расширяют когнитивные способности и помогают им извлечь, проанализировать и понять компьютерную информацию, собранную во время расследования²⁸. Однако методы извлечения следов могут различаться и не требовать профильного образования: получение возможно с помощью как простого подключения к ЭВМ или иным электронным устройствам и использования предустановленных программ на операционной системе, так и программных или аппаратных способов восстановления данных. Последнее применимо к удаленным файлам или зашифрованным данным. Отсюда вытекает такое основание классификации, как уровень защиты информации. Выделяют открытые данные (доступные без специальных ограничений), защищенные данные, которые требуют аутентификации или иного способа верификации для доступа, а также шифрованные данные, то есть защищенные криптографическими методами, требующие ключа или пароля для дешифровки. При этом найденная или полученная информация может требовать статистического, динамического или специализированного анализа, что может служить ещё одним основанием для классификации.

Информация имеет решающее значение, если она связана с конкретным лицом и позволяет прямо или опосредованно установить его через фиксацию хронологии событий, деятельности преступника и/или потерпевшего. Однако в процессуальных документах следователи скорее должны описывать сущности (англ. *entities*)²⁹, а не лиц, связанных с предполагаемой деятельностью или событиями³⁰. Нагляднее это продемонстрировать на основании теории рамочного анализа Эрвина Гофмана³¹. Внутри рамки оказываются только семиотические объекты знания — сведения, которые имеют криминалистическое значение, на основании упорядочивания и описания отдельных элект-

²⁵ Волеводз А.Г. Международно-правовые основы международного сотрудничества в обнаружении, отслеживании, сохранении и изъятии компьютерной информации // Международное публичное и частное право. 2001. № 4. С. 28—41.

²⁶ Осипенко А.Л. Проблемы вовлечения электронно-цифровых следов в уголовный процесс // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4 (35). С. 32.

²⁷ Антонов О.Ю. Классификация следов преступной деятельности, фиксируемых с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, и ее значение для решения экспертных задач // Вестник криминалистики. 2023. № 1 (85). С. 16—17.

²⁸ Brey P. Theorizing technology and its role in crime and law enforcement // The Routledge handbook of technology, crime and justice / eds. M.R. McGuire, T.J. Holt. Routledge, 2017. P. 17—34.

²⁹ Например, учетные записи пользователей, адреса электронной почты.

³⁰ Sunde N. Unpacking the evidence elasticity of digital traces // Cogent Social Sciences. 2022. Vol. 8, no. 1. doi: 10.1080/23311886.2022.2103946.

³¹ Goffman E. Frame analysis: an essay on the organization of experience. Harvard University Press, 1974.

ронных следов, тем самым выступая «активной, генерирующей смысл осью аппарата производства»³². По этой причине целесообразно говорить о том, что именно преобразованные следы могут лечь в основу доказывания, хотя первоначальным предметом исследования выступают именно электронные следы как результат взаимодействия конкретного лица с соответствующей средой.

Таким образом, нет четкой определенности относительно терминологии, поскольку сегодня это в значительной мере доктринальный спор, который не отражен в законодательной плоскости. Бинарный, компьютерный и компьютерно-цифровой следы являются устаревшими понятиями. В перспективе цифровой след может также перестать быть актуальным как термин. Исходя из судебных пояснений Верховного Суда Российской Федерации, а также необходимости использования электронного устройства для считывания сведений, хранящихся в сети или на накопителе информации, предлагается использовать в качестве наиболее широкого понятия *электронный след*. Под ним следует понимать цифровой результат социального взаимодействия лица с помощью соответствующих инструментов, а равно форму документации поведения отдельного лица в виртуальном пространстве. Учитывая многообразие носителей данных, их физические характеристики, принципы действия (и соответствующие теории в физике), допустимо использование и термина «виртуальный след», так как он может занимать промежуточное положение и выступать в роли криминалистически значимой информации.

В качестве оснований для их классификации, помимо используемого пространства, типа устройства, систем или сетей, могут выступать формат и природа данных, их доступность, характер создания и вносимых изменений, а также источник и необходимость (отсутствие необходимости) наличия специальных навыков и оборудования. Значение исследуемого предмета состоит в описании, установлении или прогнозировании причинных связей между событиями, преступником и потерпевшим, а также сопутствующих обстоятельств, имеющих ценность для уголовного дела, в рамках соответствующей среды.

³² Haraway D. Simians, cyborgs, and women: the reinvention of nature. Routledge, 1991. P. 200.

Список литературы

1. Агибалов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010. 24 с.
2. Антонов О.Ю. Классификация следов преступной деятельности, фиксируемых с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, и ее значение для решения экспертных задач // Вестник криминалистики. 2023. № 1 (85). С. 14—20.
3. Волеводз А.Г. Международно-правовые основы международного сотрудничества в обнаружении, отслеживании, сохранении и изъятии компьютерной информации // Международное публичное и частное право. 2001. № 4. С. 28—41.
4. Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М.: Юрлитинформ, 2002. 496 с.
5. Калитин С.В. Доказательства электронные и цифровые // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 3586—3590.
6. Лыткин Н.Н. Использование компьютерно-технических следов в расследовании преступлений против собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 23 с.
7. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2001. 39 с.
8. Милашев В.А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 21 с.
9. Олиндер Н.В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 3. С. 107—110.
10. Себякин А.Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 181 с.
11. Телешина Н.Н. Виртуальное пространство как объект контрольной деятельности государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Муром, 2011. 26 с.
12. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: монография / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2022. 256 с.
13. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под ред. В.Б. Вехова, С.В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 490 с.

14. Brey P. Theorizing technology and its role in crime and law enforcement // *The Routledge handbook of technology, crime and justice* / eds. M.R. McGuire, T.J. Holt. London: Routledge, 2017. P. 17–34.

15. Goffman E. *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. Cambridge: Harvard University Press, 1974. 586 p.

16. Haraway D. *Simians, cyborgs, and women: the reinvention of nature*. New York: Routledge, 1991. x, 287 p.

17. Keusch F., Kreuter F. Digital trace data. Modes of data collection, applications, and errors at a glance // *Handbook of computational social science*. Vol. 1. Theory, case studies and ethics / eds. U. Engel, A. Quan-Haase, S. Xun Liu, L. Lyberg. London: Routledge, 2022. P. 100–118. doi: 10.4324/9781003024583-8.

18. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p.

19. Manovich L. Trending: the promises and the challenges of big social data // *Debates in the digital humanities* / ed. M.K. Gold. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2012. P. 460–475.

20. Metenko J. et al. *Kriminalistické metódy a možnosti kontroly sofistikovanej kriminality*. Bratislava: Akadémia Policajného zboru, 2004. 354 p.

21. Metenko J., Metenkova M. Theory of digital traces in criminalistics // *Kriminalistikos teorijos plėtra ir teismo ekspertologijos ateitis: kolektyvinė monografija. Liber Amicorum Profesoriui Vidmantui Egidijui Kurapkai*. Vilnius: Lietuvos kriminalistų draugija: Mykolo Romerio universitetas, 2022. P. 186–200.

22. Simonato M. Defence rights and the use of information technology in criminal procedure // *Revue Internationale de Droit Pénal*. 2014. Vol. 85, no. 1. P. 261–310. doi: 10.3917/ridp.851.0261.

23. Sunde N. Unpacking the evidence elasticity of digital traces // *Cogent Social Sciences*. 2022. Vol. 8, no. 1. doi: 10.1080/23311886.2022.2103946.

References

1. Agibalov, V.Ju. (2010) Virtual'nye sledy v kriminalistike i ugovnom processe [Virtual traces in criminalistics and criminal procedure]. Abstract of Ph. D. thesis. Voronezh, 24 p. (in Russ.).

2. Antonov, O.Ju. (2023) Klassifikacija sledov prestupnoj dejatel'nosti, fiksiruemyh s pomoshh'ju informacionno-telekommunikacionnyh

tehnologij, i ee znachenie dlja reshenija jekspertnyh zadach [Classification of traces of criminal activity recorded with the use of information and telecommunication technologies and its significance for solving expert tasks]. *Vestnik kriminalistiki*, no. 1 (85), pp. 14–20 (in Russ.).

3. Volevodz, A.G. (2001) *Mezhdunarodno-pravovye osnovy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v obnaruzhenii, otslezhivanii, sohranении i iz'jatii komp'yuternoj informacii* [International legal bases of international cooperation in detection, tracking, preservation and seizure of computer information]. *International Public and Private Law*, no. 4, pp. 28–41 (in Russ.).

4. Volevodz, A.G. (2002) *Protivodejstvie komp'yuternym prestuplenijam: pravovye osnovy mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [Counteraction to computer crimes: legal bases of international cooperation]. Moscow, Jurlitinform, 496 p. (in Russ.).

5. Kalitin, S.V. (2014) *Dokazatel'stva jelektronnye i cifrovye* [Electronic and digital evidence]. *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal "Koncept"*, vol. 20, pp. 3586–3590 (in Russ.).

6. Lytkin, N.N. (2007) *Ispol'zovanie komp'yuterno-tehnicheskikh sledov v rassledovanii prestuplenij protiv sobstvennosti* [Use of computer-technical traces in the investigation of crimes against property]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 23 p. (in Russ.).

7. Meshherjakov, V.A. (2001) *Osnovy metodiki rassledovaniya prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii* [Fundamentals of the methodology of investigation of crimes in the sphere of computer information]. Abstract of Ph. D. thesis. Voronezh, 39 p. (in Russ.).

8. Milashev, V.A. (2004) *Problemy taktiki poiska, fiksacii i iz'jatija sledov pri nepravomernom dostupe k komp'yuternoj informacii v setjah JeVM* [Problems of tactics of search, fixation and seizure of traces at illegal access to computer information in computer networks]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 21 p. (in Russ.).

9. Olinder, N.V. (2017) *K voprosu o dokazatel'stvah, sodержashhih cifrovuju informaciju* [On the issue of evidence containing digital information]. *Juridicheskij vestnik Samarskogo universiteta*, vol. 3, no. 3, pp. 107–110 (in Russ.).

10. Sebjakin, A.G. (2023) *Taktika ispol'zovaniya znaniy v oblasti komp'yuternoj tehniki* [Tactics of knowledge utilization in the field of computer technology]. Monograph. Moscow, Jurlitinform, 181 p. (in Russ.).

11. Teleshina, N.N. (2011) *Virtual'noe prostranstvo kak ob'ekt kontrol'noj dejatel'nosti*

gosudarstva [Virtual space as an object of control activity of the state]. Abstract of Ph. D. thesis. Murom, 26 p. (in Russ.).

12. Rossinskaja, E.R. (ed.). (2022) *Teorija informacionno-komp'yuternogo obespechenija kriminalisticheskoy dejatel'nosti* [Theory of information and computer support of criminalistic activity]. Monograph. Moscow, Prospekt, 256 p. (in Russ.).

13. Vehov, V.B. & Zuev, S.V. (eds.) (2024) *Cifrovaja kriminalistika* [Digital criminalistics]. Textbook. 2nd ed. Moscow, Urait, 490 p. (in Russ.).

14. Brey, P. (2017) Theorizing technology and its role in crime and law enforcement. In: McGuire, M.R. & Holt, T.J. (eds.) *The Routledge handbook of technology, crime and justice*. London, Routledge, pp. 17–34.

15. Goffman, E. (1974) *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. Cambridge, Harvard University Press, 586 p.

16. Haraway, D. (1991) *Simians, cyborgs, and women: the reinvention of nature*. New York, Routledge, x, 287 p.

17. Keusch, F. & Kreuter, F. (2022) Digital trace data. Modes of data collection, applications, and errors at a glance. In: Engel, U., Quan-Haase, A., Xun Liu, S. & Lyberg, L. (eds.) *Handbook of computational social science. Vol. 1. Theory, case*

studies and ethics. London, Routledge, pp. 100–118. doi: 10.4324/9781003024583-8.

18. Latour, B. (2005) *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford, Oxford University Press, 301 p.

19. Manovich, L. (2012) Trending: the promises and the challenges of big social data. In: Gold, M.K. (ed.) *Debates in the digital humanities*. Minneapolis, University of Minnesota Press, pp. 460–475.

20. Meteňko, J. et al. (2004) *Kriminalistické metódy a možnosti kontroly sofistikovanej kriminality*. Bratislava, Akadémia Policajného zboru, 354 p.

21. Metenko, J. & Metenkova, M. (2022) Theory of digital traces in criminalistics. In: *Kriminalistikos teorijos plėtra ir teismo ekspertologijos ateitis: kolektyvinė monografija. Liber Amicorum Profesoriui Vidmantui Egidijui Kurapkai*. Vilnius, Lietuvos kriminalistų draugija, Mykolo Romerio universitetas, pp. 186–200.

22. Simonato, M. (2014) Defence rights and the use of information technology in criminal procedure. *Revue Internationale de Droit Pénal*, vol. 85, no. 1, pp. 261–310. doi: 10.3917/ridp.851.0261.

23. Sunde, N. (2022) Unpacking the evidence elasticity of digital traces. *Cogent Social Sciences*, vol. 8, no. 1. doi: 10.1080/23311886.2022.2103946.

Информация об авторе

И.С. Поляков — аспирант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, следователь по особо важным делам отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий управления по расследованию отдельных видов преступлений Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, майор юстиции.

Information about the author

I.S. Polyakov – Postgraduate student at the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Special investigator of the Department of Cybercrime and High-Tech Crimes Investigation of the Directorate for Investigation of Certain Types of Crimes of the General Investigation Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation, Major of Justice.

Понятие и правовая природа следственных ходатайств в уголовном судопроизводстве

Станислав Романович Шевцов

Академия управления МВД России, Москва, Россия,

stas19991505@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5145-573X>

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и особенности процессуально-правовой природы следственных ходатайств, их соотношение с ходатайствами других участников уголовного судопроизводства.

Автор констатирует, что, в отличие от предусмотренных гл. 15 УПК РФ «традиционных» ходатайств подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и других невластных участников уголовного судопроизводства, ходатайства которых имеют частноправовой характер ввиду того, что служат средством защиты прав и интересов лица, их заявившего, — следственные ходатайства предполагают публично-правовую природу своего целеполагания, так как выступают способом реализации дискреционных полномочий следователя и являются одним из процессуальных средств реализации следователем функции уголовного преследования, осуществляемой от лица государства.

Одновременно автор обосновывает, что постановление о возбуждении соответствующего следственного ходатайства — это не процессуальное решение в его традиционной процессуальной форме и содержании, так как оно не порождает возникновения, изменения или прекращения правоотношений, а являет собой не что иное, как «решение об инициировании просьбы» перед соответствующим процессуальным субъектом (руководителем следственного органа, прокурором или судом) такого рода просьбу следователя разрешить по существу с позиции своих властных процессуально-распорядительных полномочий, которых у следователя не имеется.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, ходатайство, следователь, следственные ходатайства, постановление следователя.

Научный руководитель: С.Б. Россинский, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Для цитирования: Шевцов С.Р. Понятие и правовая природа следственных ходатайств в уголовном судопроизводстве // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4. С. 177—182. doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.022.

The concept and legal nature of investigative petitions in criminal proceedings

Stanislav R. Shevtsov

Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, stas19991505@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5145-573X>

Abstract. The article examines the essence and features of the procedural and legal nature of investigative petitions, their relationship with the petitions of other participants in criminal proceedings.

The author states that, in contrast to the provided chapter 15 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation “traditional” petitions of a suspect, accused, victim and other non-governmental participants in criminal proceedings, whose petitions are of a private legal nature due to the fact that they serve as a means of protecting the rights and interests of the person who declared them — investigative petitions assume the public-legal nature of their goal-setting, as they act as a way of exercising the discretionary powers of the investigator and are one of the procedural means for the investigator to implement the function of criminal prosecution carried out on behalf of the state.

At the same time, the author substantiates that the decision to initiate an appropriate investigative petition — this is not a procedural decision in its traditional procedural form and content, since it does not give rise to the emergence, modification or termination of legal relations, but is a “decision to initiate a request” to the relevant procedural entity (head of the investigative body, prosecutor or court).

Keywords: criminal proceedings, petition, investigator, investigative petitions, investigator's resolution.

Research supervisor: S.B. Rossinsky, Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the MIA of Russia, Doctor of Law, Professor.

For citation: Shevtsov, S.R. (2024) The concept and legal nature of investigative petitions in criminal proceedings. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 177—182. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.42.4.022.

Назначение уголовного судопроизводства предопределяется возможностью реализации всеми лицами, вовлеченными в его орбиту, всего спектра имеющихся у них правовых средств для отстаивания своих законных интересов или реализации обусловленных их статусом процессуальных функций.

Независимо от выполняемой роли, одним из важнейших элементов правового статуса практически любого субъекта уголовно-процессуальных правоотношений является возможность заявления тех или иных ходатайств, предопределённых активными диспозитивными или дискреционными позициями официальных обращений инициаторов, адресованных другим субъектам, уполномоченным на выполнение желаемых процессуальных действий или принятие желаемых процессуальных решений, то есть способным обеспечить реализацию определенных публичных или частных интересов и в той или иной части изменить общий вектор предварительного расследования или судебного разбирательства.

В этой связи, рассматривая ходатайства как системообразующий элемент правового статуса участников уголовного судопроизводства, мы солидаризируемся с О.А. Максимовым в его обоснованном утверждении, что ходатайства выступают «одним из основных средств, которыми стороны могут приводить в движение механизмы состязательного уголовного судопроизводства»¹.

Одновременно А.А. Ендольцева, но уже применительно к судебным стадиям уголовного судопроизводства, также обоснованно упоминает процессуальную значимость ходатайств как «одной из самых распространенных форм обращения в суд при производстве по уголовному делу, позволяющей участникам уголовного судопроизводства реализовывать свои процессуальные права»².

При этом некоторые из предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ) используемых в практической деятельности ходатайств предполагают достаточно специфический характер. В первую очередь это так называемые следственные ходатайства.

Будучи в своей сути разновидностью процессуальных ходатайств как самостоятельного института и элементом процессуально-правового статуса абсолютного большинства участников уголовного судопроизводства, следственные ходатайства фактически занимают отдельную нишу в системе процессуальных ходатайств и имеют особенности как процессуально-правовой регламентации, так и практической реализации механизмов своего заявления, рассмотрения и разрешения.

В отличие от предусмотренных гл. 15 УПК РФ «традиционных» ходатайств подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и других невластных участников уголовного судопроизводства, следственные ходатайства имеют публично-правовую природу, являются способами реализации дискреционных полномочий следователя и, как правило, подлежат вынесению в форме соответствующих постановлений.

При этом, проводя сопоставительный анализ «следственных ходатайств» с ходатайствами других участников уголовного судопроизводства, не наделённых властными полномочиями, можно констатировать, что в некоторой степени по характеру своей правовой природы они имеют определенную схожесть, как бы это ни казалось парадоксальным и нелогичным, с ходатайствами адвоката-защитника (представителя).

Объясняется это тем обстоятельством, что, в отличие от ходатайств того же подозреваемого, обвиняемого, их законного представителя, потерпевшего, которые имеют исключительно диспозитивный частноправовой характер, ходатайства адвоката-защитника (представителя) характеризуются дуалистичностью своей правовой природы: с одной стороны, они являются проявлением усмотрительной инициативы адвоката и основываются на частноправовом интересе защищаемого (представляемого) им лица, с другой стороны, гарантированное ст. 48 Конституции РФ право каждого на получение квалифицированной юридической помощи — это институциональная правовая гарантия, реализацию которой государство обязано обеспечить, и вовлекаемый в таком случае в уголовное судопроизводство адвокат-защитник (представитель) выступает субъектом не только защиты и отстаивания частноправового интереса, но и реализует публично-правовую функцию государства по обеспечению указанного лица квалифицированной юридической помощью.

Поскольку вся процессуальная деятельность адвоката в уголовном судопроизводстве ввиду вышеуказанной аргументации не лишена пуб-

¹ Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2022. С. 39.

² Ендольцева А.А. Ходатайство об избрании меры процессуального принуждения или производстве следственного и иного процессуального действия: об унификации процессуальной формы // Юрист-Правоведь. 2023. № 1 (104). С. 150.

лично-правовых начал, постольку и заявляемые им ходатайства, равно как и ходатайства следователя, также имеют публично-правовой характер. Но если для ходатайства следователя публично-правовой характер — это его содержание, то для ходатайства адвоката-защитника (представителя) — это правовая предпосылка для такого рода ходатайства.

При этом, анализируя процессуально-правовую категорию «следственное ходатайство», следует отметить, что УПК РФ не содержит не только ее дефиниции, но и нормативно закрепленного понятия «ходатайство» в принципе, что нельзя признать обоснованным и справедливым, так как это не позволяет сформировать унифицированный подход правоприменителя к пониманию его процессуальной формы и содержания.

Одновременно в юридической литературе, в том числе и в фундаментальных научных трудах по данной проблематике, предложено множество научно обоснованных и аргументированных определений понятия «ходатайство».

При этом, резюмируя суть и содержание различных авторских предложений относительно уголовно-процессуального термина «ходатайство», можно констатировать, что ученые-процессуалисты, занимающиеся указанной проблематикой, едины во мнении, что «ходатайство — письменная или устная просьба о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений уполномоченными на то субъектами для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, либо представляемых им лица или организации»³.

В то же время некоторые авторы полагают, что предмет заявления ходатайств шире, чем только просьба о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений, и включают в его содержание в том числе и воздержание от такого рода производства процессуальных действий или принятия процессуальных решений⁴.

³ О.А. Максимов придерживается позиции, что «ходатайства и жалобы — не просьбы, а требования, основанные на имеющихся в рамках процессуального статуса правах на совершение в рамках уголовного дела действий (бездействия) и решений». См.: Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2022. С. 18.

⁴ Зебницкая А.К. Ограничения при определении понятия «ходатайство» в современном уголовном судопроизводстве // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 490.

Полагаем, для такого научного подхода относительно предмета заявления ходатайств нет никаких оснований, поскольку нормативная конструкция правовых положений ч. 1 ст. 119 УПК РФ законодательно ограничивает возможность заявления ходатайств просьбой о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений и не дает каких-либо оснований для своего расширительного толкования.

При этом, говоря о процессуальных особенностях следственных ходатайств, констатируем, что их специфика прежде всего предопределяется субъектом их заявления или заявителем.

Так, по мнению М.С. Белоковылского, заявитель ходатайства — «либо заинтересованное лицо, не обладающее властными полномочиями в процессе, следовательно, в принципе не наделенное полномочиями самостоятельно принимать уголовно-процессуальные решения, либо участник процесса, являющийся должностным лицом государственного органа, но не наделенный процессуальными полномочиями самостоятельного принятия необходимого решения на определенных (судебных) стадиях уголовного судопроизводства»⁵.

Соглашаясь в сути с предложенным автором пониманием «заявителя ходатайства», тем не менее не можем согласиться с его позицией относительно акцента на возможности заявления соответствующих ходатайств должностными лицами государственного органа на определенных (судебных) стадиях уголовного судопроизводства, — поскольку все следственные ходатайства применительно к стадиям уголовного процесса в своих временных рамках заявляются либо на стадии возбуждения уголовного дела, либо на стадии предварительного расследования, т. е. в рамках досудебного производства.

Что касается предмета следственных ходатайств, то на основе системного анализа положений УПК РФ, представлявших указанный институт, констатируем, что они могут быть заявлены соответствующим должностным лицом органа предварительного расследования относительно тех процессуальных действий и решений, принятие или совершение которых не входит в его процессуальную компетенцию и требует предварительной легализации (согласо-

⁵ Белоковылский М.С. Ходатайства в уголовном судопроизводстве: проблемы правоприменения и совершенствования правового регулирования // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2013. № 2. С. 121.

вания) со стороны руководителя следственного органа, прокурора или суда.

Так, к следственным ходатайствам, субъектом рассмотрения и разрешения которых выступает руководитель следственного органа, следует отнести ходатайства о продлении срока проверки, рассмотрения и разрешения заявлений (сообщений) о преступлении, находящихся на разрешении следователя, в порядке ст. 144 УПК РФ, а также ходатайства о продлении срока предварительного следствия в порядке ст. 162 УПК РФ.

К следственным ходатайствам, рассмотрение и разрешение которых относится к исключительной компетенции суда, относятся ходатайства о производстве всех следственных и процессуальных действий, а также мерах процессуального принуждения, которые в соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ могут производиться (применяться) только на основании решения суда, а также ходатайство следователя на основании ч. 3 ст. 217 УПК РФ об установлении судом определенного срока для ознакомления с материалами дела обвиняемому и его защитнику.

К следственному ходатайству, рассматриваемому и разрешаемому прокурором, следует отнести постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве в порядке ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ.

Одновременно, с учетом властно-распорядительных полномочий следователя как субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, имеется и своя специфика процессуальной формы документа, в котором отражается соответствующее следственное ходатайство. В отличие от ходатайств других, не наделенных властными процессуальными полномочиями субъектов уголовного судопроизводства, которые находят свое отражение в процессуальном документе с однозначным названием, — ходатайства следователя должны быть облечены в его соответствующее постановление о возбуждении ходатайства (в соответствии с предметом его заявления).

Мы разделяем позицию Ю.А. Дагужа о том, что «постановление следователя о возбуждении ходатайства перед судом о производстве следственного действия — это сочетание содержательно несопоставимых категорий прошения и решения, в котором ходатайство, по сути, оформлено в виде постановления (решения)»⁶.

⁶ Дагуж Ю.А. Постановление или ходатайство: правовая природа постановления о возбуждении ходатайства перед судом о проведении следственного действия // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5 (147). С. 89.

При этом вполне очевидно, что вышеуказанный авторский тезис актуализируется не только по отношению к постановлению следователя о возбуждении ходатайства перед судом о производстве того или иного следственного действия, которое в соответствии с положениями ч. 2 ст. 29 УПК РФ по общему правилу требует предварительной судебной легализации для своего производства, но и применим ко всем следственным ходатайствам о тех или иных мерах процессуального принуждения, о совершении других процессуальных действий, применение или реализация которых не находится в компетенции следователя, а является исключительной прерогативой уполномоченных на то должностных лиц, в частности суда, прокурора, руководителя следственного органа.

Так, при необходимости продления срока предварительного следствия (в порядке ст. 162 УПК РФ), либо производства следственных действий, или применения мер процессуального принуждения (иных процессуальных действий), которые в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 29 УПК РФ могут производиться (применяться) только на основании решения суда (в формате предварительной судебной легализации), — следователь выносит соответствующее постановление о возбуждении ходатайства перед руководителем следственного органа (судом).

При этом в контексте п. 25 ст. 5 УПК РФ применительно к такому процессуальному субъекту, как следователь, постановление — это решение следователя, вынесенное в ходе досудебного производства, за исключением обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления. Таким образом, существенным признаком постановления выступает решение как таковое. Одновременно в толковом словаре решение определяется как заключение, вывод, ответ к задаче⁷. При этом смысловая нагрузка, которую законодатель закладывает в содержание процессуального документа, коим является постановление следователя о возбуждении соответствующего ходатайства следователя перед руководителем следственного органа о продлении срока предварительного следствия или заявленное перед судом о производстве следственных действий (применении мер процессуального принуждения, иных процессуальных действий), не отвечает буквальному толкованию термина «решение», так как приме-

⁷ Решение [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27094> (дата обращения: 02.04.2024).

нительно к уголовному судопроизводству значение данного термина конкретизируется такими признаками, как обязательность, наличие властного характера таких распоряжений, а также тем фактом, что оно влечет за собой возникновение, изменение или прекращение правоотношений между конкретными участниками уголовного судопроизводства.

Таким образом, при трактовке с позиции буквального толкования следственное постановление должно отвечать критерию властности содержащегося в нем распорядительного предписания о совершении каких-либо действий, за несоблюдение которых наступают негативные правовые последствия в виде конкретных мер правовой ответственности.

Однако вышеуказанные выявленные признаки постановления в постановлении следователя актуализируются не в полной мере: так, в числе признаков следственного постановления о возбуждении соответствующего ходатайства отсутствуют направленность на разрешение конкретного юридического вопроса и такие последствия, как возникновение юридического факта, влекущего за собой возникновение, изменение или прекращение правоотношений. То есть заявляя соответствующее ходатайство перед руководителем следственного органа, судом либо прокурором, следователь лишь предполагает и желает наступления соответствующих правовых последствий, и его действительный процессуальный интерес состоит в том, чтобы заявленное им ходатайство было удовлетворено.

При этом вопрос разрешения следственного ходатайства и наступление таких последствий, как возникновение юридического факта, влекущего за собой возникновение, изменение или прекращение правоотношений, — это процессуальная прерогатива субъектов рассмотрения и разрешения следственного ходатайства (руководителя следственного органа, прокурора и суда).

Другими словами, можно объективно констатировать, что следственные постановления о возбуждении перед руководителем следственного органа (прокурором, судом) ходатайства — это не процессуальное решение в его традиционной процессуальной форме и содержании, порождающее возникновение, изменение или прекращение правоотношений, а не что иное, как «решение об инициировании просьбы» перед соответствующим процессуальным субъектом (руководителем следственного органа, прокурором или судом) такого рода просьбу следователя разрешить по существу с позиции своих

властных процессуально-распорядительных полномочий, которых у следователя не имеется.

С учетом изложенного, а также с учетом специфики субъектного состава и предмета следственных ходатайств полагаем, что следственные ходатайства следует рассматривать как процессуальные обращения следователей либо руководителей следственных органов, адресованные превалирующим по процессуальным полномочиям субъектам (руководителям следственных, в том числе вышестоящих, органов, прокурорам и судам) в целях согласования либо санкционирования действий или решений, находящихся в ведении указанных субъектов.

Список литературы

1. Белоковылский М.С. Ходатайства в уголовном судопроизводстве: проблемы правоприменения и совершенствования правового регулирования // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2013. № 2. С. 119—124.
2. Дагуж Ю.А. Постановление или ходатайство: правовая природа постановления о возбуждении ходатайства перед судом о проведении следственного действия // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5 (147). С. 86—89. doi: 10.24158/tipor.2020.5.16.
3. Ендольцева А.А. Ходатайство об избрании меры процессуального принуждения или производстве следственного и иного процессуального действия: об унификации процессуальной формы // Юрист-Правоведъ. 2023. № 1 (104). С. 149—154.
4. Зебницкая А.К. Ограничения при определении понятия «ходатайство» в современном уголовном судопроизводстве // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 487—490.
5. Лесников А.С. Принцип законности в уголовном судопроизводстве // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85-8. С. 79—81. doi: 10.18411/trnio-05-2022-359.
6. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2022. 61 с.
7. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2022. 595 с.
8. Серб Н.Л. Требования, предъявляемые к актам органов предварительного расследования // Закон и право. 2011. № 11. С. 59—61.
9. Смирнова К.Н. Основные понятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Феде-

рации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 30 с.

10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 470 с.

References

1. Belokovyl'skiy, M.S. (2013) Khodataystva v ugolovnom sudoproizvodstve: problemy pravoprimereniya i sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya [Motions in criminal cases: problems of using and the areas of optimization of law regulation]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo*, no. 2, pp. 119–124. (In Russ.).

2. Daguf, Yu.A. (2020) Postanovlenie ili khodataystvo: pravovaya priroda postanovleniya o возбуждении khodataystva перед судом о проведении следственного действия [Decision or petition: legal nature of the decision to initiate an application to the court for conducting an investigative action]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 5 (147), pp. 86–89. (In Russ.). doi: 10.24158/tipor.2020.5.16.

3. Endoltseva, A.A. (2023) Khodataystvo ob izbranii mery protsessual'nogo prinuzhdeniya ili proizvodstve следственного и иного protsessual'nogo действия: об унификации protsessual'noy formy [Request for a measure of procedural coercion or an investigative or other procedural action: on the unification of the procedural form]. *Yurist-Pravoved*, no. 1 (104), pp. 149–154. (In Russ.).

4. Zebnitskaya, A.K. (2018) Ogranicheniya pri opredelenii ponyatiya "khodataystvo" v sovremenном ugolovnom sudoproizvodstve [Limitations in defining the concept of petition in modern criminal

proceedings]. *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 12, pp. 487–490. (In Russ.).

5. Lesnikov, A.S. (2022) Printsip zakonnosti v ugolovnom sudoproizvodstve [The principle of legality in criminal proceedings]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 85-8, pp. 79–81. (In Russ.). doi: 10.18411/trnio-05-2022-359.

6. Maksimov, O.A. (2022) Khodataystva i zhaloby kak forma vyrazheniya naznacheniya ugolovного sudoproizvodstva [Petitions and complaints as a form of expression of the purpose of criminal proceedings]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Ulyanovsk, 61 p. (In Russ.).

7. Maksimov, O.A. (2022) Khodataystva i zhaloby kak forma vyrazheniya naznacheniya ugolovного sudoproizvodstva [Petitions and complaints as a form of expression of the purpose of criminal proceedings]. Doctor's degree dissertation. Ulyanovsk, 595 p. (In Russ.).

8. Serb, N.L. (2011) Trebovaniya, pred'yavlyаемые к aktam organov predvaritel'nogo rassledovaniya [Requirements for acts of preliminary investigation bodies]. *Law & Legislation*, no. 11, pp. 59–61. (In Russ.).

9. Smirnova, K.N. (2013) Osnovnye ponyatiya Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [The basic concepts of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Abstract of Ph. D. thesis. Chelyabinsk, 30 p. (In Russ.).

10. Strogovich, M.S. (1968) Kurs sovetskogo ugolovного protsessa [The course of the Soviet criminal process]. Vol. 1. Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovного protsessa [The main provisions of the science of the Soviet criminal process]. Moscow, Nauka, 470 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С.Р. Шевцов — адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, лейтенант полиции.

Information about the author

S.R. Shevtsov — Postgraduate student at the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the MIA of Russia, Police Lieutenant.